

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

А.Я. Аврех

**ЦАРИЗМ
И
IV ДУМА
1912-1914 гг.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1981

В монографии рассматриваются взаимоотношения IV Государственной думы и царизма в предвоенные годы, в обстановке глубокого политического кризиса, подведшего страну к порогу новой революции. Каждый из партнеров по контрреволюции предлагал свои рецепты спасения от нового 1905 года и все они оказывались непригодными. И буржуазия и царизм показали свою полную неспособность решить объективные исторические задачи, стоявшие перед страной, «революцией сверху».

Основываясь на большом количестве источников, автор подвергает всестороннему анализу деятельность партий думского большинства — правых, октябристов, кадетов, а также Совета объединенного дворянства, правительственных «верхов», камарильи, и доказывает несостоятельность тезиса западнобуржуазной историографии о имевшейся якобы в изучаемый период альтернативе Октябрьской революции в лице российского либерализма.

Книга рассчитана на научных работников, аспирантов, преподавателей вузов, студентов.

Ответственный редактор
доктор исторических наук

К. Ф. ШАЦИЛЛО

10604—152

А—————1—80. 0505020000 © Издательство «Наука», 1981 г.

042(02)—81

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография продолжает предшествующие работы автора, посвященные изучению деятельности III Думы¹.

Один из главных итогов революции 1905—1907 гг. состоял в том, что стало невозможным дальнейшее существование царизма в его прежнем, «чистом» виде, без Думы. Пролетариат, — писал В. И. Ленин, «смел с своей дороги поддельную булыгинскую Думу, вырвал у царя манифест о конституции и раз навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений»². Эта невозможность была обусловлена резким ослаблением царизма в результате тех тяжелых ударов, которые ему были нанесены.

Дискредитированное самодержавие не могло уже противостоять народу прямо, без конституционного прикрытия и без новых союзников.

Другим важным итогом революции было то, что три лагеря, впервые открыто выступивших на политической сцене в 1905—1907 гг., — царизм вкупе с поместным дворянством, буржуазия, пролетариат в союзе с крестьянством — окончательно самоопределились и размежевались. Три лагеря были реальностью и раньше, но революция гигантски ускорила процесс осознания классами своих коренных интересов и партийно-политической организации, определила на долгие годы вперед их программные и тактические принципы. Однако генеральное размежевание четырех основных классов русского общества прошло по линии революция — контрреволюция. Либерально-монархическая буржуазия стала союзником царизма еще в ходе революции. В лице своих партий и организаций, включая и партию кадетов, которая от сочувствия революции на первых порах повернула вправо, она целиком и навсегда связала свою судьбу с царизмом и помещичье-буржуазной контрреволюцией.

Союзу рабочего класса и крестьянства противостоял союз царизма, помещиков и буржуазии. Разница состояла в том, что первый союз представлял собой единый революционно-демократический лагерь, в то время как второй был объединением, союзом двух лагерей, двух классов, в принципе противоположных по своему происхождению и конечным интересам. Главной объективной основой возможности и неизбежности второго союза была контрреволюционность русской буржуазии, ее страх перед революцией, выраженный В. И. Лениным в формуле: «буржуазия боится ре-

волюции больше, чем реакции», которую он в разных вариантах повторял много раз.

Этот контрреволюционный синдром русской буржуазии был обусловлен двумя основными причинами.

Первая была связана с экономической и политической слабостью буржуазии, коренившейся в условиях ее исторического развития (запоздалость появления на свет и отсюда огромная экономическая и политическая зависимость от царизма, от его казенных заказов, покровительственной политики, завоевания им колониальных рынков, полицейского аппарата, жестоко подавлявшего забастовочное движение, и т. д.), а также во множестве взаимных связей и интересов с помещичьим землевладением и царской бюрократией.

Вторая — и главная — причина состояла в том, что российский пролетариат намного опередил и превзошел свой класс-антипод в классовой консолидации и партийно-политической организации, завоевал роль гегемона в освободительном движении и не оставил буржуазии практически никаких шансов на лидерство в нем. Революция 1905—1907 гг. неопровержимо доказала, что у либерально-буржуазных партий, в какие бы демократические одежды они ни рядились, нет будущего в смысле руководства народными массами. Именно этот фундаментальный факт определил раз и навсегда контрреволюционную позицию российского либерализма, включая и его левый, кадетский фланг. Указанные контрреволюционность и слабость буржуазии определили характер и условия ее союза с царизмом. Форма этого союза могла быть только одной — представительные учреждения в национальном масштабе, поскольку форма определялась, как и в других странах, ходом капиталистического развития. «Переход к представительным учреждениям национального масштаба, — указывал В. И. Ленин, — стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д.»³. Но тип и характер этих учреждений целиком зависели от соотношения сил. И поскольку хозяином положения был царизм, он и создал Думу с максимальным учетом как своих интересов, так и интересов своего класса — помещного дворянства. Следует, однако, отметить, что он не сразу нащупал и определил нужную ему форму российского «парламента». За полным отсутствием «конституционного» опыта он шел к своей цели методом проб и ошибок. Вначале он пытался ограничиться законосовещательной Думой, затем проделал разочаровывающий опыт с первыми двумя Думами, основанный на избирательном законе 11 декабря 1905 г. И лишь в третьеиюньской Думе царизм нашел, как ему казалось, устраивающий его вариант союза с буржуазией. «III Дума, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — есть политически оформленный, общенациональный союз политических организаций помещиков и крупной буржуазии. Царизм делает попытку решить объективно-необходимые исторические задачи при помощи организаций этих двух классов»⁴.

Этими объективными задачами в первую очередь были аграр-

ный вопрос: и модернизация архаичной государственной системы, которую необходимо было хоть в какой-то мере приспособить к новым условиям хозяйственной и политической жизни страны. В аграрной политике был избран путь столыпинского переустройства в деревне. При помощи Думы царизм намеревался осуществить пакет таких либеральных «реформ», которые полностью сохраняли бы его собственное всевластие и привилегии помещиков. Тесная связь этих двух основных направлений внутренней политики самодержавия доказывается их бонапартистским характером. В обоих случаях царизм избрал своим орудием бонапартизм. Аграрный бонапартизм П. А. Столыпина был направлен на раскол крестьянства. Думский бонапартизм строился на использовании противоречий между помещиками и буржуазией в Думе и вне Думы, на лавировании между ними.

Бонапартистская политика в Думе обеспечивалась третьейиюньским избирательным законом. Черты бонапартизма, писал В. И. Ленин, «совершенно наглядно обнаруживаются и на современном избирательном законе...»⁵. Главная его особенность состояла в том, что он не допускал возможности создания в Думе одного большинства — правого или либерального. Третьеиюньская Дума имела два большинства, и это было обязательным и исходным условием ее существования. «...Третьеиюньская система, — подчеркивал В. И. Ленин, — сознательно создала два думских большинства: правооктябристское и октябристско-кадетское. Оба стоят на реакционной почве, оба *нужны* правительству, как нужна помещику поддержка буржуазии»⁶. Оба большинства создавал октябристский «центр». Способность октябристов к политике и тактике качающегося маятника была обусловлена тем, что как по своему социальному составу, так и по политическим взглядам «Союз 17 октября» представлял собой партию, в рамках которой сосуществовали и помещики и буржуа. Октябристская партия, указывал В. И. Ленин, была одновременно и правой и либеральной⁷. Именно поэтому она была способна голосовать и с правыми и с либералами. Особенность процесса образования партий господствующих классов в начале XX в. состояла в том, что двум классам — помещикам и капиталистам — «противостоят не две, а три группы политических партий: кадеты, октябристы и черносотенцы»⁸.

Со стороны кадетов функционирование второго большинства было обеспечено полностью. Напуганные своим провалом в первых двух Думах, они круто повернули вправо и в октябре 1907 г. на своем пятом съезде заявили, что идут в III Думу не для агитации, а для участия в «органическом законодательстве», т. е. на союз с октябристами, поскольку никакое законодательство без октябристов было невозможно.

Система была построена таким образом, что в самой Думе хозяевами положения были правые, а над Думой в целом доминировал царизм. «Избирательный закон 3 июня 1907 года, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — „строил“ государственную систему

управления — да и не одного только управления — на блоке крепостников-помещиков с верхушками буржуазии, причем первый социальный элемент сохранял в этом блоке гигантский перевес, а над *обоими* элементами стояла фактически неурезанная старая власть»⁹. К этому следует добавить ничтожность бюджетных и иных прав самой Думы, равноправность второй, верхней палаты — Государственного совета — крайне реакционного института, половина членов которого назначалась царем из числа высших сановников, а вторая избиралась дворянством, земством, торгово-промышленными организациями, духовенством и университетами, т. е. узкими корпорациями, совершенно не отражавшими интересов страны.

Казалось, все было предусмотрено и все способствовало тому, чтобы обеспечить успех задуманному курсу решения задач революции «конституционным», бисмарковским путем. Была создана тройная система перестраховки. Революционные силы были разбиты, и в стране воцарилась жесточайшая реакция. Буржуазия изъявила максимальную готовность к сотрудничеству с царизмом на продиктованных им условиях. Оба лагеря — помещики и буржуазия, — объединенные в контрреволюционный блок, были преисполнены оптимизма, пустившись в совместный «конституционный» путь, когда 15 ноября 1907 г. начала свою работу III Дума. Однако результатом пятилетних усилий был... полный провал.

Все расчеты и надежды царизма и буржуазии на созданный союз не оправдались: царизм не стал буржуазным, задуманные буржуазные реформы осуществлены не были. «Возможность союза правительства с помещиками и с буржуазией создана, — писал по этому поводу В. И. Ленин в мае 1913 г. — Дума для *такого* союза *все* делает, что может. А все-таки ничего, даже отдаленно похожего на конституцию, не получается. Остается старый государственный строй»¹⁰.

Из фактора обновления и укрепления режима, как это было задумано, Дума превратилась в фактор его дальнейшего ослабления. «Самодержавие отсрочило свою гибель, успев организовать такую Думу, но оно не укрепляется этим, а *разлагается* от этого», — писал В. И. Ленин¹¹. Поиску причин, обусловивших подобный итог, и были посвящены перечисленные выше работы автора. Общий ответ сводился к тому, что и в период реакции народ сохранял революционное настроение, продолжая верить в революцию. В таких условиях, при таком настроении масс реформы в силу двойной своей природы — способности предотвращать революцию и способности стимулировать ее — неизбежно должны были привести ко второму результату. Поскольку хозяином положения был царизм, «реформы» даны не были. Но поскольку отсутствие их, топтание на месте неизбежно вели к новому революционному кризису, III Дума стала ареной столкновений и обострения противоречий всех элементов третьеиюньской системы, особенно усилившихся к концу ее существования, когда для либералов и всей страны стало очевидным, что «реформ» не будет.

В результате оптимизм сменился пессимизмом, разочарование и раздражение стали всеобщими, характеризуя как правую, так и либеральную части Думы, помещичье-буржуазную «общественность» в целом. Это настроение продолжало господствовать и во время избирательной кампании в IV Думу, осталось определяющим и в самой IV Думе. В этом состояло коренное отличие между III Думой и ее преемницей.

В рассматриваемый период обстановка резко изменилась: политическая жизнь страны шла уже целиком под знаком нового революционного подъема, вызревания глубокого политического кризиса, чреватого новой революцией. Именно эта обстановка была взята В. И. Лениным в качестве примера в его характеристике революционной ситуации или общенационального кризиса. «Недовольны (IV Думой.— А. А.),— писал он,— не только либералы, не только „ответственная“ (перед помещиками) оппозиция. Недовольны и октябристы. Недовольны правые.

Несомненно, это недовольство черной Думой со стороны реакционных помещиков и реакционной буржуазии чрезвычайно характерно и знаменательно. Эти классы сделали *все* возможное, чтобы обеспечить так называемое „мирное“, „конституционное“ развитие.

Все сделали — и должны были убедиться, что *ничего* не вышло! Отсюда всеобщее недовольство в стане самих помещиков и самой буржуазии. Нет свойственного эпохе третьей Думы упоения и восхищения третьейюньской системой ни у правых, ни у октябристов.

Наши, так называемые „высшие“ классы, общественно-политические „верхи“ *не могут* управлять Россией по-прежнему, несмотря на то, что все основы устройства и управления России всецело *ими* определены и в *их* интересах налажены. А „низы“ полны желанием изменить это управление.

Совпадение этой невозможности для „верхов“ вести государственные дела по-старому и этого обостренного нежелания „низов“ мириться с таким ведением как раз и составляет то, что называется (немного, положим, неточно) политическим кризисом в общенациональном масштабе.

Нарастание на наших глазах этого кризиса — факт и факт едва ли не бесспорный»¹².

Важно подчеркнуть, что развитие и углубление революционного кризиса в стране В. И. Ленин неразрывно связывал с банкротством именно третьейюньской системы. Эта мысль красной нитью проходит через все его оценки политического положения страны в изучаемый период. «Все эти факты в связи с общим полевением страны, которое сказалось на выборах в IV Думу...— писал он в феврале 1913 г.,— окончательно показали, что Россия снова вступила в полосу открытой революционной борьбы масс. Новая революция, начало которой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства третьейюньской политики царизма»¹³. Два месяца спустя В. И. Ленин выразил ту же мысль несколько иначе. «Теперь,— подчеркивал он,— эта контрреволюционная система *исчерпала себя*, исчерпала свои социальные силы. Обстоя-

тельства сложились так, что никакая реформа в современной России невозможна... *Реформистских возможностей в современной России нет*».¹⁴

Таким образом, отличие новой ситуации от предшествующей с точки зрения помещичье-буржуазной контрреволюции состояло в том, что главной проблемой стал не вопрос о том, быть или не быть реформам (ответ на него уже был дан), а поиск выхода из тупика, проблема заколдованного круга. Для царизма и либералов она конкретизировалась по-разному. Для первого главным стал вопрос о том, что делать с Думой, поскольку ее дальнейшее существование будет иметь для него все возрастающее отрицательное значение. Для вторых сердцевинной проблемы оказался поиск новых путей воздействия на царизм, поскольку тактика союза и поддержки потерпела полный крах. Следовательно, место изучаемого периода в истории третьеиюньской системы состоит в том, что это было для партнеров по контрреволюции временем принципиальных решений. Эти решения они найти не смогли.

Ответу на вопрос, в чем причина такого отрицательного результата, и посвящено настоящее исследование. Иначе говоря, изучаемая проблема — это проблема потенциальных возможностей господствующих классов России, которые особенно полно раскрываются именно в критических ситуациях, в период общенациональных кризисов.

Известно, что на Западе до сих пор, при всех вариантах и оттенках, преобладает точка зрения, унаследованная в своей основе от русской белоэмигрантской литературы, о случайности, исторической «неправомерности» социалистической революции в России. Одним из главных доказательств служит как раз ссылка на «конституционные успехи» страны в 1907—1914 гг., экономическую и политическую «модернизацию» по западноевропейскому образцу. Концепция, отрицающая обусловленность Октябрьской революции, базируется именно на тезисе, утверждающем, что господствующие классы России, в первую очередь либеральная буржуазия, были способны идти в ногу со временем и, если бы не война и не ошибки отдельных лиц, с успехом завершили бы указанный процесс «модернизации» и лишили бы тем самым всякой почвы революцию и революционеров, доказали бы их ненужность.

Советская историография по этому вопросу придерживается, как известно, диаметрально противоположной точки зрения. Для подтверждения и утверждения марксистской концепции в борьбе с буржуазной историографией необходимо обратиться к фактам, ко всей совокупности фактов. Именно эта посылка определяет характер настоящей работы. Автор стремился учесть всю их совокупность, обратив особое внимание на то, чтобы не упустить ни одного факта или документа, которые, по мнению сторонников взгляда об исторической правомочности «верхних» классов, могут свидетельствовать в пользу их исторических подзащитных.

Из всего сказанного следует, что в настоящей монографии, как и в предшествующих работах автора, исследуется политика и

тактика *двух лагерей* — царизма вкупе с помещиками и буржуазией — в рамках третьейинюньской системы¹⁵ Этим определяются как замысел работы, так и ее структура. В первых двух главах рассматривается деятельность и взаимоотношения партнеров по третьейинюньскому блоку в самой Думе. Деятельности фракций социал-демократов и трудовиков, представлявших третий, революционно-демократический лагерь, также уделяется большое внимание, но, разумеется, в контексте раскрытия основной темы.

В III и IV главах исследуются сами партии и организации либералов и правых, а также «верхи» — правительство и камарилья. Цель такого анализа — вскрыть глубинные, коренные причины политического бессилия и несостоятельности как либерального, так и правительственного лагеря, их неспособности вести страну вперед, идти в ногу с потребностями времени.

*

Литература, посвященная изучению IV Думы, как отечественная, так и зарубежная, достаточно велика. Однако в подавляющем большинстве работ исследуется деятельность Думы только в военные годы. Первая же половина ее жизни либо вообще обходится молчанием, либо о ней говорится вскользь. Объяснение такому подходу найти легко. Именно в годы войны достигли критической массы все те факторы, которые привели к изменениям всей ситуации в стране, в конечном счете к событиям, резко изменившим ход истории не только в России, но и во всем мире. Война явилась гигантским ускорителем Февральской и Октябрьской революций, а деятельность IV Думы в 1914—1917 гг., ее взаимоотношения с царизмом явились одним из существенных компонентов вызревания революционного кризиса в стране. В связи с этим выявление подлинной роли и действительного значения Думы в развернувшихся грандиозных событиях приобретает принципиально важное значение как для советской, так и для западной буржуазной историографии, оценивающих эту роль с прямо противоположных позиций. Естественно, что при таком подходе довоенный период деятельности IV Думы выглядит гораздо менее значительным и интересным.

Эта тенденция сохраняется и поныне. В 1975 г. А. Г. Слонимский опубликовал монографию, главным объектом исследования которой является деятельность думского «Прогрессивного блока», притом даже не с момента его зарождения, а начиная лишь с 1916 г.¹⁶ В 1976 г. вышла книга Е. Д. Черменского, уже сам заголовок которой говорит о том, что преимущественное внимание в ней уделяется анализу деятельности IV Думы в годы войны¹⁷ Довоенный период ее деятельности рассматривается лишь в первой главе наряду с рядом сюжетов, относящихся к истории III Думы.

Год спустя была опубликована книга В. И. Старцева с оригинальным замыслом — оценить и сравнить две самостоятельные, разделенные десятилетием попытки либеральной буржуазии в пе-

риод I и IV Дум, в 1905—1906 и в 1915—1917 гг., добиться от царизма дележа власти путем создания в первом случае кадетского министерства, а во втором — так называемого «министерства общественного доверия»¹⁸.

Ближайшим предшественником указанных авторов надо считать В. С. Дякина¹⁹, а начало изучения проблемы падает на 20-е годы XX в.²⁰

Поскольку все перечисленные работы не затрагивают исследуемых нами сюжетов (за исключением книги Е. Д. Черменского), нет необходимости подвергать их специальному разбору.

Из работ, имеющих к данному исследованию непосредственное отношение, требующих в силу этого специального разбора, является книга В. С. Дякина²¹⁻²². Для автора этих строк она представляет большой интерес в двух отношениях. Во-первых, в ней идет речь о тех же самых проблемах, о которых повествуется в предлагаемой читателю работе. Разница лишь в хронологии: Дякин рассказывает о событиях в период премьерства Столыпина и функционирования III Думы, а я как бы продолжаю его рассказ, избрав объектом изучения политику царизма и партий думского большинства в предвоенные годы, в первую половину легислатуры IV Думы. Таким образом, по существу проблематика обеих работ в основных направлениях совпадает. Во-вторых, на протяжении по крайней мере двух с лишним десятилетий, начиная с 50-х годов и кончая началом 70-х годов XX в., я публиковал статьи и монографии, посвященные и хронологически тем самым сюжетам, которые рассматривает Дякин в своей книге, и естественно поставить вопрос, что нового внес Дякин в историографию проблемы, тем более что его книга по своему объему по крайней мере в три раза меньше упомянутых моих работ, а это, конечно, создавало для него дополнительную трудность по части внесения нового.

Несомненно, абсолютно ошибочен взгляд, что раз кто-то (один или много — не имеет значения) более или менее обстоятельно и сравнительно недавно исследовал ту или иную проблему, то другому исследователю не следует или нет смысла делать ее снова предметом изучения. Справедлива прямо противоположная точка зрения: чем объемнее и содержательнее историография проблемы, тем интереснее и плодотворнее будет ее последующее изучение. Продолжение историографии и есть то, что называется исторической наукой в подлинном смысле этого слова.

Но для того, чтобы действительно сделать шаг вперед в изучении проблемы, по которой уже имеется более или менее солидная литература, требуется одно решающее условие: чтобы у автора, взявшегося за ее дальнейшее изучение, были бы *идея*, своя исходная позиция, свой подход, которые определяют содержание и проблематику исследования, новое осмысление как уже пущенного в научный оборот материала, так и найденного автором. Короче говоря, только *собственные* идеи в науке способны двигать ее по настоящему вперед.

По-видимому, сознавая это, Дякин такую сквозную идею дал, но беда в том, что, не вытекая из материала, будучи нацеленной только на то, чтобы быть новой и отличной от устоявшихся представлений, она оказалась надуманной и ложной.

Сама идея очень проста: она целиком сводится к отрицанию господствующей в советской историографии оценки Столыпина и существа проводившейся им политики.

Наиболее четко главную суть своего основного тезиса Дякин в конце книги выразил в следующей фразе: «Прежде всего правые и Столыпин, как мы видели, не одно и то же (с. 221)». В этой фразе, повторяю, и выражена концепция книги, ее основная идея. Подчеркнутые мною слова доказывают (и так оно есть на самом деле), что свою точку зрения — Столыпин и правые не одно и то же — Дякин последовательно проводит через всю свою работу.

Согласно принятому взгляду, который целиком разделяет и автор этих строк, Столыпин — это именно и прежде всего *правый*, крайний реакционер, проводник политики, вошедшей в историю под именем *столыпинской реакции*.

В. С. Дякин не только не согласен с такой трактовкой, но весь пафос его книги направлен на *опровержение* этого взгляда. Согласно его концепции, стержневым моментом внутренней политики самодержавия в его взаимоотношениях с буржуазией и дворянством в 1907—1911 гг. была не политика бонапартистского лавирования в Думе и вне Думы, а *борьба Столыпина с правыми* (в лице Совета объединенного дворянства, правых Государственного совета, крайних правых в Думе и черносотенцев вне Думы), в которой он потерпел поражение. На какой же почве развернулась эта борьба? Оказывается, Столыпин хотел дать реформы, которые были на деле *направлены против интересов помещичьего дворянства* и подорвали бы, будь они проведены, его политические и экономические позиции.

Неудобство этой позиции состоит в том, что она очень близка, если не сказать больше, к точке зрения октябристов и даже националистов. Именно они, в частности Гучков и Шульгин, доказывали, что Столыпин, будучи мудрым консерватором, хотел добиться «конституционного» обновления России путем реформ, но без западноевропейского «парламентаризма», с сохранением «исторических устоев» и прерогатив «исторической», т. е. царской, власти. Но на его пути встали «отжившие люди» в лице Совета объединенного дворянства и правых Государственного совета, они-то и погубили его дело. Так же как и Дякин, но значительно раньше него, адепты и поклонники «исполина» Столыпина абсолютизировали его расхождение с указанными силами, которые в действительности были весьма мелкого свойства и сами по себе имели десятистепенное значение. В. С. Дякин вышел из этой несколько затруднительной ситуации самым удивительным, на мой взгляд, образом. Он провозгласил, что в России в рассматриваемый им период была не одна единая самодержавно-помещичья реакция, а *две*: бонапартистская, возглавлявшаяся Столы-

пиным, и легитимистская — во главе с Советом объединенного дворянства и родственными ему силами — и именно борьба этих двух реакций и явилась определяющим фактором всей внутренней политики царизма. «Столкновение бонапартистской и легитимистской группировок, — прямо пишет Дякин, — лежало в основе борьбы в верхах в 1907—1911 гг. ...» (с. 23). Этот тезис не оставляет никаких сомнений в том, что автор его не представляет ни что такое бонапартизм, ни с чем едят легитимизм.

Легитимизм в его прямом противопоставлении бонапартизму означает, как известно, борьбу за «законную» монархию против монархии «незаконной», узурпаторской, какой в представлении легитимистов были монархии обоих Бонапартов. Принципиальное отличие бонапартистской монархии в этом смысле от легитимной состоит в том, что она является *плебисцитарной* монархией в отличие от монархии наследственной. Такова, так сказать, династическая сторона вопроса. Что касается классического бонапартизма, как одного из видов политики абсолютизма, то с точки зрения марксизма суть его состоит в лавировании режима между буржуазией и *пролетариатом*. В этом смысле российский бонапартизм не был классическим, поскольку лавировал он между буржуазией и *помещиками*, поэтому В. И. Ленин, говоря о бонапартизме Столыпина, сравнивал его с *бисмарковским* бонапартизмом, говорил о перенимании *приемов* бонапартизма, на что Дякин не обратил никакого внимания.

Таким образом, если следовать за идеей и терминологией Дякина, то неизбежно получается, что *бонапартист* Столыпин, борясь с *легитимистом* П. Н. Дурново, отстаивал *буржуазные* интересы в борьбе с реакционными помещиками.

А как быть с Николаем II? По логике Дякина мы его должны признать и бонапартистом и легитимистом одновременно. Ведь царь целиком и полностью одобрял как аграрный, так и думский бонапартизм Столыпина. В то же время он действительно сочувствовал Дурново и В. Ф. Трепову — лидерам правых Государственного совета, интриговавших против премьера. Налицо явная несуразность. Весьма интересно установить, как вообще появился термин — «легитимная реакция»? Оказывается, единственным основанием для этого послужило то обстоятельство, что противники Столыпина (сиречь «легитимисты») обвиняли его в том, что он вносит в Думу такие законопроекты, которые якобы ущемляют prerogatives царской власти. Для всех современников было очевидным, что это обвинение было чистой демагогией, абсолютно ни на чем не основанной; с таким же успехом противники Столыпина могли обвинять его в республиканизме, а спустя почти 70 лет советский историк делает этот тезис отправной точкой для глубокомысленного методологического построения. Кстати сказать, и это тоже очень характерно, Дякин нигде и никак не выражает своего собственного отношения к этому обвинению, и вопрос о том, согласен он с ним или нет, по меньшей мере остается открытым. Если же принять во внимание, что Дякин, как мы увидим, на всем про-

тяжении своей книги упорно проводит мысль, что Столыпин реально посягал в ряде вопросов на жизненные интересы помещиков (легитимной реакции), то вполне возможно допустить, что по крайней мере в какой-то степени Дякин признает это обвинение правомерным.

Логика вещей — самая сильная логика. Взяв за основание ложную посылку о том, что Столыпин и правые — это не одно и то же, Дякин неизбежно договаривается до таких вещей, которые, возможно, через некоторое время покажутся странными ему самому. Приведем несколько примеров.

Рассказывая об обсуждении в Думе правительственного законопроекта о введении всеобщего начального обучения и о борьбе, которая разгорелась между крайними правыми и сторонниками законопроекта по поводу либеральных поправок, внесенных октябристами и кадетами (таких же ничтожных и недемократичных, как сам законопроект), Дякин пришел к следующему принципиальной важности выводу. Нападки на октябристов со стороны правых, пишет Дякин, «недвусмысленно показывали — не революции в перспективе, а реформы сейчас, ограниченной, недемократичной, но все же ослабляющей позиции дворянства и церкви в деревне, боялись правые, ее — эту реформу — они называли революцией». И далее: «Бонапартистский курс Столыпина и октябристов в случае его неудачи ослаблял самодержавие, грозил приблизить сроки новой народной революции. Наиболее дальновидные из правых могли это понимать. Но и удача бонапартистского курса, создававшая новую опору царизму, не сулила ничего хорошего его старой опоре — помещному дворянству, для которого необратимый процесс его вытеснения из деревни и политического и экономического усиления сельской буржуазии (а в начальных училищах в первую очередь тоже оказались бы дети „крепких хозяев“) *был бы равносильен революции*» (с. 204; курсив мой.— А. А.).

Для начала отметим, что это по смыслу точь-в-точь, что говорил А. И. Гучков, давая свои показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Подробно рассказав о том, что главными врагами Столыпина были камарилья, правые Государственного совета и «объединенное дворянство», с которыми Столыпину «приходилось вести тяжкую борьбу и сдавать одну позицию за другой», Гучков далее продолжал: «Как это ни странно, но человек, которого в общественных кругах привыкли считать врагом общественности и реакционером, представлялся в глазах тогдашних реакционных кругов самым опасным революционером. Считалось, что со всеми другими так называемыми революционными силами легко справиться (и даже чем они левее, тем лучше) в силу неосуществимости тех мечтаний и лозунгов, которые они преследовали, но когда человек стоит *на почве реальной политики, это считалось наиболее опасным*. Потому и борьба в этих кругах велась не с радикальными течениями, а главным образом с целью свергнуть Столыпина»²³.

Параллель, как видим, полная. Насколько мне известно, Дя-

кин — первый советский историк, утверждающий, что столыпинская школьная реформа настолько реально угрожала коренным интересам дворянства, что оно ее приравнивало к революции. Особенно впечатляет в этом отношении фраза в скобках о том, что в *начальную* школу в первую очередь попали бы дети кулаков. Но самое удивительное в приведенной выдержке — это идея о том, что создание класса сельской буржуазии в случае удаchi бонапартистского курса было бы не только не в интересах дворянства, а, наоборот, было *против* его интересов. Иначе говоря, столыпинский аграрный курс заключал в себе *антидворянское* содержание. В IV главе настоящей работы будет показано, что «объединенное дворянство» ставило себе в заслугу, что именно оно было инициатором новой аграрной политики и третьейиюньского избирательного закона, т. е. *всего бонапартистского курса Столыпина*. Специально подчеркнем, что подобное утверждение отнюдь не единичное, выпадающее из общего контекста книги.

Взглянем на концепцию Дякина с другой стороны. Если бонапартистская политика Столыпина направлена на деле против жизненных интересов реакционного поместного дворянства, то какой же тогда Столыпин реакционер? Он явный «конституционалист», либерал — пусть умеренный, но все же либерал. Как показывает анализ книги Дякина, автор так и считает, а слова «бонапартистская реакция» служат, очевидно, лишь маскировкой. Каждый раз, когда Дякин противопоставляет свои пресловутые две реакции, неизменно оказывается, что он отождествляет столыпинский бонапартизм с октябристами, т. е. с партией, которая, несмотря на засилье в ней помещичьих элементов (тут Дякин совершенно прав), тем не менее по своей программе и политическим целям представляла правый фланг русского *либерализма*. «Но как раз прения по поводу адреса,— пишет Дякин,— снова показали наличие серьезных разногласий между легитимистской реакцией и октябристскими сторонниками столыпинского бонапартизма» (с. 93). «Особенности соотношения классовых и партийных сил в нижней и верхней палатах российского „парламента“,— пишет Дякин в другом месте,— вели к тому, что конфликты либерального, бонапартистского и легитимистского течений в буржуазном и помещичьем лагерях принимали внешне форму конфликта Думы и Государственного совета. Обструкцию Государственного совета против *столыпинско-октябристских* реформ В. И. Ленин рассматривал...» и т. д. (с. 161; курсив мой.— А. А.). Из контекста следует, что между столыпинским бонапартизмом и устремлениями октябристов автор ставит знак равенства. Впрочем, в конце книги Дякин уже прямо называет Столыпина конституционалистом. «Поведение октябристов после министерского кризиса,— указывает он,— как никогда отчетливо продемонстрировало тупик, в который сама завела себя партия (октябристов.— А. А.), сделавшая ставку на бонапартистский „конституционализм“ Столыпина» (с. 225—226). Ради приличия слово «конституционализм» взято в кавычки, но, исходя из всего сказанного выше, можно утвер-

ждать, что кавычки — лишь фиговый листок, прикрывающий наготу авторской концепции о том, что Столыпин не суть правый, т. е. именно «конституционалист».

Я привел лишь наиболее наглядные примеры, раскрывающие суть авторской концепции. Однако примеры, может быть менее яркие, но говорящие, по сути, о том же самом, можно приводить еще и еще.

С непоколебимой уверенностью Дякин утверждает, что «политическая смерть Столыпина, предшествовавшая его физической смерти, была и концом бонапартистской политики по существу. Созданный для ее проведения государственный механизм оставался, но работал вхолостую» (с. 25). Поскольку политическую смерть Столыпина Дякин относит к марту 1911 г., то выходит, что бонапартистская политика царизма продолжалась неполных четыре года. Какая же была политика потом, таким вопросом Дякин не задается. Но уже из приведенных слов видно, что он путает саму систему с ее эффективностью. Вхолостую бонапартистская политика стала развиваться едва ли не с первых дней, тогда, следуя логике Дякина, ее вообще надо объявить несуществовавшей. Совершенно очевидно, что преемники Столыпина — В. Н. Коковцов, а затем и И. Л. Горемыкин — продолжали тот же бонапартистский курс, потому что альтернативы этому курсу у царизма просто не было. Политика бонапартизма кончилась тогда, когда был разрушен его механизм — два думских большинства. Это произошло в августе 1915 г., когда образовался «Прогрессивный блок», смысл которого как раз и состоял в том, что он создал в Думе одно большинство, вместо прежних двух.

Кстати сказать, Дякин был обязан задать себе вопрос, почему Коковцов, которого он характеризует как врага Столыпина справа, став премьером, подвергся со стороны пресловутой легитимистской реакции, которой он, по утверждению Дякина, явно подыгрывал (с. 160), еще более ожесточенным нападкам, чем его предшественник, притом под точно таким же лозунгом борьбы за неприкосновенность царских прерогатив, на которые якобы покушался новый председатель Совета министров, что в конечном счете и привело к его отставке. Задав вопрос, Дякин вынужден был бы признать: а) бонапартистский курс продолжался и после смерти Столыпина; б) легитимистская реакция — неудачная выдумка; в) борьба официального правительства с неофициальным — Советом объединенного дворянства и правыми Государственного совета — сама по себе имела десятистепенное значение, и сама эта борьба, равно как и ее конечный результат, была всего-навсего производным от действительно решающего фактора — отсутствия в стране реформистских возможностей в силу того, что страна переживала на деле не конституционный кризис, как думали либералы и меньшевики, а революционный, как считали большевики, исключавший успех бонапартистского курса. Но такое признание означало бы, что вся теория о двух реакциях

как решающем факторе борьбы в «верхах» полностью несостоятельна.

В. С. Дякин цитирует известное положение В. И. Ленина о том, что царизм удовлетворял *не все* интересы господствующих классов, представляя до известной степени самостоятельную политическую силу со своими собственными интересами (с. 16), но, судя по всему, приводит его *всё*. В противном случае он бы расценил борьбу Столыпина с оппозицией справа отнюдь не как новое явление, а совершенно традиционное, ведущее свое начало с первых лет существования самого царизма. Это было обычное проявление борьбы между дворянством, защищающим свои узко групповые сиюминутные интересы, и царизмом, защищающим, помимо своих собственных, более широкие, долгосрочные интересы того же дворянства в целом. Классическим примером такой борьбы была реформа 1861 г.

В книге достаточно много внимания уделяется полемике со мной. Обычно исключается, чтобы одна сторона была полностью несостоятельна. Но здесь мы имеем именно такой редкий случай. При всем желании в чем-то согласиться с Дякиным и признать справедливость его критики хотя бы для того, чтобы не составить о себе невыгодное и неверное мнение, этого нельзя сделать, не погрешив против истины. В. С. Дякин критикует и не соглашается со мной по отдельным частным, порой просто мелким вопросам. К сожалению, автор этих строк лишен в данном случае возможности ответить на эту критику, поскольку это привело бы к резкому увеличению и без того сильно разросшегося очерка о книге Дякина и, кроме того, увело бы от темы настоящей работы, так как пришлось бы говорить о конкретных сюжетах, не связанных с ней. Отметим лишь, что исходной позицией критики является все тот же пресловутый тезис о двух реакциях, полная неприемлемость которого была показана выше.

Книга Дякина порождает также много претензий чисто профессионального свойства, в частности вызывает недоумение обилие глухих сносок, странная манера цитирования, когда во многих случаях из контекста источника, никак не охарактеризованного, вырывается несколько или даже одно слово, а нередко из нескольких разных по времени и типу источников составляется одна комбинированная цитата, даются необоснованные ссылки²⁴. Все это сильно подрывает доверие к исследованию.

Подмена подлинной научной идеи искусственной, надуманной отразилась и на структуре работы Дякина. Небольшая книга (15 листов) содержит 10 глав, заголовки которых мало адекватны их содержанию, поскольку в каждом из них чисто механически объединены разные сюжеты. Подлинного единства и цельности в книге нет. Нового в ней по сравнению с известным содержится очень мало — и то по второстепенным вопросам. В целом же она говорит о том, что автор слабо разобрался в предмете, о котором взялся судить. Такой результат, на мой взгляд, совершенно неизбежен, когда в основе работы лежит не подлинно научная

мысль; а мысль надуманная. Именно в этом и состоит историографическая поучительность книги Дякина. Будем надеяться, что в ряду его как вышедших, так и будущих произведений она останется досадным исключением.

Таким образом, изучение третьейюньской системы началось в советской историографии как бы с конца.

Первую попытку такого изучения сделал Е. Д. Черменский: в 1947 г. он защитил докторскую диссертацию, в которой рассматривает деятельность IV Думы за все годы ее существования — с 1912 по 1917 г.²⁵ Диссертация, однако, осталась в рукописи; автор опубликовал лишь две статьи, освещающие деятельность IV Думы в довоенные годы²⁶. Теперь к ним прибавилась первая глава указанной выше книги Черменского (которая практически повторяет статью «Царизм и третьейюньская Дума»).

Более изученной оказалась деятельность большевистской фракции в IV Думе²⁷.

В 1970 г. вышла статья, посвященная прогрессистам²⁸. До этого увидела свет книга В. Я. Лаверычева, в которой обстоятельно исследуется московский прогрессизм²⁹.

В 50—60-х годах XX в. появились перечисленные выше работы автора по истории взаимоотношений царизма и III Думы. В 1972 г. была опубликована статья В. С. Дякина³⁰, посвященная одному из аспектов третьейюньской системы, а в 1978 г., как уже указывалось, вышла его книга, исследующая политику царизма и Думы в 1907—1911 гг.

В 1977 г. вышла в свет книга Л. М. Спирина, освещающая историю помещичьих и буржуазных партий в России на всем протяжении их существования³¹. В советской историографии это первая попытка подобного рода. Несмотря на то что деятельность нескольких десятков партий изложена по необходимости очень кратко, книга носит не только справочный характер. В специальной главе, посвященной методологии изучения непролетарских партий, высказан ряд соображений, представляющих интерес для всех историков, изучающих политическую историю России в начале XX в. Обстоятельно проанализирована историография вопроса. Несомненна ценность приложений — нескольких таблиц, где история помещичье-буржуазных партий подытоживается по ряду позиций (время образования и распада, печатные органы, численность, количество голосов на выборах в Думу и Учредительное собрание и др.).

Таким образом, третьейюньская система больше не является пустынным островом — на него уже высадились первые исследователи.

Что касается западной буржуазной историографии, то следует отметить, что в 60—70-х годах XX в. была создана довольно обширная и весьма ценная литература, посвященная анализу и критике современных буржуазных концепций Октябрьской революции как в целом, так и по отдельным ее аспектам, что избавляет

автора от необходимости детального рассмотрения этих концепций в настоящей работе. Исследовалась по преимуществу англо-американская историография Октябрьской революции, но имеются работы, анализирующие соответствующую французскую, западногерманскую, итальянскую и даже японскую литературу. В большинстве случаев это статьи и сборники статей, но создано также несколько монографий. Одна из них — книга Ю. И. Грицкого — посвящена американской и английской историографии Октябрьской революции. В ней дается, в частности, обзор предшествующей советской литературы, исследующей зарубежную буржуазную историографию социалистической революции в России³². Совсем недавно вышла обстоятельная монография Г. Л. Соболева, которая целиком посвящена только американской историографии Октябрьской революции³³.

Из работ, посвященных западной историографии Февральской революции, надо отметить содержательную книгу Г. З. Иоффе³⁴.

Исследования в этом направлении продолжают.

- ¹ Аврех А. Я. Третьеиюньская монархия и образование третьедумского помещичье-буржуазного блока. — Вестн. МГУ. Сер. историко-филологическая, 1956, № 1; *Он же*. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908—1909). — Исторические записки, 1955, т. 53; *Он же*. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе. — Вопросы истории, 1956, № 11; *Он же*. Аграрный вопрос в III Думе. — Исторические записки, 1958, т. 62; *Он же*. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; *Он же*. Столыпин и третья Дума. М., 1968; и др.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 416.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 346.
- ⁴ Там же, с. 411.
- ⁵ Там же, с. 276.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 227.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 281, 286.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 27.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 320.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 159.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 401.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 329—330.
- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 258—259.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 57.
- ¹⁵ Сейчас необходимость изучения царизма и буржуазии как *двух* (а не одного) отдельных социально-политических лагерей является общепризнанной, но 12—15 лет назад ее приходилось доказывать (см.: Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума, с. 9). Теперь уже никто не сомневается в том, что без такого изучения невозможно не только выявить закономерности развития России во второй половине XIX — начале XX в., но и раскрыть в полной мере роль, решающее значение борьбы третьего лагеря для судеб страны.
- ¹⁶ Слоимский А. Г. Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975.
- ¹⁷ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.
- ¹⁸ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.
- ¹⁹ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны: 1914—1917. Л., 1967.

- ²⁰ *Семенников Б.* Политика Романовых накануне революции: (От Антанты к Германии). М.; Л., 1926; *Он же.* Монархия перед крушением: 1914—1917. М.; Л., 1927; *Он же.* Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929; *Граве Б.* К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны: июль 1914 — февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926; см. также обзор литературы, сделанный В. С. Дякиным в книге «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны».
- ¹⁻²² *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978.
- ²³ Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. VI, с. 252—253. Курсив мой.— А. А.
- ²⁴ Приведем лишь один пример. Цитированный выше тезис о том, что политическая смерть Столыпина означала и конец бонапартистской политики, В. С. Дякин заканчивает следующей фразой: «Не случайно именно в последние годы существования самодержавия В. И. Ленин особенно часто подчеркивал засилье поместного дворянства в политической жизни страны» (*Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг., с. 25). В доказательство он ссылается на с. 297 т. 21 и с. 15 и 267 т. 25 Полного Собрания Сочинений В. И. Ленина. Обратившись к этим страницам, обнаруживаем: в первом случае в статье, *написанной весной 1912 г.*, В. И. Ленин, полемизируя с Гушкой, указывает, что анкета Гушки об организациях крупного капитала «*подтверждает*, напротив, ее (т. е. буржуазии. — А. А.) политическое поражение». Из дальнейшего видно, что речь идет о поражении буржуазии *абсолютизмом*, а не дворянством, о котором вообще не говорится ни слова, причем В. И. Ленин говорит о традиционном, давнем поражении, оставшемся в силе и в третьекюньский период. Так что «последние годы существования царизма», к тому же и не последние, здесь совершенно ни при чем; во втором случае В. И. Ленин действительно пишет о том, что «помещики командуют, решают, вершат. Всевластие этого класса громадно», но этот вывод также носит общий характер и никак не связан с последними годами существования царизма; наконец, в третьем случае В. И. Ленин полемизирует с Розой Люксембург по национальному вопросу и весь текст с. 267 не имеет к утверждению Дякина ни малейшего отношения.
- ²⁵ *Черменский Е. Д.* Борьба классов и партий в IV Государственной Думе: докт. дис. М., 1947.
- ²⁶ *Черменский Е. Д.* Выборы в IV Государственную думу. — Вопросы истории, 1947, № 4; *Он же.* Царизм и третьекюньская Дума. — Вопросы истории, 1973, № 1.
- ²⁷ *Галкина П.* Большевики в IV Государственной думе. — Борьба классов, 1935, № 11; Большевистская фракция IV Государственной думы. Л., 1938; *Калинычев Ф. И.* Новые материалы о большевистской фракции IV Думы. — Вопросы истории, 1960, № 2; *Он же.* Из деятельности рабочих депутатов Государственной думы. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 4, *Кочетков Ю. И.* Деятельность большевистской фракции IV Государственной думы (1912—1914 гг.). — Учен. зап. Перм. гос. пед. ин-та, 1972, т. 89; *Логинов В. Т.* Ленинская «Правда». М., 1972; и др.
- ²⁸ *Селецкий В. И.* Образование партии прогрессистов: (К вопросу о политической консолидации русской буржуазии). — Вестн. МГУ. сер. 8, История, 1970, № 5, с. 32—48.
- ²⁹ *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967.
- ³⁰ *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство: (Провал местной реформы). — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 231—274.
- ³¹ *Спириц Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977.
- ³² *Игрицкий Ю. И.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории: Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974.
- ³³ *Соболев Г. Л.* Октябрьская революция в американской историографии: 1917—1970-е годы. Л., 1979.
- ³⁴ *Иоффе Г. З.* Февральская революция в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970.

ПАРАЛИЧ СИСТЕМЫ

ИТОГИ ВЫБОРОВ

Выборы 1912 г. происходили в условиях, резко отличавшихся от обстановки выборов в III Думу в 1907 г. Тогда в стане контрреволюции и реакции царил оптимизм, вера в способность царизма и Думы совместными усилиями похоронить навсегда революцию, осуществив минимум буржуазных реформ и сохранив при этом «исторические устои» русской государственности — власть царя в союзе с помещиками и буржуазией. Теперь от этих надежд ничего не осталось. III Дума показала свое полное бессилие по части «реформ». Изменилась и обстановка в стране. Если для периода III Думы были характерны «экономическая депрессия, решительное наступление контрреволюции, отступление и распад сил демократии, разгул ренегатских, „веховских“, ликвидаторских идей в „прогрессивном лагере“», то период, начавшийся с 1911 г., «и в экономическом, и в политическом, и в идейном отношении отличается противоположными чертами: подъем промышленности, неспособность контрреволюции к дальнейшему наступлению прежней силы или энергии и т. д., пробуждение демократии, заставившее *прятаться* настроения веховства, ренегатства, ликвидаторства»¹.

Вся контрреволюция, подводя итоги истекшего периода, объединилась на мысли о невозможности сохранения статус кво, о необходимости как-то разорвать порочный круг, найти выход из положения, которое неминуемо ведет к катастрофе. «Это — как „насыщенный раствор“, — писал прогрессистский публицист в статье „На мертвой точке“, — Россия — насыщенный раствор реакции. И больше в нее реакции не вольешь. Некуда, не лезет — „душа не принимает“, „сыты по горло“». Даже если «разъяснить» закон 3 июня так, что избирать могут только одни губернаторы и архиереи, то из этого ничего не выйдет: «Состоятся выборы, а там, смотришь, и прочтем: среди избранных губернаторов — пятьдесят процентов прогрессистов, двадцать пять — „неопределенных“, остальные (так и быть уже) — правые»².

Каковы же были те планы и методы выхода из кризисного состояния, с которыми правительство пришло на выборы?

Методы эти неплохо определил один российский обыватель, который на своем избирательном бюллетене написал, что он голосует за кайзера Вильгельма, потому что тот — «единственный человек, которого нельзя разъяснить»³. Этот характерный штрих, зафиксированный в дневнике жены известного историка А. А. Кизе-

веттера Кудрявцевой-Кизеветтер в октябре 1912 г., отразил как масштабы правительственных „разъяснений“, т. е. отстранения избирателей от выборов, так и вызванное ими всеобщее раздражение и недовольство. В статье «Подделка нации» публицист газеты П. П. Рябушинского Т. Ардов писал: «Когда-нибудь, в будущем, эта замечательная „кампания“ привлечет особое внимание историков, занимающихся исследованием эволюции нашего государственного строя. И нет сомнения, что понадобится написать целый внушительный том, чтобы дать представление о всем многообразии виртуозных мошенничеств и шарлатанств, совершенных за этот краткий период времени. И, читая этот очерк, изумленные потомки скажут: однако!»⁴.

Запрос, внесенный кадетами на одном из первых заседаний IV Думы, с перечнем ставших им известными наиболее типичных фактов административного и судебного выборного произвола содержал 130 страниц машинописного текста и читался на протяжении нескольких часов — к великому негодованию крайних правых и националистов, шумно обвинявших кадетов в обструкции⁵.

Не только кадетская «Речь», но и октябристский «Голос Москвы» был переполнен жалобами на выборный разгул администрации. Одна из громовых статей Громобоя (А. В. Бобрищева-Пушкина, члена ЦК октябристов) так и была озаглавлена — «Делают выборы»⁶. Значительно позже М. В. Родзянко свидетельствовал, что во время выборов в результате «форменного гонения» на «все прогрессивно мыслящее» «настроение всех партий от октябристов и левее их было чрезвычайно повышенное, можно даже сказать озлобленное к правительству»⁷.

Но дело не сводилось только к большому размаху правительственного произвола по сравнению с «деланием» выборов в III Думу. Главное отличие 1912 г. от 1907 г. состояло в том, что в сферу правительственных «разъяснений» были включены не только либерально-кадетские, не говоря уже о демократических, но и октябристские выборщики. Правда, в немилость попали только так называемые «левые» октябристы, тем не менее этот факт указывал на пересмотр ставки на октябристов как на главную правительственную партию, в отличие от III Думы, где основное ядро составляло правооктябристское большинство.

В 1907 г. московский градоначальник Рейнбот по личному поручению Столыпина свел у себя в доме одного из видных черносотенных главарей, протоиерея И. И. Восторгова, с А. И. Гучковым, стремясь обеспечить последнему избрание по первой городской курии, что, как известно, и было достигнуто⁸. В 1912 г. ничего подобного не было и не могло быть. Царь уже в 1908 г., после известного выступления Гучкова в Думе против великих князей, засевших в военном министерстве, стал относиться к нему крайне враждебно. Жалобы октябристов на то, что ряд их видных представителей, бывших депутатов III Думы, не попали в IV стараниями администрации, соответствовали действительности.

В отчете думской фракции октябристов о работе за первую сессию отмечалось, что «выборы в Государственную думу происходили при заметном стремлении правительства оказывать содействие и помощь партиям националистов и правых и противодействовать прохождению в Думу октябристов». Были приняты специальные меры, чтобы не пропустить в Думу октябристов, «заявивших себя энергичной деятельностью в 3-й Думе, отстаивавших крупные вопросы», как с немалой дозой саморекламы определял их октябристский документ ⁹.

«Нельзя себе представить большей угодливости, чем октябристская в 1907—1912 гг., — писал по этому поводу В. И. Ленин, — а все же „не угодили“ и октябристы. Даже с ними глубоко родственная им по натуре старая власть (так называемая „бюрократия“) не могла ужиться» ¹⁰. И именно это обстоятельство было тем мотивом, который обусловил «делание» выборов в 1912 г.: «В третьей думской системе оказалась трещина. „Делание“ выборов стало неизбежным...» ¹¹.

Какую же цель поставил перед собой царизм, занявшись, по выражению А. С. Изгоева, «фабрикацией» IV Думы ¹², до каких границ должна была дойти эта фабрикация? Либералы, особенно кадеты, утверждали, что целью реакции было получить такое «народное представительство», которое, собравшись, вынесло бы решение о превращении Думы в законосовещательную ¹³. В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства от 4 августа 1917 г. П. Н. Милюков доказывал, что правительство, устраняя «строптивых» октябристов и делая ставку на националистов, стремилось создать такое большинство, «которое само ходатайствовало бы о превращении Думы из законодательной в законосовещательную» ¹⁴.

На первый взгляд кадетская версия выглядит убедительной и логичной. Но изучение соответствующих материалов показывает, что в действительности это была творимая в ходе избирательной кампании (трудно сказать, насколько сознательно и насколько стихийно) легенда, имевшая совершенно определенную цель — доказать избирателю, демократическому в первую очередь, неприемлемость большевистского лозунга «трех лагерей», заставить его объединиться на выборах для борьбы с «черносотенной опасностью» в единый «прогрессивный» лагерь, противостоящий лагерю реакции, поверить кадетскому лозунгу «двух лагерей».

Начать с того, что в рамках избирательного закона 3 июня, не прибегая к его прямой ломке, нельзя было получить того большинства, которым пугали избирателя кадеты. Система была такова, что неизбежно давала два думских большинства, на что она и была специально рассчитана. Учитывая именно эту особенность избирательного закона, видный октябрист А. Еропкин в статье «Четвертая дума» выразил уверенность в том, что «состав 4-й Думы будет однороден составу 3-й Думы» и «залогом этого служит действующая система выборов» ¹⁵.

Помимо этого, правительство и само не желало, не могло желать создания Думы с полным преобладанием черносотенного большинства. Одним из свидетельств такого нежелания было его отношение к избранию священников. В распоряжении правительства было все-таки реальное средство обеспечить в IV Думе черносотенное большинство, не прибегая формально к изменению третьеиюньского избирательного закона, а только злоупотребляя им,— избрание большого числа лиц духовного звания. Закон позволял очень широко маневрировать съездами избирателей, что создавало возможность провести в Думу такое число черносотенных «батюшек», которое гарантировало бы правую Думу. Тем не менее, несмотря на то что мобилизация духовенства носила поистине всероссийский характер и священники голосовали по команде своего епархиального начальства, в IV Думу оказалось избранным ровно столько лиц духовного сана, сколько их было в III Думе. Подобное совпадение церковной «квоты» в III и IV Думах не могло, конечно, возникнуть помимо правительства. Таким образом, остается фактом, что правительство не воспользовалось возможностью обойти избирательный закон и сформировать Думу с преобладанием черной армии в рясах.

Вся кадетско-октябристская пресса подняла страшный шум, утверждая, что правительство собирается провести в Думу 150 священников.

Позже Милюков объяснял провал этой затеи следующим образом: «Опорой для Думы в этот раз искали в новой общественной группе — в духовенстве. Состоялся союз Министерства внутренних дел с Саблером, в результате которого намечено было 150 мест для священников. Против этого последовала довольно энергичная газетная кампания. Саблер был разоблачен, и это, по-видимому, подействовало на заместителя (преемника.— А. А.) Столыпина — Коковцова. Были даны какие-то распоряжения сократить количество священников, и их число было намечено то же самое, как и в 3-й Думе. Этот заказ был исполнен аккуратнейшим образом: прошло то самое число, которое было намечено»¹⁶. Однако дальше Милюков вынужден был признать, что у него нет никаких реальных доказательств для своего утверждения: «План правительства (о 150 священниках и о планировавшемся якобы ходатайстве насчет законосовещательной Думы.— А. А.) был разрушен. В чем он состоял, *прямых сведений я не имею*; но в то время *говорили очень определенно*, что план этот состоялся...». И далее говорится о создании большинства, ходатайствующего по собственной инициативе о законосовещательной Думе.

О том же отсутствии у правительства стремления отказаться в принципе от ставки на два большинства в Думе свидетельствовал председатель Совета министров В. Н. Коковцов. Во время избирательной кампании в IV Думу, сообщал он Чрезвычайной следственной комиссии, «в печати неоднократно появлялись сведения о том, что будто правительство производит очень большие давления, так сказать, старается Думу сфабриковать в смысле

предоставления какого-то особого участия членам правого крыла. Это были слухи слыхком преувеличенные». Совет министров полагал, что поддержка правительства только крайних правых кандидатов «может привести к обратным результатам»: голоса избирателей, голосующих за правую половину Думы, «начиная от крайних правых до левых октябристов включительно», могут так разбиться, что преобладание в Думе перейдет к «левым» элементам. Совет министров проводил этот взгляд «очень настойчиво»¹⁷.

Таким образом, в правящих кругах сознавали, что создание Думы с одним лишь правым большинством невозможно, ибо на деле это был бы отказ от всякого «конституционного» прикрытия, что полностью исключалось обстановкой в стране.

Но дело было не только в правительстве. Господствующий класс, за исключением лишь одной его фракции — крайних правых, уже не соглашался на бесконтрольное хозяйничанье бюрократии (и, следовательно, на законосовещательную Думу), потеряв в нее веру после русско-японской войны и революции 1905—1907 гг. Идеолог национализма новременский публицист М. О. Меньшиков подчеркивал тревогу «общества» относительно Думы, наполовину составленной из попов, и обрушился на «умственно недалеких» крайних правых за их лозунг неограниченного самодержавия, ведущий к анархии, которая, в свою очередь, приведет монархию к гибели. «Вы — губите монархию», — писал он. Конституция, какая она сейчас — не бог весть что, но ее надо соблюдать, ибо «так, как теперь мы живем, долго жить нельзя — это надо же наконец понять и оценить». Слову «так» предшествовали слова о беспорядке, национальном бесславии, раздоре и беззаконии¹⁸. В более ранней статье Меньшиков выступал еще решительнее в защиту законодательной Думы: «Дума — единственная острастка против испытанного веками бюрократического бездействия и произвола. Исчезни Дума — и страна снова впадет в летаргический сон». Более того. Он, Меньшиков, в течение пяти лет трудился над созданием партии националистов. Казалось бы, ему следовало желать, чтобы в Думу были выбраны одни националисты: «но я всем сердцем советую этого не делать». Выбирать надо в таком порядке: сперва выбрать «вполне безупречных националистов», если их не хватит (!), выбрать «вполне безупречных» (!) правых, затем «вполне безупречных октябристов, и, наконец, при всем отвращении к жидо-кадетской партии», надо выбрать и «вполне безупречного» кадета-русского. Не надо выбирать только членов «преступных партий» и «инородцев»¹⁹. Как видим, Меньшиков, со свойственной ему черносотенной фразеологией, все же решительно выступает в защиту не только правооктябристского, но и октябристско-кадетского большинства в Думе.

Подлинные цели правительства были раскрыты В. И. Лениным.

В статье «Итоги выборов» В. И. Ленин специально обратил внимание читателя на шумную нарочитость кадетской критики

в адрес правой Думы. «Целью всей этой политики...— писал он, имея в виду всю правительственную совокупность „делания“ выборов,— было образование право-националистического большинства в Думе, и цель эта, как известно, не достигнута»²⁰. Из дальнейшего текста видно, что В. И. Ленин имел здесь в виду не Думу с одним большинством, а усиленное, упроченное, по сравнению с III Думой, правое большинство. Отметив, что в IV Думе: как и в III, «остались прежние два большинства», он далее писал: «крики о право-националистическом большинстве были лишь торговлей с запросом. Действительно же правительство нуждается в обоих большинствах, которые *оба* стоят на контр-революционной почве.

Нельзя достаточно настаивать на этом последнем обстоятельстве, которое затушевывают либералы, чтобы вести за нос демократию, а либеральные рабочие политики (ликвидаторы) по недомыслию»²¹.

Таким образом, и это важно подчеркнуть, смысл «делания» выборов царизмом в 1912 г. состоял в том, что он хотел выскочить из тупика третьейюньской системы, *не затрагивая* основ этой системы. Задача состояла в том, чтобы подправить ее, заставив действовать в основном правое большинство, еще более ограничив второе большинство, активизировавшееся в конце работы III Думы.

Каковы же были результаты выборов?

На основании данных официальных справочников В. И. Ленин приводит сравнительные данные распределения депутатов IV Думы по партиям²²:

	Третья Дума		Четвертая Дума
	1908 г.	1912 г.	
Правые	49	46	65
Национ. и умеренно-правые	95	102	120
Октябристы	148	120	98
Прогрессисты	25	36	48
Кадеты	53	52	59
Три национ. группы	26	27	21
Трудовики	14	14	10
Социал-демократы	19	13	14
Беспартийные	—	27	7
<i>Всего:</i>	429	437	442

Первый вывод, сделанный В. И. Лениным на основании приведенных цифр, состоял в констатации того, что в IV Думе остались прежние два большинства: правооктябристское в 283 голоса (65+120+98) и октябристско-кадетское в 226 голосов (98+48+59+21). В III Думе первое большинство в начале рабо-

ты Думы составляло 292 голоса, а в конце — 268. Именно это обстоятельство — значительное уменьшение численности право-октябристского большинства — заставило правительство принять меры, чтобы упрочить его в IV Думе, однако упрочения, как видно из приведенных цифр, не получилось.

Сохранение главного статус кво третьеиюньской системы, хотя и было принципиально важно, не исчерпывало итогов выборов. Внутри третьеиюньской системы произошли довольно серьезные сдвиги. В цитированной статье В. И. Ленин специально выделяет этот факт, приводя следующие данные:

	Третья Дума		Четвертая Дума	Сравнение Четвертой Думы с началом Третьей	
	1908 г.	1912 г.			
Правые	144	148	185	+ 41	+ 28%
Октябристы	148	120	98	— 50	— 34%
Либералы (прогр. и к.-д.)	78	88	107	+ 29	+ 37%

Сведя данные о правых, октябристах и либералах в отдельную таблицу, В. И. Ленин отмечает ослабление «центра» — октябристов — и усиление флангов — правых и либералов, причем «увеличение либералов среди помещиков и буржуазии идет *быстрее* роста правых...»²³.

Либералы объясняли падение октябризма исключительно «деланием» выборов. Между тем, указывает В. И. Ленин, это был органический процесс: октябристская фракция уже в III Думе потеряла больше своих членов (28), чем на выборах в IV Думу (22). «Делание» выборов, конечно, сыграло свою роль, но главное состояло в процессе «партийного межевания среди имущих классов России, процесс отмежевки правого, крепостнически-реакционного крыла контрреволюции от либерально-буржуазного крыла *той же* контрреволюции... Идет процесс образования настоящих классовых партий и, в частности... идет сплочение партии контрреволюционного либерализма»²⁴.

Центральным моментом в этом процессе было усиление прогрессизма²⁵.

	Третья Дума		Четвертая Дума	Сравнение Четвертой Думы с началом Третьей	
	1908 г.	1912 г.			
Октябристы	148	120	98	— 50, т. е.	— 34%
Прогрессисты	25	36	4	+ 23, т. е.	+ 92%
Кадеты	53	52	59	+ 6, т. е.	+ 11%

«Мы видим, — делает вывод В. И. Ленин, — громадное и неуклонное уменьшение у октябристов... затем небольшое увеличение у к.-д.; — *громадное и неуклонное повышение у прогрессистов, которые почти удвоились в числе за 5 лет*. «Самое харак-

терное, — подчеркнул он еще раз, — громадный рост прогрессизма»²⁶.

Это был закономерный процесс. Прогрессисты «и по своему составу и по своей идеологии, — указывал В. И. Ленин, — это — *помесь октябристов с кадетами*... Прогрессисты осуществляли в практической политике то, что проповедовали в теории „Ве-хи“...»²⁷. Иначе говоря, рост прогрессизма выражал собой тенденцию сближения «левого» октябризма и правого крыла кадетской партии.

Отношение прогрессистов к октябристам определялось прежде всего конкурентной борьбой. Газета П. П. Рябушинского торжествовала по случаю провала октябристов, осуждая при этом Гучкова за «утерю грамоты», чрезмерное угодничество. «Роль октябристского большинства, — говорилось в статье „Москва перед выборами“, — по достоинству оценена и заклеяна общественной Россией. Тяжкий грех этого большинства не простится ему ни историей, ни самой страной. Из нынешней избирательной кампании октябризм выходит настолько же умаленным, насколько он сам своей беспринципной тактикой угодничества перед господствующей бюрократией умалил авторитет народного представительства»²⁸.

Восторг, который переживали Рябушинский и К^о в связи с провалом на выборах Гучкова, сравним только с восторгом, который переживает фирма, долгие годы преследуемая кошмаром ярких и дешевых ситцев своего конкурента, по случаю его банкротства. В статье, озаглавленной «Суд Москвы», говорилось: «Москва сказала свое слово, Москва первой курии, Москва крупной буржуазии лишила А. И. Гучкова своего доверия... И этот отказ в доверии тем внушительнее, что исходит он не от курии демократических избирателей, а от курии крупной буржуазии, на которую еще вчера московский орган октябризма возлагал свои надежды как на главную поддержку „центра“»²⁹.

Одним из важных итогов выборов было резкое ослабление октябристов. Этот результат был вполне закономерен: политика Гучкова в III Думе, целиком основанная на угодничестве перед П. А. Столыпиным и националистами, вызвала крайнее раздражение и разочарование не только в кругах октябристских избирателей и особенно в крупнобуржуазных кругах, но и в собственной фракции.

Один из ближайших сподвижников Гучкова в III Думе, С. И. Шидловский, подводя итоги деятельности своей фракции и ее лидера, сделал позже весьма ценное признание. В третьедумской фракции октябристов, писал он, была «пропасть народа, склонного по природе своей видеть в правительстве начальство и знающего только одну политику — всегда быть на стороне начальства». Гучков, питая к Столыпину «слабость — род недуга», превратил партию в свое личное орудие сделок с ним. В результате партия «утратила под руководством Гучкова всякое значение в стране», во фракции возникло два течения — правое и левое,

«единство ее прекратилось, сохранив только известную внешность»³⁰.

Однако, несмотря на то что именно ориентация направо привела октябристов к столь плачевному итогу, стратегия партии на выборах в IV Думу по-прежнему строилась на союзе с националистами в роли младшего партнера и на конкурентной борьбе с кадетами. Подобная тактика была обусловлена объективной необходимостью, а не неумением извлекать уроки из опыта. Рассчитывать на успех в кадетской избирательной среде, прежде всего во второй городской курии, было совершенно утопично, да и первая курия обеих столиц уже открыто демонстрировала свои прокадетские и пропрогрессистские симпатии. Не только первопрестольная забаллотировала Гучкова, но и петербургская первая курия провалила видных октябристских депутатов в III Думе — Г. Г. Лерхе и В. К. фон Анрепа, избрав вместо них прогрессистов А. А. Барышникова, М. Д. Калугина и кадета Л. А. Велихова. Оставалась одна надежда на помещика, но здесь октябристы чувствовали себя очень неуверенно без поддержки националистов. Этим и определялся тон октябристского официоза: крикливо-воинственный в адрес кадетов и прогрессистов и заискивающе-подобострастный по отношению к националистам. Это было продолжение самоубийственной тактики для партии, называвшей себя конституционной, но другого выхода у нее просто не было.

Между тем безапелляционные заявления «Голоса Москвы» об обеспеченной победе националистско-октябристского большинства в будущей Думе были в значительной мере делаными, потому что националисты при первой же возможности проваливали своих союзников, особенно «левых» октябристов. Противооктябристские вылазки националистов в ряде мест приняли такие масштабы, что вынудили октябристов, молчавших и терпевших сколько возможно, заявить об этом во всеуслышание уже в июле. Чашу терпения переполнило намерение екатеринославских националистов отвести кандидатуры таких асов октябризма, как М. М. Алексеенко и П. В. Каменский. «Терпимость октябристов к более правым убеждениям националистов должна обуславливать и обратное: терпимость националистов к октябристам более левой окраски. Иначе пойдет разброд, — взывал к совести и благоразумию националистов Громобой. — «Ни та, ни другая партия не может диктовать другой свои законы... В этом уже можно сосчитать-ся, пройдя в Думу, а не перед лицом общего врага. Этого врага, „оппозицию“, надо раньше всего раздавить сплоченными силами, надо обеспечить в Думе твердое русское большинство — и время ли теперь препираться о кандидатурах?»³¹.

В начале работы IV Думы октябристская фракция насчитывала 80 человек, затем ее численность возросла до 98 депутатов³². Но это было все же резким снижением по сравнению со 154 депутатами в III Думе (до начала ее работы). Отсутствие в Думе Гучкова, по единодушному мнению политических наблюдателей, грозило неминуемым расколом, что и подтвердилось

год спустя. Партия состояла из разнородных социальных элементов, в ней преобладало, так же как и в III Думе, правое, помещичье крыло, и поэтому она находилась в состоянии перманентного кризиса, чреватого постоянной угрозой распада. При таких условиях единство, хотя бы показное, держалось на личности, и именно такой личностью был для октябристов Гучков. Правда, достигал он этой видимой целостности, как свидетельствовал Шидловский, ценой капитуляций и сделок, но так или иначе свою пятилетнюю жизнь в III Думе фракция закончила формально единой. Теперь рушились надежды на сохранение даже такого статус-кво.

Не лучшим образом обстояли дела и у соседей октябристов справа. Процесс дробления и распада, начавшийся среди националистов в конце жизни III Думы, не только не прекратился, но еще более усилился. Накануне открытия IV Думы П. Н. Крупенский из части националистов организовал фракцию «консервативных конституционалистов», получив (по начальным буквам и по фамилии Коковцова, поскольку фракция собиралась играть роль правительственного «центра» вместо октябристов) меткую кличку — «партия ко-ко». В интервью, данном думскому обозревателю «Речи», Крупенский объяснял свой откол разочарованием в П. Н. Балашове — лидере националистов. Во главе фракции, выразил свое недовольство истинно бессарабский депутат, оказались окраинные националисты, а не русские, проводившие политику окраинного — ненавистнического — национализма, а не русского³³. Подобное заявление в устах такой одиозной фигуры, как Крупенский, было достаточно симптоматичным.

Среди националистов, свидетельствовал передовик кадетского официоза, «полнейшая растерянность», идет «повальное бегство» из национального клуба³⁴. Характерная черта IV Думы, свидетельствовал тот же Шидловский, распадение правых на большое число фракций и групп. Если в III Думе правые делились только на крайних правых и умеренно-правых (националистов), то в IV Думе среди них было уже пять групп: крайние правые, правые, националисты — «балашевцы» и «шульгинцы» — и «центр»³⁵. Раскол националистов на две группы, помимо «центра», произошел позже, во время войны, но тенденция дробления обозначилась сразу же после созыва IV Думы.

Отличительной чертой этого процесса было отсутствие каких-либо подлинно идейных, программных оснований для раскола. Между ними не только не было программных расхождений, но не было и нужды в самих программах, зафиксированных и принятых каким-либо официальным образом. Шидловский специально подчеркивал этот факт. «В чем состояла разница между всеми этими правыми партиями,— писал он,— я в точности сказать не могу, так как не знаком ни с их программами, *если таковые существовали*, ни детально с их деятельностью». О «центре» Крупенского мемуарист высказывался еще более определенно: «Более [чем] сомнительно, чтобы эта партия имела какую-нибудь прог-

рамму, по крайней мере, я о ней никогда не слышал, да иметь такую ей было совершенно излишне. Эта партия в самом узком и прямом смысле слова правительственная, для которой всегда и при всяких условиях было главной задачей поддерживать правительство, какое бы оно ни было»³⁶.

Искусственность, подтасованность различий, как отмечал В. И. Ленин, были характерны не только для фракций право-октябристского большинства Думы, но и для фракций второго большинства. Но если во втором случае этот факт означал в конечном итоге «процесс образования настоящих классовых партий», и прежде всего «сплочение партии контрреволюционного либерализма»³⁷, то искусственное дробление правых фракций свидетельствовало о глубоком кризисе царизма, о прогрессирующем падении и развале черносотенного движения, отсутствии у помещичьей реакции каких бы то ни было конструктивных идей и методов решения стоявших перед страной задач.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕКЛАРАЦИИ: РАССТАНОВКА СИЛ

Свою работу IV Дума начала с «левения». В отличие от III Думы, где председатель М. В. Родзянко был избран право-октябристским большинством, тот же Родзянко, один из самых благонамеренных октябристских «губернаторов», человек, имевший придворный мундир (камергер), считавшийся правым даже в собственной октябристской среде, был избран на председательскую должность вторым большинством (октябристско-кадетским) против голосов правых и националистов, демонстративно покинувших зал заседания сразу же по объявлении результатов голосования (за — 251 голос, против — 150)³⁸. Сразу же по избрании, в первом заседании 15 ноября 1912 г., Родзянко торжественно объявил себя убежденным сторонником конституционного строя, «Я всегда был и буду, — заявил он под аплодисменты и крики „браво“, — убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах, который дарован России великим манифестом 17 октября 1905 г., укрепление основ которого должно составить первую и непреложную заботу русского народного представительства»³⁹.

В лагере либералов речь Родзянко была расценена как выдающееся политическое событие. «Речь М. В. Родзянко — крупное политическое явление, — восторженно писала газета, еще так недавно на все лады поносившая октябристов. — Она служит ярким показателем того, что современные условия русской жизни таковы, что даже умеренные общественные элементы страны становятся явными приверженцами конституционно-монархического строя»⁴⁰.

В статье «Новая Дума» Родзянко был объявлен кандидатом «объединившейся оппозиции». «Октябристы, — уверяла газета, —

категорически отказались от блока с националистами и вступили в соглашение с оппозицией», пойдя на этот шаг «не случайно», а «взвесив как самый этот шаг, так и те последствия, которые из него вытекают». «При таких условиях всякое соглашение октябристов с националистами... становится невозможным». Рекорд энтузиазма был установлен Т. Ардовым: «Слава богу, хочется мне сказать, у нас наконец есть парламент!.. Первая наша героическая Дума была „Думой народного гнева“ Вторая—„Думой народной скорби...“ Третья дума была... „Думой народного хамства“ А вот эта, четвертая, наконец собирается быть *Государственной думой*»⁴¹.

Милюковская «Речь» отреагировала на речь Родзянко более сдержанно и с оговорками. «Четвертая Дума показала,— отмечалось в передовой,— что есть вопросы, по которым в ней может составляться внушительное большинство... Вчера конституционное большинство сложилось около конституционной декларации председателя», что означает «крутой разрыв» октябристов с правыми. Но прочен ли он, вот в чем вопрос. Пока надо проявить осторожность»⁴².

Боясь вспугнуть севшую на «конституционную» ветку робкую октябристскую птичку, кадеты опасались сделать малейший неосторожный шаг. «Пусть октябристы остаются свободны,— успокаивала передовая,— пусть только при этом они остаются верны словам и обещаниям своего председателя. В таком случае пути оппозиции и октябристов будут часто совпадать и без всякого предварительного уговора»⁴³.

Чрезвычайно любопытную позицию по отношению к «конституционной» речи Родзянко и возможности «левого центра» заняло «Новое время». В редакционной статье «К открытию Думы» выступлению Родзянко была воздана такая хвала, на которую не отважились даже кадеты. «Сегодня мы выслушали прекрасное, строго продуманное вступительное слово М. В. Родзянко... Как русские люди... мы не можем не приветствовать этой прекрасной речи председателя Г. Думы от первого до последнего слова»⁴⁴.

Не кто иной, как сам Меньшиков выступил со специальной статьей под названием «Опыт с левой Думой», в которой прямо высказался за целесообразность создания в Думе «левого центра», приведя в защиту своего тезиса очень характерные и симптоматичные аргументы. «Чего, собственно, волнуются официозы?— вопрошал автор, имея в виду правительственную „Россию“.— Октябристы пошли на блок с кадетами и Гос. дума получит таким образом левое большинство? Но, во-первых, надо еще посмотреть на реальную степень этой левизны. Если октябристы блокируются с кадетами, так это ведь доказывает, что, наоборот, кадеты блокируются с октябристами»⁴⁵. Концовка гласила: «Пять лет работы *правого центра* испытаны. Может быть, поучительно испытать работу и *левого центра* не в революционное, а в законопослушное время. Когда судно село на мель, его накренивают поочередно направо и налево, и, глядишь, оно начинает двигаться. Это не у нас

одних. Это делается во всем мире»⁴⁶. Так писал человек, еще совсем недавно изображавший себя величайшим ненавистником кадетов и яростным противником идеи «левого большинства».

Однако националисты на этот раз полностью разошлись со своим идеологом.

Националистический депутат А. Д. Зарин в день открытия IV Думы сообщал своему корреспонденту: «Октябри продали, войдя в блок с кадетами и леваками... Чрезвычайно интересна дальнейшая тактика октябррей. Сегодня выбрали Родзянку председателем. В сборе весь кабинет — вид у них кисло-растерянный — надежды не оправдались»⁴⁷.

Разочарование кабинета и негодование Зарина объясняются провалом расчетов правых на то, что их будет гораздо больше в Думе, чем оказалось на деле, и они будут там диктовать свои условия. В частности, и думский президиум они рассчитывали иметь целиком правый. Коковцов в своих показаниях свидетельствует, что националисты были уверены в избрании председателем Думы их лидера П. Н. Балашова. На вопрос, когда он придет к председателю Совета министров, Балашов ответил: «Что же я поеду, пускай он придет ко мне. Я буду председатель Государственной думы»⁴⁸. Положение изменилось только тогда, когда обнаружилось, что правые не только не имеют большинства без октябристов, но и прибыли в IV Думу примерно в том же числе, что и в III и, следовательно, как в III Думе, собрать то или иное большинство может лишь октябристский кандидат. В таком случае, писал думский обозреватель «Речи» С. Литовцев, «естественным их кандидатом, конечно, явился бы М. В. Родзянко»⁴⁹.

Сразу же после избрания Родзянко правительственный официоз разразился серией передовых, в которых убеждал октябристов, перемежая угрозы с уговорами, не дать обмануть себя бесчестным кадетам и вернуться в правое лоно. Октябристский центр, писала «Россия», «способен дать перевес левым домогательствам и, таким образом, поставить Думу в невозможность вести... реальную государственную работу...». Имелось в виду оторвать «центр» от правых и тогда, конечно, он «оказался бы игрушкой в руках левых (т. е. кадетов.— А. А.)». К этой «явно невыгодной для центра роли... его и готовят»⁵⁰. Мягкий тон вначале все более уступал плохо скрытым угрозам роспуска Думы, если октябристы будут продолжать упорствовать⁵¹.

Две последующие недели после открытия Думы ушли на формирование президиума. «Левение», проявившееся при избрании Родзянко, обнаружило здесь свой компромиссный и весьма относителный характер. Так, октябристы требовали, чтобы старшим товарищем председателя Думы был бы избран кн. В. М. Волконский, исполнявший эту роль в III Думе. Но националисты, желая проучить их за строптивость, заявили, что они будут голосовать против Волконского (который формально был в это время беспартийным), что заставило князя снять свою кандидатуру, поскольку получить мандат от второго, октябристско-кадетского большинства

он считал для себя принципиально недопустимым. Лишь после того как националисты получили посты председателей в нескольких ключевых думских комиссиях, Волконский был все же избран. Остальные члены президиума были выбраны из октябристов и прогрессистов⁵².

Хотя, таким образом, курс октябристов на «левение» продолжался, многие националисты расценили достигнутый компромисс как свою победу. «В Думе дело, кажется, идет на поправку,— сообщал своей супруге в Киев один из новоиспеченных лидеров националистов А. И. Савенко в письме от 25 ноября 1912 г.— Октябристы сильно трусили. Правительственная „Россия“ каждый день громит их, говорит, что Дума не может существовать при условии блока октябристов с левыми, и грозит, что вся ответственность ляжет на октябристов. Октябристы чувствуют себя подавленными и идут на все уступки. Мы решили: в левый президиум не идти и взять реванш на комиссиях (этот реванш предложили нам сами октябристы). Места председателей комиссий мы поделим между нами и октябристами... Вот что значит дали два раза в морду»⁵³. Аналогичную оценку непоследовательности октябристского «левения» давал Громобой в статье «Бессильная Дума»: «Октябристы было начали блестяще», но в конечном итоге «из внушительной манифестации получилась лишь манифестация собственного бессилия»⁵⁴.

Тут, однако, на сцену выступили кадеты, которые решили свои первые шаги в IV Думе начать с «левых» демонстраций. В одно из первых заседаний Думы они внесли несколько законопроектов о «свободах» (союзов, собраний), и в том числе законопроект о всеобщем избирательном праве. На этих «демонстративных» законопроектах решительно настаивал Милюков, преодолевая сопротивление правого крыла партии. Левение страны, рост революционных настроений шли таким быстрым темпом, что партии «народной свободы» грозило полное забвение в народе, если она не продемонстрирует свой сдвиг влево. «Очевидно,— писал видный кадетский депутат от Москвы Н. Н. Щепкин Шингареву 29 октября 1912 г.,— недовольство растет все больше и больше. Думается, что на предвыборных собраниях Вы должны были заметить нарастание склонности прямо к бунтарству. В Москве эта нотка была тоже слышна. Если бы можно было устроить сколько-нибудь свободные собрания в провинции, особенно же в деревнях и фабричных поселках, то Вы увидели бы, что туда с проповедью конституционной борьбы и соваться нечего»⁵⁵.

Но вся сложность и тонкость ситуации, связанная с переходом к «демонстрациям», состояла для кадетов в том, что этот переход означал на деле публичное признание провала тактики «органического законодательства», т. е. признание правоты позиции революционной социал-демократии, исходившей из тезиса, что Думу нужно использовать исключительно как агитационную трибуну, банкротства тактики «ответственной оппозиции» и торжества оппозиции «безответственной».

Кадеты это отлично понимали, и милюковский официоз извигался буквально как угорь, пытаясь не отпугнуть своих соседей справа. Специальная передовая, посвященная внесению кадетами «ряда основных и принципиальных законопроектов», пыталась доказать последовательность и внутреннюю связь этого шага с прежней тактикой фракции: в III Думу, доказывала она, внести эти законопроекты было бесполезно, но «теперь дело стоит иначе»; сделанный шаг «примыкает» к речи Родзянко. Этот аргумент был высказан в защиту законопроектов о «свободах». Далее следовал переход к самому трудному пункту. Наряду с этим фракция совершила еще одно дело, «менее понятное» для политически неподготовленных обывателей, но «хорошо понятное для широких демократических масс», — законопроект о всеобщем избирательном праве. В связи с этим «нас, быть может, захотят поймать на слове...», поскольку авторы законопроекта заявили, что он представляет собой «лишь средство агитации». Нет, теперь это уже не жест — это было бы жестом в III Думе. Что же изменилось? «За всеобщее избирательное право в четвертой Думе, — вынуждена была признать передовая, — стоит только часть — будем надеяться (!), не особенно малая. Но нет человека в этой Думе, за исключением не выбранных, а *назначенных* ее членов (намек на крайних правых. — А. А.), кто не понимал бы необходимости изменить существующий избирательный закон... Вы недовольны проектом фракции? Так предложите свой»⁵⁶.

Все указанные выше первые выступления октябристско-кадетского «конституционного» альянса вызвали резко негативную реакцию правой части Думы. Точно так же отреагировал на него и носитель верховной власти, сделав это в намеренно оскорбительной для Думы и ее председателя форме. Некий Г. Алексеев, один из чиновников думской канцелярии, который, судя по его переписке, был посвящен во все дела, переговоры и планы председателя Думы (почему сообщаемые им сведения являются весьма ценными), в письме от 18 ноября 1912 г. к своему постоянному корреспонденту — «его превосходительству А. С. Алексееву», проживавшему в Москве, подробно, со слов самого Родзянки, описывал, как проходил первый доклад председателя IV Думы царю.

«Вчера Родзянко был у государя, — сообщал он, — и сейчас же после приема вызвал Глинку (начальника думской канцелярии. — А. А.) и меня, чтобы поделиться своими впечатлениями». Далее излагались эти впечатления. Царь не предложил Родзянке сесть и сам не сел — «небывалый прецедент». Вся беседа, длившаяся 25 минут, прошла стоя. Когда Родзянко пожаловался царю на то, что выборы в Думу прошли под большим давлением правительства и при вмешательстве в политику духовенства, в ответ ему было заявлено, что «даже в республиках правительство влияет на ход выборов». Возражение Родзянки, что там это делается «в рамках законности, а у нас все законы были отброшены», было встречено весьма холодно, и Родзянко, «заметив... что эта тема не

встречает сочувствия государя... поспешил перевести речь на здоровье наследника»⁵⁷.

Таким образом, оппозиционный дебют Думы был встречен резким недовольством правого лагеря и, с другой стороны, сам являлся крайне умеренным и противоречивым. Перспектива единой оппозиции стала еще более зыбкой, когда Дума перешла к центральному вопросу своей дебютной стадии — обсуждению правительственной декларации, зачитанной премьером В. Н. Коковцовым 5 декабря 1912 г.

Речь председателя Совета министров представляла собой мешанину из реакционных лозунгов и жалких псевдолиберальных подачек, в целом свидетельствуя о том, что царизм уже полностью утратил политическую инициативу, управлял страной по инерции, без малейшего творческого начала. Тактически декларация представляла собой предпринятую наспех попытку учесть сложившееся в Думе соотношение сил, которое оказалось не таким, как ожидалось в ходе «делания» выборов.

Заявив, что деятельность IV Думы должна состоять в отыскании путей по осуществлению манифеста 17 октября и что это осуществление благодаря наступившему «успокоению» «сделалось достижимым и для правительства, и для законодательных учреждений», Коковцов тут же потребовал неуклонно охранять «освященные историей» основы русской государственности — «единство и нераздельность империи, первенство в ней русской народности и веру православную»⁵⁸. На этом общая, принципиальная часть кончалась, и далее шел длинейший перечень всевозможных законопроектов, сведенных в восемь разделов, в которых пытались соединить несоединимое — охранительное и либеральные начала.

Естественным результатом подобной позиции было недовольство всей Думы, причем центральный пункт обвинений — отсутствие программы — был общим и для правых, и для либералов. Этот центральный пункт отчетливо отразила помещичье-буржуазная «большая пресса». «Рекорд речистости» — озаглавил свою статью Меньшиков, высмеивавший в ней «выходящее из границ многоглаголанье» премьер-министра»⁵⁹. «Слова, слова, слова», — в унисон суворинской газете сетовал «Голос Москвы»⁶⁰. «На что же надеяться?» — вопрошала передовая октябристского официоза в связи и по поводу правительственной декларации. Далее шла жалкая риторика: «Будем надеяться на неизбывные силы русского народа, которые помогали ему не раз переносить тяжелые испытания»⁶¹.

В статье «Море оптимизма» публицист «Утра России» Н. Лопатин сравнил декларацию с «очередным выпуском кредитных билетов, розданных направо и налево», но не имеющих никакого обеспечения. Оппозиции обещаны законопроекты об исключительных положениях и правовые реформы. «Обеспечение» — практика усиленных охран и прямой обман по части обещанных реформ. Дана масса обещаний промышленности и торговле; но их представители «что-то плохо пошли на удочку. Народ ведь практический,

отлично различающий безнадежный вексель от солидного». Пролетариату декларация говорит об обеспечении свободы труда, улучшении быта и т. д., но рядом красуется штемпель «Бодайбо» и подпись ротмистра Трещенкова. «Министр кончил. Он сказал все, что можно было сказать, ничего не говоря»⁶²

Передовая «Речи» констатировала: декларация Коковцова встретила в Думе «холодный прием и никого не удовлетворила»⁶³.

Обсуждение декларации в Думе наряду с общей критикой ее неопределенности и двойственного характера выявляло различие позиций и тем самым показывало, каковы расстановка сил и перспектива создания действенного второго большинства.

Представители правого лагеря видели выход из тупика, как это было им свойственно, только в ужесточении курса и репрессиях. Выслушав внимательно речь председателя Совета министров, заявил Пуришкевич, правые не могут «отнестись иначе как отрицательно к большей части того, что было сказано им в Думе». Тщетно было бы обнаружить «идейную и политическую последовательность в том... законодательном потоке, который изливался перед нами здесь третьего дня». «Мы были свидетелями удивительной ловкости», с какой премьер, «качаясь справа налево, слева направо, изображал собой... политические качели...». Пуришкевича и его соратников решительно не устраивало, что Коковцов, упомянув о правых «девизах», заговорил здесь и о девизах, «которыми руководствуются левые фракции», что лишило правых «уверенности в твердости правительственной политики», понимаемой, конечно, как курс открытой реакции. «Мы требуем...— решительно заявил Пуришкевич,— ярко очерченной программы, которая подкрепляла бы значение наших девизов и упрочивала бы ту самодержавную власть, под которую подкапываются левые фракции (т. е. либералы.— А. А.)... Надоела, нам претит... эта шаткость правительственной власти, эта неспособность ее твердо и прямо сказать, что она хочет». Программа Коковцова — это «не путеводная звезда русской государственности, а млечный путь, туманность».

Вторая часть речи Пуришкевича была посвящена изложению программы правых, которой должно руководствоваться правительство. В отличие от декларации премьера она была предельно четкой и ясной. Первым делом Пуришкевич потребовал принятия закона о введении телесного наказания — розог для борьбы с «хулиганством» в деревне. Затем шли обычные требования обуздания печати, «инородцев», внимания к церковно-приходским школам и борьбы с крамолой в школе и т. д.

Содержание и тон речи Пуришкевича не оставляли никаких сомнений — и это подчеркивал сам оратор — в том, что она представляет собой одно из звеньев в цепи кампании правых, имевшей целью свалить премьера и посадить на его место человека типа П. Н. Дурново, С. В. Рухлова, И. Г. Щегловитова, который покончил бы с политикой двух большинств в Думе и избрал бы открыто правый курс. Пуришкевич достаточно ясно давал понять,

что он говорит также от имени большей части коллег Коковцова: по кабинету. «Мы не можем признавать правильной точку зрения г. Коковцова» — узкую точку зрения министра финансов, а не премьер-министра, полагающего, что главное — это финансы и биржа, а для их устойчивости «центр тяжести работ Думы» должен «находиться не в правых руках, а в руках центра с теми господами, которые по техническим соображениям с этим центром соединяются», т. е. с кадетами⁶⁴.

В таком же агрессивно-наступательном духе, как и Пуришкевич, выступил его доблестный соратник Марков 2-й. Речь его, как всегда, была предельно реакционна. Он одобрил намерение председателя Совета министров внести новый полицейский устав, но желал бы «услышать также о пересмотре уголовного положения с повышением всех наказаний на несколько ступеней». Это необходимо потому, что «суды развратили русский народ снизу доверху, в особенности развратили нашу безбожную, безнародную интеллигенцию». Необходимо также ввести «для целого ряда преступлений хулиганского типа телесные наказания... В особенности необходимы телесные наказания для хулиганов-интеллигентов, для хулиганов из высшего класса населения». Отвечая на заявление либералов о необходимости утверждения «правовых начал», Марков 2-й в образной форме объяснил, почему это требование неприемлемо для правых в принципе. Если встать на этот путь, объяснял Марков 2-й, то это будет означать, что государственный паровоз поведут «его превосходительство», т. е. Коковцов, вместе с кадетом В. А. Маклаковым, которые сперва приведут его к станции по имени «конституция», за ней ко второй станции — «революция» и, наконец, к третьей — «демократическая республика». Тезис о том, что путь конституционного развития неизбежно приведет к гибели самодержавия и монархии, был краеугольным в политической концепции черносотенцев, их, так сказать, теоретическим кредо⁶⁵.

Националисты также критиковали правительственную декларацию за неопределенность, однако с иных позиций, требуя твердого курса и сильного лидера при сохранении законодательной Думы. Первым оратором националистов был А. И. Савенко, депутат от Киевской губернии, сотрудник «Киевлянина», новая звезда, взошедшая на тусклом националистском небосклоне. От имени своей фракции он также выразил крайнее недовольство декларацией правительства. «Ни в декларации... ни в действиях правительства, — заявил Савенко, — нет определенности, нет никакого движения ни вперед, ни назад, есть топтание на месте». А из всех политических курсов «самым опасным является отсутствие всякого политического курса». Но, солидаризируясь в критике премьера с крайними правыми, Савенко в то же время энергично подчеркнул разницу между ними и националистами в вопросе о Думе. «Мы, националисты, — заявил он, — являемся глубокими, убежденными сторонниками народного представительства, и в

этом отношении мы пойдем рука об руку со всеми разумными патриотическими элементами Государственной думы»⁶⁶. Под «народным представительством» Савенко разумел именно законодательную Думу, а под «разумными патриотическими элементами» — прежде всего октябристов.

Двойной и даже тройной коллега Савенко (по партии, фракции и «Киевлянину») В. В. Шульгин развивал ту же тему, что и его политический брат, но гораздо интереснее и острее. Обратив внимание аудитории «на то странное как будто бы обстоятельство, что с совершенно разных скамей мы совершенно одинаково нападаем на правительство», Шульгин дал этому следующее «очень простое» объяснение: «Правительство у нас сейчас, гг., не одно. У нас два или три правительства». Поэтому он будет «брюзжать не по адресу правительства вообще, а по адресу главы правительства». Премьер — «вот кто моя мишень».

Причина «резко изменившегося отношения» к Коковцову со стороны националистов лежит не в декларации (как об этом говорил Савенко), в которой, кроме «нескольких сомнительных фраз», есть «очень много хороших и разумных вещей», а гораздо глубже: страна переживает глубокий кризис: «Плохо с русским народом». Это «плохо» состоит в том, что «мы не только безнадежно отстали от наших западных соседей», но и внутри самой империи «происходит страшная трагедия: мы отстаем от поляков, евреев, финнов, немцев и чехов... При этих условиях нужны героические усилия, чтобы вывести русское племя на путь. И вот этих героических усилий, этого творчества, этой вдохновенной личности, этого человека, который будет день и ночь сидеть и думать, что бы сделать в этом отношении, человека, которого я бы назвал, с вашего разрешения, политическим Эдиссоном, такого у нас нет... Вот, собственно говоря, что мы ставим в вину главе правительства, не отдельному министру, а именно главе: нет широты плана, нет размаха, нет смелости, а по условиям времени это нужно»⁶⁷.

Приведенная тирада очень выразительно формулирует основную политическую проблему с точки зрения господствующего класса: как покончить с прогрессирующей отсталостью и нищетой «русского племени», т. е. решить главную историческую задачу, стоявшую перед страной, сверху, чтобы не допустить революции. По сути, Шульгин признал, что у царизма нет средств для такого решения; более того, он признал, что не только режим, но и сам господствующий класс бессилён предложить какую-либо конструктивную программу. Тоска по великой личности — будь то пророк, Мессия, вождь или диктатор — была лучшим выражением этого бессилия, ибо возлагать все надежды на одного, пусть великого, человека значило надеяться на чудо. И недаром тоска по сильной личности являлась лейтмотивом, сердцевинной политического настроения правого лагеря на всем протяжении третьей юнкерской эпохи.

Шульгину было бы вполне уместно задать самому себе вопрос или обратиться с ним к своим политическим друзьям, почему

же все-таки у господствующего класса нет «политических Эдиссонов», почему он их не рождает, когда потребность в них так велика и остра? Даже если согласиться с ним, что таковым Эдиссоном был Столыпин, на которого он явно намекал в своей речи, то все равно вопрос оставался в силе. Позже (в книге «Дни») Шульгин задаст себе этот вопрос и даст совершенно правильный ответ, признав, что класс, к которому он принадлежал, исторически изжил себя и породить великих людей был уже не способен. В описываемое время он еще тешил себя иллюзией, что такие потенциальные вожди есть, но что мелкие, ничтожные люди, окружающие царя и держащиеся за власть, именно в силу своей ничтожности и эгоизма не дают дорогу Эдиссонам-спасителям.

Единственной фракцией, продемонстрировавшей лояльность к Коковцову, была фракция П. Н. Крупенского. В письме от 3 декабря октябрист Н. А. Хомяков сообщал своему корреспонденту: «Дан заказ Крупенскому составить центр, ибо государь недоволен выборами, а роспуска Гос. думы не хочет»⁶⁸. Вместо октябристов правительством был намечен новый «центр», говорилось по этому поводу в отчете кадетской фракции, «демонстративно принявший вместе с этим именем также и поручение организовать большинство...»⁶⁹. Оправдывая свое название фракции «консервативных конституционалистов» и претендуя на октябристское наследство, «центр» в качестве своего пожелания выставил требование реформ. Однако требование это на деле не шло дальше самой правительственной декларации.

«Прежде всего,— начал В. Н. Львов 2-й,— мы не можем не приветствовать начальной части декларации, которая ясно и определенно говорит о том, что правительство, раз вступивши на путь реформ, с этого пути не сойдет». Это тем более отрадно, что покойный Столыпин, также «ревностный сторонник реформ», поддаваясь давлению сил, пытавшихся затормозить эти реформы, часто «колебался... и недостаточно решительно вступал на этот путь». «Этот путь реформ...— продолжал далее оратор,— должен основываться на началах, которые провозглашены манифестом 17 октября и дальнейшими указами верховной власти». Дальше он изложил политическое и тактическое кредо «подлинного» консерватизма. Ошибаются те, говорил Львов 2-й, которые считают консерватизм синонимом застоя: «Мы, консервативная партия, партия центра, исповедуем, что тогда, когда общество выражается (!) решительно за реформы, тогда, когда мы с нашей государственной точки зрения считаем, что реформы необходимы, то их нужно дать для того, чтобы они не были взяты... не были вырваны радикальными течениями...». Сейчас именно такой момент.

П. Н. Крупенский, Львов 2-й и К^о сочли бы себя плохими консерваторами, если бы конкретно не объяснили своим коллегам справа и слева, что они разумеют под «государственной точкой зрения», когда речь идет о реформах. «Все реформы, которые должны быть даны русскому государству, по нашему мнению,— разъяснял позицию своей фракции Львов 2-й,— должны быть

строго скоординированы, сгармонированы с этими незыблемыми основами русского государства. („Эти основы,— говорилось выше,— монархическая власть, русская народность и православная церковь“.) Веротерпимость и свобода совести не должны клониться к нарушению прав православной церкви; затем реформа, клонящаяся к расширению прав инородцев... не должна клониться к уничтожению прав русской народности, которая всегда была первенствующей в русском государстве... Также, наконец, реформы правовые не должны поколебать тот монархический строй, на котором незыблемо покоится русское государство»⁷⁰— одним словом, в точности, как в первом пункте «конституции» одного щедринского героя: «Никому не возбраняется ходить по улицам». *Примечание:* «А ну-ка, попробуй!».

Что же противопоставили правым сторонники «конституции» и прежде всего октябристы, от которых зависел ход думского законодательства? Фактически они не выдвинули никакой позитивной программы, что явилось свидетельством их полной деморализации и растерянности. Отправной точкой и главной темой речи бар. А. Ф. Мейендорфа была не декларация, а заявление Н. Е. Маркова 2-го о том, что «Союз русского народа» — якобы массовая народная партия, опирающаяся на народ и рассчитывающая на него. Это крайне опасная демагогия, игра с огнем, предостерегал бар. Мейендорф. «Мы считаем ее (заигрывание с „народной стихией“.— А. А.) одним из опаснейших политических аргументов... Ту стихию, которую вы желаете разнуздать, она в короткое время обратится против вас» и вы будете «пожинать тот урожай, который вам сулили левые...».

Но тогда где же искать выход? Этот вопрос неизбежно вставал перед правооктябристской контрреволюцией всякий раз, когда приходилось снова и снова констатировать, что народ в лучшем случае не с ней. Как говорить и действовать от его имени и, главное, где взять силу и вес для своих действий, если нет никакой сколько-нибудь широкой социальной базы? Оратор октябристов ответил на этот коренной вопрос следующим образом: мы отвергаем демагогию по отношению к русскому народу, но мы верим в здравый смысл русского народа. «Вера в здравый смысл,— пояснял далее этот тезис бар. Мейендорф,— действительно нам масс не дает, и мы в настоящую минуту не желаем изобразить из себя людей, которые ломают комедию, будто за ними стоят массы, которые они двинут в любую минуту. За нами массы не стоят, но за нами стоит здравый смысл... и вы оскорбите русский народ, если вы в этот здравый смысл веровать не желаете».

Далее бар. Мейендорф перешел к критике столь недавних своих друзей — националистов, и критиковал он их за то, что и они пытаются «изобразить из себя народную партию», быть «похожими на правых» и пытаются доказать, что они, «эти народники, созданные отчасти произволением», тоже сила, опирающаяся на народ. Но «вы этим самым поступаете в приготовительный класс демагогии и, может быть, со временем вы перейдете и в выс-

ший класс». Какова же конструктивная программа, которую октябристы намеревались противопоставить «широковещательным обещаниям» правых и националистов? «То, что мы противопоставим, будет чрезвычайно скромно»: «Единственную задачу, которую мы считаем выполнимой в теперешних условиях нашего государственного быта и которую мы считаем настоятельной, это обоснование авторитета власти на нравственных началах. Нам необходима власть, пользующаяся действительным уважением, а не строящая свою политику и свои меры на страхе... Вот это простое требование нам представляется осуществимым»⁷¹. Каким образом октябристы намеревались осуществить свое требование, осталось секретом бар. Мейендорфа, — секретом, которым он не смог бы поделиться, даже если бы захотел, потому что это был такой же блеф и демагогия, как и справедливо критикуемая им демагогия правых.

Недалеко от октябристов, несмотря на более решительный тон, ушли прогрессисты. Главный путь обновления страны они видели в образовании в Думе «левого центра», который и проведет нужные для обновления страны законопроекты. Вопреки стараниям определенных лиц во время выборной кампании «создать из Таврического дворца учреждение с надписями: „Чего изволите!“, „Рады стараться“» — IV Дума такова, что в ней «совершенно возможен конституционный умеренный левый центр...», — заявил пермский депутат, новый деятель прогрессистов А. А. Бубликов. Правящая бюрократия давно уже потеряла всякое творческое начало, продолжал он, поэтому в условиях крайне обостренной внешне- и внутривластной обстановки «самое лучшее, чего бы мы могли сейчас пожелать, это типично чиновничьего делового министерства». Тогда есть надежда, что «Дума с тем образующимся и, мне кажется, неизбежно долженствующим образоваться конституционным центром могла бы работать, могла бы осуществить значительное количество тех весьма благих законопроектов, которые были перечислены.. Сейчас великих реформ ждать нечего, но при известной готовности... идти на соглашения мы можем дать стране многое из того, что перечислено в декларации...»⁷².

В отличие от своего молодого неискушенного коллеги старый, травленный III Думой прогрессистский волк Н. Н. Львов I-й был настроен более пессимистично и уповал не на «конституционный центр», а на весьма неопределенную силу — общественное мнение. «У нас, — заявил Львов I-й, — возникает невольное сомнение» относительно возможности осуществления «начал» манифеста 17 октября, обещанного в декларации. «Никогда... раньше, — вынужден был подвести итог совместному пятилетнему сосуществованию власти и „народного представительства“ прогрессистский лидер, — не было такой разнузданности правительственной власти, как в настоящее время, не было никогда такого самовластия министров, как мы видим теперь. Вместо сдерживания, вместо того, чтобы общественное мнение в лице Государственной думы сдерживало правительство, мы видели здесь разгул страстей... и сам закон стал игрой этих страстей».

В свете этого признания концовка речи выглядела ничемным пустословием с бессильными угрозами, столь характерными для российских либералов. «Вот мы явились сюда,— грозил правительству Львов 1-й,— чтобы заявить вам, что в России есть общественное мнение, которое не потерпит, чтобы над ним издевались так, как издевались до сих пор, и что это общественное мнение есть сила, которая требует своего признания и уважения к себе»⁷³.

Еще один деятель прогрессизма из молодой поросли, А. И. Коновалов, указал в своей речи, очень умеренной даже в сравнении с речью Львова 1-го, на опасность экономического и технического отставания от передовых, развитых стран, вызванного отсталостью политического строя страны. «Но я спрашиваю вас,— патетически восклицал он,— можно ли нам продолжать идти черепашьим шагом в то время, когда наши мировые конкуренты гигантскими шагами идут вперед по пути национального развития. Мы страшно отстали, мы страшно бедны... Далее медлить нельзя». Выход один — надо идти по пути западных стран: «Только усвоив себе наиболее совершенные формы гражданского общежития, присущие другим культурным народам, мы будем в состоянии двигать страну по пути ее духовного и материального развития, созидая народу богатство и счастье»⁷⁴.

Выступления двух наиболее видных кадетских депутатов — В. А. Маклакова и П. Н. Милюкова — лидера правого крыла и кормчего срединного курса — свидетельствовали о весьма значительных политических и тактических расхождениях в недрах партии «Народной свободы».

В. М. Пуришкевич прав, начал свою речь Маклаков,— «и справа и слева» все согласны в одном: «Так, как мы до сих пор шли, дальше идти невозможно... этой дорогой мы придем к одному — к катастрофе». Где же выход? Пуришкевич полагает, что выход — в принятии триединой уваровской формулы. Если бы это было так! Но, к сожалению, «последние пять лет успокоения» показали, что «обаяние и авторитет этой формулы не возросли», как доказывает тот же Пуришкевич. «Попробуйте пойти на выборы в стране без угроз, без насилия, без обмана» и вы увидите, что формула не найдет в народе никакой поддержки, потому что правые, реакция сделали все, чтобы эта формула стала ненавистной ему. Они оправдали французскую поговорку, гласящую, что «в своей премудрости бог предпочитает тех, кто его отрицает, тем, кто его компрометирует». Казалось, вывод из такого заключения напрашивался сам собой, но у Маклакова была своя логика: надо еще раз правительству все хорошо и убедительно объяснить и еще раз продемонстрировать величайшую умеренность и готовность к сотрудничеству. Встаньте, заклинал правительство кадетский златоуст, на «путь прямой и простой; это путь честности, честного исполнения манифеста». И не пугайтесь такой перспективы: «Россией управлять вовсе нетрудно; управлять Россией в данный момент — благодарная задача». Почему? «Мы не избалованы,

мы ценим всякую попытку власти быть честной... мы очень ценим малейший шаг вперед, который делается навстречу желаниям нашим». Не надо смущаться «неудачным опытом прошлого, нетерпеливостью оппозиции, утопизмом левых партий». Это не страшно: «Малейший шаг в хорошем направлении не встретит в оппозиции палок в колеса».

Более того, кадеты вовсе не предлагают власти опереться на оппозицию, не говоря уже о крайних левых партиях. «Не это опора власти; власть, себя уважающая... знает, где ее настоящая опора». Это обыватель, «класс людей, глубоко консервативный», жаждущий покоя и порядка, верящий власти. «Вот этот класс, по существу, союзник ее и опора». И вся беда в том, что даже этот класс власть сумела оттолкнуть от себя и бросить в объятия оппозиции, привести его к тем, «которых он, может быть, не хотел бы иметь своими руководителями...». Пусть власть, закончил свою речь Маклаков, «сделается верной слугой манифеста (17 октября. — А. А.) ... и на этом пути... возможно наконец ее примирение со страной»⁷⁵.

Речь Милюкова фокусировалась в метафоре «три замка», которую лидер кадетской партии сам придумал и, судя по всему, был очень доволен своей литературно-политической находкой. Отметив, как и другие ораторы, что декларация Коковцова вовсе не декларация, а «законодательный потоп», в котором перемешаны либеральные и реакционные цели и проекты, Милюков ставил и отвечал на вопрос о причинах, породивших столь странный и противоречивый документ. Ответ его сводился к тому, что декларация составлялась до открытия Думы, когда существовала уверенность, будто выборы обеспечили в ней правое большинство. Когда — с открытием Думы — правительство убедилось в своей ошибке, декларацию начали срочно начинять либеральными вставками, с тем чтобы «нащупать» работоспособный «центр», т. е. восстановить механизм, существовавший в III Думе. Сославшись в подтверждение на признание Пурйшкевича о том, что с трудом была получена IV Дума как таковая, и на пикировку правых и октябристов по вопросу о том, за кем идут массы, Милюков констатировал: масс нет ни у тех, ни у других. IV Дума отгорожена от народа законом 3 июня, но они есть у кадетов. «За нами есть массы», — решительно сказал вождь партии «Народный свободы», не смущаясь тем, что сказал заведомую неправду. А для того, чтобы возможно было осуществить требования масс, пославших кадетов в Думу, необходимо предварительно снять «три замка»: избирательный закон 3-го июня, Государственный совет в его настоящем виде и правительство, не ответственное перед Думой. «Мы категорически утверждаем, что ничего не будет, Россия не выйдет из тупика, в который ее завели, до тех пор, пока не будет изменен избирательный закон, пока не будет предпринята коренная реформа Государственного совета и пока, наконец, министерство не поймет (!), что оно ответственно перед палатой и должно выполнять ее волю, а не свою».

Резкий сдвиг страны влево, безудержное левение масс, страх остаться жалкой кучкой, изолированной даже от «городской демократии» (как кадеты называли свою главную опору — мелкую и среднюю городскую буржуазию, приказчиков, конторщиков и др.), заставляли кадетского вождя говорить «левым» языком: «Мы не скрываем, гг., от себя, что это большие уступки. Но мы не пойдем навстречу власти до тех пор, пока они не будут сделаны, и, быть может, поэтому заранее предчувствуем, что нам не придется пойти навстречу власти в этой Государственной думе». Однако Милюков «пошел навстречу власти» тут же, спустя считанные минуты, когда перешел к внешнеполитическому разделу своей речи: «По отношению к иностранной политике нашего правительства мой взгляд совершенно иной. Мне приходится нашу официальную дипломатию защищать». И далее шла весьма обстоятельная защита политики С. Д. Сазонова... от правых и националистов ⁷⁶.

Итак, что же показали отмеченные позиции буржуазно-помещичьих фракций в Думе? Главное впечатление состоит в том, что ни одна из них не была способна ни на какое дело, а их многообещающие названия прикрывали всего лишь пустоту. Этот итог довольно зло, хотя и не совсем верно (особенно в том, что касалось социал-демократической фракции, в оценке которой содержалась прямая передержка), выразил «думорощенный» поэт кадет Л. А. Велихов в стихотворении «Здравый смысл в Государственной думе». Стихотворение сохранилось в архиве кадета, затем прогрессиста кн. С. П. Мансырева. Из заголовка видно, что поводом для стихотворения послужили «крылатые» слова из речи бар. Мейендорфа о здравом смысле:

Куда же смысл девался здравый?
Всегда неправ бывает *правый*.
Враг наций всех — *националист*
Живет июнем *октябрист*.
Центр-поселился на окраине
(намек на Крупенского — Бессарабия).
Кадет стал генералом в тайне.
К обидам гордый *лях* привык
(намек на провал законопроекта о городском положении).
Трудов не любит *трудовик*.
А «пролетарии всех стран»
Слились в один кавказский стан
(Чхендзе, Чхенкели, Скобелев — кавказские депутаты).
Лишь *прогрессист* не знает критик:
Он — прогрессивный... паралистик ⁷⁷.

Ответ В. Н. Коковцова на критику правых и либералов был полон язвительности и раздражения, что лишь подчеркнуло отсутствие серьезной, действенной программы и у правительства.

«Когда будут завершены ваши дебаты, этого, конечно, я не знаю,— иронизировал Коковцов,— но не могу не обратить внимание на то, что находимся сегодня почти накануне вашего роспуска

на рождественский вакат». Возможно, депутаты, вернувшись с каникул, и, подобно Антею, прикоснувшись к своей родной земле, захотят с новыми силами «начать бесконечную серию критических отзывов по программе правительства и нападков отчасти даже личного свойства на председателя Совета министров». Поэтому он, Коковцов, предпочитает выступить с ответом сегодня, а у депутатов впереди еще два дня, и у них, следовательно, есть полная возможность «направить в мое сердце новую тучу стрел в добавление к тем, которые были пущены с разных сторон в течение этих четырех дней». Ему, конечно, понятны и мотивы, которыми руководствуются его критики, и по-человечески он их понимает и не сердится: «„Старые бойцы“ III Государственной думы стали во главе „новых дружин“, которых надо «закалить... к будущим боям», пропустив через критический «шрапнельный огонь», и завоевать себе авторитет вождей. Со своей стороны «новые деятели» спешат перейти с «домашней сцены», где их выбирали в Думу, на широкую арену Таврического дворца. На хорах много публики. С думской трибуны выступает хотя и не «государственный Эдисон», но все же глава правительства. «Как же этим случаем не воспользоваться... не подняться до верхнего регистра и не унести в небесную высоту и с этой новой высоты вещать новые политические истины» и т. д. Затем, пройдя мимо высказанных и правыми, и либералами требований общеполитической программы, определенного курса, премьер длинно и тягуче стал отвечать по ряду конкретных вопросов, поднятых в речах думских ораторов. По общим же вопросам, заявил Коковцов, «я отвечать вовсе не буду»⁷⁸.

По декларации Коковцова были внесены четыре формулы перехода: кадетов, прогрессистов, трудовиков и националистов. Формула трудовиков была неприемлема для фракций думского большинства аргюги. Формула националистов, состоявшая из одного предложения, гласила, что Государственная дума «не теряет надежды на то, что правительство вновь станет на путь твердой и ясной русской национальной политики»⁷⁹, поэтому тоже не могла рассчитывать на принятие. Таким образом, оселковыми, устанавливающими степень «полевения» октябристов, стали формулы кадетов и прогрессистов. Учитывая это, кадеты постарались сделать свою формулу максимально приемлемой для партнеров справа. Она состояла из сочетания слов о началах манифеста 17 октября и трех милюковских «замков», из которых один, хотя и не был взломан или открыт, все же сильно изменил свою первоначальную конструкцию: пункт об ответственном министерстве был сформулирован как требование «согласования предположений правительства с ясно выраженной волей страны»⁸⁰.

Тем не менее октябристы проголосовали за формулу прогрессистов, где говорилось только о «началах» манифеста 17 октября, без всяких «замков». Отказ от своей формулы председатель октябристской фракции Н. И. Антонов аргументировал с потрясающей непринужденностью: «Мы никакой собственной формулы

не вносим, потому что мы находим, что те критические замечания по отдельным вопросам декларации права гражданства, которые мы хотели выразить, уже были разъяснены ораторами нашими — бар. Мейендорфом, Шидловским и Ковалевским». За формулу же прогрессистов октябристы голосуют потому, что там речь идет о манифесте 17 октября и строгой законности, о чем говорится и в их программе ⁸¹:

На рождественский «вакат» думцы разъезжались недовольные всем и вся: Думой, правительством, партнерами, собственными фракциями. Особенное уныние царило во фракции «здорового смысла». «К сожалению, приходится отметить, — делал признание октябристский официоз, — что на фоне вообще очень тусклой деятельности четвертой Думы деятельность октябристской фракции была наиболее бледной». Ни в одном важном вопросе «со стороны октябристов не было ни одного яркого выступления» ⁸².

За две недели до этой констатации, 29 ноября, председатель октябристской фракции Антонов послал редактору «Голоса Москвы» Ф. И. Гучкову письмо с протестом против опубликования на его страницах статьи «Бессильная Дума», в которой, по его мнению, содержалось «неосновательное осуждение 4-й Думы» за неработоспособность. «Никаких указаний на отсутствие работоспособности 4-й Думы не вижу, — возражал Антонов. — ...Мы, октябристы, сожалеем о численном сокращении нашей фракции, но работники в нашей среде имеются, желание работать налицо, и 4-я Дума будет работать, как работала 3-я. Ввиду этого убедительно прошу Вас, чтобы подобные статьи не печатались в „Голосе Москвы“, ибо они только затрудняют соглашения, которые у нас налаживаются» ⁸³.

Какие соглашения имелись в виду, об этом лидер фракции благоразумно умолчал. И хотя Гучков письму внял, но очень ненадолго. Уже 9 декабря он писал А. В. Бобрищеву-Пушкину, автору статьи, вызвавшей неудовольствие Антонова: «Мне кажется, что мы совершенно достаточно выждали после письма Н. И. Антонова и что теперь можно бы снова помещать в „Голосе Москвы“ статьи в духе и тоне вашей „Бессильная Дума“. Характерное и необыкновенно удачное название. И не только для Думы, но и для правительства: всюду полное бессилие... Еще не совершился, но, думаю, близок раскол во фракции октябристов» ⁸⁴.

Если так представлял себе «левоцентристские» возможности октябристов один из главных деятелей «Союза 17 октября», спустя месяц ушедший в лучший мир с душой, преисполненной пессимизма и неверия, то лидер кадетов тем более должен был признать, что никаких реальных надежд на «Прогрессивный блок» соседи справа не оставляют. «Эволюция октябризма влево ненадежна, — констатировал он на пленарном заседании Центрального комитета 1 февраля 1913 г. — Дума осуждена на полную случайность голосований» ⁸⁵.

Однако главная причина пессимизма Гучкова и Милюкова коренилась в ясном понимании того, что они вернутся и осуждены

впредь вернуться в заколдованном кругу: снова и снова возобновлять дискуссию и проекты «левого центра», будучи при этом уверенными в глубине души в полной бесплодности каждой очередной попытки.

Помещичье-буржуазному лагерю контрреволюции противостоял в Думе революционно-демократический лагерь, представленный фракциями социал-демократов и трудовиков. В сравнении с фракциями думского большинства они были крайне малочисленны, но как правые, так и либералы отлично сознавали, что 14 социал-демократов и 10 трудовиков выражают интересы подавляющего большинства народа, олицетворяют и представляют ту самую революцию, о приближении которой с ужасом думали и говорили политики и публицисты господствующих классов.

В отличие от социал-демократической фракции, трудовики в Думе организационно были очень слабы, за ними не стояла никакая определенная организация. Тем не менее сила и значение фракции трудовиков состояли в том, что они выражали настроения и интересы крестьянских масс (чего нельзя было сказать о некоторых их лидерах, прежде всего о А. Ф. Керенском). Хотя в Думе трудовики были непоследовательны, все время колебались между либералами и социал-демократами, демократизм в конечном итоге брал у них верх.

Председателем фракции, как и в III Думе, был В. И. Дзюбинский (единственный из всех своих прежних товарищей по фракции, кому удалось быть избранным вторично), но фактическим ее лидером стал А. Ф. Керенский. Именно он был главным оратором фракции по декларации правительства, и его речь исключительно наглядно показывает, что на самом деле Керенский был не революционером, за которого он себя выдавал, а дюжинным мелкобуржуазным радикалом.

Выдвинув главный лозунг трудовиков «Вся земля всему трудящемуся народу», Керенский далее продолжал: но, «провозглашая этот принцип, мы... не идем путем анархии, мы не идем путем экспроприации... мы говорим: созовите собрание всего народа, избранное на основании всеобщего равного избирательного права... Мы признаем, что в государстве вопрос не может решаться голой силой, а должен решаться мнением большинства...». Во всей речи не было и намек на то, что требуемое оратором «собрание» может созвать только народ, пустив в ход именно эту «голую силу». Наоборот, Керенский специально подчеркивал, что такой путь для него не приемлем в принципе: «Гг. говорят, что мы хотим преследовать свои, какие-то доктринерские (!) цели, но ведь мы не хотим взять и не взяли власть, как вы взяли ее в руки экспроприаторским путем»⁸⁶.

Декларация трудовой группы была зачитана Н. О. Янушкевичем. Она была весьма обширной, и в ней, как это было характерно для трудовиков, демократические лозунги мирно соседствовали с чисто либеральными требованиями, пацифистский протест против империалистической политики России и великих держав на

Балканах дополнялся указанием на необходимость лучшей подготовки к «защите государства» и т. д. В заявлении фигурировали «могильный покой» и «произвол земских начальников и урядников», осуждалась «помещичья Дума», звучал призыв к «согласию всей оппозиции для достижения общих целей» — создания «истинного народного представительства». Резолютивная часть требовала ответственного министерства, «контроля народного представительства» над внешней политикой правительства, отмены земельного закона 14 июня 1910 г., свободы союзов и стачек, изменения податной системы с введением прогрессивного налога, всеобщего избирательного права, бесплатного образования, восстановления поправленных прав Финляндии, отмены исключительных положений, подлинной независимости и несменяемости судей. Последний, 12-й пункт резолюции указывал, что «осуществление перечисленных насущных требований возможно лишь при полномочном народном представительстве, основанном на всеобщем избирательном праве, и что только в единении трудящегося населения и всей демократии — залог достижения поставленных целей». В связи с этим резолюция призывала «все население к объединению и организации для создания справедливых форм государственной жизни»⁸⁷.

Значение представительства рабочего класса как фактора, усугублявшего кризис третьей Думы, в рассматриваемый период еще более возросло. Это было обусловлено двумя взаимосвязанными причинами — размахом рабочего движения в 1912 — 1914 гг. и победой большевистских кандидатов над меньшевистскими в рабочей курии шести промышленных губерний, где был сосредоточен основной костяк фабрично-заводского пролетариата страны (Петербургская, Московская, Костромская, Владимирская, Харьковская, Екатеринославская). Большевистская шестерка рабочих депутатов была послана в IV Думу армией рабочих, в пять раз превышавшей количество рабочих тех восьми губерний, от которых прошли меньшевики. Все шесть большевистских депутатов были рабочие, тогда как меньшевистская «семерка» наполовину состояла из интеллигентов и в основном была избрана от окраин. В частности, Кавказ неизменно посылал в Думу меньшевиков, что, по справедливому замечанию А. Е. Бадаева, в решающей мере объяснялось оппозицией населения русификаторской политике царизма⁸⁸.

Такой результат был достигнут большевиками впервые. Во II Думе от рабочей курии меньшевиков было 12, большевиков — 11; в III Думе тех и других было поровну, и вот теперь все шесть курiales рабочих депутатов были большевиками⁸⁹. Факт этот означал победу большевизма над ликвидаторством и, следовательно, окончательный крах надежд кадетских либералов на реформистское перерождение рабочего движения в стране и на союз с социал-демократами в Думе. Борьба, которую вели большевики с ликвидаторами во время выборов, должна была, естественно, продолжиться в самой Думе между «шестеркой» и «семеркой»,

поскольку большевистская и меньшевистская точки зрения на характер и задачи пролетарского «парламентского» представительства резко расходились между собой. В то время как главным политическим требованием меньшевиков была пресловутая «свобода коалиций», большевики вели избирательную кампанию под «неурезанными» лозунгами 1905 г. «Главными избирательными лозунгами нашей партии на предстоящих выборах,— говорилось в резолюции Пражской конференции,— должны явиться: 1) демократическая республика, 2) 8-часовой рабочий день, 3) конфискация всей помещичьей земли»⁹⁰.

Приход «шестерки» в IV Думу означал также резкое усиление влияния большевистской партии на работу фракции. В отличие от меньшевиков, рассматривавших фракцию как автономную организацию, свободную в своих решениях и не зависящую от указаний партийного центра, большевистские делегаты в своей работе целиком руководствовались резолюцией Краковского совещания (26 декабря 1912 г.— 1 января 1913 г.) «О думской с.-д. фракции», пункт 3 которой гласил: «Признавая единственно правильной установившуюся в нашей партии традицию, в силу которой думская с.-д. фракция является органом, подчиненным партии как целому в лице ее центральных учреждений, совещание находит, что в интересах политического воспитания рабочего класса и правильной постановки думской работы партии необходимо внимательно относиться к каждому шагу с.-д. фракции и таким образом осуществлять контроль партии над фракцией»⁹¹.

Контроль и руководство партии резко усиливали роль «шестерки» не только в Думе, но и в стране, в рабочем движении. Деятельность большевистских депутатов в Думе в ряде случаев прямо увязывалась с выступлениями рабочего класса, особенно рабочих Петрограда, они принимали самое активное участие в работе «Правды» и в общепартийных совещаниях (Краковское, Поронинское), получали непосредственные указания от В. И. Ленина. Фактически «шестерка» стала легальным центром революционного рабочего движения в стране.

Именно благодаря тому, что «шестерка» являлась одним из звеньев в системе партийных организаций, ее авторитет в рабочем классе был весьма высок, она сравнительно легко могла перенести такой тяжелый удар, как «дело» Малиновского. Объясняя причины этого, В. И. Ленин в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии писал: «...проводя провокатора в Думу... охранка руководилась грубым представлением о большевизме» как о примитивных заговорщиках. На деле же «оказалось, что Малиновский превратился в одно из звеньев длинной и прочной цепи, связывавшей (и притом с разных сторон) нашу нелегальную базу с двумя крупнейшими органами воздействия партии на массы, именно с „Правдой“ и с думской с.-д. фракцией. Оба эти органа провокатор должен был охранять, чтобы оправдать себя перед нами»⁹².

Социал-демократическая фракция выступила со своей декла-

рацией в первый же день прений. Как свидетельствует А. Е. Бадаев, выработка декларации заняла ряд заседаний и «вылилась в напряженную борьбу» между «шестеркой» и депутатами-меньшевиками, спор шел «из-за каждой фразы, из-за каждого выражения». В конце концов «после долгой и упорной борьбы» большевистская часть фракции добилась включения в декларацию всех своих основных требований. В основу декларации легли тезисы В. И. Ленина «К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов». В нее вошли почти все главные пункты программы-минимум. Меньшевики, однако, настояли на своем требовании культурно-национальной автономии⁹³.

В декларации говорилось, что «Российская социал-демократия является отрядом международной армии социалистического пролетариата... Мы присоединяемся к социалистическому конгрессу в Базеле и вместе с пролетариатом всего мира объявляем войну войне». Декларация выражала сочувствие балканским народам в их борьбе за национальное освобождение. Столь же решительно и резко критиковалась внутренняя политика правительства и третьей Думы. Земельная, финансовая и экономическая политика правительства клеймилась как разоряющая народ и препятствующая развитию производительных сил страны. Осуждались политика репрессий и провокаций, натравливание одной нации на другую, русификаторская политика на окраинах, разрушение финляндской конституции, разгром Кассо высшей школы и т. д.

В заключительной части провозглашалась твердая решимость социал-демократии бороться за осуществление восьмичасового рабочего дня и программы-минимум в целом — «за ближайшие требования и конечную цель российской социал-демократии». Декларация заканчивалась следующими словами: начавшиеся новые выступления рабочего класса за осуществление этих целей «вселяют в нас бодрость» и в IV Думе социал-демократическая фракция будет «работать для приближения того часа, когда всенародное учредительное собрание положит начало полной демократизации государственного строя России и тем самым расчистит пролетариату путь для борьбы за освобождение от цепей наемного рабства, для борьбы за социализм»⁹⁴. Под словами «полная демократизация государственного строя» разумелась демократическая республика.

По правительственной декларации выступили еще три социал-демократических оратора — меньшевики Н. С. Чхеидзе и А. И. Чхенкели и большевик Г. И. Петровский. Сравнение этих речей выглядит весьма поучительно. Чхеидзе в значительной мере, а Чхенкели целиком выступали как собственно грузинские депутаты, протестующие от имени своих избирателей против националистической политики царизма в Грузии и на Кавказе. Еще до своей речи кавказские социал-демократические депутаты вместе с социал-федералистом В. Л. Геловани обратились в связи с декларацией правительства с вопросом к председателю Совета

министров, почему в декларации не сказано ни слова о земском самоуправлении, которого «Кавказский край давно ждет», а также о реформе уездного, участкового и сельского управления, распространении института мировых судей и т. д., тогда как разработка реформ «по означенным вопросам была в особенно торжественной форме возведена населению Кавказского края наместником его императорского величества на Кавказе еще 1 апреля 1905 г.» Вопрос премьеру формулировался следующим образом: «1) в какой именно стадии разработки находятся вышеупомянутые реформы, 2) когда, собственно, могут быть внесены в законодательные учреждения соответствующие законопроекты»⁹⁵.

Характер вопроса, так же как и речь Чхеидзе в его защиту, свидетельствуют о том, что кавказские меньшевики в этой своей акции ничем не отличались не только от кадетов, но и от прогрессистов.

Речь Петровского, уступавшая внешне язвительной и остроумной речи Чхеидзе и гладкой — Чхенкели, поскольку это была речь простого рабочего (в то время как оба кавказца были опытными ораторами, имевшими высшее образование), с точки зрения революционной социал-демократии выгодно отличалась от их речей. Сам Петровский косвенно подтвердил эту разницу. В ответ на смех с правых скамей Петровский заявил: «Вы, гг., смеетесь... потому, что моя речь не такая эластичная (в смысле гладкая. — А. А.)... но когда я говорил пославшим меня, что я, быть может, не сумею (не будучи оратором. — А. А.) выразить в Думе то горе, то несчастье которым они страдают», потому что черносотенные зубры могут засмеять за неудачное слово, «то мне сказали рабочие: иди и говори, чем мы страдаем, иди и говори (совместно. — А. А.) со всеми нашими товарищами и не стесняйся».

Исполняя этот наказ, Петровский закончил свою речь словами о красном знамени, на котором написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь для дружной борьбы... за осуществление на земле... братства, равенства и социализма...»⁹⁶.

Тем не менее фракция социал-демократов при своем первом выходе на трибуну IV Думы допустила довольно серьезную ошибку. Ошибка эта, как указало Краковское совещание, состояла в том, что фракция не только не внесла свою собственную формулу перехода по декларации правительства, но и голосовала за формулу прогрессистов⁹⁷.

В какой-то мере эта ошибка была компенсирована двумя запросами фракции, которые были внесены 14 декабря 1912 г., в разгар прений по декларации Коковцова. Первый запрос был обращен к министрам внутренних дел и юстиции по поводу отказа в регистрации профессиональным рабочим союзам со стороны Петербургского по обществам присутствия; второй — министру внутренних дел о препятствиях, чинимых петербургским градоначальником рабочим в устройстве ими собраний для обсуждения страховых законов⁹⁸. Хотя требование спешности этих запросов было отвергнуто и они были переданы в комиссию по запросам, т. е.

отложены в долгий ящик, в целом деятельность социал-демократической фракции противостояла всему спектру буржуазно-помещичьих фракций.

Подводя итог работы IV Думы в начальный ее период, можно сделать вывод, что как выборы президиума, так и обсуждение правительственной декларации показали, по существу, неизменность расстановки сил в Думе. Эта расстановка сил не давала видимой перспективы создания как право-, так и левоцентричного большинства, т. е. означала сохранение тупика.

ПЕРВАЯ СЕССИЯ: «СКУКА» И НАРАСТАНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ

Исследователь был бы в большом затруднении, пытаясь найти нить, связывающую как-то воедино все те разрозненные акции, которые составили содержание деятельности IV Думы с 21 января (после рождественских каникул) до 25 июня 1913 г., когда закончилась первая сессия, если бы ему не пришли на помощь сами «исследуемые». Вероятно, кто-то из депутатов или думских журналистов бросил слово, которое мгновенно стало самым ходовым — более того, чуть ли не официальным термином как в самой Думе, так и в прессе. Слово это было «скука». «Тема о скуке, — констатировала передовая „Речи“ общее настроение, — грозит превратиться из модной, злободневной в хроническую»⁹⁹. «Как в древности все дороги в Рим вели, — отмечала спустя три дня другая передовая, — так теперь все разговоры сводятся к мертвящей скуке»¹⁰⁰.

В. И. Ленин приводит слова одного «из самых видных кадетов», А. И. Шингарева, сказанные им в лекции на тему «Новая Дума и старые задачи»: «Скука (в IV Думе. — А. А.) напоминает состояние пассажиров поезда, застрявшего на глухой станции»¹⁰¹. Сам В. И. Ленин уже от своего имени писал о «растерянности и скуке», овладевшими IV Думой и либеральным обществом, «вяло жующим призывы к реформам — и в то же время признающим невозможность даже подобия реформ»¹⁰². Слово «скука» стало синонимом бесперспективности, тупика.

Этим объясняется тот постоянный мотив, который сопровождал выступления октябристско-кадетской части Думы, о каком бы вопросе ни шла речь: все, что говорилось, было уже неоднократно говорено, все доводы изложены, нового ничего сказать нельзя — слова, слова, слова, бесполезные, много раз слышанные, всем смертельно надоевшие слова.

Такое умонастроение породило и соответствующее отношение депутатов как к Думе, так и к своим собственным обязанностям. «Мы охарактеризовали недавно настроение депутатов, — писала в этой связи „Речь“, — как состояние какого-то маразма, апатии, вялости, отсутствия всякого интереса к делу, которое они призваны делать». Господствующее настроение — «равнодушие к работе», отсутствие интереса даже при защите собственного мнения, массовый абсентеизм — «словом, состояние полного развала и распада организованной деятельности в Гос. думе»¹⁰³.

«Скука» была внешним выражением неспособности как либералов, так и правых внести новые моменты в свою стратегию и тактику. Это требовало преодоления страха перед решительными действиями с обеих сторон, поскольку такие акции угрожали еще более раскатать страну в революционном направлении. Кроме того, собственная неэффективность усиливала внутренние раздоры, взаимное недовольство в Думе, межфракционную и внутрифракционную борьбу и выливалась в глухое раздражение, выплескивавшееся наружу в отдельных дебатах и в целом. Она обострилась к концу сессии.

Таким образом, «скука», т. е. неверие в возможность сдвинуться с мертвой точки, и нарастание напряженности в отношениях как внутри Думы, так и с правительством, усиливали оппозиционность кадетско-октябристской части Думы, были двумя сторонами одной медали, составляя в конечном итоге общую характеристику как первой сессии, так и второй.

Эти особенности проявились уже в первые недели заседаний Думы в связи с дебатами по кадетским законопроектам о «свободах». Кадеты внесли эти законопроекты для того, чтобы продемонстрировать перед страной свое «левение», но сделать их подлинно демократическими так и не решились. Со своей стороны правые, находясь также под властью «скуки», выступали против них без энтузиазма, вяло, удовлетворяясь передачей их в соответствующие комиссии, поскольку на деле это означало фактическое отвержение.

18 февраля 1913 г. на обсуждение Думы были поставлены два кадетских законопроекта — о неприкосновенности личности и о печати. Поскольку обсуждался только вопрос о их желательности, больших прений это не вызвало. По первому законопроекту высказались два кадетских оратора, и их речи, особенно Ф. И. Родичева, были достаточно характерны.

Речь Родичева — сплошная ламентация, что их, кадетов, не слушают и в результате делают неизбежной революцию. Пять-шесть лет тому назад, напомнил Родичев, Думе говорили: «Сперва успокоение, потом реформы, а когда наступило успокоение, то... говорят вам: да зачем же реформы, когда наступило успокоение?». Такой взгляд неизбежно ведет к революции, ибо не оставляет места для разумной реформаторской деятельности на базе исполнения манифеста 17 октября. «И мы... — восклицал оратор после констатации этого капитального факта, — мы остаемся в дураках...» Революционеры «правы, к несчастью. Мы остаемся в дураках перед всеми, которые говорят: с этой властью иначе, как насильем, ничего не поделаешь. (Слева голоса: Bravo, правильно)... К несчастью, тут нет каламбура, а есть одна истинная и голая правда. Это, гг., та участь, которая грозит вам. Вы спокойно смотрите на надвигающееся торжество людей, говорящих: кроме силы на них ничто не действует... Быть может, в самом деле они правы...». Свою речь Родичев закончил, однако, призывом к тем, к кому

призывы были бессмысленны: «Помните вы (правые.— А. А.) евангельскую притчу о том сыне, который сказал: не пойду, и пошел? Быть может... и вы покажете своим голосованием, что хотя избиратели и считали вас такими, которые не пойдут, хотя вас прислали сюда губернаторы и преосвященные... но вы все-таки помните свои обязанности перед народом и будете теми сыновьями перед Россией, про которых сказано; что они не пойдут, а они пошли на подвиг во имя народа русского. Можно вам верить, гг., и я с этой верой схожу отсюда»¹⁰⁴.

Речь М. С. Аджемова в отличие от сумбурно-патетического выступления его соратника была выдержана в минорных тонах, но лейтмотив был тот же: потеря веры в Думу как в стране, так и в самой Думе: «В последнее время очень много говорят о том, что в четвертой Государственной думе нет того бодрого настроения, без которого никакая живая работа невозможна». Все наблюдатели отмечают отсутствие подъема в Таврическом дворце. На заре деятельности IV Думы «у нас самих... как во всей стране нет веры» в осуществление конституционных начал¹⁰⁵.

В защиту законопроекта о печати выступил сам лидер партии. Речь была длинной, закончил он ее лишь в следующем, 22-м заседании (13 февраля), но заслуживают в ней внимания те несколько фраз, в которых было выражено подлинное существо и законопроекта, и кадетской политики. Милюков все время упирал на то, что министр внутренних дел Н. А. Маклаков, по поступившим к ним, кадетам, сведениям, отрицательно относясь к отдельным, порой существенным частностям кадетского законодательного предположения, «согласен с нашими основными положениями»¹⁰⁶. Таким образом, Милюков, как и Родичев, по существу, уповал на «соизволение начальства», что было явно бесперспективно.

Оба законодательных предположения кадетов были без всяких возражений признаны желательными и переданы в комиссию. П. Н. Крупенский даже выразил недоумение по поводу того, что Милюков так долго доказывал их необходимость, тратя драгоценное время Думы и кровные деньги народа (которому, по его подсчетам, каждая минута думского говорения стоит 105 р.), когда «все мы... здесь справа сидящие согласны, что печать находится в ненормальных условиях, и тоже считаем необходимым, чтобы законопроект был передан на рассмотрение в комиссию»¹⁰⁷. Такая готовность не только октябристов, но и правых объяснялась прежде всего тем, что передача в комиссию практически означала похороны по первому разряду.

На том же 22-м заседании было начато и в 24-м заседании (27 февраля) закончено обсуждение законодательного предположения кадетов о свободе совести. После этого тут же было поставлено на повестку дня их законодательное предположение о союзах. Первое защищал Милюков, второе — Н. Н. Щепкин. Решение о передаче их в комиссию было принято Думой практически без прений, при очень вялых, сделанных для проформы, возражениях крайних правых.

На кадетский законопроект о собраниях В. И. Ленин отозвался специальной статьей в «Правде», которая так и была озаглавлена: «Кадетский законопроект о собраниях». Генеральной идеей, которой В. И. Ленин подчинял все свои оценки деятельности кадетской партии, была идея о том, что кадеты *не демократы*. Эту мысль он не устал повторять и развивать всюду, где для этого представлялся повод, потому что без усвоения этой мысли рабочим классом и трудящимися массами гегемония пролетариата в освободительном движении не могла осуществиться.

Хотя внесенный кадетами законопроект «имеет исключительно пропагандистский характер», подчеркивал В. И. Ленин, тем не менее проект совершенно недемократичен: «Законопроект составлен либеральными чиновниками, а не демократами. В нем масса казенных, нелепых бюрократических правил...». «К чему весь этот жалкий, смешной, убогий бюрократический хлам?» — спрашивал В. И. Ленин по поводу одного из таких правил. И отвечал: только и исключительно для того, чтобы «доказать власть имущим, что мы-де, кадеты, стоим на „государственной“ точке зрения, что мы-де „люди порядка“ (т. е. враги демократии), что мы „тоже умеем ценить“ чиновничье крющотворство»¹⁰⁸.

Этой характеристикой В. И. Ленин выразил самую сокровенную суть кадетской политики. Ничем они так не дорожили и ничто с такой готовностью не демонстрировали, как свою «государственную» респектабельность и способность законодательствовать не хуже, чем умудренная многолетним опытом царская бюрократия. Подобная претенциозность служила источником постоянного раздражения и насмешек со стороны правых, которые расценивали ее как вызов их собственной «государственной» дееспособности. Поэтому они не упускали случая уличить кадетов в незнании законодательной техники, в юридической безграмотности и т. п., нередко очень удачно¹⁰⁹.

Чрезвычайно показательной для кадетской тактики «двух ипостасей» — либеральной и демократической — была речь Милюкова в защиту кадетского «законодательного предположения 32 членов Государственной думы об изменении положения о выборах в Государственную думу». В данном случае, как всем было понятно, одобрение законопроекта, предлагавшего всеобщее избирательное право, для думского большинства, включая и самих кадетов, было невозможно в принципе, ибо было равносильно самоупразднению. Поэтому ни о каком признании желательности и тем более передаче в комиссию не могло быть и речи. В этом и состояла вся сложность ситуации, в которую попадали кадеты. Им предстояло на этот раз решить весьма трудную головоломку, которую они сами же и создали. Задача состояла в том, чтобы доказать, с одной стороны, что кадеты, несмотря на свой законопроект, продолжают оставаться «органическими» законодателями, а с другой — что они в отличие от думского большинства настоя-

щие демократы. Милюкову, таким образом, предстояло превзойти самого себя.

«Почему же, спрашивается, и зачем,— ставил Милюков главный вопрос,— внесли мы свой законопроект при такой очевидной безнадежности его?» Ответ давался следующий. В III Думу законопроект не мог быть внесен, потому что эта Дума своим появлением на свет была целиком обязана закону 3 июня. Положение IV Думы уже иное. «Вы,— заявил Милюков, обращаясь к октябристам и имея в виду избирательную кампанию в IV Думу, когда власти препятствовали избранию в Думу даже некоторых „левых“ октябристов,— не связаны с властью не только определенными обязательствами, вы не связаны даже и благодарностью, потому что те из вас, которые были руководителями третьей Государственной думы, не были одобрены властью к руководительству в четвертой Государственной думе». Кроме того, в качестве второго козыря на чашу весов была брошена кадетская «государственность» — готовность к поискам «разумного» компромисса, пусть в целом даже самого умеренного. Кадеты согласны выслушать любые предложения; то, что они предлагают, есть в сущности не что иное, как приглашение как-то начать назревшее дело. «Мы, предлагая свое мнение, не предпрещаем, какое будет ваше. Но какое-нибудь мнение об этом вопросе... у вас должно быть... Пусть октябристы, прогрессисты, пусть члены остальных фракций Государственной думы выйдут сюда со своими предположениями и скажут нам, чего они хотят в этом направлении». То, что предлагают кадеты,— это всего-навсего «создание особой комиссии, перед которой предстанут все остальные изменения избирательного закона».

Столь же противоречивой была ссылка Милюкова на обстановку в стране. С одной стороны, он призывал не пугаться даже таких страшных слов, как «всеобщее избирательное право», поскольку времена I Думы прошли и наступило «успокоение», которое признают и Дума, и правительство. С другой — он использовал вечный и главный кадетский аргумент, которым в отличие от предшествовавшего кадеты не успокаивали, а пугали своих партнеров по контрреволюции. Неужели Дума хочет, задавал вождь партии «Народной свободы» вопрос, чтобы к позиции, занимаемой социал-демократией, присоединились и кадеты, присоединилась вся страна? «Да, на избирательных собраниях мы это слышали. Нам говорили: зачем вы идете еще пять лет разговаривать? Теперь разговаривать поздно, нужно дело делать. Теперь нужны не слова, а поступки. Вот, гг., та мораль, которая вытекает из поведения правительства, и в частности из отношения правительства к нашему закону».

«Чего же вы ждете? — предостерегал Милюков, заканчивая свою речь.— Вы ждете того, что ваше опоздание станет похоже на опоздание русского абсолютизма перед 17 октября? Вы хотите кончить тем, что требования демократии станут живее, сильнее, настойчивее и опять, после периода успокоения, явятся на сцену

насиленные формы, насильственные приемы, средства борьбы? И вот тогда вы будете думать, как думал Совет министров, что пора успокаивать, что нужно для „успокоения“ и „спасения короны“ прийти к этому последнему средству?» На этом под крики негодования правых, усмотревших в последних словах неопозволительный выпад против верховной власти, Милюков был лишен председателем слова ¹¹⁰

В итоге вырисовывались следующие причины внесения «безнадежного», как признал Милюков, законопроекта: подтвердить перед страной кадетский «демократизм» и одновременно (это было главным) попытаться подтолкнуть октябристов влево.

Расчет кадетов не оправдался. Октябристы выпустили на трибуну совершенно неизвестного депутата, некоего П. Н. Ягодынского, который в небольшой речи предложил кадетский законопроект тут же, без передачи в комиссию, «целиком отклонить». Аргументировал он совершенно в духе правых — ссылкой на неподготовленность крестьянства, т. е. большинства населения страны, в силу его некультурности, ко всеобщему избирательному праву. Ссылаясь так же, как это делал Марков 2-й и ему подобные, на якобы подлинное знание им деревенской жизни, в отличие от самонадеянных интеллигентов-горожан, беспочвенных доктринеров, реальной жизни не знающих, октябристский оратор поведал Думе, что в деревне есть люди «настолько малокультурные, что у них сознание важности политической миссии, которую несет на себе член Государственной думы, очень незначительно, очень ничтожно». Поэтому они не в состоянии понять «важность» своей роли «как избирателей», и если им «предоставить равноправие в отношении выборов, то они подпадут под влияние эксплуататоров (?!)», которые, не стесняясь ничем, «и даже за водку», будут проводить нужных им кандидатов, и в результате состав Думы окажется «более чем нежелательным» ¹¹¹.

Но здесь в дебаты включились крестьянские депутаты. Хотя в своем большинстве они сидели на правых скамьях и лишь несколько человек входили во фракции второго большинства, эти депутаты все же не могли не отражать настроения деревни, и доказательство тому, что Дума станет «более чем нежелательной», с точки зрения реакционного помещика, если избирательное право будет предоставлено всей крестьянской массе, последовало сразу за речью Маркова 2-го.

«От имени крестьянской группы мне поручено заявить,— начал свою речь депутат от Петербургской губернии прогрессист И. Т. Евсеев,— что мы, крестьяне, будем голосовать за желательность изменения избирательного закона 3 июня. (*Голос справа: Конечно.*)» Не может считаться справедливым закон, лишаящий $\frac{8}{10}$ населения Российской империи элементарнейшего права,— «права свободно, по своему желанию избирать своих представителей»,— закон, благодаря которому «самое многочисленное, самое полезное и самое благородное сословие — крестьянское... лишено действительного представительства в законодательном

учреждениям... закон, по которому один голос помещика равняется 260 голосам крестьян». «По этому закону,— говорил далее Евсеев,— не мы выбираем, а нас подбирают под статью к той основной группе, которой отведено в Государственной думе господствующее положение». Закончил он следующими словами: «Мы не соглашаемся с законопроектом, внесенным фракцией партии Народной свободы, но мы и не соглашаемся остаться при старом законе и говорим: новый избирательный закон должен быть построен так, чтобы в основании его лежала справедливость»¹¹².

Резонанс от выступления Евсеева был очень большим, ибо он выразил настроение большинства думских крестьян, в том числе и части тех, которых, по его же удачному выражению, подбирают себе помещики.

Как правооктябристское большинство Думы, так и правительство были очень чувствительны к выступлениям, отражавшим настроения крестьянской массы, а речь Евсеева была явным доказательством тщетности надежд на «приручение» мужика при помощи столыпинской реформы и других методов «успокоения».

Неудивительно поэтому, что осью дальнейших прений по кадетскому законопроекту стала именно речь Евсеева. В особенно щекотливом положении оказались крайние правые, не устававшие уверять, что именно они ведут за собой верный царю народ. Поэтому Марков 2-й начал свою речь с категоричного заявления, что Евсеев не крестьянин и не выражает интересов крестьян; о:., Марков 2-й, с удивлением «выслушал прокламацию с.-петербургского крестьянина родом из страховых агентов». Закончил Марков 2-й свою речь, призвав левых отбросить четыреххвостку, обратиться в христианскую веру, сделаться слугами русского народа и помогать «русской демократии, настоящему русскому мужику, а не поддельным ряженым страховым агентам, которые имеют дерзость говорить от имени крестьянства то, что крестьянству вредно». В остальной части своего выступления черносотенный оратор в свойственной ему манере грозил роспуском Думы в случае, если бы совершилось невероятное (т. е. прошел бы кадетский законопроект), громил западноевропейскую парламентскую демократию, которая на деле означает господство «плутократии», а заодно очень выразительно и наглядно продемонстрировал, как он в действительности «любит» свой народ. «Первый хвост» четыреххвостки — всеобщая подача голосов, заявил Марков 2-й, — означает на деле следующее: «Все разрушители государства, все опороченные люди, но не пойманые и не посланные на каторгу, все недоучившиеся гимназисты, вся неучащаяся молодежь, бессемейные женщины, не имеющие семьи волей или неволей, все бездомные проходимцы, все искатели приключений, все, кому только исполнилось 21 год,— они, по мысли наших законодателей с левой стороны, вправе прийти в этот зал и создавать законы Российской империи»¹¹³. В том же духе характеризовались и остальные три «хвоста».

Усилия Маркова 2-го по части дискредитации Евсеева как

представителя умеренных думских крестьян оказались тщетными. Другой крестьянин, член кадетской фракции, А. Г. Афанасьев полнотью поддержал своего товарища: «Ведь, гг., кто из вас может сказать, именно из крестьян, что мы выбраны от крестьянской курии? Да никто не может этого сказать... Мы выбраны теми, кому мы понравились. Гг., этот закон прямо можно назвать не выбором в Думу, а убийством крестьянских прав...» ¹¹⁴.

В ответ националистами и октябристами были брошены в бой два крестьянина из их фракций. Первый из них, в частности, заявил, что он, И. И. Коваль, «тоже крестьянин» и имеет больше права говорить от имени крестьян, чем «крестьянин в сюртучке и галстук Евсеев». «Мы, крестьяне, простые землеробы, изменения этого (избирательного закона.— А. А.) не желаем, потому что крестьяне-землеробы прекрасно знают, что если их теперь в Думе 80 чел., то тогда не будет никого из крестьян» ¹¹⁵.

Кадеты поспешили изобразить реакцию крестьян как свою победу. Кадетская фракция, начал Милюков свою вторую речь, «имеет все основания быть довольной результатами тех прений, которые вызваны нашим законодательным предположением». И далее шла прямая ссылка на выступавших крестьян и казаков, выражавших свое недовольство законом 3 июня. Стремясь использовать выступление крестьян, чтобы вновь воздействовать на октябристов, он выразил недоумение, почему «довольно крупная партия», как называл фракцию октябристов П. Н. Ягодынский, «по крупному вопросу выдвинула, оказывается, не очень крупного и, во всяком случае, по-видимому, случайного оратора» ¹¹⁶.

Октябристы приняли вызов. Причем отвечать Милюкову фракция делегировала не правого гр. Э. П. Беннигсена или Н. П. Шубинского, а столпа «левого» октябризма С. И. Шидловского.

Речь Милюкова, заявил Шидловский, произвела на него «чрезвычайно тяжелое впечатление» ¹¹⁷. Он решительно осудил угрозы в какой-то мере вернуться к тактике, которую в свое время собрат Милюкова по партии веховец А. С. Изгоев определил как стремление «косить глаза налево». В случае если бы подобная тактика снова возобладала у кадетов, предупреждал он, возможность октябристско-кадетского «прогрессивного» сотрудничества полностью была бы исключена. Главную вину и ошибку кадетов в 1906—1907 гг. октябристы (вместе с правой частью кадетской партии) усматривали как раз в тактике заигрывания с массами в первых двух Думах, которая, по их мнению, и привела к самым печальным последствиям.

Таким образом, даже слабые попытки оживить и сплотить оппозицию натолкнулись на реакционность ее правой части. Отвергнув желательность кадетского законопроекта, Дума приняла формулу перехода, предложенную крестьянином-октябристом П. М. Макагоном от имени «всех крестьян», которая признавала «желательным пересмотр положения 3 июня в смысле расширения избирательного права и обеспечения свободы выборов от административных воздействий...» ¹¹⁸. Она прошла 166 голосами против

Ссылаясь на этот факт и на выступления крестьян, кадеты объявили результаты прений по их законопроекту не только своей, но и общедумской победой, положившей ни много ни мало начало реформе избирательного права. «Прения о всеобщем избирательном праве, — указывалось в отчете фракции, — произвели сильное впечатление на крестьян — депутатов четвертой Думы. Хотя они и не согласились с кадетским законопроектом, однако вполне признали необходимость демократизации действующего избирательного закона... Таким образом, впервые вопрос о реформе избирательного права был сдвинут с мертвой точки, на которой стоял в 3-й Гос. думе, и само направление реформы определено постановлением Гос. думы»¹²⁰.

Хотя в действительности никакого сдвига не произошло, это не помешало кадетам расценить еще более радужно итоги обсуждения других своих законопроектов о «свободах», поскольку они были переданы в комиссии, а не отвергнуты. Это был расчет на простаков, и правительственный официоз был совершенно прав, когда писал: «Кадеты не без торжества указывают, что все же их предыдущие проекты отвергнуты в менее резкой форме, так как переданы в соответствующие комиссии. Но это торжество рассчитано исключительно на тех, кто или не понимает или не желает понимать действительного положения вещей»¹²¹.

Подлинное «положение вещей», прежде всего в вопросе о возможности сплоченной октябристско-кадетской оппозиции, очень хорошо раскрывается в другом фракционном отчете за первую сессию — октябристском. «Фракция, — говорится в нем, — стремилась к постепенному проведению в жизнь свобод, дарованных манифестом 17-го октября 1905 года. Фракция сознавала и признает, что это проведение не заключается в одном лишь издании голых законов, нормирующих эти свободы, но она твердо убеждена, что издание таких законов при существующем направлении правительственной политики не даст никаких практических результатов. Необходимо прежде подготовить почву: поднять культурно главную массу населения, приучить ее к пониманию своих прав и к уважению закона, развить самодеятельность общественных сил, создать... сильную, но законную центральную и местные власти... Эти меры очистили бы путь к высшему благу — свободной жизни, и тогда законы о свободах потеряли бы свой декларационный характер и получили бы практическое осуществление. Исходя из этих соображений, фракция „Союза 17-го октября“ находила бесцельным разрабатывать теперь основные законопроекты о свободах, дарованных манифестом»¹²².

Это был прямой ответ на кадетские законопроекты о «свободах». Остается неясным лишь вопрос о том, в какие исторические сроки рассчитывали октябристы осуществить свою программу; мерили ли они десятками лет, или счет шел на столетия?

Законопроекты о «свободах» были, так сказать, единоличной политической акцией кадетов. В противоположность ей запрос

(точнее, вопрос) министрам внутренних дел и просвещения, касавшийся полицейского произвола в сфере образования (арест учащихся в гимназии Витмер), была общим демаршем всего, как любила выражаться «Речь», «объединенного фронта оппозиции». Авторами вопроса были прогрессисты, к которым присоединились их соседи слева — кадеты и справа — октябристы. Вопрос этот, подписанный 44 членами Думы, был оглашен 14 декабря 1912 г. в 12-м заседании. В нем содержалась просьба дать разъяснения по поводу сведений, сообщенных газетами, о состоявшемся в ночь с 9 на 10 декабря в помещении частной женской гимназии Витмер аресте участников собрания учащихся средних учебных заведений¹²³. Таким образом, вопрос был внесен по горячим следам. Предъявление *вопроса*, а не запроса как раз и объяснялось стремлением как можно скорее получить ответ: запрос требовал гораздо более длительной и сложной процедуры принятия и, кроме того, министру, к которому он был обращен, закон предоставлял для ответа месячный срок.

Нетерпение октябристско-кадетской оппозиции имело свои причины. Дело в том, что политика Министерства народного просвещения вообще, политика министра просвещения Л. А. Кассо в особенности, была одной из самых чувствительных, болевых точек помещичье-буржуазных либералов. Во-первых, высшая и средняя школа кровно задевала их в личном плане — там учились их дети. Во-вторых, либеральная профессура занимала до «эры Кассо» в университетах весьма прочные, если не преобладающие позиции. В-третьих, либеральная доктрина, будь она самой радикальной или самой умеренной, исходила из того, что школа должна быть вне политики. В-четвертых, критика Министерства народного просвещения представлялась либералам сравнительно безопасной с точки зрения нежелательной реакции масс, поскольку она не затрагивала коренных вопросов внутренней политики царизма, как это было при обсуждении деятельности Министерства внутренних дел. Пятая причина носила уже субъективный характер и целиком была связана с Кассо.

Кассо был довольно любопытным порождением российского абсолютизма последних лет его существования. Полумолдаванин-полугрек, богатый человек, получивший блестящее образование, циник и скептик, в глубине души презиравший свою страну, хороший оратор с холодной, точной и ироничной речью, он проводил не просто правую, а вызывающе правую политику. Кассо не просто громил высшую и среднюю школу, изгоняя оттуда все живое, а делал это со вкусом, в наиболее задевающей «общественность» форме, демонстрируя на каждом шагу свое презрение к ее протестам и критике. На доверительный вопрос, зачем он это делает, Кассо отвечал: «Се пátмuse» (Это меня забавляет — *фр.*). Все это объясняет, почему обычный и сравнительно мелкий эпизод в полицейской практике правительства выявил отмечавшееся выше раздражение и напряженность — он обсуждался в Думе на протяжении четырех заседаний (с 17 по 20-е; 25 и 30 января, 1 и 6 февраля

1913 г.), а для участия в прениях записалось 35 ораторов.

Обсуждение началось с речи Кассо, который в холодно-издательской манере изложил совершенно по-полицейски фактическую сторону дела. Яд ответа состоял в том, что он изобличал авторов в трусости, в боязни правды. Вооруженный полицейскими протоколами допросов и обысков, Кассо показал, что основной тезис интерpellлянтов, будто собрание учащихся в гимназии Витмер имело чисто образовательный характер, что читались стихи Надсона и не было никакой «политики», не соответствует действительности¹²⁴. В результате интерpellлянтам пришлось перестраиваться на ходу, избрав для нападков на Кассо другой тезис: да, «политика» была, но вносит ее в школу репрессивный курс министра.

Министр поведал, что в числе прочего была отобрана пачка прокламаций, которые «заканчиваются обыкновенным в этих случаях возгласом: „Долой ненавистное правительство. Да здравствует демократическая республика“. А в самом тексте проводится осуждение не только деятельности администрации, но — не скрою от вас — и законодательной деятельности Государственной думы третьего созыва». Перечислив еще ряд подобных фактов, Кассо заключил: «Вы видите, гг., как мы далеки от Надсона...». Поэтому, вполне естественно, министерство считает, что места учащихся, которые уже не подконтрольны родителям и школьным наставникам, должны занять те дети, «которые откладывают мысль о переустройстве русской школы и русского общества по крайней мере до получения аттестата зрелости». Вся остальная часть речи была в том же духе¹²⁵.

Выступивший вслед за министром А. И. Шингарев, пожалуй, с наибольшей полнотой и темпераментом изложил претензии либерального «общества» к политике Кассо. Ответ последнего по мнению оратора, «взволнует это общество не менее», чем сам факт ареста учащихся. «Холодным, бесстрастным тоном, с легкой иронией шутника, — жаловался Шингарев, — министр говорил о явлении, захватывающем, гг., вас всех, как отцов своих детей...» Оратор охарактеризовал Кассо как «агента Министерства внутренних дел», как министра, хуже которого вряд ли может быть. Уже в III Думе ему было адресовано по крайней мере девять запросов. И дальше шли обычные кадетские причитания: Кассо стремится в школе и университетах «поймать революцию», но на самом деле он «сеет недовольство и смуту», «раздражает» самые умеренные слои и тем самым выступает как «главный революционер», его политика — это «революционная, самая яркая, самая ужасающая работа». «Отчего у нас имеется революция в средней школе? — с пафосом вопрошал Шингарев. — ...Почему дети толкаются на этот путь... почему русской государственности... становятся опасными подростки в 14 и 15 лет, почему они идут на эту революционную пропаганду?» Ответ давался уже в самих вопросах¹²⁶.

Речи остальных сторонников запроса почти ничего не добав-

ляют к тому, что было сказано Шингаревым. Высший октябристский авторитет по вопросам образования Е. П. Ковалевский упрекал правительство за то, что оно делает «непростительный и ложный шаг», обращаясь «с незрелыми юношами как с всамделишными, заправскими политическими заговорщиками»¹²⁷. А. А. Барышников грозно заявил, что министр «жестоко ошибается», считая, что покинул победителем думскую кафедру: «Судить его мы все-таки будем и будем судить строго»¹²⁸. Другие считали себя обязанными «высказать весь тот ужас, всю ту скорбь, которые испытывает русское общество» в связи с произведенными арестами учащихся¹²⁹, и т. д.

Что же касается правых и националистов, то они, естественно, оценивали политику Кассо самым положительным образом.

Выступления трудовиков на этот раз полностью шли в кадетском фарватере. Так же как и кадеты, они защищали фальшивый тезис о том, что школа должна быть вне политики, вместе с ними занимались мелодекламацией на тему «Дети — будущее страны», ужасались по поводу нежных детских душ, убиваемых казенным формализмом, царящим в школе, требовали педагогического подхода взамен политического и т. д. «И видя эту борьбу с будущим народа, — закончил свою речь Н. О. Янушкевич, — мы должны всеми мерами протестовать против попытки Министерства народного просвещения наложить свои руки на юные души учащихся», а Кассо указать на дверь и сказать: «Уходите вон»¹³⁰.

В том же духе выступал и трудовик А. С. Суханов. Он даже умудрился похвалить думское большинство за его плодотворную деятельность в области образования в III Думе. «Но, гг., — заявил он, обращаясь к этому большинству, — министр народного просвещения Кассо — ваш личный враг, враг того большинства, которое было в третьей Государственной думе и будет в четвертой Думе. Ведь что было лучшего в вашей деятельности третьей Государственной думы — это ваши заботы о народном образовании, это попытка, желание положить фундамент для великого будущего великой России, и за это желание, за это стремление страна, может быть, вам простит не одно из ваших прегрешений»¹³¹. Закончил Суханов, как и его товарищ по фракции, требованием отставки Кассо.

Только большевики дали подлинно революционно-демократическую оценку политике Кассо, поставив ее в связь с антинародной политикой царизма в целом.

В речи Петровского была изложена большевистская точка зрения на роль и место учащейся молодежи в революционном движении. Объявив неприемлемой саму кадетскую постановку вопроса о недопустимости внесения политики в школу, Петровский заявил: «Мы, социал-демократы, не боимся этой политики». Он напомнил, что в 1905 г. студенческая молодежь получила действительно «свободную науку» и получила она ее только потому, что боролась вместе с рабочим классом. Когда же эта молодежь «отвернулась от рабочего класса и крестьянства, послушавшись

в этом (кадетских.—А. А.) профессоров, она тем самым отрешилась и от своей свободы». Поэтому, призывал оратор, молодежь снова должна пойти «рука об руку с рабочим классом», причем для борьбы не только за академические свободы, «но и за свободы всех угнетенных классов». Пусть боятся участия в политической борьбе учащейся молодежи профессора-«краснобай». Социал-демократы, наоборот, радуются подъему, охватившему молодежь. Только когда молодежь пойдет с нами, тогда «и только с нами добудет... свободу... свободное преподавание свободной науки»¹³².

На голосование было поставлено восемь формул перехода. Формула националистов выражала полное удовлетворение объяснениями министра¹³³. Формула группы «центра», признавая недопустимым существование в учебных заведениях «недозволенных организаций», выражала «надежду», что впредь учебное начальство «найдет возможным в деле искоренения из школ нелегальных кружков» обходиться «одними лишь собственными воспитательными мерами», т. е. без полиции¹³⁴. Формула октябристов, осуждая действия Кассо, не содержала главного, с точки зрения прогрессистов и кадетов, пункта — признания объяснений министра народного просвещения неудовлетворительными¹³⁵. Формулы прогрессистов, кадетов и трудовиков оценивали объяснения Кассо как неудовлетворительные¹³⁶. Формула социал-демократов признавала объяснение министра народного просвещения неудовлетворительным и заканчивалась указанием, что «только коренное преобразование государственного строя и системы государственного управления» может освободить от политических пут и школу, и граждан России¹³⁷. Восьмую формулу внес от своего имени кадет Щепкин. Она также предлагала признать объяснения министра неудовлетворительными, но в отличие от формул прогрессистов и кадетов не содержала пунктов, обосновывающих это предложение. И именно эта формула была принята Думой¹³⁸. Составлявшее предмет гордости кадетов выступление «всей оппозиции» (отличавшееся, впрочем, как отмечено, немалыми расхождениями в подходе к вопросу) закончилось всего лишь принятием умеренной и достаточно неопределенной формулы.

Другим значительным, в оценке либералов, совместным оппозиционным выступлением был запрос, вернее, три запроса — кадетов, прогрессистов и трудовиков — военному министру по поводу введения им нового Положения о Военно-медицинской академии от 12 марта 1913 г. Все три запроса комиссия по запросам признала обоснованными, и они были приняты Думой¹³⁹. Прения по ответу военного министра проведены были уже во второй сессии: помешали начавшиеся через два дня бюджетные дебаты и огромное количество «вермишели», скопившейся в думских комиссиях (избавляясь от нее, Дума пропускала через каждое заседание по 100—150 и более мелких законопроектов). Особого значения это опоздание не имело, поскольку суть дела была уже выяснена при обсуждении самих запросов, не говоря уже о прессе, которая

истории с Военно-медицинской академией уделяла большое внимание.

История эта для российской действительности того времени была отнюдь не нова. В очередной раз совершился разгром еще одного учебного заведения страны. Отличие состояло лишь в том, что на этот раз разгром учинил не министр просвещения, а военный министр. В силу этого разгром нес на себе отпечаток, так сказать, военной специфики: был осуществлен в форме ликвидации Военно-медицинской академии как полувоенного-полугражданского учебного заведения (слушатели академии состояли из двух категорий — казеннокоштных, т. е. стипендиатов и, следовательно, отбывающих военную службу в качестве вольноопределяющихся на основании определенных военных законоположений, и своекоштных, которые мало чем отличались от обычных студентов) и превращения ее в чисто военную школу. Это превращение было зафиксировано в новом Положении, которое и явилось предметом запроса.

Важным этапом этого превращения был приказ военного министра В. А. Сухомлинова от 14 декабря 1912 г., требовавший обязательного отдания чести студентами академии всем офицерам. Приказ переполнил чашу терпения слушателей, которые до этого безропотно сносили бесконечные притеснения и придирки, также связанные с военизацией академии де-факто. Последовали протесты, неподчинение и т. п. Кульминацией было покушение на самоубийство одного из слушателей академии, после того как офицер ударил его саблей за отказ отдать ему честь. В знак протеста подали заявление об уходе из академии 800 человек (к моменту запроса 400 из них взяли свои прошения обратно). Последовали обычные санкции, завершившиеся указанным Положением 12 марта.

Незаконность этого Положения состояла в том, что оно было проведено не в обычном законодательном порядке — через Думу и Государственный совет, а через Военный совет — учреждение, не подведомственное даже правительствующему Сенату. В связи с этим интерpellанты считали, что нарушена 96-я статья Основных законов. Согласно этой статье, положения и наказания военных ведомств могли быть представлены непосредственно на утверждение царю лишь тогда, когда они не затрагивали компетенции общих законов и не вызывали нового расхода из казны. Новое же Положение, отменившее Положение 29 мая 1890 г., фактически уничтожало прежнее учебное заведение и создавало другое, чисто военное, с присягой и прочими элементами обязательной военной службы. Поэтому оно целиком входило в сферу общих законов, не говоря уже о том, что, как ученое и учебное заведение, Военно-медицинская академия финансировалась в общем бюджетном порядке.

Правые и военное ведомство парировали этот довод тем, что новое Положение не закон, а наказ, инструкция, издать которую от своего имени военный министр имеет полное право, поскольку

Военно-медицинская академия всегда и исключительно подчинялась только ему. В результате дискуссия между сторонниками и противниками запросов почти целиком свелась к юридическому спору и толкованию соответствующих законов и распоряжений, не представляющих для нас никакого интереса. Единственным оживляющим моментом в этом очередном нудном словоговорении явилось исключение кадета Некрасова и черносотенца Замысловского на два заседания каждого. Косвенным виновником этого исключения был Марков 2-й, который с подчеркнутым вызовом заявил под аплодисменты правых, что он приветствует «этот удар офицерской саблей» студента, не пожелавшего отдать честь «начальнику», «за что и получил заслуженный удар по морде». В ответ на это Некрасов с места назвал Маркова «хулиганом», на что Замысловский, тоже с места, потребовал исключить «мерзавца», т. е. Некрасова. Исключены были оба ¹⁴⁰.

Поскольку обсуждение запросов о Военно-медицинской академии осталось незавершенным, октябристско-кадетская часть Думы осудила политику военного министра, демонстративно отвергнув три небольших законопроекта, связанных с финансированием нескольких лечебных учреждений академии. Законопроекты об ассигновании 45 тыс. руб. на новую клинику и 2 тыс. руб. на рентгеновский кабинет были отклонены в 36-м заседании, 5 апреля 1913 г. Суть демонстрации состояла в том, что законопроекты проваливались молча, без прений. Принималась спешность и отвергался переход к постатейному обсуждению, что означало падение законопроекта ¹⁴¹. Демонстрация подчеркивалась еще двумя моментами: 1) отвергались законопроекты, принятые единогласно двумя самыми авторитетными комиссиями Думы — бюджетной и по военно-морским делам; 2) докладчиком от имени Бюджетной комиссии выступал один из лидеров крайних правых, бывший ректор Одесского университета (позорно прославивший себя на всю Россию своими методами управления университетом) профессор С. В. Левашев, медик по специальности.

Третий законопроект, испрашивавший 48 тыс. руб. на оборудование и содержание ортопедической клиники, не был отвергнут на этом заседании только потому, что Левашев ушел из зала заседания и законопроект некому было доложить. Однако эта уловка лишь оттянула развязку на два заседания. И хотя докладчиком на этот раз был октябрист (гр. Беннигсен от Военно-морской комиссии), а Левашев выступил только в качестве защитника законопроекта, результат был тот же: 136 голосами против 72 Дума отклонила переход к постатейному чтению ¹⁴².

Результаты, как видим, были ничтожны. Тем не менее кадеты расценивали эти голосования как свою победу — как «прямой ответ», «отклик и сочувствие не только среди фракции прогрессистов, но и отчасти даже и среди октябристов» на решение кадетской конференции от 2—3 февраля 1913 г. применить «более активные тактические меры парламентской борьбы». Сюда же они причислили и отказ Думы в кредитах на путевые издержки слушателей восторговских курсов.

Протоиерей И. И. Восторгов, один из черносотенных столпов, подвизавшихся в Москве, организовал в 1909 г. при Знаменском монастыре «временные курсы», которые готовили священников и псаломщиков для переселенческих приходов сибирских и зауральских епархий. Отправляя наспех испеченных служителей церкви в назначенные для них приходы, святейший Синод тратил на это деньги, взятые из страхового капитала, чего он не имел права делать по закону. Теперь синод просил Думу покрыть образовавшуюся недостачу в 108 тыс. руб. Развернулись прения, законопроект вышел защищать сам обер-прокурор Синода В. К. Саблер, не посчитавшись с соображениями престижа, поскольку законопроект относился к числу «вермишельных», но ничего не пошло.

Судьбу законопроекта, как всегда, решили октябристы. От имени фракции «Союза 17 октября» И. В. Годнев заявил, что октябристы будут голосовать против него¹⁴³. Даже В. Н. Львов от имени группы «центра» признал, что расход был произведен ведомством Саблера незаконно, а сами восторговские курсы «не удовлетворяют... духовному образу русского православного священника». Тем не менее, «принимая во внимание настоятельную нужду переселенцев в священническом персонале», группа, хотя и «не с радостным», а наоборот, «с тяжелым чувством», все же будет голосовать за законопроект¹⁴⁴.

Переход к постатейному чтению был отвергнут 193 голосами против 147, и законопроект на основании 72-го параграфа думского Наказа был признан отклоненным¹⁴⁵.

В целом, дебаты, связанные с полицейским произволом в сфере образования, как и дебаты о «свободах», подтвердили, что ведущей тенденцией оставалась, несмотря на громкие речи и попытки объединения оппозиции, «скука», т. е. тупик, безрезультатность, повторение пройденного, все та же невозможность для либералов перешагнуть барьер крайней умеренности, определяемый их контрреволюционностью.

Наибольшее значение в Думе, как и в западных парламентах, придавалось обсуждению бюджета, потому что оно служило поводом и основанием для программных выступлений всех фракций. Особенно важными они считались по вполне понятным причинам у октябристов и кадетов. Для первых это была возможность продемонстрировать свою деловитость, политическую солидность как партии «центра», занимающейся не пустяками вроде демонстративных запросов, а настоящей, «созидательной», «органической» работой. Они очень гордились тем, что бессменным председателем Бюджетной комиссии был их сочлен по фракции М. М. Алексеенко, что эта комиссия считалась самой авторитетной в глазах правительства и «общества». Для вторых это было торжество «настоящего», как на западе, «парламентаризма», когда «парламент» — сиречь Дума — пускал в ход главное оружие всех парламентов — деньги.

Стихийно и довольно скоро сложился более или менее постоянный сценарий думского бюджетного действия. Оно открывалось речью Алексеенко, хитрого и осторожного политика, неизменно подчинявшего и содержание, и тон своих выступлений одной цели: показать себя достойным кандидатом на пост министра финансов. Затем брал слово не будущий, а настоящий министр финансов В. Н. Коковцов и произносил длиннейшую речь, упиваясь собственным красноречием и великодушно предоставляя такую же возможность своим слушателям. После него брал слово А. И. Шингарев, который стал главным бюджетным специалистом кадетской фракции. За ним шли остальные.

Общие прения по бюджету затрагивали массу вопросов, крупных и мелких, общероссийских и региональных, изобиловали огромным количеством цифр, но практически не давали никаких результатов: министр финансов пункт за пунктом опровергал и объявлял несостоятельными все критические замечания и претензии к экономической политике правительства.

Главное отличие первых бюджетных прений в IV Думе от таковых в III Думе заключалось в разнице настроений. Лейтмотивом всех думских бюджетных речей был повторяющийся тезис о том, что все слова уже сказаны, говорить больше не о чем и незачем, что, однако, совершенно не уменьшило их количества. Таков был исторический удел партий, больше всего боявшихся подлинной борьбы, обманывающих себя и народ уверениями, что *в царской России словом*, без всяких революций, можно добиться «конституции», «правового строя» и прочих прекрасных вещей из прекрасной мечты российских либералов.

Открывший общие бюджетные прения председатель Бюджетной комиссии Алексеенко позволил себе закончить свою речь политическим уколом. «Вы, вероятно, помните, — заявил он, — что очень часто ссылаются на старинное изречение одного французского министра первой четверти прошлого столетия. Он говорил: „Дайте мне хорошую политику, и я вам дам хорошие финансы“ Русские плательщики государственных налогов могут, обращаясь к представителям власти, сказать: „Вам даны хорошие финансы — дайте же хорошую политику“»¹⁴⁶. Толчок был дан, и тяжеловесная колымага бюджетных прений покатила дальше по знакомой, заезженной дороге.

Шингарев в очередной раз излил все кадетские жалобы: правительство устроило «итальянскую забастовку» — не внесло в Думу за истекшие месяцы «ни одного серьезного проекта, ни одной реформы...»; Думой пренебрегают, уверения правительства в искреннем желании сотрудничать с Думой — «фантом», «декорация», правительство вырывает «огромную пропасть» между населением и властью, разрушает «надежду на мирный, законный исход», на всю империю дудит одна лишь «полицейская дудка». Все направлено к одной цели — «охранить обветшалое... хотя бы ценой великой государственной разрухи»¹⁴⁷

Коновалов закончил свою речь указанием на то, что, «пока наше правительство является ярым защитником отживших форм

политической жизни... до тех пор оно само является тормозом экономического возрождения нашей родины»¹⁴⁸. Другой прогрессист, А. С. Посников, подробно остановившись на деятельности Совета объединенного дворянства и других подобных организаций, их влиянии на правительственную политику, закончил свою характеристику следующим словами: «В нашем государстве нет парламентаризма, нет ответственности министерства перед законодательными учреждениями, зато у нас фактически, гг., развивается своеобразный парламентаризм, парламентаризм наизнанку — несомненная зависимость нашего правительства от описанных мною могущественных организаций. Я спрашиваю вас, гг., могло ли бы какое-нибудь правительство, независимое, держать курс твердый и неизменный, если бы он был противоположен стремлениям и намерениям этих организаций? Я думаю, что это было бы невозможно»¹⁴⁹.

С другой стороны, Марков 2-й не устал твердить, что Карфаген должен быть разрушен. «Обратите внимание, — закончил он свою речь под бурные аплодисменты правых, обращаясь непосредственно к Коковцову, — когда дружно и единогласно соединяется Дума? Тогда только, когда она выступает против ваших, Ваше превосходительство, начинаний... Вы достигли дружной работы не за правительство, а дружной работы против правительства»¹⁵⁰.

Ответная речь министра финансов в основном была посвящена полемике с Шингаревым и Марковым 2-м. Первому он заявил, что правительство «считало и считает и теперь вопреки представленным вам (т. е. Думе. — А. А.) подробным соображениям бюджетные права Государственной думы чрезвычайно широкими». Второму было подробно показано, что его тезис, будто министр финансов является представителем антинациональной финансовой политики, действующим «в угоду еврейскому капиталу и еврейскому засилью», полностью несостоятелен¹⁵¹.

От имени фракции трудовиков с общегосударственной речью выступил ее председатель В. И. Дзюбинский. Ничего нового в сравнении с другими речами трудовиков, критикующими политику правительства как антинародную, она не содержала. Не изменилась и позиция трудовиков в отношении бюджета. «Мы, представители крестьянства, рабочих, городского и всего трудового населения, — заявил Дзюбинский в конце своего выступления, — считаем, что только тогда, когда самодержавно-бюрократический строй отойдет в вечность, когда правительство будет представлено настоящим народным представительством и будет ответственно перед нами, мы можем взять на себя нравственную ответственность за правильное расходование народных денег...» В настоящее же время, «как и в прежние годы», трудовая группа «будет голосовать против бюджета»¹⁵².

Обращают на себя внимание слова Дзюбинского о том, что трудовики представляют интересы не только крестьянства, но и всех трудящихся, в том числе и рабочего класса. Это было одно

из типичных, причем очень стойких, заблуждений трудовиков, объяснявшихся их непониманием принципиальной разницы между пролетариатом и крестьянством. Согласно их «трудовой» концепции, все трудящиеся представляли один класс эксплуатируемых и поэтому они выступали против требования революционной социал-демократии о четком классовом, партийном размежевании в общем революционно-демократическом фронте.

«В пароднических газетах и журналах, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — мы часто встречаем утверждение, что рабочие и „трудовое“ крестьянство составляют один класс.

Полная неверность этого взгляда очевидна... Так называемый „трудовой“ крестьянин есть на самом деле *мелкий хозяйчик* или мелкий буржуа...»¹⁵³

Заявление трудовиков, оглашенное В. М. Вершининым, предлагало отвергнуть бюджет, мотивируя это ничтожностью бюджетных прав Думы, антинародной, в интересах помещиков и капиталистов, экономической политикой правительства, преследованием рабочих организаций, столыпинской аграрной политикой, ведущей к обезземеливанию и обнищанию крестьянских масс, и т. д. — всего 10 пунктов¹⁵⁴

Бюджетная речь Р. В. Малиновского имела ясно выраженную антилиберальную, антикадетскую направленность. Вы, октябристы, кадеты, несмотря на всю вашу критику бюджета, правительству «деньги дадите, так как весь этот бюджет и все государственное устройство — дело ваших собственных рук. Вы от этого откеститься не можете», потому что царский бюджет — «классовый бюджет, ваш собственный бюджет». Критикуя аграрную политику правительства, оратор привел известные ленинские цифры о 30 тысячах помещиков, владеющих 70 млн. десятин земли, и 10 млн. крестьянских дворов с 73 млн. десятин — по 7 десятин на двор. «Без великого подъема и героизма демократических масс, — закончил он свою речь, — Россия не избавится от крепостнического гнета, мешающего ей выйти на свободный путь развития. За этот свободный путь, за демократию, и за грядущее социалистическое переустройство борется руководимый социал-демократией рабочий класс России»¹⁵⁵.

Социал-демократическая фракция огласила заявление с мотивировкой ее голосования против бюджета¹⁵⁶.

На этом существо общедюджетных прений было исчерпано. Главные прения, как и всегда, развернулись при обсуждении сметы Министерства внутренних дел. Именно эта смета была в Думе постоянным поводом для развертывания критики всей внутренней политики правительства, и прения по ней представляли собой главную, центральную сцену многосметной пьесы, ее кульминацию и апофеоз.

Лучше всех характер Думы и прений в ней выразил депутат М. А. Караулов. Начав с крылатой фразы, сочиненной каким-то остряком о том, что Дума из созвездия Рака перешла в созвездие Водолея, Караулов указал на то, что в Думе «потоками льется

вода речей». «Кому они нужны?», — спрашивал оратор и отвечал: думают, что все эти речи нужны стране. Это ошибка: «Стране, гг., эти речи не нужны». Не нужны они и самой Думе, ибо и так все давным-давно ясно — реформ нет, законности нет, и слова здесь не помогут. Поэтому от слов надо перейти к делу — из созвездия Водолея перейти в созвездие Весов. Под делом он разумел выборочный отказ в кредитах: рассматривать конкретно каждую ассигновку, и если будет видно, что она не удовлетворяет никаких «народных нужд», «сбросить ассигновку с чашки и привести весы в равновесие»¹⁵⁷.

Слабым местом этой счастливой, как казалось Караулову, идеи, было то, что она высказывалась еще с трибуны III Думы и была уже прочно захвачена в орбиту вращения того самого созвездия, которое призывал покинуть дворянин-казак, депутат из Терской области, выдававший себя за выразителя крестьянских интересов. Истина, которую, очевидно, не сознавал Караулов, состояла в том, что российские либералы были бессильны вырваться из поля притяжения водолейного созвездия, они были обречены на то, чтобы оставаться его постоянными спутниками до самого последнего часа существования царизма.

Речь кадета А. М. Александрова содержала все, что обычно содержали кадетские речи на данную тему. Приведя в пример Турцию, только что потерпевшую сокрушительный разгром в первой балканской войне, оратор вину за него возложил «на головы тех, кто не хотел или не мог понять того, что иногда сама государственная система роковым образом подготавливает политическую катастрофу». Намек был совершенно ясен, аналогия напрашивалась сама собой. Далее Александров говорил о политике «маленького человечка» — нового министра внутренних дел Н. А. Маклакова, которая поразила его своей «мизерностью» и «элементарностью»; выражал вечное удивление либералов по поводу вечной глупости правительства, делающего все, чтобы восстановить против себя «наиболее умеренный общественный класс» — буржуазию, которая «оппортунистична в силу своего общественного положения»; очередной раз ужасался «той страшной мертвой точке», в которой находится страна, и т. д.¹⁵⁸.

Главным оратором по смете Министерства внутренних дел у октябристов в III Думе был С. И. Шидловский. Эта традиция была сохранена и в IV Думе. Указав, что «вся деятельность Министерства внутренних дел насквозь проникнута... полицейским духом», он объявил эту деятельность «явлением, угрожающим общественной безопасности», против которого «мы должны протестовать всеми силами и всеми способами, в наше распоряжение предоставленными». Последнюю фразу надо понимать как намек на готовность пойти на крайнее «парламентское» средство — отказ в кредитах. «Кульмис административного произвола, гг., — продолжал далее Шидловский, — ведь дошел у нас до невероятных размеров». И вся беда в том, что «произвол не усиляет власть, а расслабляет ее совершенно, и если я протестую против этого

приволья, то потому, что я хочу видеть сильную и авторитетную власть (рукоплекания в центре и слева), а та дорога, на которой эта власть стоит, не создаст ни сильной, ни авторитетной власти»¹⁵⁹.

Трудовики по смете Министерства внутренних дел отрядили двух ораторов — Н. О. Янушкевича и А. Ф. Керенского. Но первый сразу же заявил, что он выступает на этот раз «не как представитель трудовой группы», а как «инородец» от имени угнетаемого правительством литовского народа¹⁶⁰.

Что же касается Керенского, то он еще раз продемонстрировал, что выступает не как революционер, а как левый союзник либеральной буржуазии. Его многословные и трескучие обличения политики ведомства Маклакова в отношении украинцев, сектантов и т. п. очень мирно и даже органично уживались с главным тезисом о том, что в борьбе с правительством демократия должна объединиться с буржуазией. «Только тогда, когда... демократические классы — крестьянство и рабочие... придут на помощь буржуазии, тогда начнется последняя борьба», — заявил он. И далее: «Каждый пойдет дальше своим путем, каждая партия и каждый класс имеют свои методы борьбы: одни могут говорить, другие делать, но слово с делом (т. е. буржуазия с демократией. — А. А.) должны связаться и в общем натиске должна исчезнуть та темная сила, которой представители по сих пор смеют являться в народное представительство»¹⁶¹.

Социал-демократическая фракция также выпустила двух ораторов. Но насколько бледной и невыразительной была речь меньшевика А. Ф. Бурьянова, настолько впечатляющим и ярким было выступление Г. И. Петровского. Бурьянов сам заявил, что поставил перед собой ограниченную задачу: «нарисовать перед всеми картину положения профессиональных союзов, кооперативных организаций, просветительных обществ, и поэтому да будет вам известно, что мне придется быть даже односторонним». И действительно, вся речь Бурьянова носила односторонне-монотонный характер.

Речь Петровского представляла собой прекрасный образец изложения большевистской точки зрения по национальному вопросу. Она разоблачала не только националистическую политику правительства и правых, но и национал-шовинизм либералов. «Господствующие эксплуататорские классы, — указывал Петровский, — в равной степени повернули к тому же национализму». О правых и октябристах и говорить не стоит. Но «посмотрите на нашу оппозицию, на партии либеральной буржуазии вроде прогрессистов и кадетов, последнее время и они начинают заражаться национализмом, и притом в самом худшем его смысле».

Отметив далее и ту идейную поддержку в национальном вопросе, которую «дают нашему черносотенному правительству некоторые конституционные демократы — это г. Струве из „Русской мысли“ и „Молвы“ (имеется в виду газета „Русская молва“. — А. А.) с компанией», Петровский заключал: «Гг. идейные вожди —

кадеты обманывают народ... Называясь демократами, они защищают идею господствующей нации... Вот против этого обмана демократии вообще и пролетарской в особенности необходимо решительно протестовать и предостеречь страну». Политические деятели, договорившиеся до того, что украинцы не имеют права на свой родной язык, «просто лакеи черносотенцев».

Последняя часть выступления была посвящена позитивному изложению взгляда революционной социал-демократии на национальный вопрос. Действительное разрешение национального вопроса, заявил Петровский, «возможно, во-первых, только при полном демократизме», а во-вторых, когда произойдет «объединение пролетариата всех национальностей в борьбе за социализм против всякой буржуазии, против всяких помещиков...». Помещичье-буржуазному лозунгу неделимости России оратор противопоставил большевистский лозунг права наций на самоопределение.

В заключение Петровский огласил мотивированное заявление социал-демократической фракции, в котором отвергалась смета Министерства внутренних дел и выражалось «недоверие всякому хозяйничанью господствующих классов и — в еще большей степени — хозяйничанью героев третьейюньского переворота»¹⁶².

Таким образом, выступления по смете Министерства внутренних дел являли собой картину критики с разных позиций всей внутренней политики правительства, в частности отказ от каких бы то ни было реформ, преследование общественных организаций и т. д. Что касается либералов, то они отразили не только настроенные безысходности, но и рост недовольства и раздражения, несомненное усиление оппозиционности со стороны октябристско-кадетской части Думы. Особенно отчетливо это недовольство проявилось в конце прений по смете Министерства внутренних дел, когда дело дошло до мотивов голосований и принятия формул перехода, внесенных правыми и либеральными фракциями (трудовики и социал-демократы участвовать в обсуждении и голосовании этих формул отказались)¹⁶³.

Формула кадетов была наиболее радикальной. Она констатировала «непримиримое противоречие» между политикой правительства и задачей укрепления «конституционной монархии», несправедливость избирательного закона и реакционность выборной политики правительства, фактическое отсутствие «объединенного кабинета», произвол, беззаконие и т. д. Заключительная фраза гласила: «Государственная дума признает политику правительства антипатриотичной и антигосударственной и отвергает смету Министерства внутренних дел»¹⁶⁴.

Таким образом, кадеты сделали шаг вперед по сравнению с III Думой, где они голосовали только против части сметы Столыпинского ведомства (сметы министерства по общей части). Теперь они отвергали смету целиком в надежде, что им удастся подтолкнуть на этот шаг хотя бы своих ближайших соседей —

прогрессистов. Но их надежды не оправдались. Прогрессисты внесли формулу, представлявшую по содержанию смягченный вариант кадетской, однако отвержения сметы она не требовала, настаивая только «на скорейшем осуществлении широких реформ»¹⁶⁵. В свою очередь формула перехода октябристов представляла собой, по свидетельству «Речи», переделку формулы прогрессистов¹⁶⁶ и заканчивалась теми же словами¹⁶⁷.

Позиция правых в прениях по смете Министерства внутренних дел была стандартной. Из их выступлений заслуживает некоторого внимания речь А. Н. Хвостова, бывшего нижегородского губернатора, будущего министра внутренних дел, человека огромной толщины и еще большей, почти фантастической бесчестности. Этой речью он дебютировал в качестве нового лидера фракции крайних правых и в этом состоял ее главный интерес для аудитории.

Начал Хвостов с заявления, что правые вообще считают несвоевременным подробное обсуждение политики Министерства внутренних дел, потому что министр «занят теперь одной из самых святых его обязанностей — охраной государя императора в юбилейные романовские дни». В связи с этим Хвостов предпочел сосредоточить все свое дальнейшее внимание на другом министре — Кокковце. Критика последнего велась Хвостовым на пределе допустимого. Премьер прямо обвинялся в том, что с трибуны Думы произносит «развращающие слова», поет «гимн качающемуся маятнику», восхваляет это «качание слева направо» и т. д. Последний тезис его краткой и в ораторском отношении весьма убогой речи был посвящен необходимости бороться «железной рукой» на базе триединой уваровской формулы с «демократической волной», которая «велика», «растет» и «может смыть» существующий строй¹⁶⁸.

Несколько более гибко выступили фракция националистов и группа «центра», которые внесли свои формулы перехода. Первая высказывала пожелание, чтобы Министерство внутренних дел занялось «в возможно непродолжительном времени реформой полиции, выработкой законодательных мер по борьбе с хулиганством», и «узаконением и улучшением положения печати», с тем чтобы сделать «излишним применение исключительных положений»¹⁶⁹. Вторая также ратовала за отмену исключительных положений, но, кроме того, предлагала правительству вступить «на путь продолжения коренных реформ, возведенных с высоты престола в манифесте 17 октября», и «ввести местное самоуправление в тех частях Европейской России, где тому не препятствуют особенности края»¹⁷⁰.

В итоге прений была принята формула октябристов 160 головами против 109 при 17 воздержавшихся¹⁷¹.

Каково же было практическое значение прений?

«Речь» постаралась изобразить принятие Думой октябристской формулы в самых оптимистических тонах. «Вчерашний день в истории четвертой Г. думы, — торжественно заявила передовая, — сохранит значение исторической даты». В то же время

газета вынуждена была признать, что думский центр выдвигает требование реформ «осторожно и нерешительно», отвергнуть смету Министерства внутренних дел октябристы не решились, но «не будем... требовать всего зараз. Вчера первый шаг сделан. Теперь надо добиваться, чтобы за первым пошли второй и последующие»¹⁷².

Со своей стороны «Речь», ссылаясь на «историческую формулу», развивала тезис о Думе как важнейшем политическом факторе: оставим социал-демократам твердить, что Дума есть только декорация, что думская деятельность есть обман и лицемерие, а идеологи Думы только вводят народ в обман и кормят его конституционными иллюзиями. «В ожидании общественных сил, пока заметных только своим отсутствием на арене общественной борьбы, Дума *есть* общественная сила». «Вотум Думы показал, что правительство совершенно изолировано и не находит себе поддержки даже в им самим созданных политических группах». «Вот почему, — снова и снова твердила «Речь», — мы настойчиво предостерегаем против излишнего утрирования ходячей мысли о бессилии Гос. думы» и «призываем общественное мнение видеть в Думе *свою* силу или по крайней мере, одну из своих сил»¹⁷³.

Дебаты в Думе по смете Министерства внутренних дел и оценка их либеральной печатью привлекли внимание В. И. Ленина. В статье, озаглавленной «Значение „исторической“ формулы», В. И. Ленин отмечал, что принятая формула, как и комментарии к ней либеральной прессы, «заслуживает серьезного обсуждения», так как «вопросы тут подняты действительно принципиальные». Приведя цитированные выше слова из «Речи» о том, что 21 мая, день принятия формулы, «сохранит значение исторической даты», он расценил их как пустую широковещательную фразу, на которые либералы «большие мастера». Подлинная же суть дела состоит, во-первых, в том, что формула не отвергла сметы, отвержение ее кадетами «было лишь театральным жестом для приманки демократии, ибо все отлично знали, что кадеты *на деле* поддержат октябристов», а, во-вторых, основное требование принятой формулы — скорейшее осуществление реформ — совпадает с точно таким же требованием формул не только прогрессистов и кадетов, но даже группы «центра», «т. е. полуоктябристов, полунационалистов». У кадетов «только порезче выражения». В-третьих, во всех формулах — кадетов, прогрессистов, октябристов — «ясно выражена *реакционная точка зрения*». Прогрессисты указали в своей формуле, что Министерство внутренних дел «сеет в стране семена смуты, угрожающей государственной безопасности»; кадеты заявили, что «подобное положение представляет серьезную угрозу для государственной и общественной безопасности»; у октябристов сказано, что «министерство убивает в народе уважение к закону и к власти и тем усиливает оппозиционное настроение». «В переводе с языка „высшей политики“ на простой человеческий язык, — пишет по этому поводу В. И. Ленин, — это значит одно: и к.-д. и октябристы и прогрессисты *обещают* лучше, чем при

теперешней системе, охранять помещицью безопасность, как класса, а не лиц, разумеется». И, в-четвертых, «все три указанные партии стоят на точке зрения национализма и шовинизма», заявляя в своих формулах, что министерство «ослабляет мощь России», «внешнюю мощь», мощь «государства». Конечный вывод В. И. Ленина гласил: «„Историческая“ формула IV Думы есть соглашение кадетов с октябристами при посредстве прогрессистов о том, чтобы осудить правительство и выразить пожелание „коренных реформ“ при условии вотирования бюджета и ясного выражения точки зрения реакционного национализма и шовинизма»¹⁷⁴.

В другой статье—«В ком поддержка?»—В. И. Ленин высмеивал утверждение «Русских ведомостей» и «Речи», заявивших, что принятие «исторической» формулы свидетельствует о совершенной изоляции правительства, которое не находит себе поддержки даже в политических группах, которые оно само создало. «Нелегко, пожалуй, найти образцы ребячества, подобного тому, которое обнаруживают в этих рассуждениях профессора, адвокаты, писатели и депутаты либерального лагеря,—замечает по этому поводу В. И. Ленин.—Вот уж поистине неизлечимый парламентский кретинизм в стране, где, „нет, слава богу, парламента“!» И далее он указывает на поддержку Совета объединенного дворянства, на «сотенку» миллионов десятин лучшей земли у помещицкого класса, все важнейшие военные и гражданские должности, занимаемые тем же классом, наконец, на самих кадетов, прогрессистов и октябристов, вотировавших смету Министерства внутренних дел.

«О чем был спор в Думе?»—ставит В. И. Ленин главный вопрос: «Крепостники-помещики—за реакцию. Буржуазия — за реформы. Она нанесла моральный удар правительству своей „формулой“ Но эта буржуазия в то же время оказала моральную поддержку правительству подчеркиванием своей контрреволюционности! А такая поддержка имеет значение в сто раз более действительное и более веское, чем десятки „моральных“ ударов.

„Историческая“ думская формула в сотый раз подтвердила, что третьеиюньская система зашла в тупик. И буржуазия, оставаясь на указанной позиции, бессильна выйти из тупика. Опыт истории учит нас, что буржуазия десятилетиями способна мечтать о реформах, прозябать в тупике и сносить ярмо Пуришкевичей, если не наступает именно то разрешение кризиса, от которого отрешиваются, которого чураются либералы».¹⁷⁵

В этом была вся суть. Гневной и суровой критике подверг В. И. Ленин требование цитированной нами передовицы «Речи» о необходимости народной и общественной поддержки IV Думы. «Передовица,—указывает он в статье „Либералы в роли защитников IV Думы,“—гораздо более заслуживает названия „исторической“, чем голосование IV Думы по смете министерства внутренних дел. Передовица поистине программная». Прочитировав то место передовой, где говорится, что Дума пока единственная общественная сила, имеющаяся в стране. В. И. Ленин дважды, в двух

абзацах подряд, пишет: «Хуже всякого слепого, кто *не хочет видеть*» «величин в десятеро раз больших», чем Дума, т. е. демократию. «До какого позорного упадка, до какой низости и грязи,—воскликает В. И. Ленин.—должны были дойти либералы и кадеты, чтобы воспевать таким образом октябристов и октябристскую Думу! Вот вам в сотый и тысячный раз доказательство того, что кадеты—те же октябристы, подмалеванные в розовый цвет для обмана простачков»¹⁷⁶

Бюджетные прения по смете Министерства юстиции были похожи на дебаты по смете Министерства внутренних дел так, как похожа малая театральная сцена на большую.

Учитывая, что министерство Щегловитова столь же одиозно в глазах общественного мнения, как и министерство Маклакова, кадеты решили голосовать против параграфа сметы, предусматривавшего финансирование центральных органов министерства. Отвергнуть смету целиком они посчитали чрезмерным. Поскольку этой демонстрации кадеты придавали серьезное политическое значение, слово для обоснования вотума взял сам лидер кадетской партии. Ярких речей уже недостаточно, заявил Милюков, «слова потеряли силу... и нужно от слов перейти к делу». Поэтому кадеты делают следующий шаг, имеющий «политическое значение», и приглашают «центр» последовать их примеру¹⁷⁷. Но «центр» не внял этому призыву,—более того, он провалил формулу прогрессистов, выразившую глубокое «возмущение по поводу... вредной деятельности» Министерства юстиции и требовавшую «положить ей конец», несмотря на то что ораторы «центра» выражали это «возмущение» самым энергичным образом¹⁷⁸.

Третий шаг кадетов, который тоже был объявлен Милюковым, выразался в голосовании против ассигнований на центральные учреждения тюремного ведомства, которое было подчинено министеру юстиции¹⁷⁹.

Четвертое и последнее политическое голосование кадетов по бюджету было против ассигнований на содержание центральных учреждений Министерства народного просвещения. Мотивировка и на этот раз была дана лидером фракции¹⁸⁰.

Прения по смете Министерства народного просвещения были самыми продолжительными, но ничего нового по сравнению с дебатами по вопросу об аресте школьников в гимназии Витмер они не дают. Действительный интерес заключался не в прениях, а в голосованиях связанных с ними формул перехода.

Дума приняла по смете Министерства народного просвещения три формулы—националистов, октябристов и крестьянской группы¹⁸¹. Первая формула выражала «пожелание о том, чтобы школе был придан более национально-русский характер». Формула октябристов представляла собой смягченный вариант формулы прогрессистов, отклоненный Думой. Формула крестьян содержала некоторые демократические требования, но страдала непоследовательностью и неполнотой.

Отметив, что «архиреакционная формула» националистов про-

шла голосами правых и октябристов, а октябристка—голосами кадетов, в то время как крестьянское пожелание прошло большинством лишь в три голоса (137 против 134 при 4 воздержавшихся), В. И. Ленин указывал на главный смысл этих голосований: «IV Дума, после призывов к.-д. к поддержке ее, приняла формулу националистов! Только слепой может не видеть, что поддержка IV Думы есть поддержка колеблющихся октябристов»¹⁸².

Подводя законодательные и политические итоги первой сессии, следует прежде всего отметить ее полную бесплодность. Хотя кадеты слагали гимны в честь Думы и давали оптимистические оценки «объединенных» усилий оппозиции, приветствовали «историческую формулу» и т. п., думскому обозревателю «Речи» Л. Неманову пришлось констатировать: «По фактическим результатам сессия была совершенно бесплодной». Хотя Коковцов в своей декларации перечислил сотни законопроектов, которые правительство намеревается внести в Думу, до конца сессии ни одного сколько-нибудь крупного законопроекта внесено не было. Более того, законопроекты о поселковом управлении и вероисповедные, внесенные еще в III Думу, министр внутренних дел Маклаков взял обратно¹⁸³.

Закончилась сессия. «И ни одного нет отзыва, в котором нашлось бы для этой Думы доброе слово,—отмечалось в передовой.—Все ею недовольны». «Но главное—такое же недовольство царит и внутри самой Думы». Ни одна фракция не считает себя ответственной за ход дела. Для Думы характерны «шатания» между правым и левым большинством, «неожиданные полевения и поправления». Чувствуя, что зашел в своих признаниях слишком далеко, автор передовицы спохватывается. «Третья и четвертая Думы... представляют пародию на народное представительство. Это так. Но именно они существуют, и *hic Rhodos hic salta!*»¹⁸⁴.

«Дума 3 июня,—говорилось в очередном недельном обзоре,—могла уже привыкнуть к плохой прессе, но такого единодушного осуждения до сих пор не наблюдалось». «Еще знаменательнее то, что такая оценка, и в общем столь же единодушная, господствует и в самой Думе»¹⁸⁵.

Это соответствовало действительности. Еще за два месяца до конца сессии октябристский официоз в редакционной статье под названием «Тупик» писал: «Можно заранее сказать, что оценка первой сессии будет вполне единодушной: она потеряна бесплодно». Такое настроение царит не только в Думе, «оно широко распространено и в обществе, которое сознает, что русская политическая жизнь попала в глубокий тупик, подошла вплотную к стене»¹⁸⁶.

Крайнее недовольство и раздражение демонстрировал и М. О. Меньшиков. В статье «Мертвая толчея» он писал: «Пришли, понюхали и ушли—вот к чему сводится деятельность зачаточного у нас парламента». Нет кворума, около 200 депутатов находятся в отпуске, общее ничегонеделание¹⁸⁷. Положительный итог первой сессии, отмечал Меньшиков в статье, озаглавленной «Потерянный

год», «не займет и двух строк». «Потерян целый год», и это тогда, когда «все державы мира» чувствуют за собой «погоню времени, жестоко беспощадного ко всем отсталым в культуре, в технике, в экономическом быту, в военном деле...»¹⁸⁸.

Естественно, что подобный итог привел к новой вспышке дискуссии о «прогрессивном центре». Поскольку бесплодность сессии стала очевидной задолго до ее конца, то и дискуссия, никогда полностью не умиравшая, возобновилась где-то в феврале-марте 1913 г.

Позицию прогрессистов в этом вопросе довольно точно отразил автор статьи «Прогрессивный центр». Взяв на себя роль честного маклера, он писал: «Образование... прогрессивного центра возможно при двух условиях. Первое из них надлежит выполнить октябристам, второе—кадетам». От первых «потребуется лишь (!) одно: чтобы свой политический символ веры они наконец-то превратили в дело». Это «лишь» на фоне всей деятельности и состава октябристской партии выглядит поистине умирительно. С кадетами автор разговаривает более сурово: «Им придется изменить свою тактику: с почвы чисто декларативных выступлений, заранее обреченных при нынешнем соотношении сил на полный неуспех, перейти на почву реальной политики». Это требование подкреплялось указанием на возможность раскола в кадетском лагере. «То, что наблюдается сейчас в недрах кадетской фракции, нельзя еще назвать расколом, но определенные признаки разлада давно уже налицо. Сторонники реальной политики (гг. Маклаков, Челноков, Александров и др.) сгруппировывают вокруг себя... подавляющее большинство». Симпатии автора были целиком на стороне этого «большинства». «Ошибочность тактики профессора Милюкова, навязываемой им его 60-голосной фракции (sechzig Professoren — Vaterland, du bist verloren!) только что вызвала внушительный протест большинства кадетской фракции» (имеется в виду конференция кадетов в феврале 1913 г.—А. А.). «Требовать всеобщего избирательного права... это такая политическая маниловщина». Концовка гласила: «Отказавшись от своей прошлой декларативной тактики и перейдя на почву тактики реальной, кадетская фракция может помочь делу осуществления прогрессивного делового центра»¹⁸⁹.

Подталкивали кадетов вправо и октябристы, объявлявшие их требования чрезмерными до нереалистичности. «Голос Москвы»; в период IV Думы ставший рупором «левого» октябризма и именно с этих позиций критиковавший деятельность октябристской фракции, был расстроен до крайности принятой февральской конференцией кадетов тактической резолюцией. Предложенная Милюковым и принятая конференцией тактическая резолюция равносильна «отказу от всякой законодательной работы в пределах реальной осуществимости». Тактика Милюкова была «одобрена конференцией далеко не единодушно. Значительная часть ее членов настаивала на тактике соглашения с думским центром с целью проведения отдельных проектов и культурных реформ». Но «знаменитая

кадетская дисциплина», состоящая «в беспрекословном подчинении самодержавной воле конституционно-демократического вождя г. Милюкова», к сожалению, взяла верх. При такой ситуации, «конечно, не может быть и речи о том, чтобы думский центр встал на принятую кадетами непримиримую позицию...». Но в то же время «центр не может примкнуть и к правому крылу, с каждым днем все откровеннее высказывающему свои реакционные вождедения. Ясно, что в Думе не только нет никакого большинства, но и нет ни малейшей надежды на его образование»¹⁹⁰.

Как видим, оценки октябристов и прогрессистов в отношении кадетов как главных виновников неудачи в организации «левого центра» совпали. Кадеты ответили на это обвинение вопросом, который формулировался примерно следующим образом: допустим, все препятствия преодолены и «левый центр» создан, что дальше? Ведь не от него же зависит судьба «реформ», а от хозяев положения, которыми союзники по «прогрессивному блоку» отнюдь не являются.

Ответ, который давался сторонниками «левого центра», являлся одним из самых выразительных свидетельств недееспособности русского либерализма, отсутствия в нем стремления действительно бороться.

Вот как отвечал на «проклятый вопрос» в статье «Еще раз о прогрессивном центре» орган прогрессистов, считавших себя «связующим звеном между октябристами и кадетами». До сих пор правительство отказывалось от совместной работы с теми оппозиционными элементами, которые придерживались чисто декларативной тактики. Но когда будет создан «прогрессивный центр», этот предлог должен отпасть. «И если правительство тем не менее откажется признать этот деловой прогрессивный центр, то этим оно обнаружит, что не реальные фактические разногласия уклоняли его от сотрудничества с прогрессивными силами страны, а ничем непоколебимая твердыня принципиальных консервативных мировоззрений». Иными словами, если власть не удастся взять кротостью, она, власть, себя разоблачит.

«Газете же „Речь“, которая спрашивает нас, как осуществить нашу „превосходную программу“ прогрессивного центра „при существовании Положения 3 июня и при обструкции Государственного совета“, мы ответим: осуществление этой программы—дело того главы кабинета, который решится (!) работать с прогрессивным думским большинством. Побороть обструкцию верхней палаты — на это способов, и при этом вполне предусмотренных „Положением о Государственном совете“, у власти достаточно. Что же касается ссылки на Положение 3 июня, то о нем, как о начале, препятствующем какой бы то ни было прогрессивной работе, при состоявшемся объединении прогрессивного большинства в 4-й Думе, говорить не придется»¹⁹¹.

Итак, закон 3 июня прогрессивным реформам не помеха. Надо только, чтобы глава правительства «решился» работать с «левым центром», и тогда все будет в полном порядке. Все чрезвычайно

легко и просто. Почему, однако, реакционный царский министр «решится» на совместную работу с «прогрессивным центром» и как он мог «решиться» на это, даже если бы захотел, имея в составе своего кабинета таких министров, как Щегловитов, Рухлов, Маклаков, Кассо, при существовании Совета объединенного дворянства, того же самого Государственного совета, наконец, самого царя — такой вопрос газета не ставила.

Октябристский бард Громобой не предлагал возлагать надежд на премьера — святочного деда, даже, наоборот, призывал к борьбе, но в действительности его рецепт был столь же утопичен, как и прогрессистский, а в свои призывы он не верил сам. «Дума должна... приступить к политическому законодательству... Пусть Г. Совет крушит реформы Думы, как сокрушил народное образование, вероисповедную реформу — в этом и есть борьба, в этом потоке необходимых для страны законопроектов и был бы натиск на Г. Совет; это вызвало бы общественный подъем, веру в Думу — в силу Думы. Не так-то легко и сосредоточивать на себе общественное озлобление, день за днем отвергать все то, что является для народа (!) насущно необходимым. При неутомимости Думы в такой борьбе могли бы устать (!) и ее противники.

Во всяком случае, это была бы жизнь, это был бы честный бой — и само поражение в таком бою принесло бы лавры»¹⁹².

Однако не только октябристы и прогрессисты, но и сами кадеты не могли предложить реальных мер борьбы, поскольку классовая природа русской буржуазии исключала всякую апелляцию к внепарламентским (в смысле игнорирования царской «законности») действиям.

Было бы ошибкой думать, что образованием прочного большинства Думы была озабочена только ее «прогрессивная» часть. Правая половина Думы не меньше либеральной была встревожена отсутствием у нее прочного большинства и также искала пути для его создания. Разумеется, здесь методы и средства были иные — все они так или иначе связывались с составом кабинета, и прежде всего с его председателем. Внутридумские комбинации, направленные на поиски союзников, и продолжение кампании против Коковцова представляли собой две стороны одного и того же явления. В правом стане роль, подобная роли прогрессистов в оппозиционном лагере, принадлежала националистам. Чаще и многословнее, чем кто-либо, за создание устойчивого правого большинства ратовал жаждавший деятельности и славы А. И. Савенко. В статье «Почему нет в Г. Думе большинства» Савенко доказывал, что постоянное правое большинство, как соглашение соответствующих фракций, возможно. Вся беда в том, что нет «предмета» для соглашения. Одних лозунгов для этого мало, нужны конкретные законопроекты. «Но ни одного серьезного законопроекта правительство в эту сессию не внесло». А элементов, из которых могло быть создано большинство, в IV Думе больше, чем в третьей. Но, увы, «нет Столыпина, нет той центральной фигуры, вокруг которой могли бы объединиться и правительство и Г. Дума»¹⁹³.

В статье «Необходимое движение» Савенко снова писал, что у правительства «никакой решительно программы... сплошное и притом бесперспективное топтание на месте». То же самое наблюдается и у «умеренных» партий вплоть до кадетов. Только крайние фланги «имеют перед собой определенные цели и ведут борьбу...». «Необходимо искать выхода из тупика. Необходимо сдвинуться с мертвой точки». Характерно (и на это важно обратить внимание), что вторая половина статьи Савенко уже во многом схожа с речениями октябристов и даже кадетов. «Пожелания Г Думы,— писал он,— систематически игнорируются; в области расходования народных средств и даже в области законодательства начинают обходиться вовсе без Г Думы. Движение по пути реформ остановилось вовсе». Растет общее недовольство, а «настроение страны передается и Г Думе, которая уже столько раз демонстрировала свое единодушие в осуждении нынешнего „курса“»¹⁹⁴.

В редакционной статье «В чём выход?» суворинская газета резко ополчилась против «чересчур экспансивных рептилий» (т. е. таких изданий, как «Гражданин» кн. В. П. Мещерского и «Русское знамя» А. И. Дубровина.—А. А.), требовавших превращения Думы в законосовещательный орган. Такое требование — «безнадежная глупость». «Есть ли между обеими сторонами (т. е. между правительством и Думой.—А. А.) принципиальные разномыслия в основах русской государственности?» — ставит газета главный вопрос. И решительно отвечает: нет. «Огромное... большинство в IV Думе состоит из депутатов, частью не левее самого министерства, частью же значительно правее его». «И вот такая Дума,— сокрушается неведомый нам автор,— оказывается в разладе с правительством...»¹⁹⁵

Увы, в голубую мечту националистов, октябристов, кадетов о том, что правительство можно уговорить, не верили они сами. Общее настроение всего лагеря контрреволюции, от правых до кадетов, выразил Громобой в статье с весьма выразительным заголовком: «Без надежды». «Мы без Думы»,— констатировал автор. И «печальнее всего, что все партии бесцветны, все знамена полиняли, все ораторы твердят надоевшие зады. Эта Дума спрыснута мертвой водой, а где достать живой?». «Ни тактики, ни работы у них нет, потому что нет плана, что делать, как вывести Россию из тупика. А этот вопрос—единственный. Он должен был мучить их. Но они сидят в Думе как в канцелярии. И жгучее чувство безнадежности охватывает при взгляде на такую Думу»¹⁹⁶.

Как ни раскачивали по совету М. О. Меншикова думский корабль справа налево и слева направо правые и «левые» партнеры по контрреволюции, пытаясь столкнуть его с мели, на которую он прочно сел еще при П. А. Столыпине, их усилия оставались тщетными. Громоздким и нелепым был сам корабль, не способной к действию была его команда.

- 1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 319.
- 2 Утро России, 1912, 3 окт.
- 3 ОР ГБЛ, ф. 566, Дневник Е. Я. Кудрявцевой-Кизеветтер (1905—1922), л. 350 об.
- 4 Утро России, 1912, 14 сент.
- 5 Государственная дума: Четвертый созыв. Степнографические отчеты, сессия 1, ч. 1, стб. 185—244 (Далее: Ст. отч.).
- 6 Голос Москвы, 1912, 19 сент.
- 7 Родзянко М. В. Государственная дума и февральская революция. Ростов н/Д, 1919, с. 9.
- 8 Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. 6, с. 123.
- 9 Фракция Союза 17-го октября в Государственной думе: (Обзор деятельности). Сессия первая: 15 ноября 1912 — 25 июня 1913 г. СПб., 1914, с. 3 (далее: Фракция Союза 17-го октября..., сессия первая...).
- 10 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 321.
- 11 Там же.
- 12 Изгоев А. С. Что дальше? — Русская мысль, 1912, № 11, с. 168 (вторая пагинация).
- 13 Четвертая Государственная дума: Фракция Народной свободы в период 15 ноября 1912 — 25 июля 1913 г. СПб., 1913, ч. 1—3. Отчет фракции, с. 5 (далее: Фракция Народной свободы...).
- 14 Падение царского режима, т. 6, с. 303.
- 15 Голос Москвы, 1912, 4 июля.
- 16 Падение царского режима, т. 6, с. 302. Было выдвинуто еще одно объяснение: против засилья духовенства в Думе выступило дворянство. Октябрист И. С. Ключев, собиравший в своем дневнике (который записывала его жена) все слухи и сплетни, доходившие до него, в записи от 19 ноября 1912 г. отмечал: дворяне испугались, что духовенство выгеснит их из Думы. «И вот, некоторые смельчаки из них» отправились к царю на охоту в Спалу и «прямо высказали ему свою обиду на то, что Саблер, Макаров и Харузин своей тактикой задумали отстранить их от государственной работы... Государь отнесся к ним очень внимательно, и положение дела сразу изменилось» (ЦГИА, ф. 669, оп. 1, д. 11, л. 3 об. — 4).
- 17 Вопросы истории, 1964, № 2, с. 98—99. См. также показания А. А. Мака-
- рова той же комиссии (Падение царского режима. М.; Л., 1925, т. 2, с. 129). В письме к сыну от 11 апреля 1912 г. товарищ председателя Центрального комитета октябристов К. Э. Линдеман сообщал: «3 апреля меня приглашал к себе В. Н. Коковцов для беседы о предстоящей выборной кампании и о надеждах московских октябристов... В результате ее установились желательные отношения нашего Центрального комитета к правительству» (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 566, л. 1053).
- 18 Новое время, 1912, 13 сент.
- 19 Там же, 2 авг.
- 20 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 320.
- 21 Там же, с. 322—323.
- 22 Там же, с. 322.
- 23 Там же, с. 324—325.
- 24 Там же, с. 325—326.
- 25 Там же, с. 326.
- 26 Там же, с. 326—327.
- 27 Там же, с. 327.
- 28 Утро России, 1912, 17 окт.
- 29 Там же, 20 окт.
- 30 Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1920, Ч. 1, с. 203—204.
- 31 Голос Москвы, 1912, 20 июля.
- 32 Фракция Союза 17-го октября..., сессия первая..., с. 5.
- 33 Речь, 1912, 4 нояб.
- 34 Там же, 8 нояб.
- 35 Шидловский С. И. Указ. соч., с. 208.
- 36 Там же, с. 208—209, 211—212. Курсив мой. — А. А.
- 37 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 326.
- 38 Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 6.
- 39 Там же, стб. 7.
- 40 Утро России, 1912, 16 нояб.
- 41 Там же, 17 нояб.
- 42 Речь, 1912, 16 нояб.
- 43 Там же, 19 нояб.
- 44 Новое время, 1912, 16 нояб.
- 45 Там же, 27 нояб.
- 46 Там же.
- 47 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 582, л. 2693.
- 48 Вопросы истории, 1964, № 4, с. 115.
- 49 Речь, 1912, 11 нояб.
- 50 Россия, 1912, 17 нояб; см.: Там же, 1912, 21 нояб.
- 51 Там же, 1912, 24 нояб.
- 52 Президиум Думы, согласно Наказу, составляли председатель Думы, два его товарища, секретарь и старший товарищ секретаря Думы. Остальные пять товарищей секретаря в президиум не входили. Вторым то-

- варищем председателя был избран прогрессист кн. Д. Д. Урусов (смененный затем Н. Н. Львовым), секретарем — октябрист И. И. Дмитриюков; старшим товарищем секретаря — прогрессист Н. Н. Львов (потом вместо него прогрессист В. А. Ржевский) (см. Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 15, 19, 128—132).
- 53 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 584, л. 2827.
- 54 Голос Москвы, 1912, 27 нояб.; см.: Там же, 1912, 4 дек.
- 55 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 580; л. 2456.
- 56 Речь, 1912, 1 дек.
- 57 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 583, л. 2732.
- 58 Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 262.
- 59 Новое время, 1912, 15 дек.
- 60 Голос Москвы, 1912, 7 дек.
- 61 Там же, 1913, 1 янв.
- 62 Утро России, 1912, 7 дек.
- 63 Речь, 1912, 6 дек.
- 64 Ст. отч. с. 1, ч. 1, стб. 287, 289—290; 305—308.
- 65 Там же, стб. 394; 402.
- 66 Там же, стб. 407—420.
- 67 Там же, стб. 552—553.
- 68 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 585, л. 2935.
- 69 Фракция Народной свободы..., с. 6.
- 70 Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 356—359.
- 71 Там же, стб. 470—474.
- 72 Там же, стб. 515, 517, 518.
- 73 Там же, стб. 643, 645, 647.
- 74 Там же, стб. 660.
- 75 Там же, стб. 327, 330, 339—342.
- 76 Там же, стб. 601—602, 606.
- 77 Мансырев С. П., кн. Мои воспоминания о Государственной думе: (1912—1917 гг.). — В кн.: Историк и современник. Берлин, 1922, т. 2, с. 20.
- 78 Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 661—664.
- 79 Там же, стб. 896.
- 80 Там же, стб. 894.
- 81 Там же, стб. 897.
- 82 Голос Москвы, 1912, 16 дек.
- 83 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 584, л. 2866.
- 84 Там же, д. 585, л. 3011.
- 85 Там же, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 32.
- 86 Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 426—427, 430.
- 87 Там же, стб. 757—761.
- 88 Бадаев А. Большевики в Государственной думе: Воспоминания. М., 1954, с. 51.
- 89 Там же, с. 50.
- 90 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 1, с. 330—331.
- 91 Там же, с. 361.
- 92 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 512, примеч. 126.
- 93 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 459—460, примеч. 103; Бадаев А. Указ. соч., с. 287.
- 94 Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 321, 322, 327.
- 95 Там же, стб. 431—432.
- 96 Там же, стб. 765, 772.
- 97 КПСС в резолюциях..., т. 1, с. 362.
- 98 Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 775—776, 787—788.
- 99 Речь, 1913, 3 февр.
- 100 Там же, 6 февр.
- 101 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 30.
- 102 Там же, с. 296.
- 103 Речь, 1913; 27 янв.
- 104 Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 1514—1516.
- 105 Там же, стб. 1516—1517.
- 106 Там же, стб. 1524.
- 107 Там же, стб. 1610.
- 108 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 36—37.
- 109 В частности, Г. Г. Замысловский, процитировав пункт кадетского законопроекта, запрещавший устройство собраний «под открытым небом в расстоянии одной версты от места действительного пребывания государя императора и от места заседаний Государственной думы во время ее сессий», резонно заметил, что, если исходить из буквального текста статьи, то ею «собрания в расстоянии полуверсты и четверти версты (от царя и Думы. — А. А.) дозволены» (Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 1798).
- 110 Там же, стб. 1799—1802, 1805, 1808, 1815. Пуришкевич сразу же заявил от имени правых, что Милюков «позволил себе... дерзостное неуважение к верховной власти...» (Там же, стб. 1816).
- 111 Там же, стб. 2062—2063.
- 112 Там же, стб. 2064—2066.
- 113 Там же, стб. 2085, 2087, 2095.
- 114 Там же, стб. 2102.
- 115 Там же, стб. 2214.
- 116 Там же, стб. 2168.
- 117 Там же, стб. 2186.
- 118 Там же, стб. 2218.
- 119 Там же, стб. 2224. Объясняется это тем, что вначале крестьяне свою формулу внесли в качестве поправки к предложению кадетов об образовании специальной комиссии для передачи туда их законопроекта. В ответ

- последовал усиленный нажим со стороны октябристов; президиум Думы в свою очередь отказался поставить на голосование предложение крестьян в качестве поправки и в конечном счете их уговорили внести его в виде формулы перехода, пообещав ее принять.
- 120 Фракция Народной свободы..., с. 15.
- 121 Россия, 1913, 15 марта.
- 122 Фракция Союза 17-го октября..., сессия первая..., с. 77.
- 123 Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 692—693.
- 124 Первый подписавший вопрос прогрессист А. А. Барышников, в частности, говорил: «У меня в руках много листов, которые названы... в официальном сообщении прокламациями с ярко выраженным противоправительственным содержанием... и я должен засвидетельствовать, что ничего противоправительственного я в этих листах не видел» (Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 694—695).
- 125 Ст. отч., стб. 1064, 1066—1067.
- 126 Там же, стб. 1072—1073, 1084—1085.
- 127 Там же, стб. 1092.
- 128 Там же, стб. 1097.
- 129 Там же, стб. 1107.
- 130 Там же.
- 131 Там же, стб. 1156.
- 132 Там же, стб. 1196—1198.
- 133 Там же, стб. 1374.
- 134 Там же, стб. 1375—1376.
- 135 Там же, стб. 1374—1375.
- 136 Там же, стб. 1372—1375.
- 137 Там же, стб. 1182—1183.
- 138 Там же, стб. 1381.
- 139 Там же, с. 1, ч. 2, стб. 375.
- 140 Ст. отч., с. 1, ч. 1, стб. 2393, 2396.
- 141 Там же, ч. 2, стб. 479—480.
- 142 Там же, стб. 620.
- 143 Там же, ч. 1, стб. 1893.
- 144 Там же, стб. 1908—1909.
- 145 Там же, стб. 1909.
- 146 Ст. отч., с. 1, ч. 2, стб. 909—910.
- 147 Там же, стб. 1000, 1011, 1013.
- 148 Там же, стб. 1074.
- 149 Там же, стб. 1163.
- 150 Там же, стб. 1049.
- 151 Там же, стб. 1215, 1253, и след.
- 152 Там же, стб. 1147.
- 153 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 233.
- 154 Ст. отч., с. 1, ч. 2, стб. 1343—1344.
- 155 Там же, стб. 1179, 1185—1186.
- 156 Там же, стб. 1342—1343.
- 157 Там же, стб. 1552—1553.
- 158 Там же, стб. 1507, 1509, 1512, 1517.
- 159 Там же, стб. 1519—1520, 1523.
- 160 Там же, стб. 1577.
- 161 Там же, стб. 1691.
- 162 Там же, стб. 1779, 1786—1788, 1790—1792.
- 163 Там же, стб. 1942.
- 164 Там же, стб. 1869—1870.
- 165 Там же, стб. 1939—1940.
- 166 Речь, 1913, 22 мая.
- 167 Ст. отч., с. 1, ч. 2, стб. 1940—1941.
- 168 Там же, стб. 1848—1851.
- 169 Там же, стб. 1941.
- 170 Там же, стб. 1940.
- 171 Там же, стб. 1946.
- 172 Речь, 1913, 22 мая.
- 173 Там же, 1913, 24 мая.
- 174 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 217—219.
- 175 Там же, с. 220—222.
- 176 Там же, с. 227—228.
- 177 Ст. отч., с. 1, ч. 3, стб. 253—254!
- 178 Там же, стб. 284—285.
- 179 Там же, стб. 318.
- 180 Там же, стб. 781—782.
- 181 Ст. отч., с. 1, ч. 3, стб. 930, 945.
- 182 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 312—313.
- 183 Речь, 1913, 23, 26 июня.
- 184 Там же, 27 июня. *Hic Rhodos, hic salta!* (лат.) — Вот Родос — здесь и прыгай!
- 185 Там же, 1 июля.
- 186 Голос Москвы, 1913, 25 апр.
- 187 Новое время, 1913, 27 апр.
- 188 Там же, 30 июня.
- 189 Утро России, 1913, 17 марта. *Sechzig Professoren — Vaterland, du bist verlogen!* (нем.) — Шестьдесят профессоров — Отечество, ты погибло!
- 190 Голос Москвы, 1913, 6 февр.
- 191 Утро России, 1913, 21 марта.
- 192 Голос Москвы, 1913, 9 февр.
- 193 Новое время, 1913, 24 мая.
- 194 Там же, 31 мая.
- 195 Там же, 21 июня.
- 196 Голос Москвы, 1913, 9 февр.

«ЛЕВЕНИЕ» ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ

ВТОРОЙ КРУГ

Вторая сессия IV Думы внешне напоминает первую: те же коллизии, те же речи, тот же результат.

Второй тур думского хоровода с октябристами в середине круга, т. е. новые дискуссии и конкретные попытки по созданию устойчивого думского большинства, начался еще задолго до сессии. Незадачливую октябристскую невесту одновременно и с еще большей энергией, чем прежде, стали тянуть вправо и влево. Кампанию открыли националисты. Они решили использовать предстоявшие торжества по случаю открытия памятника П. А. Столыпину в Киеве. Поскольку Столыпин был кумиром не только В. В. Шульгина, но и А. И. Гучкова, националисты надеялись восстановить былой союз, апеллируя к его памяти и к славным временам третьейиюньского содружества. Поскольку на открытии памятника должны были присутствовать и представители правительства, операция мыслилась в виде трехсторонних переговоров с целью выработки соглашения о совместной программе между правительством и правооктябристским большинством Думы.

«Обе задачи не удалась»,— констатировала «Речь». Во-первых, провалились сами торжества. Вокруг памятника суетилась небольшая кучка людей, состоявшая из ярых националистов. Представители правительства держали себя строго формально. «Октябристы—те тоже сочли нужным быть только молчаливыми свидетелями торжества и демонстративно уклонялись от публичных выступлений». «Не только о сближении с националистами, но даже о совместных тактических действиях октябристы, по крайней мере на словах, и слышать не хотят». «Наоборот,—подчеркивал кадетский официоз, — как раз в эти дни был сделан октябристами ряд заявлений о необходимости расхождения с националистами, о необходимости более оппозиционной тактики, даже если бы это привело к расколу в партии. Об этом расколе прямо заговорил „Голос Москвы“». Очевидно, заключала газета, назревает план объединить «левых» октябристов с прогрессистами и «создать нечто вроде умеренно левой»¹.

Действительно, октябристская газета отнеслась крайне отрицательно к самой идее киевских переговоров. «Несмотря на опровержения, упорно держится слух о предстоящем будто бы в Киеве съезде политических деятелей, на котором должны решиться важные вопросы, касающиеся плана думской работы»,— выказывала

свою тревогу газета в редакционной статье, озаглавленной «На повороте». Центральный комитет отнесся отрицательно к предстоящему совещанию, и лидеры партии «ни в каком случае участвовать в нем не будут».

Возмущение «Голоса Москвы» было направлено против правых октябристов, сторонников киевских переговоров. Если, предупреждала статья, совещание в Киеве все же состоится и «в нем примут участие отдельные представители думской фракции октябристов», решения этого совещания для «Союза 17 октября» не будут иметь никакой силы, поскольку «указанное выше постановление Центрального комитета партии аннулирует значение киевского совещания... Не может быть речи ни о слиянии партий, ни даже о длительном соглашении по основным вопросам»².

Спустя два дня «Голос Москвы» снова выступил с редакционной статьей, направленной против идеи правого большинства и соглашения с правительством. «Октябристы, как об этом известил их Центральный комитет и как вчера подтвердил председатель Г думы М. В. Родзянко, на эту комбинацию (соглашение с националистами.— А. А.) не идут» И так оно должно быть: «В Думе есть данные для формирования большинства левого»³.

Параллельно киевскому сватовству полным ходом шли московско-петербургские переговоры о «прогрессивном блоке». Здесь все двигалось по привычной накатанной колее. Давно распределились роли, многократно повторялись одни и те же монологи и диалоги, был заранее известен и конец. Тем не менее все повторялось сначала. «Газеты опять полны статей и интервью по поводу старогородского вопроса о том, нельзя ли составить „прогрессивный блок“», — отмечала передовая «Речи»⁴.

На этот раз толчком к дискуссии послужило интервью В. А. Маклакова в «Русском слове». Программа объединения с октябристами, предложенная им, была предельно проста и состояла всего лишь из одного пункта — городская и земская реформа. Тут уже осечки, на его взгляд, произойти не могло в силу полной приемлемости такой программы для октябристов, не только «левых», но и правых.

Дополнительным поводом к очередной полемике послужили несколько оппозиционных выступлений Гучкова и слухи о том, что на предстоящем в ноябре съезде октябристов лидер партии намерен поставить вопрос о переходе к решительной оппозиции правительству. На городском съезде в Киеве Гучков предложил принять резолюцию, чтение которой неоднократно прерывалось представителем полиции и председателем съезда. Вслед за этим Гучков дал интервью «Вечернему времени», в котором указывал, что в стране господствует резко оппозиционное настроение. В другом интервью, данном газете «St. Petersburgger Zeitung» — органу немцев-октябристов, Гучков заявил: «Я считаю безусловно необходимым, чтобы октябристская фракция в Думе перешла к резкой оппозиции и соединилась для отрицательной работы с оппозиционными фракциями, включая кадетов»⁵.

Оценивая эти заявления самым положительным образом, детский официоз ставил тут же главный вопрос: от чьего имени говорит Гучков? Ведь его интервью — всего-навсего «личные заявления», «за ним может не пойти никто из его сотоварищей по партии»⁶.

«Голос Москвы» был до слез обижен скепсисом «Речи». Опасение «Речи», что за Гучковым может никто не пойти, «конечно, совершенно неосновательное. Ядро фракции октябристов имеет бесспорно прогрессивный характер, и его точка зрения на современные политические условия не отличается от точки зрения А. И. Гучкова и прогрессивных деятелей других партий». Впервые орган октябристов решительно ратовал за союз с кадетами. Его даже не останавливала перспектива раскола. Возможно, упреждал «Голос Москвы» напрашивающееся возражение, что правая часть фракции, заявившая в Киеве о своей близости к национализму, пойдет в случае создания «прогрессивного блока» на раскол. Это не страшно: «Этот раскол не должен беспокоить ни вождей фракции октябристов, ни тем более представителей других фракций. Численное ослабление октябристской фракции, если таковое случится, произойдет за счет ее качественного усиления»⁷.

«Обструкция Г. Совета и реакционное равнодушие правительства сильны слабостью Г. Думы и ее разрозненностью», — писала газета спустя неделю. Поэтому им «нужно противопоставить дружную объединенность», направленную на завоевание реформ. И «когда Г. Совет и правительство убедятся, что на их стороне только жалкая (!), бессильная (!!) кучка реакционеров... они неизбежно (!) должны будут пойти на уступки и капитулировать перед громко выраженным требованием всей страны. Вот путь борьбы (!), по которому должна идти часть Думы, отражающая все более и более крепнущее оппозиционное настроение страны»⁸.

Новым моментом в попытках либералов решить проблему левоцентрированного большинства была серия конкретных переговоров между лидерами оппозиционных фракций Думы. Первой такой попыткой были переговоры между кадетами и прогрессистами по инициативе последних в начале октября 1913 г. в Москве во время празднования 50-летнего юбилея «Русских ведомостей». Съехавшиеся на празднование лидеры обеих партий в промежутке между торжественным заседанием и банкетом в «Славянском базаре» устроили совещание с целью выработать основы политического соглашения и общей тактики в Думе. Совещание происходило при закрытых дверях. Договориться не удалось, и стороны разошлись, выразив пожелание продолжить переговоры в Петербурге.

Продолжалась и газетная кампания за создание «прогрессивного центра». Газета П. П. Рябушинского, с таким пылом и усердием всегда громившая октябризм и октябристов за дряблость и трусость, продолжала, как и прежде, в вопросе о задачах и тактике прогрессивного блока занимать позицию, которую даже под микроскопом нельзя отличить от поучений «Голоса Москвы».

«Конституционно-прогрессивная группа (т. е. прогрессисты.— А. А.) пришла к твердой уверенности, что при известных благоприятных условиях, а именно при стойкости и неуклонности конституционных элементов, сплотившихся ad hoc даже в Думе 3-го июня, можно провести через Думу необходимые коренные (!) реформы и даже законопроект о расширении (!) прав народного представительства»⁹.

Приходится снова и снова задавать вопрос, как совсем неглупые люди могли подобным образом писать и говорить вопреки полной очевидности, особенно если учесть, что это была не только демагогия, но и вера. Ответ заключается в одном слове: «Ахерон». «Раз сами конституционалисты-демократы бессильны „поднять Ахерон“, — писал тот же автор в той же статье, — то не разумнее и не реальнее ли столкнуться, как бы конституционным элементам страны обойтись без „Ахерона“ и все-таки продвинуться вперед на пути проведения необходимых России реформ?»¹⁰. В этом «как бы» было все дело. Страх перед «адской рекой», под которой разумелась народная революция, новый 1905 год, определял все поведение либералов. Это был тот страх, который В. И. Ленин много раз характеризовал словами: буржуазия боится революции больше, чем реакции. В стране, которая уже больше не могла жить без самых глубоких перемен в своем экономическом и политическом устройстве, либералы обрекли себя на роль людей, стремившихся изменить положение, не меняя положения, даже Положения 3 июня:

Тема «Ахерона» была особенно близка кадетам, стоявшим на левом фланге российского либерализма, соприкасавшегося с революционно-демократическим движением. Вопрос об «Ахероне» в связи с московскими переговорами подняла именно «Речь», а «Утро России» лишь подхватило его.

Обширная редакционная статья «Речи» начиналась с протеста против утверждения ряда газет, что на совещании в Москве П. Н. Милюков отрицал необходимость «органической» деятельности в Думе. Это не соответствует действительности, заявил кадетский официоз. Разве не внесли кадеты в первую сессию ряд собственных законопроектов? «И разве не боролись они, по своему старому обычаю, за каждое улучшение в каждом законопроекте, как бы скромно оно ни было...» «Разногласие начинается там, где... прогрессисты выражают надежду на осуществимость при помощи Думы 3-го июня серьезного политического и общественного преобразования России... Прогрессисты — добрые люди, желающие „мирного обновления“ и инстинктивно избегающие непримиримых противоречий и безысходных положений. В перспективе — да, но пусть эта перспектива будет по возможности отдаленной, не завтра и, ради бога, не сегодня». Наступило ли это «сегодня»? В нежелании ответить на этот вопрос и заключается корень разногласия¹¹.

Итак, в отличие от страусов-прогрессистов, прячущих головы в песок, чтобы только не видеть очевидного «сегодня», кадеты — смелые и мужественные люди, привыкшие смотреть правде в глаза. Кадетский официоз до того расхрабрился, что заявил о своем

неверии в новую революцию. «Ссылка к.-д. на страну как на главный фактор... — поясняла газета, — отнюдь не тождественна с противоположением „мирного обновления“ — насильственному... В истории ничего не повторяется. Не повторится и 1905 год, несмотря на все газетные параллели». Утверждать во что бы то ни стало «мирнообновленческий тезис» было бы таким же доктринерством, как и грозить стихиями «Ахерона», «так широко разволновавшимися во время нашей первой „героической“ революции»¹².

Демонстрировать свою «левизну» перед прогрессистами Милюкову было тем проще, что он мало верил в способность «левых» октябристов повести за собой фракцию. Правые октябристы, писала по этому поводу «Речь», до последней возможности будут наружно соглашаться с «левыми», везде, где только возможно, будут сохранять двусмысленность. «Левые», чтобы отделаться от своих правых собратьев, должны бы принять и провести какую-нибудь несовместимую с их тактикой меру. «Но провести ее они не могут без их же предварительного согласия. В этом заключается тот роковой, заколдованный круг, из которого выйти для октябристов трудно, если не невозможно». Положение можно охарактеризовать формулой: «кто кого пересидит»¹³. Характеристика, данная «Речью», отличалась меткостью и полностью соответствовала действительности. Она была сделана незадолго до ноябрьской конференции и последовавшего за ней раскола фракции октябристов, очень хорошо всем показавшей, что правые октябристы «пересидели» своих «левых» собратьев по всем статьям.

В день открытия октябристской конференции «Речь» снова высказала убеждение, что решения ее на тактику фракции существенно повлиять не смогут¹⁴. Но она несколько смягчилась после выступления Гучкова на конференции. «Есть, конечно, средство осуществить благие пожелания А. И. Гучкова, — говорилось в передовой. — Но это средство слишком героическое для фракции октябристов. Надо очиститься. Может ли фракция это сделать? Может ли она честью попросить гг. Шубинского, Скоропадского, гр. Беннигсена и т. д. позволить себе выйти вон? От ответа на этот вопрос зависит и то, следует ли смотреть на речь А. И. Гучкова как на новое риторическое упражнение этого вообще недурного оратора или как на серьезный политический шаг, чреватый последствиями»¹⁵.

Пессимизм «Речи» с лихвой перекрывался оптимизмом «Голоса Москвы». Он не сомневался ни в победе «левого» октябризма, ни в изгнании Н. П. Шубинского и Г. В. Скоропадского. «Быть может, недалек уже момент, когда в Думе образуется сильная и сплоченная прогрессивная группа, объединенная общей задачей — защитой конституции. Окончательное решение этого вопроса, вероятно, последует после ноябрьской конференции октябристов, на которой фракция должна получить тактические директивы. Но и теперь уже почти бесспорно, что на конференции одержит верх так называемое „левое течение“... Напрасно г. Скоропадский выражает надежду, что на ноябрьском совещании провинциальные делегаты не пойдут за левыми октябристами...»¹⁶.

В торжестве «левого» октябризма на предстоявшей конференции октябристов были полностью уверены и прогрессисты. «Вопрос: быть или не быть прогрессивному большинству в 4-й Думе — решится на ноябрьском съезде октябристов в Петербурге, — указывало „Утро России“ в статье с показательным заголовком «„Чистка“ перед боем». — И, судя по нынешнему оппозиционному настроению виднейших членов октябристской партии, решится он в положительном смысле»¹⁷.

Решился он в том смысле, что октябристская фракция в ответ на решение конференции раскололась на три части, и мечты либералов о «прогрессивном блоке» были еще раз похоронены по первому разряду.

Удар, нанесенный надеждам на образование «левого центра» расколом октябристской фракции, был настолько ошеломляющим, что понадобилось два месяца, чтобы снова началось очередное круговращение на эту тему. И на этот раз инициатором был В. А. Маклаков, выступивший на страницах «Русских ведомостей» с требованием к своей партии пойти на блок с октябристами, невзирая на происшедший у них раскол, т. е. пойти на блок именно с тем октябристским большинством, для которого оказались неприемлемыми программа и тактика «левых» октябристов. Это требование было поддержано «Русскими ведомостями». В дальнейшей полемике между двумя кадетскими органами активное участие принял вождь партии П. Н. Милюков.

«Русские ведомости» выступали с резкой критикой деятельности оппозиции в Думе. Отвечая им, «Речь» писала: в критике «есть большая доля истины», но надо признать и «смягчающие обстоятельства». У октябристов по-прежнему доминирует точка зрения, весьма далекая от лозунгов Гучкова. Какая же возможна при такой ситуации координация действий и осуществление совместных планов, на которых настаивают «Русские ведомости»? Газета упрекает фракцию в «потере бодрости и энергии». Да, частично она права. Но истинная причина этого ей известна: «все слова сказаны», а дела невозможны. Тем не менее «Речь» совсем не склонна утверждать, что все пути испробованы — «надо еще искать». А «общество» в свою очередь должно поддерживать и поощрять оппозицию в Думе, давать ей импульс к бодрости¹⁸.

В том же ключе А. И. Шингарев отвечал непосредственно Маклакову. Маклаков в «Русских ведомостях» требует, чтобы кадеты проводили «новую» тактику — объединялись с октябристами против власти. В то же время он потерял веру в мирный исход. Эта «новая» тактика «вовсе не нова» — «это старая и испытанная тактика» кадетов, начатая ими еще с первых дней III Думы. Дело не в нежелании, а в том, что задача неразрешима: октябристы раскололись на три группы, земцы-октябристы (составляющие большинство отколовшихся) находятся в том же колеблющемся состоянии, как вся октябристская фракция до раскола¹⁹.

В последующих статьях петербургские кадеты отвечали мос-

ковским несколько иначе, упирая на то, что объединение кадетов и октябристов в Думе уже фактически существует, а на большее рассчитывать бессмысленно. Иначе говоря, «Речь» предлагала довольствоваться существовавшим status quo двух большинства, поскольку «левые» голосования преобладают над правыми. *«Оппозиция уже объединена фактически — вот наше последнее замечание. Согласие голосований не могло бы идти дальше и после сговора, чем оно идет фактически. Необходимость чисто отрицательной парламентской борьбы привела к тому, что разница программ очень мало чувствуется — в 4-й Думе еще меньше, чем в 3-ей».* «Спор нужен и полезен, — заключала передовая, — если он не топчется на одном месте, а развивает дальше спорные положения»²⁰.

В отчете фракции итоги дискуссии между «Речью» и «Русскими ведомостями» оценивались следующим образом. В статье, опубликованной в «Русских ведомостях», Маклаков выдвинул план создания оппозиционного большинства совместно с «земцами-октябристами», чтобы вместе с ними провести через Думу хотя бы компромиссные законопроекты о земской реформе, изменении избирательного права, отмены исключительных положений, а также некоторые социальные реформы. С первых же шагов возникло препятствие, которое и предвидели его оппоненты, — «земцы-октябристы» выступили против плана Маклакова, и, таким образом, он был снят сам собой. Спор между двумя газетами тем не менее продолжался. В редакционных статьях и статье Н. Н. Шепкина москвичи продолжали настаивать «на большей конкретизации деятельности оппозиции, на выработке „плана“ понятных народу и осуществимых в ближайшую очередь законодательных работ». На эти статьи ответил Милюков в редакционных статьях и в статье за своей подписью в «Русских ведомостях», озаглавленной «На распутье» (1914, № 57). Он «приветствовал появление новых сил и новых элементов организации, но предостерегал против пренебрежения старыми, напоминая об опасности повторения увлечений 1905—1906 гг., разбивших на части единое (до 17 октября) оппозиционное движение. Те же самые мысли развивались и в очередном тактическом докладе, представленном конференции от имени Центрального комитета»²¹.

«Голос Москвы» ухватился за демарш Маклакова как за последнюю надежду. «Призыв г. Маклакова должен встретить горячее сочувствие среди всех политических деятелей, выше всего ставящих общие интересы страны... и было бы непоправимой ошибкой не откликнуться на него так, как он того заслуживает»²². По мере того как разворачивалась дискуссия, надежды октябристской газеты увядали: «Далеко не простая случайность, что вопрос, возбужденный... В. А. Маклаковым, привлек к себе такое острое внимание общества и печати. Это внимание отчаяния, внимание утопающего, который жадно ловит все, что может дать надежду на спасение». «К сожалению, — говорилось далее, — известный призыв г. Маклакова не встретил сочувствия в тех группах, к которым он был обращен», причем «менее понятно несочувствие тех групп, кото-

рым В. А. Маклаков протягивает руку примирения. Земцы-октябристы частью колеблются, частью относятся к призыву г. Маклакова откровенно отрицательно»²³.

Конечный итог последней в предвоенный период жизни Думы дискуссии о «прогрессивном блоке» октябристский публицист Громобой подвел в следующих двух фразах: «Среди общего разочарования, кажется, только и осталось два популярных политических деятеля — А. И. Гучков и В. А. Маклаков... Оба они ввиду торжества реакции призывают к объединению прогрессивных элементов и оба оказываются генералами без армии»²⁴.

Костер дискуссии, чадя и дымя, погас сам собой незадолго до конца второй сессии и начала войны, создавшей для проблемы «прогрессивного блока» уже принципиально иные условия. В довоенный период решить ее думские «конституционалисты» не смогли.

Разочарование действительно было всеобщим. В письмах, с думской трибуны, со страниц газет и журналов раздавались те же самые жалобы, которых было так много в первую сессию. И здесь все шло по второму кругу.

«Гос. Дума открылась в половинном составе (после рождественских каникул. — А. А.), какдохлая муха, — писал некий либеральный депутат Думы (подпись М.) в письме от 14 января 1914 г. к Б. А. Велихову. — Сплетничают, недовольны, раскалываются. Никто не верит в будущее. Одним словом, нудно, серо и скверно. Около сотни депутатов взяли отпуска еще на 2—4 недели. Многие хотят уходить (из Думы. — А. А.). Паралич в правительстве, паралич в Гос. Думе, паралич у земцев. Все валится из рук. И ни одного бодрящего луча. Таково сейчас всеобщее настроение. Это вовсе не реакция. Реакция все же — сила, а теперь — туман, болото, всеобщее недоумение, всеобщее бессилие и всеобщий сон. Все проваливается в какую-то бездонную, мягкую, склизкую массу. И даже самое пресловутое „недовольство“ как-то беспартийно, безлично, бесталанно. Не святое возмущение, а — „Katzenjammer“»²⁵.

То же самое писал 23 января 1914 г. тому же адресату другой думский депутат Л. Велихов: «В Гос. Думе — кабак. 85 депутатов взяли отпуск. В комиссиях нет кворума; в общем собрании болтают вздор, и настроение балаганное... Вера распалась, — борьбы нет... В речах нет огня, нет задора, нет убежденности. Все старые слова надоели, все орудия притупились, надежда поблекла, и исхода не видно»²⁶.

О стойкости этих настроений можно судить по другому письму Л. Велихова, посланному Б. А. Велихову спустя три месяца, 28 апреля 1914 г.: «По моему мнению, логики в событиях Гос. Думы нет, а идет какая-то каша... Крайние левые разбиты на пять подгрупп, ссорятся между собой и нервничают; кадеты спорят, хитрят, прогрессисты тянутся за ними; октябристы — пустое место. Вообще — болото, гниль, неразбериха и какое-то всеобщее бессилие... Все наши потуги — и речи, и отказы в кредитах, и обструкции — детская игра»²⁷.

Не в лучшем настроении были и прогрессисты. «Дух апатии повис над Государственной думой,— отмечало „Утро России“ в статье „Абсентеизм в Думе“.— Добрая половина депутатов в неизвестном отсутствии. Абсентеизм стал за последнее время явлением обычным... никого не тревожащим. И как это ни прискорбно, в списке отсутствующих членов Думы первое место занимают кадеты, прогрессисты, а затем и октябристы»²⁸. И это писалось спустя всего полтора месяца после начала сессии.

Новогодняя статья, озаглавленная «Еще один новый год», была еще более миѳорной: «Нет ни малейших данных предполагать, чтобы эта новая календарная дата оставила по себе лучшую память, чем та, которую мы только что с недобрим чувством разочарования проводили в вечность»²⁹.

О всеобщем маразме и развале в IV Думе писал и известный нам Г. Алексеев. «Настроение в Думе самое безнадежное, — читаем мы в его письме от 22 января 1914 г. — Полный маразм во всех партиях. Ни один из депутатов, с которыми мне довелось беседовать, не высказал оптимистических взглядов. Большинство говорило: „Вот проведем бюджет, а там и лето“. О каком-нибудь плане работ, об общем направлении думской деятельности нет и поминка»³⁰.

Даже бодрый А. И. Савенко был преисполнен пессимизма. «В Думе — ерунда, — сообщал он некоему Никифорову в Киев 20 января 1914 г. — От октябристов отделились вправо 24 человека. Теперь правое крыло составляет 220 человек. Таким образом, Дума поделилась как раз пополам. Выходит, ни тпру, ни ну. Левое крыло будет проваливать то, что нам нужно, а мы будем проваливать то, что им нужно»³¹.

Его собрат по партии М. О. Меньшиков был настроен весьма мрачно. «Что дела у нас запущены невероятно, что во многих важных отношениях (не во всех ли?) мы близки к параличу, это для меня вполне бесспорно, как только я пробую пристально взглянуть в ход вещей, — писал он своему корреспонденту в Одессу 1 января 1914 г. — Законодательство, вырабатывающее «реформы» по 30, 50, по 100 лет, чтобы принятый таким образом закон тотчас же признать неудачным, — разве такое законодательство не близко к параличу? А суд, раздавленный обилием всяческой уголовщины и допотопностью судопроизводства? А финансы, основанные на необходимости ежегодно делать за границей долги? А армия и флот, которые еще не вооружены и не устроены? А церковь без верующих и школа без желающих учиться? Словом, наша государственность трещит по всем швам»³².

Каковы же были собственно законодательные итоги второй сессии?

В отчете кадетской фракции эта сессия характеризовалась как самая бесплодная. «Никаких сколько-нибудь серьезных законопроектов, за исключением вызванного оппозицией законопроекта о печати, министерством внесено не было», — говорилось в нем. «Вторая сессия четвертой Гос. Думы... вновь с полной очевидно-

стью подтвердила, что никаких надежд на действительные реформы в области суда (эта реформа считалась одной из важных. — А. А.) на эту Гос. Думу не может быть возлагаемо»³³.

Примерно за месяц до открытия второй сессии правительство опубликовало список в 485 законопроектов, часть которых уже находилась в Думе, а другая подлежала внесению³⁴. Но в начале декабря 1913 г., незадолго до рождественских каникул, «Речь» констатировала: истекший отрезок сессии был самым бесплодным и бессодержательным за всю историю третьеиюньской Думы. Портфель Думы пуст. Заседаний было мало, потому что почти нечего было ставить на повестку³⁵.

В конце сессии «Речь» опубликовала мартиролог погибших законопроектов, принятых еще III Думой. Статья-перечень так и называлась: «Погибшее наследство 3-й Гос. Думы». Этот перечень очень показателен и его стоит привести. С отклонением Государственным советом законопроекта о волостном земстве³⁶, указывал автор, скрывшийся за инициалами С. О., закончилась ликвидация наследия III Государственной Думы. До этого (перечисление ведется в хронологическом порядке) законопроект об условном осуждении был отклонен Государственным советом даже без постатейного обсуждения. По законопроекту о старообрядческих общинах разногласия в согласительной комиссии так и не были устранены — доклад комиссии ждет уже четыре года, когда его поставят на обсуждение палат. Такая же участь постигла и законопроект о переходе из одного вероисповедания в другое. Законопроект об отмене политических и гражданских ограничений, связанных с лишением духовного сана, не был утвержден царем.

Законопроект о начальном образовании возвращен в IV Думу для нового рассмотрения. Законопроект о сибирском земстве отклонен без перехода к постатейному чтению. Такая же участь постигла законопроект об упразднении Киевского и Степного генерал-губернаторств. Законопроекты об изменении бюджетных правил и о всеобщем обучении из-за разногласия между палатами признаны павшими. Законопроекты о частных учебных заведениях, об ответственности должностных лиц и об отдыхе торговых служащих возвращены Государственным советом в IV Думу. Законопроекты о допущении женщин в адвокатуру и о введении земства в Архангельской губернии отклонены им без перехода к постатейному обсуждению.

Законопроект о повышении акциза на сахар признан павшим из-за разногласий между палатами. Законопроект о расширении доступа в университеты отклонен Государственным советом при третьем чтении. Законопроекты о расширении прав учредителей средних учебных заведений, попечительных советах и об изменении некоторых узаконений о средних мужских учебных заведениях возвращены в Думу на новое рассмотрение. Законопроект об изменении порядка публикации торгово-промышленными предприятиями объявлений признан павшим. Законопроект о Донском земстве отклонен без перехода к постатейному чтению. Законопроект

о борьбе с пьянством возвращен в Думу на новое рассмотрение. Законопроект о городском положении в Царстве Польском признан павшим. Законопроект о найме торговых служащих отклонен без перехода к постатейному обсуждению, как и законопроект о волостном земстве, упоминавшийся вначале.

«В указанный перечень, — меланхолично замечал автор, — не вошел ряд отклоненных Гос. советом или признанных павшими законопроект, имевших менее значительное принципиальное значение»³⁷.

Приведенный перечень не только не требует комментариев, но и дает весьма наглядное представление о характере и масштабах российского либерального реформаторства. Все приведенные в нем законопроекты — это именно те, которые были приняты в Думе вторым, октябристско-кадетским большинством. Для полноты картины остается добавить, что повторилась даже передовая «Речи» насчет «исторического» заседания в связи с обсуждением в Думе сметы Министерства внутренних дел. В первой передовой, как мы помним, сакраментальная фраза звучала так: «Вчерашний день в истории четвертой Гос. думы сохранит значение исторической даты». В передовой, написанной год спустя, она выглядела следующим образом: «Вчерашнее заседание Гос. Думы с полным правом может претендовать на название исторического»³⁸. Творцами этой «исторической даты» и этого «исторического заседания» были октябристы. На этот раз «историческую дату» кадеты решили сохранить для потомства со всеми «историческими» подробностями. «Историческое заседание, давшее первый пример бюджетной борьбы из-за вопроса о всем направлении нашей внутренней политики, — подчеркивалось в отчете фракции, — окончилось в 9 час. 26 мин. вечера, на три часа позднее обычного конца»³⁹.

СТРАХ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

Страх перед новой революцией определял поведение контрреволюционных сил не только в первую и во вторую сессии IV Думы, но и на протяжении всей пятилетней деятельности III Думы. Разница заключалась в мере. Если во времена Столыпина о «новом 1905 г.» писали, говорили и думали как о более или менее отдаленном будущем, то после Ленского расстрела 1912 г. те, у кого политический бинокль был посильней, ясно увидели революцию на горизонте, а уже к середине 1913 г. ее стремительного приближения опасались весьма многие.

Главным источником беспокойства для лагеря контрреволюции было рабочее движение. Оно круто пошло вверх и к кануну войны достигло баррикадного уровня. Стачки солидарности с бастующими рабочими товарищества «Лензото» в апреле 1912 г., охватившие около 300 тыс. человек, означали переход от революционного настроения к революционному подъему масс. Прошедшие вслед за ними первомайские стачки дали еще 400 тыс. участников. Осень

1912 г. вновь ознаменовалась крупнейшими политическими выступлениями рабочего класса. По данным печати, в 1912 г. было проведено более трех тысяч стачек, в которых участвовало 1463 тыс. человек, из них 1100 тыс. было политических стачечников⁴⁰.

В замечательной статье «Развитие революционной стачки и уличных демонстраций», написанной в январе 1913 г., В. И. Ленин проанализировал стачечное движение 1912 г. Сравнив число политических стачечников за 11 месяцев 1912 г. (900 тыс. человек) с их количеством в 1905 г. (1052 тыс.), 1906 г. (642 тыс.) и 1907 г. (540 тыс.), он делал вывод: «Движение безусловно переросло 1906 и 1907 годы и *немногим отстало от 1905 года!*». Из этого следовало, что «*начало* революционного подъема *неизмеримо выше* теперь, чем было перед первой революцией. Следовательно, грядущая вторая революция обнаруживает уже теперь *гораздо больший* запас революционной энергии в пролетариате... Перед нами *революционные* массовые стачки, начало *революционного* подъема».

Решающим фактором в этом процессе было то, что пролетариат по-прежнему выступал в качестве признанного всей демократией гегемона освободительного движения. «Ни в одной стране в мире — вне условий революционной общественной обстановки, — подчеркивал В. И. Ленин, — нельзя было бы поднять сотни тысяч рабочих по нескольку раз в год на политические выступления по самым различным поводам. А у нас такой подъем идет стихийно...» Почему же? «Потому, что десятки миллионов полупролетарского и крестьянского населения передают, если можно так выразиться, своему авангарду настроение сосредоточенного возмущения, которое бьет ключом, льется через край»⁴¹.

Рабочий класс России, как настоящий и признанный вождь народа, выступал не только в защиту своих собственных классовых интересов, но и во имя общенародных целей, в поддержку всех революционных и демократических сил страны. В частности, он выступил с протестом против истязаний политических заключенных в тюрьмах, начавшейся Балканской войны, вынесения смертных приговоров группе матросов Черноморского флота. «На улицах Петербурга, Риги, Москвы, — писал по поводу последнего факта В. И. Ленин, — пролетариат протянул руку передовикам мужицкого войска, геройски поднявшимся против монархии». «В рабочей, азиатской, царской России, которая подходит к следующей *буржуазно-демократической* революции, — писал он далее, — политическая стачка есть единственное серьезное средство расшевелить, раскачать, взбудоражить, поднять на революционную борьбу крестьянство и лучшую часть крестьянского войска!»⁴².

А раз так, то надо, «чтобы стачки, митинги, демонстрации шли непрерывно, — чтобы все крестьянство и все войско узнало об упорной борьбе рабочих, — чтобы деревня, даже самая захолустная, увидела, что в городах неспокойно, что „свои“ поднялись, что они борются не на живот, а на смерть, что они борются за лучшую жизнь, за высшую плату, за прекращение бесчинств и произвола власти, за передачу помещичьих земель крестьянам, за свержение

помещицей монархии царя, за республику. Надо, чтобы глухое озлобление и сдержанный ропот деревни вместе с возмущением казармы нашли себе в революционной стачке рабочих центр притяжения»⁴³

Это пожелание непрерывности борьбы было выполнено так, как если бы сотни тысяч рабочих фабрик и заводов России прочли бы 30-й номер «Социал-демократа», где была опубликована цитированная нами ленинская статья. Особенно показателен в этом отношении был Петербург. Без особого преувеличения можно утверждать, что забастовки, митинги и демонстрации начиная с апреля 1912 г. и вплоть до начала войны практически не прекращались в столице ни на один день. Воспоминания петербургского депутата А. Е. Бадаева — это прежде всего описание и перечисление выступлений петербургских рабочих: политическая стачка 9 ноября 1913 г с 80 тыс. участников, сопровождающаяся многочисленными митингами и собраниями; забастовки на Балтийском заводе в мае и июне того же года; на Обуховском — в конце июля 1913 г. 1914 год ознаменовался грандиозной первомайской забастовкой, упорной стачкой на Ижорском заводе в Колпино и т. д. и т. п.⁴⁴

Показателем революционной настроенности питерского пролетариата в 1912—1914 гг может служить стачка на заводе «Новый Лесснер», которая длилась все летние месяцы 1913 г. Она возникла по поводу самоубийства одного рабочего завода, ложно обвиненного мастером в воровстве. Получив отказ администрации удалить виновника гибели их товарища, рабочие забастовали. О чрезвычайно высоком уровне революционной активности рабочих завода свидетельствует и то, что никаких других требований предъявлено не было. Новолесснеровцев поддержали рабочие родственного завода «Старый Лесснер», забастовавшие 13 мая 1913 г. Стачка длилась 68 дней. «Новый Лесснер» бастовал еще дольше. Эта забастовка, писал Бадаев, «была самым ярким эпизодом рабочего движения в 1913 г.»⁴⁵. Она могла возникнуть «лишь на волне того большого революционного подъема», который переживал тогда рабочий класс⁴⁶

Одна из характерных черт революционной борьбы рабочих Петербурга в описываемый период состояла в том, что эта борьба протекала в постоянном взаимодействии с депутатами-большевиками. Их взаимная связь и поддержка производили особенно сильное впечатление на правительство и помещичье-буржуазную Думу.

Уже в период избирательной кампании петербургский пролетариат дал организованный отпор злоупотреблениям властей, «разъяснивших» уполномоченных рабочих на ряде фабрик и заводов. В день выборов в IV Думу, 5 октября 1912 г., забастовал Путиловский завод, а затем стачка охватила все районы Петербурга. В течение 10 дней движение протеста против кассации выборов уполномоченных охватило 100 тыс. человек, причем бастовали и те заводы, где кассаций не было. В результате правительство вынуждено

было отменить старые и назначить новые выборы уполномоченных по Петербургу. Это, несомненно, было крупной победой рабочих столицы.

День открытия IV Думы — 15 ноября 1912 г. — рабочие Петербурга по призыву большевиков — представителей отдельных районов и предприятий Петербурга — отметили однодневной политической стачкой, в которой приняли участие десятки тысяч рабочих. В. И. Ленин оценил это событие очень высоко: «Это великий шаг вперед, который должен быть подчеркнут, отмечен, оценен по достоинству всеми сознательными руководителями пролетариата». Значение этого шага состояло в том, что рабочие противопоставили «рабьей» октябристско-кадетской «демонстрации» внутри Таврического дворца в связи с «конституционной» речью М. В. Родзянко демонстрацию «действительно народную». С одной стороны, была продемонстрирована «подхалимская болтовня о „конституции“», с другой — борьба «за свободу и народное представительство (без кавычек), за республику вне Думы, — в этом противопоставлении сказался глубокий, верный инстинкт революционных масс»⁴⁷.

Исходя из этого, В. И. Ленин осудил как ошибочное заявление социал-демократической фракции, сделанное в печати, в котором она высказала отрицательное отношение к готовящейся забастовке на том основании, что прокламация, призывавшая к стачке, исходила не от Петербургского комитета большевиков и Организационного бюро меньшевиков, а от трех петербургских социал-демократических групп⁴⁸. При обсуждении декларации В. Н. Коковцова фракция допустила вторую серьезную ошибку: она не только не внесла резолюцию по ней, но проголосовала за формулу прогрессистов⁴⁹.

Первые же запросы, внесенные социал-демократической фракцией, рабочие Петербурга поддержали стачками. По призыву «Правды» и Петербургского комитета большевиков ряд предприятий столицы 14 декабря, в день обсуждения двух запросов фракции (о преследовании профессиональных союзов и о страховании рабочих), объявили однодневную забастовку. На другой день забастовка продолжалась и в общей сложности длилась неделю. В ней приняло участие не менее 60 тыс. человек⁵⁰.

В 1913 г. стачечная волна поднялась еще выше. В первомайских стачках и демонстрациях приняли участие рабочие Петербурга, Риги, Ревеля, Либавы, Митавы, Вильно, Москвы, Архангельска, Астрахани, Киева, Харькова, Николаева, Екатеринослава, Ростова-на-Дону, Сормова и Томска. Число бастующих достигло 420 тыс. человек. В июне вспыхнула 100-тысячная забастовка протеста против смертной казни, угрожавшей 52 матросам Балтийского флота. В июле и сентябре в стачках протеста против гонений на рабочую печать участвовало около 200 тыс. петербургских рабочих. В общей сложности в 1913 г. в стране бастовало около 2 млн. рабочих. Из них 1262 тыс. участвовали в политических стачках⁵¹.

Стачечные бои первой половины 1914 г. по своей непрерывности, напряжению, накаленности атмосферы являли собой уже канун революции. Годовщина 9 января 1905 г. была отмечена с большим размахом, чем за все прошлые годы. В первомайских демонстрациях и забастовках участвовало свыше полумиллиона рабочих. В июле в Петербурге дело дошло до сооружения баррикад⁵².

Характеризуя роль и значение новой волны стачечного движения, В. И. Ленин уже в январе 1913 г. отмечал, что это движение служит «лучшим барометром всей общенародной освободительной борьбы в России...». «Наступила новая эпоха... — писал он далее. — От отдельных частных вопросов рабочая масса идет к постановке общего вопроса (т. е. вопроса о революции. — А. А.). Внимание самых широких масс сосредоточивается уже не на отдельных только нестроениях нашей русской жизни. Вопрос ставится о *всей совокупности* этих нестроений, в целом, речь идет не о реформах, а о реформе»⁵³.

Год стачечной борьбы после ленинских событий, писал В. И. Ленин, показал, какое незаменимое оружие выковал себе пролетариат в виде революционной стачки: «Революционная массовая стачка не давала неприятелю ни отдыха, ни сроку. Она была врага и по карману, она топтала в грязь перед лицом всего мира политический престиж якобы „сильного“ царского правительства»⁵⁴. Последнее в условиях нарастания революционного кризиса и прогрессирующего развала третьеиюньской системы было особенно важно. Не менее важным было и то, что массовая революционная стачка показала всю несостоятельность криков ликвидаторов о «стаечном азарте», «синдикализме», распылении сил и т. д. Дело обстояло как раз наоборот — массовая революционная стачка резко умножила силы российского пролетариата, втягивая и организуя сотни тысяч и миллионы вчера еще аполитичных рабочих, особенно в провинции. В ходе массовых рабочих стачек резко усилилось «правдистское» направление в рабочем движении и уменьшилось влияние ликвидаторского крыла социал-демократии⁵⁵.

Вторым источником страха помещиков и буржуазии было крестьянское движение. Крестьянское движение 1912—1914 гг. ни по своим масштабам, ни по организованности и формам борьбы не шло ни в какое сравнение с выступлениями рабочего класса. По сути дела, оно так и не стало массовым в смысле одновременных и значительных по масштабам антипомещичьих и антиправительственных акций. Преобладающий характер имели первоначальные формы протеста в виде порубок, поджогов, потрав, сравнительно небольших открытых столкновений с чиновниками-землеустроителями, местными помещиками и кулаками. Тем не менее положение в деревне в исследуемое время единодушно оценивалось всем помещичье-буржуазным лагерем как необычайно тревожное и взрывоопасное, и в этой оценке он был полностью прав. Суть дела заключалась в том глубинном психологическом процессе, который происходил в умах десятков миллионов крестьян, толчок которому дали

революция 1905—1907 гг. и столыпинская аграрная реформа. Этот процесс означал стряхивание с себя крестьянством патриархальщины и забитости, которые сменялись все более осознанной *классовой* ненавистью не только к помещику, но и к кулаку, не говоря уже о правительственных землестроителях. Уходила навсегда в прошлое рабская приниженность крестьянина перед попом, чиновником, «барином». Особенно типичным такое умонастроение было для крестьянской молодежи, не желавшей уже больше считаться не только с авторитетом местных властей, но и с давлением «мира» и традиционной властью главы семьи. Иначе говоря, то, на чем веками держалась власть в деревне, основные устои этой власти теперь рушились у нее на глазах.

Меру и характер этой общей тревоги всего лагеря контрреволюции весьма рельефно выразил рассказ одного сельского священника, приведенный в статье либерально-народнического «Русского богатства» (1912, № 12). Рассказ этот настолько ярок, что В. И. Ленин подробно цитирует его в статье «Что делается в народничестве и что делается в деревне?», написанной в феврале 1913 г. Священник, которого В. И. Ленин называет «сладкоречивым попиком», в частности, свидетельствовал: «Такая злоба выросла в деревне, такая злоба, что, кажется, теперь весь воздух насыщен ею... Нож, дубина, красный петух. Очевидность бессилия, жгучие, неотомщенные обиды, междоусобная брань, ненависть без разбора, зависть ко всему более благополучному, уютному, имущему». И прежде были зависть и злоба, но люди «верили и *находили силу терпеть* в уповании на загробную награду. Нынче этой веры уже нет. Нынче там вера такая: мы — парабитители, они — парабощенные».

Из рассказа священника, делает вывод В. И. Ленин, «ясно видно, что „хулиганство“ есть внесенное *крепостниками* понятие». То, что в действительности происходит в деревне, совсем иное: «Глубокий разрыв с старым, безнадежно-реакционным мирозерцанием, глубокое усвоение именно того учения о „парабощенных“, которое является залогом не мертвого сна, а живой жизни»⁵⁶. Деревня уже жила «живой жизнью», и этот факт был одной из главных причин роста противоречий между правыми и либералами, — противоречий, обусловленных страхом перед перспективой нового революционного взрыва миллионов людей.

Органической составной частью рабочего и крестьянского движения в изучаемый период являлась деятельность левого меньшинства IV Думы — социал-демократов и трудовиков. Главным источником беспокойства для думского большинства, и в первую очередь кадетов, здесь было то, что, несмотря на ликвидаторские тенденции меньшевистской «семерки», колебания, непоследовательность и слабость трудовиков, обеими фракциями осуществлялась в Думе тактика «левого блока». Факт этот имел принципиальное значение: он означал провал надежд кадетов повести за собой трудовиков и, следовательно, крестьянство, а с другой — «приручить» социал-демократическую фракцию при помощи ликвидато-

ров и, таким образом, заложить первый камень в фундамент будущего здания реформизма в рабочем движении.

Самое замечательное состояло в том, что разрыв «шестерки» с меньшевиками не только не ослабил большевистской тактики «левого блока», но, наоборот, способствовал ее дальнейшему упрочению. Ярким свидетельством торжества тактики «левого блока» служит обструкция, устроенная социал-демократами и трудовиками в заседании Думы 22 апреля 1914 г., о чем подробно будет сказано дальше. Другим доказательством является усиленная кампания, поднятая в кадетской печати в пользу «единства» социал-демократов в Думе. Либералы отлично понимали, что «единство» большевиков с ликвидаторами в случае его осуществления означало бы сильнейший удар по этой тактике.

Вполне естественно, что в такой обстановке как царизм, так и либеральная буржуазия резко усилили внимание к рабочему вопросу вообще, рабочему движению в особенности.

Для либералов новый подъем рабочего движения, его размах, организованность, а главное, политическая направленность оказались совершенной неожиданностью. Из опыта европейской истории они знали, что после тяжелых поражений рабочее движение приходит в упадок, теряет преемственность, перестает быть столь же важным, как прежде, компонентом внутривнутриполитической борьбы на многие годы. Так было, например, во Франции после разгрома Парижской коммуны. Здесь же, в России, в условиях жесточайшей реакции, при разгуле ренегатства в среде попутчиков социал-демократии, господстве «веховских» настроений у либералов рабочее движение снова возродилось, точно феникс из пепла, спустя всего лишь несколько лет после поражения революции 1905—1907 гг., сохранив свое знамя и лозунги. Это был действительно небывалый случай в истории, свидетельствовавший об остроте социально-экономических противоречий в стране, с одной стороны, революционных качествах российского пролетариата — с другой. «Целая тьма врагов, целая уйма трудностей, и внешних и внутренних, встали на пути рабочего движения в эпоху 1908—1911 годов, — писал по этому поводу В. И. Ленин. — Ни в одной стране мира не удавалось еще до сих пор рабочему движению выйти из *подобных* кризисов, сохраняя преемственность, организованность, верность старым решениям, программе, тактике. А русскому, — вернее: российскому — рабочему *удалось* это, удалось выйти из невероятно тяжелого кризиса с честью...»⁵⁷

Несмотря на огромный размах рабочего движения, преобладающая в нем политическая выступлений, либералов (прежде всего кадетов) не оставляла надежда, что его можно будет перевести в реформистское русло. Главным источником этой надежды были ликвидаторы. Именно на них, не взирая на все поражения ликвидаторов, кадеты строили все свои расчеты. Характерно, что не только Милюков, но и открытые «веховцы» занимали в этом вопросе совершенно одинаковую позицию.

Этому есть свое объяснение. Взаимоотношения русской буржу-

азии с пролетариатом в отличие от Запада с самого начала сложились так, что она не могла прямо и непосредственно оказывать влияние на рабочую среду. «Буржуазия, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — не может *прямо* влиять на рабочих в современной России. Пятый год сделал то, что рабочие издеваются над буржуазией и ее либерализмом. Слово „кадет“ стало у них бранным словом. И вот, роль буржуазии среди рабочих исполняют ликвидаторы. Их объективное значение — проводники буржуазного влияния, буржуазного реформизма, буржуазного оппортунизма»⁵⁸

У кадетов, указывал В. И. Ленин, есть люди, знакомые с марксизмом и западноевропейским рабочим движением. Более того, «есть даже ряд людей, которые сами были в молодости марксистами или почти-марксистами и которые „поумнели“ с годами и стали либеральными обывателями. Все это объясняет разницу в отношениях старых, европейских, и новых, российских, либералов к социал-демократии». Первые отрицали ее право на существование, «вторые вынуждены примириться с фактом... Бессильные помешать возникновению и росту социал-демократии, наши либеральные буржуа всю заботу направили на то, чтобы она *росла по-либеральному*. Отсюда — многолетние и систематические стремления наших кадетов поддержать оппортунизм (и особенно ликвидаторство) в рядах социал-демократии; в такой поддержке либералы *правильно* видят *единственное* средство отстоять либеральное влияние на пролетариат, провести зависимость рабочего класса от либеральной буржуазии»⁵⁹

В период III Думы кадеты, пользуясь ослаблением рабочего движения, тяжелым положением большевиков, неоднородностью думской социал-демократической фракции, в которой большевики были в меньшинстве, прилагали массу усилий, чтобы заставить ее отказаться от главной линии в думской тактике революционной социал-демократии — использования Думы как всероссийской трибуны. За всякое уклонение от этой линии социал-демократическая фракция получала от российских либеральных «парламентариев» кучу похвал и поздравлений, а большевики, критиковавшие ошибки фракции, поносились ими как оторванные от жизни доктринеры.

В период IV Думы, когда уже сами кадеты вынуждены были признать, что надежд на реформы и Думу нет, призывать открыто к «органическому» законодательству стало уже невозможно. В этой ситуации особое значение для кадетов приобретала демонстрация дружелюбия, искренней расположенности и даже озабоченности делами и судьбой «партии городского пролетариата». Это «дружелюбие» афишировалось и раньше, но в рассматриваемый период заметно усилилось.

«У нас, — писала „Речь“, — большинство прогрессивных партий, что бы ни писали публицисты социал-демократии, относятся к ней без всякой вражды, а, напротив, с симпатией. Русские прогрессисты ценят культурную работу социал-демократии и охотно признают ее заслуги. Коренной социальный переворот на началах упразднения частной собственности — дело далекое, когда еще

он будет! А организация нескольких миллионов промышленных рабочих, поднятие их культурного уровня и приобщение к сознательной жизни — дело настоящего, дело серьезное и полезное»⁶⁰. Это было написано ровно за четыре года до Великой Октябрьской социалистической революции!

Совершенно четко обозначился и основной объект «заботы» либералов в отношении социал-демократии — «единство». Проповедь необходимости единства между большевиками и ликвидаторами, осуждение раскола, якобы наносящего огромный вред рабочему движению, становятся одной из ведущих тем либеральной печати. Особенно усилилась эта проповедь в связи с борьбой думской «шестерки» и «семерки», образованием двух социал-демократических фракций в Думе, резким обострением борьбы между революционной социал-демократией и ликвидаторством в последний год перед войной. Милюковская «Речь» не упускала ни одного удобного случая, чтобы еще и еще воздействовать на борющиеся стороны в «примирительном» духе.

Допустим, писала «Речь» в статье «Раскол в социал-демократии», что большевики одержат полную победу, но смогут ли они уничтожить ликвидаторов? «Гидра ликвидаторства» в России так же неистребима, как и «гидра ревизионизма» в Германии. «Надо думать, что в рядах русской социал-демократии имеется достаточно спокойных, опытных и влиятельных людей, которые найдут способ положить конец этому спору, давно вышедшему за пределы внутривнутрипартийной полемики, вредному для дела не только пролетариата, но и политического развития всей России»⁶¹.

«Либералы защищают „единство“ (рабочих с ликвидаторами) в *корыстно-классовых* интересах... — писал по этому поводу В. И. Ленин. — Под „расколом“ либералы понимают отстранение от рабочих рядов противников подполья, кучки интеллигентов-ликвидаторов. Под „единством“ либералы понимают *сохранение влияния* ликвидаторов на рабочих»⁶².

Наглядным примером, прекрасно иллюстрирующим ленинский вывод о корыстности кадетского интереса к борьбе между ликвидаторами и большевиками, является статья Изгоева «Рабочий класс и социал-демократия»⁶³.

В этой статье он всячески расхваливает первых и обвиняет вторых в анархизме, бланкизме и пр. Вместе с тем он вынужден признать, что ликвидаторство и «Луч» терпят поражения и не пользуются сколько-нибудь широким признанием в рабочей среде, а большевистской точке зрения не мог отказать в «содержательности». Эта точка зрения самим Изгоевым излагается как твердое убеждение в том, что без революционной борьбы никакой иной «конституции», кроме третьейиюньской, и никакой другой свободы, кроме исключительных положений, в России в сложившейся исторической обстановке быть не может. В силу этого Изгоеву ничего другого не оставалось, как сетовать на недальновидность реакции, укреплявшей своим курсом позиции большевизма и, следовательно, ослаблявшей ликвидаторство, и мечтать о том, что

все-таки настанет такое счастливое время, когда «пройдет буря, наступит время положительной работы и ликвидаторы снова станут во главе рабочего класса».

Успехи большевизма, писал Изгоев, зависят «от степени надежды на мирное развитие России в конституционном направлении хотя бы германского типа... Возможно оно в России или нет? По мере того как гнется в ту или иную сторону коромысло, поднимаются шансы ликвидаторов и большевиков». «Если напору реакции не будет положен предел, если конституционных сил России окажется недостаточно для мирного государственного преобразования, то большевизм, несомненно, будет победителем и загонит ликвидаторов в задний угол».

В. И. Ленин оценивал конечный смысл статьи Изгоева следующим образом: «Поучительнее всего в этих речах либерала — то, что он, целиком сочувствуя ликвидаторам, *не решается* отказать большевистской тактике *в содержательности!* Он, сторонник „мирного“ развития и ликвидаторского оппортунизма, *не может* отнюдь обещать победы именно такому развитию!! Он, бешеный враг большевизма, осыпаящий нас тысячами ругательств... он, нежный друг ликвидаторов, *вынужден* признать, что большевизм победит, если „конституционных сил в России окажется недостаточно“ (т. е. если их окажется столько же, сколько теперь...)!!»⁶⁴.

Курс кадетов на «приручение» социал-демократии проявил свою полную неэффективность в IV Думе. Кадетский отчет признавал тщетность надежд на поддержку кадетской политики и тактики в Думе со стороны представителей рабочей и крестьянской демократии и прежде всего, конечно, со стороны социал-демократической фракции. Объяснив, что главная задача кадетской фракции состоит в том, чтобы «идти впереди других оппозиционных групп, показывая им дорогу и цель, и тем самым поднимая тон и их выступлений», авторы отчета далее констатировали: «К сожалению, при этом не приходится рассчитывать на планомерную поддержку со стороны левых групп. В частности, социал-демократическая фракция, по-видимому, возвращается к старым обличительным и рекламно-демагогическим приемам 1-й и 2-й Гос. Думы, выбирая объектом своих нападений с думской кафедры преимущественно деятельность к.-д. фракции»⁶⁵.

Со стороны реакции кадетские доводы о государственной полезности свободы рабочих союзов неизменно встречали самое презрительное отношение. Правящий лагерь противопоставлял им, собственно, один решающий довод: утверждения либералов о том, что с введением «свободы коалиций» рабочее движение пойдет по реформистскому пути, — иллюзия. Факты доказывают обратное: чем больше у рабочих легальных возможностей, тем успешнее деятельность революционеров.

Если бы профессиональные организации действительно занимались тем, для чего они «назначены», указывала «Россия» в одной из своих передовых, «они встретили бы деятельное, живое сочувствие и содействие и в обществе, и в правительстве... Но ничего

этого нет, ибо стоит только где-либо зародиться какому-либо начинанию в этом направлении, рабочей организации, экономической кооперации, читальне, столовой, общественной лавке и т. п., как тотчас же туда проникают подпольные агитаторы и начинают свою тлетворную работу»⁶⁶.

Эта тема не сходит со страниц «России». «Мы уже отмечали как-то,— писала она,— что в действительности подавляющее большинство стачек последнего времени следует рассматривать вовсе не как экономические стачки, а именно как политические. Но пусть правы те, кто думает иначе. Все же рабочие союзы только тогда могли бы оказать сколько-нибудь благотворное влияние на весь этот вопрос, если бы имелись основания полагать, что их деятельность будет направлена к осуществлению экономических задач, а не к углублению и обострению той классовой борьбы, которая одна интересует левые группы, как наиболее крайние, так и заигрывающие с ними менее крайние»⁶⁷.

Позиция официоза была точным отражением взглядов правительства на рабочий вопрос. В конечном итоге вся программа Маклакова выражалась в одном слове: репрессии. Одобряя, естественно, этот курс, реакция тем не менее не испытывала при этом ни уверенности, ни спокойствия. Наоборот, в сознание не только буржуазных, но и помещичьих кругов все более проникала мысль, что решимость правительства бороться с революционным движением одними репрессиями свидетельствует о неспособности справиться с ним. «Интеллектуальных» контрреволюционеров из «Нового времени» раздражала самоуверенная и примитивная аргументация казенной «России». Непрерывный рост рабочего движения, аккумуляция общественного напряжения в стране, внешнеполитическая обстановка повергали наиболее умных идеологов реакции в состояние крайней тревоги, заставляли снова и снова искать и не находить то единственное средство, тот «философский камень» контрреволюции, о который споткнулся бы новый 1905 г. Цифра «1905», воспоминания и параллели с кануном Первой русской революции становятся буквально кошмаром реакционных политиков и публицистов.

В статье с характерным названием «Невоспитанный народ» Меньшиков незадолго до начала второй сессии Думы писал: «Осень начинается очень тревожно... Внутри России опять начинает пахнуть 1905 годом, и особенно дурные вести идут из Москвы... На улицах и площадях вы наблюдаете почти революционный пейзаж». «Характерно вообще мятежное настроение крупных рабочих масс...», и опасно то, что полиция не может справиться с «подпольным начальством» рабочих, ибо это «не столько лица, сколько дух, живущий в современных рабочих, точнее — брожение духа»⁶⁸.

Другой нововременский публицист, А. А. Столыпин (брат убитого премьера), член ЦК октябристской партии, писал о забастовках: оптимисты ссылаются на статистику, но при этом не учитывают, что «для таких не поддающихся учету и измерению

величин, как настроение людской массы, должно существовать и другое, более тонкое мерило, чем мертвый язык статистики и объективная показательность фактов». Тот, кто пережил революцию, «никогда не забудет ни настроений, сопутствовавших событиям, ни примет этих настроений. Их нельзя объяснить словами или описать... Но впечатление их настолько неизгладимо, что человек, переживший все это, не может не узнать запаха подобной атмосферы». А этот «запах» говорит о том, что «общество возвращается к психологии 1902—3 гг.». Чувствуется возврат к состоянию «знакового политического психоза», своего рода эпидемии⁶⁹.

За неделю до войны «Новое время» опубликовало редакционную статью «В тине революционного хулиганства», посвященную стачкам в Петербурге, совпавшим с пребыванием французского президента Пуанкаре. Статья пронизана ненавистью и страхом к рабочему классу, о чем свидетельствует уже ее название. В то же время в ней признается полная безуспешность чисто полицейского способа разрешения рабочего вопроса и выдвигается требование разработки какой-то позитивной программы: «Уже самая наличность организованного революционного руководства рабочих ясно говорит о недостаточности существующей исключительно полицейской системы борьбы с рабочим движением». Власть должна быть сильной, это верно, но вместе с тем и «благожелательной». Нужна «созидательная программа разрешения рабочего вопроса во всей его полноте»⁷⁰.

В чем правые и либералы были совершенно едины, так это в восприятии революции. Здесь полностью стиралась разница между европейски образованным либеральным интеллигентом и полудиким черносотенным помещиком. И для того и для другого революция рисовалась как сплошная анархия, разгул низменных страстей, как слепая, неорганизованная, разрушительная сила, лишенная всякого созидательного творческого начала. Это было господствующее настроение во всем помещичье-буржуазном лагере. И этот общий страх являлся, пожалуй, наилучшим доказательством исторической несостоятельности «верхних» классов России, ибо при такой гипертрофированной отчужденности от собственного народа всякая сколько-нибудь созидательная историческая деятельность, по необходимости требующая опоры на народ, сознательной и широкой поддержки с его стороны, исключалась совершенно.

«Перед Вальпургиевой ночью» — так озаглавил свою статью Изгоев, характеризовавшую рост всеобщего недовольства в стране. «Да, зарождаются настроения Вальпургиевой ночи, — с глубокой меланхолией замечал автор, — и „пестрые огни“, и „клубы дыма“, и в особенности эта надежда на чудесное разрешение всех загадок. Мысль „чем хуже, тем лучше“ рождается из дыма таких настроений»⁷¹.

Представление о надвигающейся революции как о каком-то шабаше ведьм настолько захватило воображение кадетско-«веховского» публициста, что он и через год в статье с многозначи-

тельным названием «Начинается...» повторил полюбившееся ему образное сравнение. «Я настаиваю на своем определении,— писал Изгоев.— Мы стоим не перед „революцией“, а перед настроениями Вальпургиевой ночи, общественной сумятицы»⁷².

В страхе перед надвигающейся революцией выступили наконец с требованием «реформ» и непосредственные представители буржуазного класса. Летом 1913 г. председатель Нижегородского ярмарочного и биржевого комитета А. С. Салазкин на банкете, в присутствии приехавшего в Нижний Новгород В. Н. Коковцова, произнес речь, в которой от имени российских купцов заявил о необходимости осуществления реформ, обещанных манифестом 17 октября. Это выступление все без исключения партии и политические течения, начиная от правых и кончая большевиками, оценили как важное политическое явление.

«Выступление купца Салазкина,— писал В. И. Ленин,— имеет, несомненно, крупное общественное значение. Отошла в область прошлого та историческая эпоха, эпоха „первоначального накопления“, когда дворянин-помещик ворчал и ходатайствовал о „доверии“, а купец кланялся и благодарил. Отошла и первая полоса третьейюньской, контрреволюционной эпохи, когда перепуганный насмерть движением масс купец с восторгом и умилением взирал на Столыпина. Началась вторая полоса, полоса рабочего подъема, „общественного“ оживления и купцовского либерализма»⁷³.

Реакция помещичье-буржуазной прессы на выступление Салазкина была целиком обусловлена тем, что он выступал в данном случае именно как купец и от имени купечества. Попытка «Московских ведомостей» объявить это выступление «бестактной кадетской вылазкой» (Салазкин был депутатом IV Думы, членом кадетской фракции) не имела никакого успеха. «Русское слово» провело по поводу речи Салазкина специальную анкету среди торговцев и промышленников Петербурга и Москвы, и, как свидетельствовала «Речь», «почти все высказали полное удовлетворение речью председателя биржевого комитета в политической ее части»⁷⁴.

По мере развития событий недовольство буржуазии усиливалось. Весной 1914 г. очередной съезд промышленности и торговли принял ряд оппозиционных резолюций в духе выступления Салазкина. «У представителей крупного капитала,— подчеркивала в этой связи передовая «Речь»,— внутренняя политика получила ту же оценку, что и в Гос. думе». Раньше «в своих изданиях и официальных заявлениях промышленники всячески и упорно отгораживались от политики, все время подчеркивая, что они говорят лишь об экономических вопросах». Теперь заявление Салазкина и постановления только что закончившегося съезда промышленности и торговли носят уже прямо противоположный характер. «Лиха беда начать»,— замечает по этому поводу «Речь». Тревога охватывает «все большие и большие круги привилегированных и спокойных классов населения. Если к этому прибавить глубокое раздражение в широких демократических слоях, в массах

населения, особенно рабочего, то напряженность современного политического положения выступит во всем своем значении»⁷⁵.

Подлинное значение выступления Салазкина состояло в том, что оно еще и еще раз показало, что реформистских возможностей в России нет. Указав на то, что манифест 17 октября действительно перечисляет коренные политические реформы, В. И. Ленин далее писал: «И вот, *всех* этих реформ требует *все* всероссийское купечество, экономически самый могущественный класс капиталистической России. Отчего же это требование встречается с полным равнодушием, кажется просто несерьезным — всем, начиная от премьер-министра, который послушал, выпил, закусил, ответил, поблагодарил и уехал, и кончая тем московским купцом, который заявил, что слова Салазкина превосходны, но ничего из них не выйдет? Отчего это?»

Оттого, что Россия переживает то своеобразное историческое положение... когда реформизм особенно туп, смешон, бессилён и потому противен». Рабочий класс «обеими руками ухватился бы за малейшую реформистскую возможность осуществления всякой перемены к лучшему... Но в том-то и дело, что нет ничего „действительного“ в реформизме либералов относительно политических реформ. Другими словами: все прекрасно знают, и купечество и составляющие большинство в Думе октябристы с кадетами, что ни малейшего реформистского пути ни к единой из требуемых Салазкинским реформ нет и быть не может. Все это знают, понимают и чувствуют»⁷⁶.

Последние слова удивительно точно и верно характеризуют состояние умов во всем помещичье-буржуазном лагере. В этом отношении очень показательной была статья Меньшикова «Сословное честолюбие», посвященная выступлению Салазкина. «Легко говорить г. Салазкину от имени почтенных толстосумов: „Осуществите начала 17 октября“, — иронизировал автор. — Но ведь это не то, что сказать спич или на салазках скатиться с горы. Ведь если искренно и нелицемерно, без всякой урезки, осуществить начала манифеста 17 октября, то не значит ли это еще раз проделать революцию, но уже „начисто“, исправив все описки и недомолвки черновика?.. Здание не первой свежести... нечто весьма самодельное. Как тут приступить к перестройке? Г-да Салазкины зудят на ухо: „Осуществляйте начала 17 октября! Осуществляйте! Осуществляйте!“». Но как тут осуществлять, когда здание «просто страшно тронуть... *Ведь уже и так многое валится. И даже само валится, без всякого бюрократического прикосновения*»⁷⁷.

Эту же мысль, только по другому поводу, но столь же эмоционально, как и Меньшиков, развивал его собрат по газете А. Столыпин в статье с очень характерным названием «Если бы была надежда». Кадеты «очень близоруки... — писал он. — Правительственная сила им кажется огромной, тормозы почти несокрушимыми; нужно бить как можно сильнее, во всю мочь, нужно революционировать как можно больше народу... Они не только близоруки, они слепы: силы правительства ничтожны, а тормозы реакции до того изноше-

ны, до того слабы, что только отчаянным прикручиванием их создается видимость их сдерживающей мощи». Он, автор, наблюдает «страшные симптомы растущей безнадежности и отчаяния. То, что теперь готовится в умах, хуже чем было в годы революции». Тогда были конституционные иллюзии. Теперь же, если разразится революция, которую кадеты провоцируют своей тактикой, будет всему конец: «О, если бы была надежда, если бы был хоть луч вероятия, что сплоченные общественные силы могут оппозиционной настойчивостью повернуть Россию не в бездну, а на творческие рельсы, с каким восторгом я бы их благословил, какие нашел бы пламенные слова, чтобы подвигнуть их на бесстрашный подвиг! Но этой веры нет... С одной стороны — надвигающийся хаос неведомого ужаса, а с другой — слабые, изношенные опоры тысячелетней государственности, переживающей какую-то новую подтачивающую болезнь»⁷⁸.

Болезнь в действительности была старой, и она была смертельной. «Революции никто не хочет, и все ее боятся (даже кадеты), — писал наместнику на Кавказе гр. И. И. Воронцову-Дашкову его зять, депутат IV Думы, член фракции «центра» гр. В. В. Мусин-Пушкин в письме от 19 апреля 1914 г., — но все приходят к убеждению, что она неизбежна, и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком. Некоторые считают, что смена кабинета могла бы предотвратить взрыв, другие, как, например, Гучков, Вас. Маклаков, находят, что недовольство слишком велико и что уже поздно. Революционируется самая буржуазная публика, и в провинции, говорят, хуже, чем в столицах... Рабочее движение опять становится грозным...»⁷⁹

Слова «рабочее движение», «революция» не сходили со страниц газет и журналов, склонялись в письмах, не умолкали в политических салонах, стали неотвязными спутниками речей сановников. Рабочий класс был тем главным действующим лицом, которое определяло все поведение героев третьеиюньских подмостков.

ПАРТИЯ ПЕРЕВОРОТА

Чем острее политический кризис, тем настоятельнее потребность в его разрешении. Поскольку кризис третьеиюньской системы исключал возможность его «мирного» преодоления, в лагере реакции неизбежно должна была то и дело вставать на повестку дня идея нового государственного переворота, целью которого являлось бы частичное или полное уничтожение этой системы. Говоря иначе, должны были активизироваться круги, в глубине души желавшие превращения Думы из законодательной в законосовещательную либо даже ее полного упразднения и возврата к додумскому, «чистому» самодержавию. Рассматриваемый период в жизни IV Думы был одновременно и периодом ряда попыток (не только со стороны правых организаций, но и правительства), направленных на дальнейшее ограничение и без того ничтожных прав Думы, отражавших эту затаенную мечту, прежде всего царя и

его ближайших единомышленников На «левение» буржуазии царизм ответил попытками перехода в открытое наступление. Вторая сессия, особенно ее последние два месяца, констатировал кадетский отчет, характеризовалась двумя основными моментами: оппозиционным настроением страны и рядом «открытых попыток со стороны правительства ответить на это настроение демонстративными шагами назад к доконституционному строю»⁸⁰ Сознавая невозможность прямого перехода к законосовещательной Думе, царизм все же не мог удержаться от некой стихийной реакции на «левение» именно в направлении спорадических мероприятий в этом признанном нереальным направлении.

В попытках наступления на Думу явно прослеживаются два этапа, и оба они связаны с двумя министерскими назначениями: Н. А. Маклакова — министром внутренних дел (в конце 1912 г.) — и И. Л. Горемыкина — председателем Совета министров (в январе 1914 г.). Оба новых министра отличались крайней реакционностью и не скрывали своего отвращения к Думе, оба были ставленниками камарильи и любимцами царя.

Свою программу действий Маклаков публично изложил спустя несколько месяцев после своего назначения в интервью корреспонденту французской газеты «Тан» („Temps“) Ривэ. Прежде всего он объявил себя сторонником «децентрализации» в смысле усиления губернаторской власти. Следующий пункт программы относился к полиции: полиция получает очень мало, и он, Маклаков, предложит правительству проект, значительно увеличивающий ее содержание. Третьим пунктом была борьба с пьянством, четвертым — упорядочение дела с паспортами: существующий сейчас порядок таков, что позволяет «нелегалам» легко доставать их.

Особое место в интервью министра занял вопрос о печати. Маклаков заявил, что в текущем месяце намеревается внести в Думу законопроект о печати. Основная его цель состоит в том, чтобы покончить со смешной ролью правительства, в которой оно пребывает благодаря ныне действующему Уставу о печати: поскольку предварительная цензура упразднена, распоряжение об аресте того или иного номера газеты дается лишь после того, как номер поступил в продажу. В результате полиция уподобляется всегда опаздывавшим «оффенбаховским мушкетерам». Чтобы покончить с этим положением, законопроект предусматривает получение цензурными учреждениями очередного номера еще в типографии, за три часа до сдачи его на почту. Если после передачи конфискованного номера в суд газета будет оштрафована, издатель должен будет внести залог в размере от 2 до 3 тыс. руб., из которого будут погашены данный и *будущие* штрафы, причем внесенная сумма все время должна восстанавливаться в первоначальном объеме. В противном случае разрешение на продолжение издания дано не будет⁸¹ В этом пункте был воздвигнут задуманного законопроекта, и фактически он означал возврат к предварительной цензуре, уничтоженной революцией 1905 г.

Это была акция, направленная не только против печати, но и против всего «конституционного» строя, ибо без прессы, которая

сравнительно свободно могла бы освещать и комментировать думские прения, Дума превращалась в абсолютно оторванный от страны орган, лишенный всякого влияния. Поэтому легко понять то волнение, которое вызвало интервью, а затем и сам проект Маклакова как в помещичье-буржуазной прессе, так и в IV Думе. В довершение всего очень скоро обнаружилось, что маклаковский проект в точности соответствует законопроекту, выработанному Советом объединенного дворянства. Совпадали не только пресловутые 3 часа, но и мотивировка. Совпадал и пункт об авансе — это был 20-й пункт доклада специальной комиссии, разработавшей законопроект о печати, который обсуждался и был одобрен на IX съезде уполномоченных дворянских обществ. Особенно пикантным было то обстоятельство, что в комиссии, помимо В. М. Пуришкевича, заседали бывшие и настоящий начальники Главного управления по делам печати — Н. А. Зверев, А. В. Бельгард и гр. С. С. Татищев⁸².

На маклаковский проект пресса ответила контркомпанией, причем «Новое время» выступило в защиту «свободной печати» столь рьяно, что ему вполне мог позавидовать кадетский официоз. В статье «Дворянство и печать» И. А. Гофштеттер метал громы и молнии в адрес «объединенных дворян» и черносотенцев, вдохновивших министра внутренних дел на его проект. Отметив, что законопроект, выработанный дворянами, «очень близок» к законопроекту Маклакова и что он означает «стыдливое восстановление правительственной цензуры», автор далее писал: «В борьбе с врагами русского народа (т. е. с революционной демократией и ее прессой. — А. А.) дворянские патриоты не придумали ничего лучшего, как стеснять и душить народную (!) мысль. Бедные черносотенные патриоты! Они искренно любят свою родину... и охраняют спокойствие России с таким усердием, с каким крыловский медведь охранял сон своего друга»⁸³.

В свою очередь, в статье «Рогатки и скорпионы» Меньшиков указывал: законопроект «не дышит ни государственной серьезностью, ни здравым смыслом... Наоборот, от него дышит... недодуманностью, ужасной прямолинейностью...»⁸⁴. За два дня до этого газета в редакционной статье охарактеризовала маклаковский законопроект как «закон не о печати, а *против* печати»⁸⁵.

Спрашивается, чем объяснить такую удивительную горячность в защите «свободы печати» со стороны таких публицистов, какими были распутинец Гофштеттер и архипродажный Меньшиков?

Из текста цитированных статей видно, что нововременцы хлопотали не о подлинной свободе печати, а о свободе печати для господствующих классов. Ссылка Гофштеттера на крыловскую басню и возмущение Меньшикова грубой прямолинейностью законопроекта недвусмысленно говорят о том, что они были недовольны не самой идеей законопроекта, а ее глупым, с их точки зрения, воплощением, тем, что удар наносился не только, скажем, по «Правде», но и по «Новому времени», «Голосу Москвы», «Речи» и т. д.

Либералы были также противниками подлинно демократического разрешения вопроса. Даже кадетский законопроект о печати содержал антидемократические ограничения свободы печатного слова. Но для себя они отстаивали право на более или менее полную критику политики правительства.

Коренная причина, заставившая их бороться за это право, была та же, что заставляла не только буржуазию, но и помещиков. причем помещиков правых (а не только либеральных и полулиберальных), типа В. В. Шульгина, П. Н. Крупенского, В. А. Бобринского и им подобных, быть сторонниками и защитниками законодательной Думы и противниками Думы законосовещательной. Причиной была слабость царизма, так ясно себя обнаружившая во время революции 1905—1907 гг. До революции помещики не испытывали никакой надобности в своих организациях и партиях, ибо царизм, как им казалось, надежно защищал их интересы. Революция в корне изменила положение. Помещики и буржуа уже не верили в способность самодержавия предотвратить революцию без их прямой поддержки и критики.

Но Дума без законодательных прав не могла быть орудием контроля и воздействия на правительство, а Дума без сравнительно свободной печати не могла не только законодательствовать, но и существовать.

В свете сказанного легко понять, почему октябристы на преследования печати, резко усилившиеся при Маклакове, реагировали в форме горестного недоумения. «Правительство, — отмечалось в отчете октябристской фракции, — действует так, как будто видит в печати непримиримого врага и иного видеть не хочет; вместо того, чтобы иметь в лице печати доброго союзника и друга в политической работе»⁸⁶

Результатом общей отрицательной реакции на маклаковский законопроект было то, что четыре фракции: правые, националисты, октябристы и кадеты — внесли свои законопроекты о печати, а Дума создала специальную комиссию, куда эти проекты были переданы в качестве материала для выработки общедумского законопроекта.

Однозначность проекта Маклакова оказалась столь велика, что правительство вынуждено было его забраковать и предложить министру внутренних дел придать своему детищу более благопристойный вид. 12 июня 1913 г. Совет министров предложил Маклакову переработать законопроект и осенью снова представить ему для обсуждения⁸⁷

«Переработанный» законопроект, сущность которого осталась неизменной, осенью 1913 г. был внесен в Думу и стал, таким образом, пятым по счету законопроектом, попавшим в лоно комиссии о печати. Комиссия в конце концов выработала свой законопроект, к слову сказать крайне реакционный, но на повестку Думы он попасть уже не успел — помешала война.

Одновременно продолжалось наступление реакции по другим линиям.

Еще 5 марта 1913 г. «Речь» опубликовала факсимиле повестки заседания совета фракции крайних правых от 3 марта, в которой, в частности, значилось: «1) о необходимости распустить IV Гос. Думу; 2) о необходимости изменить положение о выборах в Гос. Думу по большинству голосов», т. е., «другими словами, — пояснила газета этот проект, — о превращении законодательной Думы в законсовещательную». Заседание привело к острому столкновению крестьян и священников с дворянской частью фракции⁸⁸. Что повестка была подлинная и заседание действительно имело место, доказывается смущенной реакцией и очень неуклюжими попытками отрицать сообщенные «Речью» факты со стороны черносотенных газет.

Параллельно этому аналогичные усилия предпринимал Маклаков. За день до открытия второй сессии Думы он обратился с письмом к царю, в котором испрашивал его согласия на роспуск Думы, если она не умерит свой оппозиционный пыл. Маклаков предлагал следующий порядок действий: «Сперва попробовать ввести Думу в ее обычное русло прочной рукой». Для этого «теперь, с кафедры Думы, сделать ее членам спокойное, ясное, но решительное предупреждение о том, что путь, на который она опять пытается встать, опасен и недопустим». В случае если поднимется буря и боевое настроение перекинется «за стены Таврического дворца», необходимо будет осуществить две меры: «роспуск Думы и немедленное объявление столиц на положении чрезвычайной охраны»⁸⁹. Одновременно Маклаков поставил перед Советом министров вопрос о необходимости объявить столицу на положении чрезвычайной охраны сроком на шесть месяцев. 17 октября Совет министров в принципе одобрил предложенную меру. Исходя, однако, из того, что объявление Петербурга на положении чрезвычайной охраны «может дать повод к столь резким выступлениям против правительства в среде Государственной Думы, что дальнейшее продолжение ее занятий станет совершенно нетерпимым», Совет министров счел нужным представить на подпись царю указы о введении чрезвычайного положения и о роспуске Думы на следующих условиях: 1) время опубликования первого указа определяет Совет министров; 2) указ о роспуске с назначением срока созыва новой Думы публикуется не раньше, чем на это будет испрошено председателем Совета министров согласие царя⁹⁰.

Обе меры в исполнение приведены не были. 18 октября 1913 г., т. е. сразу же по получении письма Маклакова, Николай II ответил следующим письмом из Ливадии: «Получив Ваше письмо от 14 октября и прочитав его, я был приятно поражен его содержанием... С теми мыслями, которые Вы желаете высказать в Государственной думе, я вполне согласен, — это именно то, что им давно следовало слышать от имени моего правительства. Лично думаю, что такая речь министра внутренних дел разрядит атмосферу и заставит господ Родзянко и его присных закусить языки.

Если же, паче чаяния, как Вы пишете, поднимется буря и боевое настроение перекинется за стены Таврического дворца, тогда нужно будет привести предлагаемые Вами меры в исполнение, — роспуск Думы и объявление Питера и Москвы на положении чрезвычайной охраны, переговора с председательствующим в Совете министров об изготовлении и высылке мне указов относительно обеих мер. Также считаю необходимым и благовременным немедленно обсудить в Совете министров мою давнишнюю мысль об *изменении* статьи Учреждения Государственной думы, в силу которой если Дума не согласится с изменениями Государственного совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это, при отсутствии у нас конституции, есть полная бессмыслица. Предоставление на выбор и утверждение государя мнения большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе. Итак, до скорого свидания. Дай Вам бог сил и успеха. Николай»⁹¹.

Не нужно доказывать, что воля царя в стране, где фактически продолжало сохраняться самодержавие, тем более выраженная в столь категорической форме, имела решающее значение для правительства, и, казалось, судьба Думы была предрешена.

Однако ничего подобного не произошло. Более того, Маклаков не осмелился не только внести на обсуждение кабинета вопрос, который царь приказал ему «немедленно обсудить» в Совете министров (т. е. вопрос об изменении статьи «Учреждения Государственной Думы» таким образом, чтобы царь мог по выбору утверждать мнение большинства и меньшинства), но даже поставить его об этом в известность. Это было *явное нарушение монаршей воли*, тем не менее Маклаков пошел на такой шаг. В письме к царю Маклаков объяснял свое решение *отрицательной позицией* Совета министров, который, как он убедился, *не согласится* на изменение существующего статуса Думы⁹².

Чем же объяснить, что столь серьезные намерения столь могущественных сил не пошли дальше платонических пожеланий, оказались пустопорожней маниловщиной? Е. Д. Черменский, ссылаясь на «Русские ведомости» и интервью «видного сановника», члена Государственного совета, пожелавшего остаться неизвестным, объясняет это неудачей, постигшей Коковцова в его переговорах о железнодорожном займе, которые он вел в Париже. Невыгодные условия займа, как ему объяснили, были обусловлены шатким положением Думы, «министерской забастовкой» и т. д. Поэтому Коковцов телеграфировал в Петербург о том, чтобы намеченные меры о роспуске Думы и введении чрезвычайного положения были бы отложены до его возвращения. Его доклад произвел на «сферы» большое впечатление, в результате чего было решено Думу сохранить в прежнем виде, а «марковский инцидент», т. е. «министерскую забастовку», ликвидировать⁹³.

В конце статьи Черменский снова ставит вопрос о причинах, заставивших царя отказаться от идеи государственного перево-

рота и возвращения к неограниченному самодержавию. Таких причин, по его мнению; было три: 1) царизм после революции 1905—1907 гг. не мог уже держаться без поддержки буржуазии, а ареной торга и сговора с нею была Дума; 2) третьеиюньская система — это тот минимум, который обеспечивал веру иностранных кредиторов в финансовую и внутриполитическую устойчивость России; 3) главная причина состояла, как указывал В. И. Ленин, в том, что пролетариат в 1905 г. «вырвал у царя манифест о конституции и раз навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений»⁹⁴.

Все причины, указанные Черменским, верны, но на мой взгляд, требуют дополнительных пояснений. Например, вероятная отрицательная реакция французской биржи не могла быть причиной, которая заставила бы царизм отказаться от идеи переворота: когда вопрос поставлен «быть или не быть» (а именно так он и был поставлен реакцией) перед такими частными, хотя и крупными, жертвами, как недовольство иностранных финансовых кругов, не останавливаются. Об этом свидетельствует не только история вообще, но и недавняя история того же царизма; готовя третьеиюньский государственный переворот, царь и Столыпин отлично понимали, что вызовут неудовольствие своих кредиторов, что, кстати, и случилось. Однако, как известно, это соображение их не остановило, потому что вопрос с точки зрения существующего строя шел о его жизни и смерти.

Вторая причина, указанная Черменским, вызывает по меньшей мере два вопроса: 1) надо полагать, что царизм отдавал себе отчет в том, что одному ему, без поддержки буржуазии, после революции 1905—1907 гг. не удержаться, иначе он не создал бы третьеиюньской Думы. Но тогда почему он вообще ставил вопрос о перевороте (и не только в 1912—1914 гг., но и раньше), который означал бы разрыв с буржуазией, потерю этой поддержки? 2) Дума была действительно ареной торга и сговора буржуазии с царизмом, но ведь из этого торга ничего путного не выходило. Наоборот, Дума из орудия укрепления царизма превратилась в орудие его дальнейшего ослабления и именно это обстоятельство было главной исходной посылкой в стремлении царя и Маклакова совершить государственный переворот. Как же согласовать и объяснить эти два взаимоисключающих фактора?

Необходимо принять во внимание одно решающее обстоятельство: царизм не мог осуществить свой замысел потому, что у него не было и не могло быть никакой конструктивной с точки зрения его самосохранения программы. Характерная особенность всех без исключения планов переворота состояла как раз в том, что они не содержали никаких позитивных моментов. А без этого условия возвращение к додумскому самодержавию было неосуществимо. Полную или частичную утрату поддержки «общества», которую влек за собой государственный переворот, царизм мог себе позволить лишь в том случае, если получал какую-то компенсацию — поддержку другого класса или классов. Революция

1905—1907 гг. показала (и в этом заключается глубокий смысл приведенного Черменским высказывания В. И. Ленина), что ни таких других классов, ни такой программы, которую бы царизм мог предложить, у него нет. Рабочий класс исключался совершенно. Крестьянство в революции 1905—1907 гг. проявило себя настолько ярким врагом помещиков и помещичьего землевладения, что даже кулак, несмотря на столыпинскую аграрную реформу, не «вписывался» в третейюньскую систему в том смысле, что не хотел расставаться со своей нелюбовью к помещику и жадной его земли.

Что дело обстояло именно так, доказывается, в частности, совершенно одинаковой оценкой, которая дана была антидумским проискам правых «Речью» и «Новым временем». Находясь на разных флангах контрреволюции, враждующая между собой, обе газеты тем не менее пришли к совершенно одинаковому выводу о бесплодности и неосуществимости затеи черносотенцев.

Осуществима ли идея государственного переворота, реальна ли она, ставила «Речь» главный вопрос. Ответ давался следующий. Противники Думы утверждают, что «это учреждение только себя дискредитировало перед страной и разогнать четвертую Думу легче, чем было разогнать первую и вторую». Действительно, Дума 3 июня «глубоко разочаровала страну... Население поняло... что такая Дума... для истинных интересов народа... ничего сделать не может...». Но тем не менее те, кто считает, что с ней легко разделаться, ошибаются, и «мы можем относиться довольно спокойно к отчаянным усилиям думских фигляров поставить на сцену исправленную и дополненную вариацию 3 июня»⁹⁵.

«Новое время» реагировало весьма решительно. «Чересчур экспансивные рептилии, вдохновляясь настроением своих патროнов (намек на кн. В. П. Мещерского. — А. А.)», мечтают заменить Думу представительным учреждением, «единомышленным с правительством», говорилось в редакционной статье «В чем выход?». Подобные планы — «безнадежная глупость». Идея роспуска Думы могла возникнуть только «в бесшабашных мозгах». Столь же резко осуждалось и намерение «рептилий» упразднить Совет министров⁹⁶.

Новая серия антидумских выпадов была связана, как отмечалось, с эрой премьеры И. Л. Горемыкина. В то время как меры, предложенные Маклаковым, остались не более как проектами, антидумские шаги Горемыкина были совершенно конкретными. «Новое правительство (Горемыкина. — А. А.), — вспоминал много лет спустя Милюков, — перешло в прямое наступление на законодательные права Думы, и наша роль, отчасти уже вместе с октябристами, заключалась здесь в защите этих прав»⁹⁷.

12 марта 1914 г. Горемыкин официально известил председателя Думы, что он не считает для себя возможным отвечать на обращенные к нему, как к председателю Совета министров, запросы Думы, так как, согласно закону, последняя имеет право адресовать свои запросы только тем должностным лицам, которые под-

ведомственны правительствующему Сенату, председатель же Совета министров таким подведомственным Сенату лицом не является. Поэтому присланный на его имя запрос (запрос кадетов о запрещении праздновать юбилей Тараса Шевченко) он отсылает соответствующему министру. Разъяснение Горемыкина вызвало большое волнение в Думе⁹⁸. Волнение российских «парламентариев» легко понять: письмо Горемыкина было прямым вызовом Думе. Самым же неприятным для них в заявлении Горемыкина было то, что формально он был прав, никаких сколько-нибудь убедительных правовых контраргументов поборники «конституции» привести не могли и им оставалось только негодовать.

Спустя полмесяца в заседании Думы 28 марта во время обсуждения одного из «вермишельных» законопроектов («Об улучшении материального положения служащих в женских учебных заведениях Министерства народного просвещения») товарищ министра народного просвещения бар. М. А. Таубе выступил с заявлением, которое было расценено Думой как покушение на ее право законодательной инициативы. Дело заключалось в том, что обсуждавшийся законопроект был как раз из числа немногих законопроектов, который соответствующая комиссия Думы выработала самостоятельно, а не на основе правительственного проекта. Такой прецедент уже был, и тоже по линии Министерства народного просвещения: выработанный Думой законопроект не встретил никаких возражений со стороны министерства, прошел благополучно все инстанции и стал законом. Теперь же дело повернулось по-иному.

Выступив сразу же после докладчика Комиссии по народному образованию октябриста Е. П. Ковалевского, товарищ министра заявил следующее. В свое время (в ноябре 1913 г.) министерство дало согласие на разработку соответствующего законопроекта. Теперь он готов и совершенно аналогичен по содержанию законопроекту, предложенному комиссией, за исключением несущественных мелочей. Так что по существу этого законопроекта у ведомства никаких возражений нет. Но возникает другой вопрос, формальный, и он главный в данном случае: думский законопроект выработан с нарушением закона, а именно статьи 57 «Учреждения Государственной Думы». Прочитав эту статью⁹⁹, согласно которой, по его мнению, Дума может предлагать свой законопроект лишь в случае отказа от его составления соответствующего ведомства, М. А. Таубе указал, что «в данном случае никакого отказа со стороны правительства не было». Поэтому «не могло быть ни малейшего сомнения, что Государственной Думе надлежало ожидать законопроекта правительственного, который, повторяю, уже готов»¹⁰⁰.

Это была не первая демонстративная выходка Таубе. Однажды он, выступая с думской трибуны, с доверительностью авгура поделился с третьиоюнскими законодателями своим соображением о том, что Дума зря пытается улучшать в либеральном направлении обсуждаемые ею законопроекты, поскольку реальное соотно-

шение сил (Таубе имел в виду Государственный совет) не в ее пользу. В устах думского либерала подобное замечание было бы вполне уместно. В устах товарища министра оно было насмешкой и издевательством. На этот раз Таубе подчеркнул свое презрение еще и тем, что покинул Таврический дворец, не дожидаясь ответа на свое выступление.

Дума, начиная от кадетов и кончая националистами, восприняла заявление товарища министра как еще одну попытку правительства умалить права Думы. «Гг.! — воскликнул Милюков под аплодисменты и голоса „Верно!“ — это государственный переворот, который приближается». Характерно, однако, что и в данном случае у Милюкова не было юридических аргументов и он смог сослаться только на то, что «установилась известная практика, санкционированная самим министерством», согласно которой Дума выработывала собственные законопроекты¹⁰¹. Законы о Думе, основные законы и другие были составлены так, что их всегда можно было толковать в пользу власти, что и делалось на каждом шагу.

С осуждением выступления Таубе выступили также октябристы гр. Д. П. Капнист и Е. П. Ковалевский, националист гр. В. А. Бобринский, кадет В. Н. Пепеляев¹⁰². Законопроект, из-за которого разгорелся сыр-бор, был принят на этом же заседании сразу в трех чтениях¹⁰³.

Самой крупной антидумской акцией правительства было так называемое «дело Чхеидзе» — привлечение Н. С. Чхеидзе к судебной ответственности первым департаментом Государственного совета¹⁰⁴ 19 апреля 1914 г. за речь, произнесенную им на заседании Думы 11 марта. Выступая по законопроекту об учреждении исправительно-рабочих домов с целью якобы борьбы с бродяжничеством и нищенством, Н. С. Чхеидзе заявил: «Гг. члены Государственной Думы, мы находим, что каторжный режим для достижения таких задач (обновления страны. — А. А.) не годится, и если уж речь идет о режиме, то для этого не пригоден и третьеиюньский режим, а наиболее подходящим режимом для достижения обновления страны является режим демократический, режим парламентский и, если хотите еще более точное определение, режим республиканский»¹⁰⁵.

Эти слова были расценены как открытый призыв к ниспровержению существующего строя (призыв к замене монархии республикой), что являлось одним из тяжелых государственных преступлений, влекших за собой суровое наказание. На самом же деле, как видно из приведенного текста, такого призыва речь Чхеидзе не содержала — было сказано лишь, что, с точки зрения оратора, республиканский строй лучше монархического. Даже Меньшиков вынужден был признать, что он, «читая речь г. Чхеидзе, откровенно говоря, не почувствовал в ней... возбуждения к учинению бунтовщического деяния, направленного к ниспровержению»¹⁰⁶. Истинная цель привлечения Чхеидзе заключалась, конечно, в том, чтобы нанести удар по свободе депутатского

слова. по депутатской неприкосновенности, т. е. по одному из основных прав представительного учреждения. Именно поэтому «дело Чхеидзе» послужило поводом и причиной одного из наиболее резких столкновений между Думой (исключая правых) и правительством

Последовали бурные прения по поводу этого «дела» в Думе, когда депутаты социал-демократы слово «республика» стали совершенно намеренно произносить раз за разом. Правительство скоро поняло, что надо бить отбой, и незадолго перед войной прекратило «дело»¹⁰⁷.

Возникает вопрос: являлись ли перечисленные шаги составной частью нового плана подготовки государственного переворота (или модернизацией старого, как утверждал например, Миллюков), или это были всего-навсего разрозненные антидумские выпады, имевшие ограниченный характер и свидетельствовавшие не столько о продуманной планомерной политике, сколько о раздражении реакции, не знающей как найти выход из создавшегося положения? Ответ по-видимому следует давать во втором смысле. Демарши И. Л. Горемыкина и М. А. Таубе уже сами по себе не имели серьезного значения и не могли привести ни к каким значительным последствиям ни в части думской законодательной инициативы, ни в отношении права запросов, что впоследствии и подтвердилось. Такой же характер мелких уколов носили и некоторые другие акции правительства и Государственного совета против Думы, которые нет надобности отмечать.

Отчет кадетской фракции ссылается на статью официальной «России» опубликованной 8 февраля 1914 г. (т. е. еще до начала перечисленных событий) в которой газета категорически опровергла «досужие измышления» о якобы готовящемся государственном перевороте. «От воли монарха, — утверждала газета, приемлют свое бытие законодательные учреждения империи. *каждое из которых обладает одной третью государственной власти*». Вместе с тем кадеты делали правильный вывод, что царизм и впредь будет пытаться явочным порядком ограничивать права Думы. В упомянутом отчете цитируется царский рескрипт от 6 марта 1914 г. на имя Горемыкина, в котором указывалось, что должно быть «необходимое согласие» между «правительством, облеченным полным доверием монарха», и «законодательными учреждениями. *круг ведомства коих строго очерчен в законе*»¹⁰⁸. Подчеркнутые слова отчет и считает доказательством намерения «сфер» идти по пути если не государственного переворота, то систематических придирок к Думе под предлогом выхода ее за рамки, очерченные законом. Вторым доказательством, говорилось в отчете, является тот факт, что именно после этого рескрипта начались ограничительные толкования, о которых шла речь выше.

Оценивая действия правительства, следует сделать вывод, что они свидетельствовали о бессилии и раздражении, о мелкой злобе и мстительности, а не о политике с ясной головой и с какой-то твердо намеченной перспективой. Третьеиюньская система вступи-

ла в самую опасную и тяжелую стадию кризиса, — в стадию потери самоконтроля, подмены планомерной политики случайными акциями, разума — чувствами.

ПРАВОЕ «ЛЕВЕНИЕ»

Характер «левения» либеральной буржуазии может быть правильно понят только при учете одного обстоятельства, имеющего принципиальное значение. Обстоятельство это заключалось в том, что либералы после издания манифеста 17 октября и особенно после декабрьских событий 1905 г. окончательно и необратимо стали на путь контрреволюции, на путь разрыва с демократическим движением. В этом ключ и разгадка всего поведения российского либерализма. В. И. Ленин не уставал повторять: «Чрезвычайно важная отличительная особенность послереволюционной России состоит в глубоком идейном повороте среди оппозиционных или прогрессивных слоев..

Идейный поворот среди либеральной буржуазии состоит в создании антидемократического направления (Струве, Изгоев, В. Маклаков открыто, остальные кадеты — тайком, „стыдливо“)»¹⁰⁹

И действительно, послеиюньский либерализм создал крайне любопытный феномен, заключавший в себе следующее противоречие: радикализм слов и столь же резко выраженная готовность довольствоваться самым малым. Сами либералы порой сознавали это. «Много говорят теперь о стремительном думском левении, — отмечала прогрессистская газета в статье некоего И. Лаптева „Двуликий Янус“. — Но это левение — не программа, не обдуманный и взвешенный план, даже не длительное настроение. Оно — результат неуверенности, тревоги и трусливости»¹¹⁰.

В этой связи весьма любопытными представляются рассуждения Савенко на страницах «Нового времени». «Говорят, — писал он, — повелели многие октябристы, повелели даже националисты. Но так ли это?» Оказывается, не так. Налицо некий оптический обман, состоящий в том, что лишь «правлящие круги начали движение назад», а не «общество» влево. А «раз власть сильно подвинулась назад, т. е. вправо, то естественно, что умеренные круги, еще недавно сотрудничавшие с властью, оказались значительно левее ее»¹¹¹. А. И. Савенко, правоверный националист, без малейших колебаний объявляет себя солидарным с «оппозицией», причем не только с октябристской, но и по меньшей мере с прогрессистской. Это могло произойти только потому, что Савенко ясно представлял себе меру оппозиционности думских либералов.

Еще за полгода до этого (26 марта 1913 г.) Савенко писал своей жене: «В Петербурге сейчас подъем огромный. И это меня страшно радует и примиряет с Петербургом: оправдалось мое всегдашнее утверждение, что очень многие левые потому левые, что болит душа: манчжурская рана заставляет страдать.. Но ныне

я ярко вижу, как много патриотов среди левых... На почве бюджетной работы я сблизился с некоторыми видными октябристами. Хороший народ, только трусоваты. Особенно хорошие отношения у меня установились с Алексеенко. Вот глубоко почтенный деятель, заслуживающий величайшего уважения. Он — левый октябрист, но националист, и я по множеству вопросов иду с ним. Он часто поддерживает меня»¹¹².

В свою очередь не только октябристы, но и кадеты делали все возможное, чтобы упрочить репутацию хороших «левых», настоящих деловых людей типа М. М. Алексеенко, приведшего в такой восторг «оппозиционного» националиста¹¹³. Но как бы там ни было, их «левение» с течением времени приобретало все более острый характер.

Одним из показателей этого «левения» были запросы. Уже с первых дней существования IV Думы запросы стали неотъемлемой частью думского пейзажа. Бывали заседания, когда на повестку дня выносилось сразу несколько запросов, иногда до пяти. Львиную долю этих запросов вносила, конечно, левая часть Думы — социал-демократы и трудовики. Но и либералы, не только кадеты, но и октябристы, резко активизировали свою запросную деятельность. Прения по запросам накаляли обстановку, обостряли противоречия, вызывали соответствующую реакцию «общества» и «сфер». Нет ни возможности, ни надобности проследить судьбу этих запросов. Следует также отметить, что октябристы значительно чаще, чем в III Думе, присоединялись к кадетским запросам, голосовали не только за их принятие, но и за спешность, подчеркивая тем самым свое оппозиционное настроение. Значительно более резкими стали и принимаемые по запросам формулы перехода.

Показателем октябристско-кадетского «левения» была также участвовавшая практика выработки собственных законопроектов. В III Думе фракции второго большинства почти не пользовались своим правом законодательной инициативы. В IV Думе картина значительно изменилась. Примером такого законопроекта было законодательное предположение, внесенное прогрессистами за 33 подписями, о порядке издания и оглашения в печати отчетов о заседаниях общих собраний и комиссий Государственной думы и Государственного совета. Товарищ министра внутренних дел И. М. Золотарев заявил, что правительство не берет на себя разработку соответствующего законопроекта, и Дума вынесла решение признать законодательное предположение желательным и передать его в комиссию, созданную для разработки законопроекта о печати¹¹⁴.

Причина, вызвавшая к жизни указанное законодательное предположение, состояла в том, что периодическая печать все больше и чаще стала подвергаться штрафам за публикацию думских отчетов. Создалась совершенно нелепая ситуация — газета штрафовалась за печатание депутатских речей. По мнению правительства, закон разрешал печатать думские стенограммы целиком, без

каких-либо изъятий, сокращений и пересказов. Нет необходимости доказывать, что подобное толкование закона делало невозможным печатание отчетов о заседаниях Думы практически для всех газет.

Вехами на пути «левения» помещицье-буржуазного либерализма во вторую сессию явились три события: ноябрьская конференция октябристов, реакция думских либералов на «дело Чхеидзе» и бюджетные прения.

Октябристская конференция их соседями слева ожидалась с большим нетерпением. Она должна была дать окончательный ответ на все тот же «проклятый» вопрос о способности октябристов пойти на создание пресловутого «прогрессивного блока». Преобладало, как мы помним, оптимистическое настроение, особенно у «левых» октябристов и прогрессистов. «Вопрос: быть или не быть прогрессивному большинству в 4-й Думе — решится на ноябрьском съезде октябристов в Петербурге, — писала прогрессистская газета „Утро России“.— И, судя по нынешнему оппозиционному настроению виднейших членов октябристской партии, решится он в положительном смысле»¹¹⁵.

Доклад Гучкова явился, несомненно, центральным событием на конференции октябристов, длившейся с 7 по 10 ноября 1913 г. Он представляет собой любопытный документ, характеризующий не только потенции октябризма, но и его психологию. Доклад был озаглавлен: «Общее политическое положение и Союз 17 октября»¹¹⁶ — и соответственно этому представлял собой итоговый анализ деятельности партии, ее политики и тактики, за все время существования.

Центральной задачей конференции, начал свою речь Гучков, является вопрос о том, «какова должна быть тактика Союза». «Найти и обосновать» новую тактику, «утвердить ее как категорический императив дальнейшей политической работы для всех органов нашей партии—это является ближайшей и важнейшей задачей нашего совещания».

Далее подробно излагалась старая тактика и объяснялись причины ее неудачи: «В борьбе со смутой, в момент смертельной опасности для русской государственности, октябристы решительно стали на сторону власти, которая целым рядом торжественных заверений, исходивших от верховной власти, заявила о своей готовности на самые широкие либеральные реформы». Таким образом, «октябризм явился молчаливым, но торжественным договором между исторической властью и русским обществом, договором... о взаимной лояльности». Впервые за всю русскую историю власть и общество «сблизились и пошли одной дорогой». «В этом акте примирения выдающуюся роль сыграл П. А. Столыпин».

Все, казалось, предвещало участникам молчаливого договора славное историческое будущее. Революционное движение было «раздавлено», оно потеряло «общественные симпатии». В силу этого лишались оправдания «эксцессы власти. Власть, думалось, прозрела... Словом, открывалась новая эра». Но в дело вмешались «бывшие люди», люди «отжившего государственного строя».

«дворцовая камарилья». «Эти безответственные, внеправительственные и сверхправительственные, а в данном случае и антиправительственные течения» быстро захватили вновь свои покинутые позиции. «Официальными оплотами реакции стали, как вы знаете, правое крыло Государственного совета и организация объединенного дворянства».

Важно отметить, что, ругая эти организации, Гучков не только отделял от них бюрократию и дворянство как таковые, но и всячески восхвалял их. «Было бы ошибочно думать,—говорил докладчик,—что эти органы являются сколько-нибудь верными показателями господствующих настроений среди русского дворянства и высшей русской бюрократии... Русское дворянство... в своем преобладающем большинстве есть, несомненно, элемент прогресса. Значительно преувеличена также легенда об оторванности русской бюрократии, ее отчужденности от общественных настроений и народных нужд». Среди бюрократии «немало даровитых людей, которые с радостью несли свой громадный государственный опыт на служение... великим задачам».

Подробно изложив историю падения Столыпина и указав на процесс усиления власти камарильи за счет «объединенного кабинета», Гучков заключал: «Мы возвращались к традициям личного режима с его худшими аксессуарами»: «Борьба, в которой изнемог такой исполин, как Столыпин, конечно, оказалась уже совсем не по плечу его преемникам». Их линия поведения—«съежиться», «казаться маленьким», удерживаться у власти «ценою самоупражнения. И правительство упразднило себя, правительство капитулировало по всей линии».

Результаты победы реакции сказались очень скоро: «Иссякло государственное творчество. Глубокий паралич сковал правительственную власть... Государственный корабль потерял всякий курс... Никогда авторитет правительственной власти не падал так низко». Она не способна «внушить к себе даже страха». Возникает, естественно, вопрос: к чему ведет переживаемый «тяжелый кризис»? Ответ Гучкова гласил: «К неизбежной, тяжелой катастрофе. На таком общем прогнозе сходятся все, люди самых противоположных политических верований, самых разнообразных общественных групп, с редким, небывалым единодушием».

Таким образом, признал Гучков, попытка октябризма потерпела неудачу. Но был ли в таком случае октябризм «исторической ошибкой»? Докладчик, разумеется, дает на этот вопрос отрицательный ответ, доказывая, что «общество» обязано было оказать правительству поддержку, раз, казалось, оно искренно стало на путь преобразований. Но теперь, после полученных уроков, дальнейшее сотрудничество октябристов с властью «было бы ничем не оправдываемой ошибкой». Теперь политическая обстановка в корне изменилась: «Мы стоим лицом к лицу уже не с той властью, с которой мы договаривались. Договор уже не нарушен, а разорван». Что же делать дальше, ставил Гучков главный вопрос. «Что же должно делать русское общество перед лицом этой опас-

ности, угрожающей уже не тем или иным реформам, а самой реформе, ее жизненному центру, идее народного представительства?» Что можно и должно делать? «Покорность» и «малодушные уступки» были бы «политическим самоубийством народного представительства, крушением самой его идеи в народном сознании» Дума должна перейти в наступление. «Во имя долгожданной политической свободы, в защиту конституционного принципа. в борьбе за реформы должны быть использованы все легальные средства парламентской борьбы: свобода парламентского слова. авторитет думской трибуны, право запросов, право отклонять законопроекты и прежде всего бюджетные права, право отклонять кредиты». «Теперь мы должны заявить, что нашему терпению пришел конец одновременно с нашей верой»

Ответ был дан, но вождю октябристов предстояло ответить еще на один вопрос: как быть с «прогрессивным блоком». потому что без его создания шага, предлагавшиеся Гучковым, были пустой мелодекламацией. Гучков дал, по существу, отрицательный ответ, и не столько сам ответ, как его форма, показывает полную политическую несостоятельность октябристского либерализма. Октябризм, заявил он, «примет всякую помощь. Но общность опасности и общность противника, сходство в тактических приемах. рассчитанных на данный момент, не могут лишить октябризм его самостоятельного характера». «Общность тактики данного момента не будет в состоянии преодолеть и даже прикрыть тех точек различия... которые отделяют октябризм от других русских общественных течений и дают ему свое важное и самостоятельное место в общей экономике русских политических партий». Гучков намеренно сформулировал последнюю мысль в туманных выражениях, но всем было ясно, что имел он в виду кадетов. А если еще принять во внимание его слова о том, что октябристы примут «всякую помощь», следовательно и «помощь» националистов, то совершенно очевидно, что лидер октябристов предлагал сохранить за своей партией ее прежнюю роль качающегося маятника с той же амплитудой колебаний — от националистов до кадетов.

Концовка речи также убеждала в этом. Она показывала, что, несмотря на все грозные слова в адрес правительства, октябристы по-прежнему в действительности рассчитывали только на него. И сами эти слова в конечном итоге имели целью в очередной раз испугать «верхи» угрозой перехода в оппозицию в обстановке углубляющегося общенационального кризиса. «Будет ли услышан наш голос?— патетически восклицал Гучков.— Дойдет ли наш крик предостережения до тех высот, где решаются судьбы России? Заразим ли мы власть нашей мучительной тревогой? Выведем ли мы ее из состояния того сомнамбулизма, которым она охвачена? Хотелось бы верить. Во всяком случае, это наш последний шанс для мирного исхода из кризиса. Пусть не заблуждаются относительно народных настроений, пусть не убаюкиваются внешними признаками спокойствия... Историческая драма, которую мы переживаем, заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монар-

хию против тех, кто является естественным защитником монархического начала; мы вынуждены отстаивать церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти против носителей этой власти»¹¹⁷

Резолюция, принятая октябристской конференцией, состояла из десяти пунктов. Первые восемь пунктов выражали политические претензии октябристов. Пункт первый требовал «незыблемости начал конституционного строя и основ гражданской свободы», во втором пункте «объединенному общностью целей» правительству предлагалось в основу своих отношений к Думе положить идею «высокого авторитета народного представительства». В последующих пунктах указывалось, что правительство обязано сделать так, чтобы Государственный совет не являлся тормозом законодательной деятельности; провести в жизнь законы, «обеспечивающие свободу совести, печати, собраний, союзов и личную неприкосновенность»; принять меры к тому, чтобы администрация подчинялась законам и несла ответственность за их нарушение; снять исключительные положения, «сохранение коих не вызывается современным состоянием страны», устранить всякое вмешательство властей в выборы. Девятый пункт в обоснование первых восьми ссылался на ряд «государственных актов» государственной власти, «и прежде всего» на манифест 17 октября. Последний, десятый пункт, констатируя полную несовместимость политики правительства с перечисленными требованиями, обязывал фракцию применить все «законные» средства борьбы с целью осуществления «начал», возведенных в манифесте 17 октября. Десятый пункт гласил: констатируя, что «настоящее правительство и современный правительственный курс являются в полном противоречии с возведенными в манифесте новыми началами государственной и общественной жизни, и теряя веру в желание правительства выполнить непреклонную волю монарха, выраженную в манифесте 17 октября, и с тревогою свидетельствуя о развивающемся разладе власти с обществом и органами самоуправления, а также о появлении в стране грозных признаков ропота и недовольства, питающих революционное настроение, [совещание] признает:

1) что Союзу 17 октября через посредство всех его органов и отдельных членов надлежит содействовать всеми законными способами к неуклонному и незамедлительному проведению указанных начал в русскую жизнь и 2) что парламентской фракции Союза 17 октября, как его органу, наиболее вооруженному средствами воздействия, надлежит взять на себя неуклонную борьбу с вредными и опасными направлениями правительственной политики», для чего ею «должны быть использованы в полной мере все законные способы парламентской борьбы, как-то: свобода парламентской трибуны, право запросов, отклонения законопроектов и отказ в кредитах».

Симптоматичной была заключительная фраза резолюции: «Ответственная работа и тяжелая борьба, ожидающие парламентскую фракцию, требуют от нее наивысшего напряжения сил, полной

согласованности в ее действиях и сплоченности ее рядов»¹¹⁸.

Свой брат прогрессист сразу же обнаружил все слабости и хитрости гучковской речи и резолюции конференции. Прежде всего было констатировано главное—отказ октябристов войти в «прогрессивный блок». «Но А. И. Гучков не решается почему-то облечь оппозиционность октябристского настроения в конкретную форму тактического соглашения с более левыми фракциями»,—писал некий И. Оскольский в статье, озаглавленной «А. И. Гучков». «В гучковской речи, — метко заметил он, —слишком много „правительства“ и слишком мало „народного представительства“»¹¹⁹.

Эта же мысль развивалась в редакционной статье «Обновление России». «Они пишут в своей резолюции: „теряя веру“, а не „потеряв веру“. И в этой этимологической детали кроется определенное указание на еще не совсем будто бы утраченную возможность сближения с правительством, на возможность восстановления при известных условиях нарушенного „сожительства“ и веры, которая сейчас „теряется“»¹²⁰. К этому очень верному и меткому замечанию следует добавить, что не только указанная «этимологическая тонкость», но и все содержание и тональность как выступления Гучкова, так и принятой резолюции свидетельствовали об этой затаенной надежде, что подлинный, глубинный смысл всей затеи с конференцией состоял в том, чтобы восстановить утраченный союз, заключить новый «молчаливый договор».

Сердитая реакция гучковского официоза на критику своих соседей слева лучше всего доказывает, что стрела попала в цель. «Партии, стоящие левее октябристов, — парировала газета в редакционной статье „Конференция октябристов“, —обыкновенно упрекают их за нежелание поддерживать некоторые предложения, выходящие из недр радикальной оппозиции. Им хотелось бы подчинить октябристскую фракцию своему влиянию, и всякая неудача в этом направлении объясняется как отказ октябристов от своих заявлений. Но совершенно правильно отметил в своей речи А. И. Гучков, что общая тактика „не может переделать и даже прикрыть границу, отделяющую октябризм от других общественных течений“ Общность тактики не есть общность программных вопросов, и в отношении своей программы Союз 17 октября сохраняет полную самостоятельность»¹²¹.

Но газета хитрила: дело было как раз в отказе октябристов от «общей тактики», а не в защите своей программы от мнимых покушений, и в следующей редакционной статье «Резолюция конференции октябристов» она была вынуждена это признать. «На петербургскую конференцию,—говорилось в ней,—съехались не митинговые ораторы... Конференция Союза 17 октября явилась выразительницей мнения либеральных имущественных классов, вовсе не склонных увлекаться крайностями радикализма. Ее членами были люди, занимающие крупное общественное положение, которые не привыкли „бросать слов на ветер“. Словом, это были как раз те элементы, которые составляют основу каждого буржуаз-

ного государства». Суть дела содержалась в последней фразе: «Из резолюции петербургской конференции Союза 17 октября правительство должно увидеть, что от него ушли даже те общественные круги, опираться на которые было бы вполне естественно, и вернуть их можно только ценой перемены политического курса»¹²²

Весьма ядовито и метко октябристские претензии и октябристскую несостоятельность высмеял Меньшиков в статье «Третья оппозиция». Речь Гучкова превосходна по стилю, писал он, «но вот вопрос: будет ли эта красивая речь иметь реальное политическое значение? Весьма в этом сомневаюсь» Далее он разоблачал основной тезис речи Гучкова о якобы нарушенном договоре: «Имущим классам было что терять и было что защищать—вот причина, заставившая октябризм искать союза с властью. Тут было не одно доверие к власти, а и желание общими силами отстоять от разгрома свое собственное имущество и положение». Оппозиционные угрозы октябристов Меньшиков квалифицировал как жалкие и смешные¹²³

Финал, последовавший за октябристской конференцией, был закономерен. Большая часть фракции отказалась признать для себя резолюцию конференции обязательной—она согласилась принять ее лишь «к сведению», а не «к руководству», на чем настаивали «левые» октябристы. Произошел раскол фракции на три неравные части: правую, «левую» и центральную.

Если конференция октябристов и последовавший за ней раскол думской фракции весьма наглядно продемонстрировали меру и характер октябристской оппозиционности, то «дело Чхеидзе» явилось прекрасным оселком, на котором была испытана оппозиционность кадетская.

На привлечение Чхеидзе к суду Дума ответила принятием законопроекта, устанавливающего полную безнаказанность депутатов за произносимые ими с думской трибуны речи. Но главный интерес состоял не в нем, а в перипетиях, связанных с его разработкой, обсуждением и принятием.

Сущность законодательного предположения прогрессистов раскрывается в его заголовке—«Об установлении безответственности членов Гос. думы и членов Гос. совета по выборам и об изменении ст. 14 Учр. Гос. думы». На повестку дня Думы оно попало 5 ноября 1913 г «Цель настоящего законодательного предположения,—заявил оратор прогрессистов А. М. Масленников,—установить такой порядок, при котором члены Думы не подлежали бы привлечению к ответственности ни со стороны органов власти, ни со стороны частных лиц за те словесные правонарушения, которые ими могут быть сделаны при исполнении своих обязанностей»¹²⁴

Выступивший вслед за Масленниковым товарищ министра юстиции А. Н. Веревкин заявил, что внесенное законодательное предположение правительство признает неприемлемым и поэтому «отказывается принять на себя разработку соответствующего законопроекта»¹²⁵ Желательность разработки законодательного пред-

положения прогрессистов была принята Думой 8 ноября 1913 г. большинством в 129 голосов против 62 (крайних правых и националистов) ¹²⁶.

Далее события развивались следующим образом. 21 апреля 1914 г., за день до начала обсуждения бюджета, поступило два заявления за подписями 58 и 46 членов Думы. Первое предлагало Думе «в отмену состоявшегося постановления» назначить следующее заседание Думы для рассмотрения только законодательного предположения прогрессистов, «поручив судебной комиссии представить к этому дню письменный доклад». Второе шло гораздо дальше. В нем предлагалось не приступать к рассмотрению бюджета «ранее, чем получит силу закона законодательное предположение об установлении свободы слова депутатов, находящееся ныне на рассмотрении судебной комиссии» ¹²⁷.

Первое предложение защищал И. Н. Ефремов. Перечислив уже известный нам «целый ряд систематически и планомерно построенных действий правительства», умаляющих «права народного представительства», он выделил особенно «дело Чхеидзе» и призвал Думу голосовать за предложение прогрессистов ¹²⁸. Ему возражал Пуришквич. Сводить счеты с правительством на бюджете— «это не ошибка, не промах, — заявил он, — это государственное преступление». «Мы видим,—неистовствовал лидер черносотенцев, — как Государственная дума... обращается в место митинговых речей,—в место, откуда подстрекается население — одна часть его к забастовке, другая к революционным выступлениям, и это при безнаказанности ораторов, которые говорят с трибуны Государственной думы... Конечно, слово должно быть свободно..., но чистое (!) благородное (!) слово... а не призывающее все классы общества, особенно низшие, некультурные, к революционным выступлениям...» ¹²⁹.

От имени фракции «центра» против заявления 58 выступил М. И. Коваленко. Если учесть, что между «центром» и националистами разница была чисто иллюзорная, его мотивировка выглядит довольно любопытно. «Я согласен с представителями левых партий,—заявил Коваленко, — что правительство в вопросе разъяснения законодательных прав Думы было не право. Также разделяю вполне мнение, что привлечение члена Государственной думы Чхеидзе к ответственности неправильно, но тем не менее я совершенно не могу стать на ту точку зрения в отношении бюджета, на которую нас толкают представители левых партий». Ибо подобной тактикой они на самом деле «желают во что бы то ни стало прекратить существование четвертой Думы» ¹³⁰.

От имени судебной комиссии выступил против обоих предложений оппозиции Г. В. Скоропадский, мотивируя сложностью вопроса. Сложность заключалась в том, что, с одной стороны, «нужно действительно гарантировать депутатам возможность свободно говорить с этой трибуны... но, с другой стороны... необходимо не допускать, чтобы ораторы могли с этой трибуны призывать население к бунту, к ниспровержению существующего государст-

венного строя...». Кроме того, сама постановка вопроса оппозицией принципиально недопустима. «Наш долг» не только «не тормозить рассмотрение бюджета, а возможно с ним спешить»¹³¹.

Второе предложение защищал Милюков. Оно, пояснил он, «внесено нами на тот случай, если первое не будет вами принято». Особенно он подчеркнул, что предложение сделано всей оппозицией, включая самый левый фланг (первыми подписавшими его были Милюков, Чхеидзе и Керенский). «Я прежде всего укажу, что второе предложение внесено всеми прогрессивными группами, начиная с социал-демократов и кончая прогрессистами...». Если «дело Чхеидзе», мотивировал далее Милюков заявление 46, будет Думой обойдено молчанием, то она будет существовать, «потерявши смысл существования». «Поэтому, раз вызов брошен, мы его принимаем, мы принимаем его в той единственной форме, которая достойна народного представительства... Раз посягают на наши основные элементарные привилегии, мы считаем себя вправе воспользоваться нашим основным элементарным правом, правом „кошелька“, правом ассигнования кредитов». Заключительные слова, как и положено кадетам, были обращены к октябристам: «Результаты этого голосования дадут нам возможность показать стране, где проходит черта между искренними и последовательными конституционалистами, которые не останавливаются перед практическим осуществлением своего принципа, и теми, которые себя называют так ложно или вообще такими не состоят»¹³².

Голосование дало следующие результаты. Против первого предложения голосовало 157 человек, за—99, воздержалось—4. Второе предложение было отвергнуто 164 голосами против 80 голосовавших за при 18 воздержавшихся¹³³. Любопытно, что в числе этих 18 были прогрессист В. А. Ржевский, один из лидеров своей фракции, и кадеты В. А. Маклаков и М. В. Челноков¹³⁴.

На другой день, 22 апреля, последовал взрыв. В 11 час. 20 мин. Родзянко открыл 62-е заседание Думы. Снова, в порядке 129-й статьи Наказа, председатель огласил заявление за подписью 30 членов Думы, предлагавшее «отложить обсуждение» поставленных на повестку дня вопросов «впредь до того, как законодательное предположение о свободе депутатского слова не получит силу закона»¹³⁵. Предложение в точности повторяло заявление 46, но разница заключалась в том, что внесено оно было на этот раз только левыми фракциями—социал-демократами и трудовиками, без участия кадетов. Таким образом, «объединенной оппозиции» по этому вопросу уже не существовало. В защиту заявления 30 выступили Чхеидзе и Малиновский. Первый был лишен слова председателем через несколько минут (после слов о том, что «во главе правительства очутились аферисты и авантюристы всякого рода»). Перед этим Чхеидзе специально упомянул о «демократической республике»¹³⁶.

Р. В. Малиновский договорил свою речь до конца. «Правительственная власть» отлично знает, заявил он, что для нее «самые опасные речи, подрывающие в самом корне современный ре-

жим»,—это речи левых депутатов¹³⁷. Кадеты молчали. От имени трудовиков кн. В. Л. Геловани заявил: «Перчатка брошена; эту перчатку подымаем мы, левые депутаты, и что бы нам эта борьба ни стоила... мы не уступим и никакие... статьи не заставят нас замолчать...». Предложение 30 было отвергнуто 140 голосами против 76¹³⁸.

На трибуну, согласно повестке, поднялся докладчик бюджетной комиссии В. А. Ржевский. После того как он окончил свой доклад, развернулись главные события. Несколько неожиданно для депутатов на трибуну вместо нового министра финансов П. Л. Барка поднялся новый премьер И. Л. Горемыкин, пожелавший, как объявил председатель, «сделать разъяснение». В ответ социал-демократы и трудовики начали обструкцию. Криком и стуком пюпитров левые депутаты не давали говорить главе правительства. Призывы председателя прекратить шум и не нарушать «благопристойности» думского заседания не возымели действия, и тогда он предложил «подвергнуть высшей степени наказания», т. е. исключению на 15 заседаний, тех депутатов, которых он по очереди будет называть.

Первым был назван М. И. Скобелев. По Наказу он имел право на пятиминутную речь. После слов: «семь лет вы приспособлялись к правительству кровавых капризов»—он был лишен председателем слова, а затем исключен на 15 заседаний. (А. И. Шингарев с места воскликнул: «Мы воздерживаемся»)¹³⁹. Потом последовало исключение трудовика А. С. Суханова, социал-демократов В. И. Хаустова и И. Н. Тулякова, большевика М. К. Муранова. Последний начал свою речь словами: «Несмотря на то, что сейчас меня исключают на 15 заседаний, я все же и впредь буду отстаивать с честью свободу слова с думской трибуны, не так, как ее отстаивают, например, кадеты и прогрессисты». Вчера они вместе с социал-демократией внесли заявление о необсуждении бюджета, пока не будет принят законопроект о свободе депутатского слова, а сегодня «голосуют... за наше исключение...». Далее Муранов заявил, что, выполняя волю своих избирателей, он будет защищать то, что «они считают необходимым»,—республиканский строй¹⁴⁰. Вслед за ним были исключены Малиновский и А. И. Чхенкели. Последний отказался покинуть зал, и М. В. Родзянко вынужден был объявить перерыв и потребовать от думского пристава «принять предусмотренные законом меры», т. е. вывести Чхенкели из зала заседаний силой. По возобновлении заседания обструкция возобновилась, и исключению подверглись В. Л. Геловани, А. Ф. Керенский и Г. И. Петровский. Последние два также отказались покинуть добровольно зал. Петровский к тому же был лишен слова за фразу о торжествующих тиранах. Пришлось снова объявить перерыв, чтобы пристав смог «применить указанные законом меры»¹⁴¹.

Едва успел Горемыкин произнести: «Гг. члены Государственной думы», как Родзянко пришлось поставить вопрос об исключении на 15 заседаний новой группы депутатов. Исключению подверглись трудовики В. И. Дзюбинский и М. С. Рыслев, социал-де-

мократы Чхеидзе, Н. Р. Шагов и И. Н. Маньков. Они также не пожелали добровольно выйти из зала, и Родзянко устроил еще один перерыв и снова попросил пристава «исполнить свой приставский долг»¹⁴²

Но и в третий раз председателю Совета министров пришлось сойти с кафедры, не успев начать свою речь. И лишь после того, как были исключены последние обструкционисты (трудовики Н. О. Янушкевич, Ф. О. Кейнис и Д. Д. Старлычанов и социал-демократы Е. И. Ягелло и А. Ф. Бурьянов), Горемыкин, взойдя на кафедру в четвертый раз, смог наконец сделать свое «разъяснение»¹⁴³

Обструкция социал-демократов и трудовиков произвела огромное впечатление в стране и Думе. Известный нам чиновник думской канцелярии Алексеев писал на другой день: «Вчерашнее заседание Думы было в высокой степени знаменательным. Тактика левых, которая вначале сердила и смешила большинство, в результате заставила их (т. е. большинство.—А. А.) призадуматься, а появление в зале чинов охраны произвело самое тяжелое впечатление и на более толстокожих»¹⁴⁴.

В стране резонанс был очень велик. Сочувствие обструкционистам выразил прежде всего рабочий класс. На другой день, 23 апреля, в Пестербурге начались первые забастовки протеста. 24 апреля бастовало уже свыше 50 тыс. человек, а всего в стачках протеста приняло участие около 80 тыс. рабочих. Забастовка затем перекинулась в Москву¹⁴⁵

Обструкция послужила исходным моментом большого морально-политического поражения кадетов. Во-первых, стране очень наглядно была продемонстрирована сущность и мера кадетского «демократизма». Во-вторых, и это главное, не только провалилась попытка кадетов повести за собой левые фракции, но полностью восторжествовала тактика «левого блока».

Значение события 22 апреля, указывал В. И. Ленин, состоит в том, что, будучи отражением и выражением политического кризиса, оно очень действенно политически просвещает народ. «Всякий политический кризис,— писал В. И. Ленин по этому поводу,— независимо от его исхода, приносит пользу тоже тем, что делает тайное явным, вскрывает действующие в политике силы, разоблачает обманы и самообманы, фразы и фикции, показывает наглядно и вбивает, так сказать, насильно в головы „то, что есть“». В частности, было «вбито в голову» что «голосовали за это исключение правые и октябристы *плюс часть прогрессистов*, т. е. буржуазных либералов, находящихся в теснейшем, фактически неразрывном, союзе с кадетами.

Кадеты воздерживались!!! Это воздержание партии, претендующей на демократизм, превосходно обнаружило — далеко не в первый раз — истинную природу либерализма господ кадетов.. Господа „вожди“ либеральной оппозиции *воздерживаются!!* Какие бы моря чернил ни были изведены после этого либералами и кадетами для сочинения софизмов и уверток. вроде того. что мы-де не

одобряли лишь „форму“ выступлений с.-д. и т. п., суть дела останется ясной для всякого, не желающего себя обманывать чело века.

Воздержаться, когда Горемыкин, Родзянко и их большинство исключало демократических депутатов, значило фактически поддерживать своим молчанием, нравственно одобрять, политически подкреплять Горемыкина и Родзянко и их большинство»¹⁴⁶

В другой статье, характеризуя «современное политическое положение», В. И. Ленин подчеркивал, что оно «знаменуется особенно ясной и отчетливой обрисовкой „левого блока“, т. е. совместных действий пролетарской и буржуазной демократии (трудовики и ликвидаторы) как против Пуршкевичей, так и против предательского буржуазного либерализма. Обструкция левых в Думе и исключение с.-д. и трудовиков голосами правых, октябристов и части прогрессистов, при *воздержании* кадетов, наглядно показали этот „левый блок“. Пролетарская демократия ни на йоту не ослабила своей самостоятельности и не отступила от своей пролетарской, правдистской линии. Поддержали эту линию против либералов только трудовики и ликвидаторы, хотя и те и другие нередко колеблются в пользу либералов»¹⁴⁷.

Действительно, кадетам пришлось извести море чернил и слов, чтобы попытаться выйти из того трудного положения, в которое завела их тактика «воздерживания». Их положение очень напоминало ситуацию, в какую они попали в начале деятельности III Думы, когда кадетская фракция, по сигналу Милюкова, встала и начала аплодировать вместе с правыми и октябристами Столыпину, которого «оскорбил» не кто иной, как Ф. И. Родичев, сгоряча выпаливший слова о «столыпинских галстуках» (т. е. о виселицах), а потом извинявшийся перед Столыпиным с думской трибуны. Тогда с осуждением этого шага выступила почти вся кадетская периферия и даже несколько членов кадетского ЦК. Нечто подобное произошло и на этот раз, с той только разницей, что недовольных было больше и осуждение приняло более резкие формы.

Веховца Изгоева подобная реакция привела в ярость и отчаяние. «И когда прогрессивная печать на события 22 апреля ответила совершенно истерическим припадком кадетоедства, — негодовал он, — то этот факт по своему общественному значению во много раз превышает значение самой обструкции». И «Русское слово», и «День», и «Одесские новости», и «Киевская мысль», и др., писал он далее, — «все типично буржуазные прогрессивные издания, на самом деле ни в какой органической связи с боевыми крайними левыми силами не состоящие». Поэтому «их бессмысленное кадетоедство — чистейший продукт политической безответственности. Люди отлично знают, что никакого серьезного только выступления они не поддержат и все же „толкают“. Только недостатком политической зрелости можно объяснить успех такого рода публицистики»¹⁴⁸.

На самом деле «недостаток политической зрелости» в своих

оценках проявил именно Изгоев, никак не могший взять в толк, что если заведомо умеренные, действительно не способные ни на какие крайние выступления издания начинают говорить таким языком, то это означает наличие в стране такого политического положения, которое делает глупыми и смешными все политические рекомендации и призывы П. Б. Струве, А. С. Изгоева и К^о добиваться «реформ» нравственным воздействием на власть, путем ее «оздоровления».

Негодовали не только «Одесские новости» и «Киевская мысль». Осудили тактику своей фракции Одесский и Киевский комитеты кадетской партии.

«Прием обструкции, — оправдывала поведение кадетов «Речь», — будучи крайним приемом, тем не менее не может считаться приемом непарламентским». Но это не значит, что этот прием приемлем для остальной оппозиции. С ее точки зрения, жертвы, которые понесли при этом левые, являются «чрезмерными и несвоевременными», а именно: они лишили себя на две с половиной недели возможности принимать участие в бюджетных прениях. В заключение газета противопоставляла тактике обструкции «блестящую» бюджетную речь А. И. Шингарева, имевшую подлинный успех в отличие от бесплодной и ненужной демонстрации левых¹⁴⁹. Беспрецедентная политическая пошлость этой передовой свидетельствует о том, что кадетские вожди не успели еще понять и оценить подлинную реакцию на их поведение не только в стране, но и в собственной партии.

А. И. Шингарев в начале своей бюджетной речи, с которой он, как обычно, выступил сразу же после Барка, также осудил обструкцию с позиции самого жалкого филистерства. «Метод крайний... обструкция может... стать на очередь для любой политической партии в тот или другой политический момент, — заявил он. — Сегодня, однако, мы не считали этот метод борьбы для себя подходящим, необходимым или целесообразным». Почему же? Потому что «такого рода борьба распространяется не только на правительство... но это есть борьба и с большинством Государственной думы». А это большинство пока никаких неприемлемых решений для кадетов не приняло, и, следовательно, «бороться обструкцией» против него «нам казалось нецелесообразным, почему мы от этой борьбы уклонились. (*Голос справа*: «Хорошо сделали».)»¹⁵⁰.

Однако спустя несколько дней от поучительного тона уже мало что осталось. Основным мотивом стали жалобы на непонимание, травлю, несправедливость и прочие нехорошие поступки со стороны критиков кадетской позиции. Разговоры о «предательстве», «несмываемом пятне», «понтиях пилатах», «влияниях»... «Но откуда эта сила обиды? — с деланым недоумением вопрошала «Речь». — К сожалению, это плоды все той же непривычки к парламентской борьбе, которая сгубила движение 1905—1906 годов, той же потребности в сильных мерах, исход которых неясен и рискован, того же неумения рассчитывать тактику дальше впе-

чатления минуты и сегодняшнего дня. И это грозный признак, поскольку он опять грозит сделать невозможной последовательную, выдержанную, систематическую парламентскую тактику, не поддающуюся самовнушениям и традиционным формам политического гипноза»¹⁵¹.

Эта тирада замечательна тем, что на все сто процентов не соответствует действительности, называя черное белым и белое черным. На самом деле близорукой и сиюминутной тактикой, совершенно бесплодной и бесперспективной, продиктованной именно чувством, а не политическим разумом, трусостью и политической мелкотравчатостью, была «выдержанная, систематическая парламентская тактика» кадетов и, наоборот, дальновидной, действенной, масштабной была «неумелая», «нерасчетливая» тактика левых. Реакция страны на обе эти тактики, в том числе и реакция внутри самой кадетской партии, доказала это самым убедительным образом.

В своем фракционном отчете кадеты были вынуждены признать, что впечатление от обструкции 22 апреля в стране получилось гораздо сильнее, чем в Думе. Из рядов самой кадетской партии раздалось обвинение в адрес фракции. Петербургский, Московский, Киевский, Одесский и другие комитеты «заялись разбором этого вопроса». Только Петербургский комитет одобрил позицию фракции. Второй вынес осуждение в мягкой форме, а третий и особенно четвертый осудили фракцию «в очень резких выражениях». «Очевидно, сильный жест левых... показался многообещающим началом чего-то нового и решающего — того самого, что так давно и бесплодно ждали. И „воздержание“ фракции при таком понимании представлялось чуть ли не изменой делу свободы — в особенности после того, как только что обсуждалась (на кадетской конференции. — А. А.) необходимость более активной тактики»¹⁵².

Даже газета П. П. Рябушинского осудила поведение кадетов и прогрессистов 22 апреля. «Умеренная оппозиция» вела себя плохо и недостойно — вот ее вывод. «Крайние элементы оппозиции осуществили свой протест в резкой, некультурной форме. Более культурные формы были в распоряжении умеренной оппозиции. Но они не использовали их. Они не решились даже покинуть зал заседаний перед выступлением министров (Горемыкина и Барка. — А. А.), несмотря на то что подобная демонстрация протеста вполне соответствовала бы тому настроению, которым за сутки перед тем, казалось, была воодушевлена умеренная часть думской оппозиции»¹⁵³.

Как показали дальнейшие события, обструкция 22 апреля привела к резкому усилению напряженности в Думе, обострению противоречий между фракциями думского большинства вообще, между октябристами и прогрессистско-кадетской оппозицией в особенности.

13 мая произошел инцидент, положивший начало кризису думского президиума. Во время речи по смете Министерства

юстиции правый октябрист Н. П. Шубинский совершенно сознательно и хладнокровно спровоцировал крупный скандал. В свое время газета «Земщина» выступила со статьей, в которой доказывала, что «Речь» получает огромные суммы из Финляндии, которые идут на содержание кадетской партии. «Речь» привлекла С. К. Глинку-Янчевского к суду, обвиняя редактора «Земщины» в клевете. За несколько дней до выступления Шубинского состоялся судебный процесс, который, как и следовало ожидать, окончился полным оправданием «Земщины». Этим фактом и воспользовался Шубинский.

Взяв под защиту одну из самых гнусных черносотенных организаций — киевский «Двуглавый орел», он выразил притворное удивление по поводу якобы совершенно несправедливой критики в его адрес. «Вот, если бы вы обнаружили, что у „Двуглавого орла“ есть своя контора, что в этой конторе есть конторщик или метранпаж, на имя которого пачками переводятся откуда-нибудь громадные денежные суммы...». Намек был достаточно прозрачен (правые встретили его аплодисментами и криками «Браво»); оратора прервал Милюков, закричавший: «Мерзавец». В ответ Пуришкевич завопил, что Милюков — «Скотина, сволочь, битая по морде». Шубинский в свою очередь отпарировал: «Плюю на мерзавца». Дальше последовала реплика Керенского в адрес того же Шубинского: «Наглый лгун», возглас Милюкова: «Негодяй», реплика Пуришкевича: «Шубинский, bravo»¹⁵⁴.

Председательствовавший А. И. Коновалов предложил всех четырех за употребление непарламентских выражений исключить на одно заседание. И вот тут-то произошел казус: Милюков, Керенский и Пуришкевич были исключены, а исключение Шубинского было отклонено 108 голосами против 90. При повторном голосовании результат был таков: за исключение — 108 голосов, против — 111, воздержавшихся — 10. Был объявлен перерыв, и по возобновлении заседания Родзянко огласил заявление Коновалова на его имя: «Имею честь довести до вашего сведения, что я слагаю с себя звание товарища председателя Государственной думы»¹⁵⁵. После этого Шубинский закончил свою речь, причем «члены Государственной думы, занимающие места слева», как было сказано в стенограмме, покинули зал заседания и вернулись после того, как Шубинский сошел с кафедры. В какой-то мере результат голосования в отношении Шубинского, как показывают цифры, был случайным. Но главное все-таки состояло в том, что против предложения председательствующего демонстративно проголосовала часть октябристов, голосами которых он был избран. Тем самым Коновалов был вынужден поставить вопрос о доверии, т. е. о переизбрании тем же октябристско-кадетским большинством.

Вначале Коновалов свое согласие на переизбрание ничем не обусловил. Но затем фракция прогрессистов связала этот вопрос со своим законопроектом о свободе депутатского слова, который никак не мог стать законом из-за явного саботажа октябристов;

Коновалов давал свое согласие снова баллотироваться при условии, что одновременно будет принят указанный законопроект. Взяв слово по мотивам голосования, когда, согласно повестке дня, дело дошло до выборов товарища председателя, лидер фракции И. Н. Ефремов выступил со следующим заявлением: «Считая, что вопрос о безусловной свободе слова с трибуны Государственной думы есть вопрос самого существования законодательного собрания... что последние покушения правительства на эту свободу... выдвинули на первую очередь вопрос о безответственности депутатов... и сделали охрану этой свободы первой обязанностью Думы и ее президиума, но не находя возможным предъявлять какие бы то ни было требования по этому вопросу и оказывать влияние на исход выборов, назначенных на сегодня, фракция прогрессистов отказывается от активного и пассивного участия в этих выборах»¹⁵⁶.

После такого заявления кадетам ничего не оставалось другого, как присоединиться к нему, что и было сделано¹⁵⁷.

Это заявление означало, что октябристско-прогрессистско-кадетское соглашение о составе президиума, заключенное в начале первой сессии, разорвано. В силу этого Родзянко, второй товарищ председателя октябрист С. Т. Варун-Секрет и старший товарищ секретаря прогрессист В. А. Ржевский должны были последовать примеру Коновалова и подать в отставку. Вместо Коновалова был избран октябрист А. Д. Протопопов (203 — за, против — 11). Родзянко получил 217 избирательных шаров и 9 черных, Варун-Секрет — соответственно 205 и 21¹⁵⁸. Все трое были избраны правооктябристским большинством.

Таким образом, впервые за всю историю третьей думы был избран некоалиционный президиум; теперь он состоял только из одних октябристов, вернее, даже из одних земцев-октябристов (товарищи секретаря националисты А. Д. Зарин и В. П. Шейн и октябрист Н. И. Антонов не в счет, так как они не являлись членами президиума). Менее чем за месяц до конца второй сессии октябристско-кадетская часть Думы снова, в который раз, со всеми своими потугами на «левый центр» оказалась у разбитого корыта.

Президиум Думы, констатировала «Речь», теперь только октябристский. «Куда же пойдут октябристы? — задавался снова извечный вопрос. — Вправо идти им нельзя... Идти влево — как временное тактическое движение, за которым следует немедленное движение вправо для восстановления равновесия — это они понимают и практиковали давно». А вот уйти влево напостоянно? К этому не привыкли, но к этому «неизбежно толкает их ход событий»¹⁵⁹.

Октябристский вариант сказочки про белого бычка на этот раз звучал так. Вызов прогрессистов — связать выборы Коновалова с депутатским иммунитетом — «был безусловно ультиматум», заявил Родзянко. «Мы, земцы-октябристы, на срывание бюджета не пошли и не пойдем никогда...» Правые отдали свои голоса без

всяких условий, чтобы Дума могла «спокойно» закончить обсуждение бюджета. Октябристы сочли вправе принять это предложение, потому что соглашение нарушили не они, а оппозиция, и сделала она это еще 22 апреля, когда кадеты воздержались от голосования за исключение 21 депутата, а Коновалов покинул председательскую трибуну, чтобы подчеркнуть свое несогласие с большинством президиума¹⁶⁰.

Любопытно, что кадеты были далеко не в восторге от проявленной прогрессистами строптивости. Когда «левое большинство» дало свои первые плоды, сердито выговаривала передовая «Речи», «спрашивается... уместно ли в такой момент поднимать вопрос о дальнейшем существовании самого этого левого большинства?». Ведь голосование отдельных октябристов против исключения Шубинского «уже искуплено решением всей фракции (октябристов. — А. А.) и ее готовностью в полном составе поддерживать перевыбор А. И. Коновалова»¹⁶¹.

Без всякого энтузиазма демарш Коновалова был встречен и «Голосом Москвы». «Был простейший способ исправить случившееся недоразумение, — сетовала газета, — земцы-октябристы гарантировали переизбрание Коновалова». Отметив далее, что Протопопов, Родзянко и Варун-Секрет были избраны первым большинством, при воздержавшейся «оппозиции», газета меланхолически заключала: «Вот совершенно неожиданный результат напряженной двухлетней борьбы за... левое большинство... И исчезнувшее левоцентрированное большинство было так же непрочно и искусственно, как и новое правоцентрированное»¹⁶².

После того как октябристы так доблестно справились с прогрессистско-кадетским «ультиматумом», они наконец сочли возможным принять законопроект прогрессистов. 27 мая он был снова поставлен на повестку дня Думы и принят в трех обсуждениях. Все поправки крайних правых, внесенные Г. Г. Замысловским, были признаны не подлежащими голосованию¹⁶³, и законопроект практически был принят в том виде, в каком он был внесен прогрессистами.

Натолкнувшись на опасную гряду обструкции, с трудом обогнув риф «безответственности депутатского слова», получив несколько пробоин в «левом» борту, думский корабль пустился наконец в полуторамесячное плавание по беспокойному бюджетному морю. За все годы существования третьей Думы бюджетные прения весны 1914 г. были, несомненно, самыми бурными. Сразу же после доклада бюджетной комиссии они приняли политический характер.

Глава «левых» октябристов С. И. Шидловский следующим образом объяснил причину, побудившую его заговорить о политике, не дожидаясь, когда на очередь станет смета ведомства Маклакова: «Теперь мы дошли до того, что мои обвинения», которые раньше предъявлялись Министерству внутренних дел, «более уместно» предъявить правительству в целом»¹⁶⁴.

Шингарев тоже начал с заявления о том, что «в этом году

бюджет и бюджетные прения занимают особое, исключительно важное положение» прежде всего потому, что «общее политическое положение страны осложняется, обостряется до небывалой до сих пор степени, потрясая нормальное и спокойное развитие страны...»¹⁶⁵. Закончил он горячей филиппикой против правительства, оттолкнувшего от себя вся и всех — верующих, ученых, молодежь, общество, лишившего себя всякого авторитета в общественном мнении, и призывом не давать ему средств, т. е. встать на путь отвержения бюджета¹⁶⁶.

Тот же мотив развивал и Н. В. Некрасов. Охарактеризовав выступление Горемыкина как «разговор старого барина со своими дворовыми, — разговор ласковый, но разговор унижительный для тех, к кому с ним обращались», отметив «непримиримую вражду», которую питает к Думе реакция, он объяснял: «Вот та причина, почему неволью наши прения в нынешнем году соскользают на внутреннюю политику с вопросов бюджетных, вот почему в речи... Стемпковского (октябриста. — А. А.) не было, в сущности говоря, ни одного слова, посвященного бюджету, вот почему и мне в дальнейшем придется говорить не о бюджете в собственном смысле слова, а о той общей политике... которая определяет действительный баланс государства, его положение в мировой системе»¹⁶⁷. Некрасов был одним из самых «левых» кадетских лидеров, поэтому он закончил свою речь следующими словами. Уже близок день, он ближе, «чем думают эти (*указывая вправо*) пляшущие на вулкане и не видящие того, что творится здесь у них перед глазами в столице... Раньше, чем они думают, настанет тот день, когда русский народ стряхнет с себя всю эту нечисть, которая на него насела (*шум справа*), и в братском союзе со всеми народами и племенами даст полную свободу и полные права всем без изъятия. (*Рукоплескания слева, шум справа*. Пуришкевич: „На осину!“)»¹⁶⁸.

Речь Милюкова была целиком посвящена выступлению Горемыкина и «оценке политического положения, которое характеризуется этим выступлением»¹⁶⁹. То, о чем Некрасов сказал кратко, кадетский лидер нашел нужным специально развить. Того и другого, помимо общего тона, главным образом задело следующее место из выступления премьера: «Затем, гг., я должен вам сказать, что мои двери всегда открыты для каждого из вас, без всяких исключений. Первый час, которым я могу располагать, будет посвящен этим нашим объяснениям. Говорю это потому, что я считаю, что наши прямые сношения и наши объяснения могут во многом содействовать тому, чтобы устранить всякие ненужные слухи, неосновательные разговоры, недоразумения и всякие излишние пересуды»¹⁷⁰. Это был действительно разговор барина со своими слугами, и, судя по всему, это было сделано намеренно.

В выступлении Горемыкина, указывал Милюков, заключается «определенный политический смысл». «Это было все что угодно, только не объяснение главы кабинета с народным представительством». Охарактеризовав затем уже известные нам попытки пра-

вительства, направленные на сужение прав Думы, отметив, что «теперь эти попытки стали особенно систематическими», Милюков заявил, что свою политику правительство осуществляет в открытом и прямом союзе с черносотенными главарями, которые вербуют свою армию из «хулиганов, головорезов, организованных воров, грабителей и поджигателей».

Далее шло главное. Сославшись для убедительности на высказывания «консерваторов» — националистов и правых октябристов, свидетельствующих, что «резкое недовольство нынешним режимом, новым курсом охватывает безусловно лояльные слои», цитируя «Киевлянина», писавшего, что правительство «прислушивается» к крайним правым партиям, «считается с мнениями» «Русского знамени» и «Двуглавого орла», в результате чего «отталкивает общественные симпатии» (что крайне «неразумно и опасно»), — лидер кадетов призвал представителей этих лояльных и умеренных кругов, прежде всего земцев-октябристов, к которым он прямо обратился со своим призывом, больше не мириться с создавшимся положением и дать свой «ответ». «Мы вам предлагаем ответ. Ответ этот соответствует тем покушениям, которые делаются на ваши права. Он заключается в использовании вашего бюджетного права».

Формула перехода, предложенная кадетской фракцией, которой Милюков закончил свою речь, гласила: «Принимая во внимание: 1) что целый ряд покушений на самые основные права народного представительства, как-то: право запросов, право законодательной инициативы и, наконец, безответственность и свобода парламентского слова, имевшие место последнее время, указывают на существование определенного политического плана, последовательно проводимого правительством; 2) что правительство вступило в открытый союз с партиями государственного переворота и 3) что подобная политика грозит государству величайшими потрясениями, особенно опасными в момент международных осложнений, Государственная дума отклоняет переход к рассмотрению отдельных номеров и параграфов государственной росписи и переходит к очередным делам»¹⁷¹.

Итак, кадеты призвали своих соседей справа встать на путь бюджетной войны с правительством. Но еще до того как выступил Милюков, произнесли свои речи от имени «левых» октябристов и земцев-октябристов Шидловский и Стемповский, из которых следовало, что предложение кадетов для них абсолютно неприемлемо. Первый снова жаловался на произвол и беззаконие, сетовал на то, что правительство отталкивает от себя самые лояльные круги, но закончил свое выступление призывом «объединиться, на время забыть все наши внутренние ссоры», с тем чтобы использовать для ограждения «достоинства» Думы «законом предоставленные меры для воздействия» в виде «права вотума», «права запросов, вопросов и т. д.». И это все, что нужно, чтобы выиграть кампанию. В том, что «выиграть мы ее должны, — закончил Шидловский свою речь, — для меня сомнений нет»¹⁷².

То же самое говорил и Стемповский: «Мы, конечно, не будем употреблять тех печальных способов, которые были применены вчера крайней оппозицией (имеется в виду обструкция 22 апреля. — А. А.), но мы всегда найдем в своем распоряжении достаточно мер, чтобы отстоять неприкосновенными данные нам права»¹⁷³.

Прения выявили недовольство политикой правительства даже среди части националистов. В своей речи киевский депутат В. Я. Демченко заявил, что его фракция «не может спокойно отнестись... к последним нашим событиям... Мы видим со стороны правительства не только посягательство на самостоятельность Государственной думы, но даже на свободу нашего слова, ту свободу, без которой, гг, члены Государственной думы, мы совершенно не нужны. Границы этой свободы должны быть устанавливаемы только нами. Никому мы не можем позволить устанавливать эти границы»¹⁷⁴.

Однако другая часть фракции — и это свидетельствовало о том, что внутренняя борьба в ней приняла уже довольно острый характер — поспешила отмежеваться от речи своего собрата. «Я был более чем изумлен,—заявил А. А. Мотовилов,—что он (Демченко.—А. А.) разделяет такие опасения (о возможности разгона Думы.—А. А.), которых не разделяет вся фракция», и. «конечно, мы будем голосовать за принятие бюджета в том виде, в каком он нам представлен»¹⁷⁵.

Крайние правые выразили свою полную солидарность с правительством. Сейчас Министерство финансов, заявил Марков 2-й, стало, «по повелению его императорского величества», на правый путь, «т. е. наш путь... а посему мы по нему пойдем с полной готовностью и будем всячески поддерживать правительство, идущее по этому пути». «Но только по этому пути,—предупредил на всякий случай главарь российских черносотенцев.—И если, упаси боже, наступит колебание, наступит сомнение... то наш неуклонный громкий голос будет: Вперед, равнение направо»¹⁷⁶.

Только прогрессисты откликнулись на кадетский призыв. В политике правительства, заявил И. Н. Ефремов, «нет ни плана, ни последовательности». Налицо «разложение и анархия власти. Да и как же может быть иначе, когда рядом с объединенным правительством... существует другое, негласное правительство, состоящее из безответственных советников». В связи с этим встает вопрос об ответственности правительства перед Думой «Не ясно ли, гг., теперь,—пояснил Ефремов свою мысль,—что только политическая ответственность перед народным представительством... обязывая министров считаться с общественным мнением, может дать им необходимый авторитет для противодействия закулисным влияниям, вожделениям и интригам безответственных советников». Вот почему, несмотря на все сочувствие фракции прогрессистов ряду ассигнований, предназначенных на культурные нужды, оборону страны и др., она «никоим образом... не может дать своего согласия на отпуск народных средств такому правительству»¹⁷⁷.

В данном случае Ефремов выполнял решение, принятое на специальном совещании прогрессистов в апреле 1914 г. Накануне открытия бюджетных прений прогрессисты создали совещание по вопросу о дальнейшей тактике в Государственной думе. В совещании этом приняла участие не одна только думская фракция прогрессистов, присутствовали на нем и прогрессисты — члены верхней палаты и представители Московского и Петербургского комитетов. Было постановлено «объявить энергичную бюджетную войну», не останавливаясь даже перед возможностью роспуска Думы¹⁷⁸.

«Переход к постатейному рассмотрению проекта закона о государственной росписи» был принят правооктябристским большинством (166 против 72), и Дума перешла к обсуждению отдельных смет министерств и ведомств¹⁷⁹.

Лейтмотивом либеральных нападков при обсуждении сметы Министерства внутренних дел было обвинение Маклакова в том, что он открыто проводит курс, предписанный ему камарильей и черной сотней, что министр является их прямым ставленником, а его политика продиктована кн. В. П. Мещерским, проповедником государственного переворота. Об этом говорилось и раньше, но на этот раз все было сказано гораздо резче.

Министр внутренних дел, указывал первый кадетский оратор М. С. Аджемов, опирается на «безответственные сферы». Его почва — это «область всех тех интриг, всех тех отношений безответственных сфер, в которых министр — большой ловкач и большой умелости человек» Стоило только в «Гражданине» появиться статье о необходимости привлечения Чхеидзе, чтобы через несколько дней министр вошел в Совет министров с соответствующим ходатайством. «Поэтому,— закончил свою речь оратор,— когда возник вопрос, давать ли деньги или не давать на это министерство, то вы должны ставить себе вопрос, стоите ли вы за подготовку государственного переворота или против него»¹⁸⁰.

Масла в огонь подлил сам Маклаков, причем сделал он это совершенно сознательно. Его выступление представляло собой открытый вызов «парламентскому» самолюбию Думы. Прежде всего Маклаков отвел упрек в адрес своего ведомства, будто оно бездействует по части разработки нужных стране «реформ». «Целая серия законопроектов» уже находится в Думе, среди них и законопроект о гужевых дорогах, который «представляет собой одну из главнейших, серьезнейших отраслей местного земского хозяйства». В Совет министров вскоре будут внесены положения о введении земства в Архангельской, Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях. «Засим, кроме этого, внесены другие громадные законопроекты... о наследовании мелкого землевладения... об изменении сервитутов... об управлении судебного устройства Киргизской и Калмыцкой степи...» и т. д.

Он, Маклаков, отводит упрек в том, что «отрицательно относится к законодательным учреждениям». Обвинения в том, что он преследует печать и земства, тоже неверны. Ряд неутверждений

избранных земствами и городами лиц со стороны министерства действительно имел место, но здесь оно строго следует соответствующему указу Сената. Согласно этому указу, земская и городская служба «является службой государственной, а на государственную службу не могут быть допускаемы лица, которые исповедуют антигосударственное направление, которые против государственного режима». Что же касается печати, то и здесь преследуется лишь та печать, которая «изо дня в день... служит проводником заведомо классово-вражды... всячески разжигает политические страсти и толкает народные массы в омут самого беспросветного ожесточения и безначалия». Надо «круто стать поперек этого преступного пути и положить возможные преграды дальнейшему распространению этого соблазна». Нельзя превратно толковать манифест 17 октября: «Не может быть никакой гражданской свободы, которая могла бы разрушить и подтачивать государственный порядок».

Самым вызывающим был конец речи. Несмотря на все политические различия, у Думы и правительства «есть и должна быть одна точка соприкосновения... Эта точка... присяга. Она приносится всеми нами и всеми вами, гг.; мы приносим ее, поступая на государственную службу, вы в тех же самых выражениях, дословно тех же, приносите ее, вступая в Таврический дворец, когда приходите сюда нести государево дело на пользу родины совместно с царским правительством»¹⁸¹. Депутаты — такие же чиновники, обязанные полным послушанием высшей власти, как и министры, состоящие на государственной службе, — таков был смысл этого заявления.

Выступление Маклакова подняло на трибуну вождя кадетов. «Язык министра, — делал основной вывод Милюков, — это, гг., язык манифеста 6 августа», исходящий из идеи законсовещательной, а не законодательной Думы, вплоть до буквальных совпадений. Приведя такие выражения, как «государево дело», вместо «государственное дело», «совместно с правительством», процитировав сказанное министром о присяге членов Думы и т. д., Милюков снова и снова повторял: «Опять язык 6 августа». И все это говорилось отнюдь не по наивности и бессознательности, а, наоборот, совершенно обдуманно. Министр изложил кредо определенных сил, которым он охотно и усердно служит, определенную систему политических взглядов. «Может быть, министр более исполняет политику, чем ее делает. Но это исполнитель сознательный и, я прибавлю, исполнитель услужливый, — исполнитель, который стремится угадать мысль своих господ и, может быть, грешит только тем, что слишком неискусно забегает вперед»¹⁸².

Однако наиболее резкие нападки на министра внутренних дел на этот раз последовали со стороны самого умеренного кадета — М. В. Челнокова. В значительной мере раздражение Челнокова, одного из самых активных и видных деятелей Московской городской думы, объяснялось тем, что правительство не утвердило подряд несколько выбранных московскими купцами и промышленниками городских голов. Этот конфликт между Москвой и прави-

тельством, ставший весьма острым, был разрешен уже после того, как началась война. Дело дошло до того, что одно время серьезно обсуждался проект о назначении московским городским головой Б. В. Штюмера — человека крайне одиозного в глазах либерально-буржуазного общественного мнения. Вероятно, ни до, ни после Челноков не произносил таких слов, которые он произнес в конце своей речи: «Но, гг., политическое легкомыслие Маклакова, его полное неумение разбираться в вопросах, волнующих все государство, его безответственность... делают то, что перед известными кругами русского общества, помимо его воли и желания, помимо традиции русского общества и всего исторического прошлого, практически (!) ставится на обсуждение вопрос, само провозглашение которого было поставлено в вину Чхеидзе»¹⁸³. В переводе на простой язык последняя фраза означала следующее: Маклаков своей политикой заставляет даже таких людей, как кадеты, задуматься о республике. И это говорил человек, который в своей партии изо всех сил боролся с неумеренной «левизной» Милюкова, лидер ее самого правого крыла.

Выступления прогрессистов шли в том же русле, что и речи их партнеров слева. «Сравните, гг., реакцию нашу с реакцией 80-х годов,—говорил Н. Н. Львов.—Кто тогда стоял во главе этой реакции? Катков, Победоносцев, гр. Толстой, Пазухин—ведь это же все были величины». А теперь? Правительство «бросилось в объятия» низкопробных черносотенных организаций, где господствуют «демагогия, брань, ругань, сквернословие... Разложив дисциплину в собственных рядах, правительство расшатало власть, оттолкнуло от себя все те слои, которые могли бы быть наиболее надежными опорами власти...»¹⁸⁴.

«Оппозиция, гг., знает, что ей делать,—заканчивал свою речь М. Д. Калугин,—она встает на защиту народных прав: министру, поднимающему руку на народное представительство, нарушающему закон и приобретенный народом в 1905 году новый государственный строй, оппозиция не даст ни копейки... Но отказывая, гг., в денежных средствах, мы говорим, что только ответственное перед Государственной думой министерство даст залог подчинения власти исполнительной воле народа, выведет Россию из того тупика, куда загнала ее наша бюрократия»¹⁸⁵.

Выступление С. И. Шидловского свидетельствовало о полной беспомощности и растерянности «левого» октябризма. Что же делать? — задал оратор в конце речи сакраментальный вопрос либералов. Ответ гласил: «В эту минуту уповать на слова *нельзя*, остается только одно: обратиться к этому правительству и *воскликнуть* в ужасе: Да опомнитесь, что вы делаете?!»¹⁸⁶.

От имени земцев-октябристов говорил гр. Д. П. Капнист. Напомнив главную заповедь октябризма о необходимости совместной работы с правительством, оратор в свою очередь задался вопросом: «Возможна ли эта работа? Можем ли мы идти по пути совместной работы с министром внутренних дел?». Ответ был отрицательным: «С глубокой скорбью мы, люди порядка и во

имя порядка, люди спокойного образа мыслей, должны сказать министру внутренних дел, что мы с ним не попутчики. Скажу больше, мы принуждены стать в совершенно определенную оппозицию к деятельности Министерства внутренних дел. Это своего рода оппозиция поневоле, оппозиция людей, привыкших в ней не состоять, а с ней бороться... Мы — оппозиция потому... что не видим ни либеральных мер, ни сильной власти»¹⁸⁷. С этой самооценкой можно вполне согласиться.

Речь националиста А. И. Савенко уже сильно попахивала октябристским душком. Отрекомендовав себя истинно «русским консерватором» (в отличие от кн. Мещерского), «просвещенным и культурным», поблагодарив за «искреннюю доброжелательность по отношению Государственной думы» Горемыкина, напоминая о себе и о своих друзьях как о противниках «парламентаризма», лягнув кадетов за то, что «они страшно ищут и домогаются министерских портфелей», и, наконец, блеснув афоризмом, что «русский народ... нуждается в управлении более... чем в самоуправлении», новоявленный националистский Демосфен произнес после этого свое «но», за которым следовал перечень претензий в духе Капниста и Шидловского. Он, Савенко, «решительно» против того, «чтобы Государственная дума всецело подчинилась правительству», «покорно» соглашалась со всеми его требованиями. «Подавлять революцию» надо, это «священная обязанность» правительства. Но «надо с революцией бороться так, чтобы, нанося удары революции, не бить по мирному обществу, не бить по стране, ибо от этого революционное движение не уменьшается, а увеличивается». Дальше уже шла совершенно кадетская премудрость: «Классовая борьба всегда была и будет, но государственные люди, политика государственная, а не полицейская должны стремиться к тому, чтобы эта борьба... укладывалась в рамки легальной борьбы, и единственным средством ввести эту борьбу в рамки мирной является введение народного представительства». Поэтому необходимо, чтобы депутатское слово было свободно — это предохранительный клапан, «через который выходят пары недовольства», и если его закрыть, то «неизбежно последуют взрывы». Через всю речь шли нападки на кн. Мещерского, которые, кстати, встречали полное сочувствие со стороны крайних правых («Кн. Мещерский проходимец», — подал реплику с места Марков 2-й), указание на пагубность его советов, к которым прислушиваются «некоторые представители правящих кругов», считая князя «кладезем государственной мудрости». «Я должен сказать ям, — закончил Савенко свою речь, — что они (эти «представители». — А. А.) своими советами и своими действиями сеют ветры, а бурю пожинать придется нашей многострадальной стране»¹⁸⁸.

Как всегда, наиболее резкими в смысле четкой классовой постановки вопроса были речи Пуришкевича и Маркова 2-го.

С удовлетворением подчеркнув, что министр внутренних дел и его товарищи, а также все высшие члены Министерства внутренних дел являются «единомышленниками» той фракции, к которой

он имеет «честь принадлежать», Пуришкевич заявил, что, несмотря на это, он также выступит «со своей критикой деятельности Министерства внутренних дел», которая, разумеется, не будет иметь ничего общего с критикой оппозиции, потому что это «критика благожелательная». Смысл критики сводился к тому, что ведомство еще слишком мягко борется с революционным и либеральным движением. «Мы переживаем дни,— указывал Пуришкевич,— которые напоминают нам дни 1904 г.», и из этого надо исходить. В доказательство он ссылаясь на рост забастовок, неуловимость рабочих вождей, на вчерашнюю первомайскую забастовку в Петербурге, в которой участвовало 130 тыс. рабочих, и т. д. С его, Пуришкевича, точки зрения, должен быть изменен избирательный закон по выборам в Думу: «Несомненно, этот закон должен быть в ближайшем будущем изменен в смысле оздоровления состава избирательных курий для того, чтобы получить соответствующую Думу».

Резюмировал свое выступление Пуришкевич следующим образом: «Я нахожу необходимым установление способа бдительного надзора за проснувшейся волной революционного движения, т. е. возобновление (?) и создание без провокации (?) внутреннего розыска, отсутствие коего поведет нас к катастрофе... Я нахожу необходимым прекращение возможности спайки революционных и оппозиционных сил путем съездов, ибо съезды, как я указал уже, являются преддверием революции. Я нахожу необходимым в деятельности центральной власти всемерное развитие правой печати». Пуришкевич даже указал сумму, нужную для этого,— от двух до пяти миллионов рублей. «Засим... должно произвести коренную чистку гг. губернаторам», с тем чтобы на губернаторских постах были истинно правые. «Вот, гг., то небольшое (!), которое я позволил себе предложить правительственной власти»¹⁸⁹.

Марков 2-й поначалу решил преподать несмысленным октябристам несколько, с его точки зрения, прописных истин по предмету, именуемому классово́й борьбой. «Это буквально, гг. октябристы, относится к вам, именно о вас думали, когда писали это четверостишие»,— иронизировал черносотенный «зубр», процитировав перед этим известные стихи:

Ходит птичка весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Никаких последствий.

Вы требуете, продолжал он, «удаления министра, который заботится о том, чтобы вас не перевешали ваши друзья новые на воротах ваших усадеб... Вы делаете очень неблагоприятно, идя против правительства...». Далее Марков 2-й стал доказывать, что основным манифест — это манифест 6 августа 1905 г., исходящий из идеи самодержавия и законосовещательной Думы, а манифест 17 октября лишь «дополнил и расширил» его. Что же касается разговоров «о недовольстве народа, недовольстве общества, недо-

вольство земства — это все вздор». «Рабочие тоже довольны, если они бастуют, то только потому, что их заставляют бастовать...» «Народ доволен, — закончил Марков свою речь, — недовольны смута и крамола»¹⁹⁰.

Докладчик бюджетной комиссии Г. А. Фирсов 1-й, резюмируя ход прений по смете Министерства внутренних дел, констатировал: «Отношение как к деятельности министерства, так и к деятельности самого министра было в высшей степени отрицательное. Исключение составляют лишь представители крайних правых»¹⁹¹.

Тем не менее октябристы (и «земцы», и «левые») наотрез отказались внять уговорам своих левых соседей голосовать целиком против сметы министерства. «На этот путь борьбы, к которому здесь призывали, мы стать не могли и не можем», — заявил от имени октябристов Н. В. Савич. «Г., мы так же отрицательно относимся к нынешней политике Министерства внутренних дел, как и группы, сидящие слева». Она представляется нам «опасной и губительной». «Тем не менее вотировать в целом против всех параграфов сметы представляется совершенно невозможным». Октябристы будут отклонять лишь такие кредиты, которые не нанесли бы «ущерба местным земским и городским самоуправлениям...»¹⁹².

Так именно они и поступили, и этого было достаточно, чтобы цитированная выше передовая «Речи» объявила заседание 3 мая, во время которого происходили голосования по параграфам сметы ведомства Маклакова, «историческим». Более того, кадетский официоз не постеснялся написать буквально следующее: «Потерпели в этот день моральное поражение также и отсутствовавшие депутаты — жертвы знаменитой „обструкции“». Если бы они присутствовали, то «победа оппозиционного настроения была бы полной и решительной... Таким образом, наши предсказания о печальных последствиях „обструкции“ к несчастью, вполне оправдались»¹⁹³.

В не меньшем, разумеется, восторге был и октябристский официоз. «В первый раз за все время своего существования Дума вступила на путь бюджетной борьбы и сокращением ряда кредитов выразила осуждение политики Министерства внутренних дел», — говорилось в редакционной статье под названием «Бюджетная борьба (!)». «Мы впервые, — захлебывалась от полноты чувств газета, — были свидетелями образования того лево-центрального большинства, о котором не перестают говорить с момента открытия четвертой Думы. Решающую роль в субботнем заседании сыграли земцы-октябристы, которые на этот раз выдержали свою роль до конца и систематически голосовали за отклонение кредитов, нужных ведомству, а не стране. Бесспорно, тактика, предложенная и проведенная земцами-октябристами, является и более целесообразной, и мы бы сказали, более мудрой, чем выдвинутая в начале бюджетных прений кадетами тактика отклонения всего бюджета целиком»¹⁹⁴.

В. И. Ленин, отмечая кадетские восторги, связанные с голосо-

ваниями октябристов по смете Министерства внутренних дел, писал: «Кадеты, ликуя по поводу перехода октябристов на „их“ точку зрения, забывают добавить, что и сами кадеты перешли здесь на октябристскую точку зрения!»¹⁹⁵.

Левые депутаты вернулись в зал заседания Думы 7 мая. Свое возвращение они решили ознаменовать совместной декларацией, намеренно составленной в самых резких выражениях по адресу режима и помещичье-буржуазной Думы. Как свидетельствует А. Е. Бадаев, три левые фракции обсуждали и другие возможные формы протеста против своего исключения, в частности продолжение прямой обструкции или обструкции при помощи длинных речей, с тем чтобы затянуть принятие бюджета. Текст декларации был выработан и утвержден на объединенном заседании всех трех левых фракций. В превентивном порядке было решено записать несколько ораторов, чтобы в случае лишения председателем слова первого оратора, чтение декларации было продолжено вторым, третьим и т. д.¹⁹⁶.

Эта мера оказалась весьма предусмотрительной. Декларация в той ее части, которую удалось огласить А. Ф. Керенскому (он был намечен первым оратором), была полна многочисленных отточий, которые в примечании были объяснены следующим образом: «Точками обозначены места, не разрешенные председателем Государственной Думы к оглашению в печати (ст. 45 Учр. Гос. Дум.)»¹⁹⁷.

Но в сравнении с тем, сколько успевали произнести слов, прежде чем быть лишенными слова, остальные пять ораторов, последовательно сменявшие Керенского и продолжавшие чтение декларации с того места, где вынужден был кончить предыдущий оратор, выступление Керенского выглядит большой речью, хотя он успел только начать¹⁹⁸.

Социал-демократы и трудовики вернулись в Думу уже тогда, когда пик бюджетных прений — смета Министерства внутренних дел — был уже пройден. Тем не менее они приняли активное участие в прениях по сметам Министерств юстиции, народного просвещения, торговли и промышленности и некоторых других ведомств. Показательно, что не только депутаты-большевики, но и ряд меньшевистских и трудовических депутатов резко и подчас демонстративно противопоставляли в своих речах левое меньшинство Думе помещиков и буржуазии, включая и ее либеральное крыло. Тактика «левого блока» продолжалась, давая свои плоды: усиливала распад, грызню и разложение среди партнеров третьей юнкерской системы.

Оценивая положение, сложившееся к лету 1914 г., В. И. Ленин писал: «Распад, колебания, взаимное недоверие и недовольство внутри системы 3-его июня, внутри помещиков и реакционной буржуазии. „Они“ обвиняют друг друга — Пуришкевичи либералов, либералы Пуришкевичей — в поощрении и ускорении новой революции.

В дверь стучалась уже новая ситуация, ставшая для союзников по контрреволюции роковой,—первая мировая война.

- 1 Речь, 1913, 9 сент.
- 2 Голос Москвы, 1913, 3 сент.
- 3 Там же, 5 сент.
- 4 Речь, 1913, 28 сент.
- 5 Голос Москвы, 1913, 1 окт.
- 6 Речь, 1913, 28 сент.
- 7 Голос Москвы, 1913, 1 окт.
- 8 Там же, 9 окт.
- 9 Утро России, 1913, 13 окт. Ad hoc (лат.) — по этому поводу.
- 10 Там же.
- 11 В отчете о деятельности кадетской фракции во вторую сессию указывалось: фракция прогрессистов предложила обсуждать только те законопроекты, которые можно считать «осуществимыми», в частности законопроекты о реформе Сената и об ответственности должностных лиц. На общее собрание эти законопроекты попали лишь в феврале-марте 1914 г. «Ход прений и голосований по ним доказал окончательно, что даже в таких законопроектах то, что существенно, неосуществимо, а то, что осуществимо, несущественно» (Фракция Народной свободы в период с 15 октября 1913 г. по 14 июля 1914 г.: Сессия вторая. СПб., 1914, ч. 1—3. Отчет фракции, с. 6. (далее: Фракция Народной свободы... Сессия вторая).
- 12 Речь, 1913, 11 окт.
- 13 Там же, 23 окт.
- 14 Там же, 7 нояб.
- 15 Там же, 9 нояб.
- 16 Голос Москвы, 1913, 22 окт.
- 17 Утро России, 1913, 19 окт.
- 18 Речь, 1914, 11 февр.
- 19 Там же, 26 февр.
- 20 Там же, 11 марта.
- 21 Фракция Народной свободы... Сессия вторая, ч. 1—3, с. 8—9.
- 22 Голос Москвы, 1914, 25 февр.
- 23 Там же, 1 марта.
- 24 Там же, 11 апр.
- 25 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 981, л. 36. Katzenjammer (нем.) — кошачий концерт.
- 26 Там же, л. 88.
- 27 Там же, д. 987, л. 610.
- 28 Утро России, 1913, 27 нояб.
- 29 Там же, 1914, 1 янв.
- 30 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 981, л. 81.
- 31 Там же, л. 73.
- 32 Там же, л. 4.
- 33 Фракция Народной свободы... Сессия вторая, ч. 1—3, с. 5, 13, 58, 67, 75.
- 34 Речь, 1913, 31 окт.
- 35 Там же, 9 дек.
- 36 Для чего, ставил ребром вопрос кн. В. П. Мещерский, нужна земская волость? «Для того, чтобы для блага будто бы народа можно было образовывать в России 12 000 маленьких штатов, где будут главными деятелями самые бойкие представители третьего элемента вроде тех молодцов, из-за которых и пришлось разогнать первую Гос. Думу». Это «12 000 цитаделей в виде земских волостей, независимых и фактически безответственных, где главными деятелями будут хрусталеви и онипки!» (Гражданин, 1913, № 1, с. 16).
- 37 Речь, 1914, 23 мая.
- 38 Там же, 4 мая.
- 39 Фракция Народной свободы... Сессия вторая, ч. 1—3, с. 50.
- 40 История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968, т. 6, с. 424, 426.
- 41 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 281—282.
- 42 Там же, с. 283, 286.
- 43 Там же, с. 287.
- 44 Бадаев А. Большевики в Государственной думе: Воспоминания. М., 1954, с. 109—110, 131, 136, 143—145, 147, 289—290.
- 45 Там же, с. 136.
- 46 Там же, с. 131.
- 47 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 207—208.
- 48 Там же, с. 208—209. Бадаев А. Указ. соч., с. 58—60. После того, как забастовка и демонстрация состоялись, депутаты-большевики признали позицию фракции ошибочной.
- 49 Кадеты немедленно использовали эту ошибку. «Нужно отметить и еще один признак прогресса парламентских прав», — отмечала в своей передовой «Речь». Совсем недавно социал-демократы на предвыборных собраниях выдвигали против кадетов «трафаретное обвинение» в том, что они не внесли своей формулы перехода по декларации правительства. Кадеты отвечали на это, что единственно возможной в смысле каких-то шансов на принятие была формула,

- внесенная прогрессистом Н. Н. Львовым, и поэтому кадеты к ней присоединились. Вчера же социал-демократы не только не внесли своей формулы, но и сами голосовали за формулу, внесенную тем же Львовым. «Нельзя не приветствовать, — торжествовала «Речь», — такой шаг вперед в направлении политического реализма» («Речь», 1912, 16 дек.). Не упустил случая утилизировать этот факт и Изгоев. «Из голосований социал-демократов, — писал он, — обратило на себя [внимание] их присоединение к формуле прогрессистов, заключившей думские прения о правительственной декларации. Социал-демократы подписались под той же формулой, что и Крупенский, не сделав даже попытки выставить свою! Что скажут большевики?» (Русская мысль, 1913, № 1, с. 6 (третья пагинация)).
- ⁵⁰ Бадаев А. Указ. соч., с. 91—92.
- ⁵¹ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. 4, с. 437—438.
- ⁵² Там же, с. 443—444, 464.
- ⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 300.
- ⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 298.
- ⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 148—149.
- ⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 367—369.
- ⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 102—103.
- ⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 309.
- ⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 86—87.
- ⁶⁰ Речь, 1913, 18 нояб.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 336.
- ⁶³ Русская мысль, 1913, № 6, с. 106—126 (вторая пагинация).
- ⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 325.
- ⁶⁵ Четвертая Государственная дума: Фракция Народной свободы в период 15 ноября — 25 июля 1913 г. СПб., 1913, ч. 1—3. Отчет фракции, с. 9.
- ⁶⁶ Россия, 1912, 17 авг.
- ⁶⁷ Там же, 1913, 17 июля.
- ⁶⁸ Новое время, 1913, 26 сент.
- ⁶⁹ Там же, 28 сент.
- ⁷⁰ Там же, 1914, 11 июля.
- ⁷¹ Русская мысль, 1913, № 4, с. 143 (третья пагинация).
- ⁷² Там же, 1914, № 5, с. 126 (вторая пагинация).
- ⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 408.
- ⁷⁴ Речь, 1913, 20 авг.
- ⁷⁵ Там же, 1914, 6 мая.
- ⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 395—396.
- ⁷⁷ Новое время, 1913, 27 авг.
- ⁷⁸ Там же, 5 дек.
- ⁷⁹ Красный архив, 1933, № 6(61), с. 134.
- ⁸⁰ Фракция Народной свободы... Сессия вторая, ч. 1—3, с. 13.
- ⁸¹ Речь, 1913, 3 марта.
- ⁸² Там же, 8 марта.
- ⁸³ Новое время, 1913, 13 марта.
- ⁸⁴ Там же, 7 мая.
- ⁸⁵ Там же, 5 мая.
- ⁸⁶ Фракция Союза 17-го октября в IV Государственной Думе: (Обзор деятельности). Сессия первая: 15 ноября 1912—25 июня 1913 г. СПб., 1914, с. 41.
- ⁸⁷ Речь, 1913, 17 июня.
- ⁸⁸ Там же, 5 марта.
- ⁸⁹ Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. 5, с. 194.
- ⁹⁰ Черменский Е. Д. Царизм и третьиюньская Дума.— Вопросы истории, 1973, № 1, с. 37.
- ⁹¹ Падение царского режима, т. 5, с. 195—196.
- ⁹² Там же, с. 196, 198—199.
- ⁹³ Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 38—39.
- ⁹⁴ Там же, с. 47; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 416.
- ⁹⁵ Речь, 1913, 5 марта.
- ⁹⁶ Новое время, 1913; 21 июня.
- ⁹⁷ Милоков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, ч. 2, с. 167.
- ⁹⁸ Фракция Народной свободы... Сессия вторая, ч. 1—3, с. 18; см. также: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 42.
- ⁹⁹ В статье говорилось: «Если Государственная Дума разделяет изложенные в заявлении соображения о желательности отмены или изменения действующего или издания нового закона, то соответствующий законопроект вырабатывается и вносится в Думу подлежащим министром либо главноуправляющим отдельной частью. В случае отказа министра или главноуправляющего от составления такого законопроекта, Думой может быть образована для его выработки комиссия из своей среды».
- ¹⁰⁰ Государственная дума: Четвертый созыв. Стенографические отчеты, сессия II, ч. 3, стб. 367—368.
- ¹⁰¹ Там же, стб. 370—371.
- ¹⁰² Там же, стб. 371—374.
- ¹⁰³ Там же, стб. 379.

- 104 Депутаты Думы, согласно закону, могут судиться, как и высшие правительственные чины, только Первым департаментом Государственного совета и Сенатом.
- 105 Государственная дума: Четвертый созыв. Стенографические отчеты, сессия II ч. 2, стб. 1642 (Далее: Ст. отч.).
- 106 Новое время, 1914, 24 апр.
- 107 Кривошеин и Горемыкин, писал В. В. Мусин-Пушкин гр. И. И. Воронцову-Дашкову 19 апреля 1914 г., «умоляют потихоньку членов Думы не реагировать на провокации Маклакова и Шегловитова и не отказывать в кредитах, обещают протянуть дело Чхеидзе (вот поистине дьявольское измышление заставить 4-ую Думу заступиться за этого мерзавца и из-за него быть распушенной)...» (Красный архив, 1933, № 6(61), с. 134).
- 108 Фракция Народной свободы... Сессия вторая, ч. 1—3, с. 17—18.
- 109 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 131.
- 110 Утро России, 1913, 25 июня.
- 111 Новое время, 1913, 3 нояб.
- 112 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 922, л. 621.
- 113 В цитированном письме А. И. Савенко, между прочим, писал: «Большую драму я переживаю в душе, но говорю это только тебе одной: отныне я революции не боюсь — она, даже она, гораздо патристичнее, чем наше гнусное правительство, чем вся эта паршивая бюрократия, совершенно равнодушная к России» (Там же). О хлестаковских замашках Савенко мне еще придется писать.
- 114 Ст. отч., с. II, ч. 2, стб. 461—462.
- 115 Утро России, 1913, 19 окт.
- 116 Отчет Центрального комитета Союза 17 октября о его деятельности с 1 октября 1913 г. по 1 сентября 1914 г. М., 1914 (далее: Отчет ЦК Союза 17 октября...); ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1, д. 508, л. 1—21.
- 117 Отчет ЦК Союза 17 октября..., с. 165—180.
- 118 Там же, с. 9—11.
- 119 Утро России, 1913, 10 нояб.
- 120 Там же, 12 нояб.
- 121 Голос Москвы, 1913, 10 нояб.
- 122 Там же, 12 нояб.
- 123 Новое время, 1913, 12 нояб.
- 124 Ст. отч., с. II, ч. 1, стб. 684.
- 125 Там же, стб. 689.
- 126 Там же, стб. 818.
- 127 Там же, ч. 3, стб. 729—730.
- 128 Там же, стб. 730 и сл.
- 129 Там же, стб. 733—735.
- 130 Там же, стб. 740—741.
- 131 Там же.
- 132 Там же, стб. 741, 743—744.
- 133 Там же, стб. 750—751.
- 134 Там же, стб. 753.
- 135 Там же, стб. 763.
- 136 Там же, стб. 765.
- 137 Там же, стб. 766.
- 138 Там же, стб. 767.
- 139 Там же, стб. 785—786.
- 140 Там же, стб. 789.
- 141 Там же, стб. 793—797.
- 142 Там же, стб. 797—801.
- 143 Там же, стб. 801—806.
- 144 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 986, л. 583.
- 145 Бадаев А. Указ. соч., с. 251.
- 146 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 128—129.
- 147 Там же, с. 148.
- 148 Русская мысль, 1914, № 5, с. 127 (вторая пагинация).
- 149 Речь, 1914, 23 апр.
- 150 Ст. отч., с. II, ч. 3, стб. 827.
- 151 Речь, 1914, 28 апр.
- 152 Фракция Народной свободы... Сессия II, ч. 1—3, с. 14—15.
- 153 Утро России, 1914, 24 апр.
- 154 Ст. отч., с. II, ч. 4, стб. 605.
- 155 Там же, стб. 609—610.
- 156 Там же, стб. 1166.
- 157 Там же, стб. 1167.
- 158 Там же, стб. 1208—1209.
- 159 Речь, 1914, 26 мая.
- 160 Там же, 21 мая.
- 161 Там же, 17 мая.
- 162 Голос Москвы, 1914, 22 мая.
- 163 Ст. отч., с. II, ч. 4, стб. 1735.
- 164 Там же, ч. 3, стб. 961.
- 165 Там же, стб. 826.
- 166 Там же, стб. 870—871.
- 167 Там же, стб. 934—935.
- 168 Там же, стб. 947—948.
- 169 Там же, стб. 1179.
- 170 Там же, стб. 806.
- 171 Там же, стб. 1179, 1191—1193, 1196—1197.
- 172 Там же, стб. 969.
- 173 Там же, стб. 892.
- 174 Там же, стб. 1021.
- 175 Там же, стб. 1218.
- 176 Там же, стб. 923.
- 177 Там же, стб. 1219—1221.
- 178 Утро России, 1914, 18 апр.
- 179 Ст. отч., с. II, ч. 3, стб. 1224.
- 180 Там же, стб. 1429—1430, 1433.
- 181 Там же, стб. 1435, 1437—1439, 1442, 1444.
- 182 Там же, стб. 1664—1665, 1678.

- ¹⁸³ Там же, стб. 1777
- ¹⁸⁴ Там же, стб. 1648—1649.
- ¹⁸⁵ Там же, стб. 1527—1528.
- ¹⁸⁶ Там же, стб. 1461. Курсив мой.—
А. А.
- ¹⁸⁷ Там же, стб. 1424.
- ¹⁸⁸ Там же, стб. 1444—1445. 1447—1448,
1451—1456
- ¹⁸⁹ Там же, стб. 1598—1600, 1602,
1639—1642.
- ¹⁹⁰ Там же, стб. 1792—1793, 1795—1796,
1799—1800.
- ¹⁹¹ Там же, стб. 1736.
- ¹⁹² Там же, стб. 1800—1801. 1803.
- ¹⁹³ Речь, 1914, 4 мая.
- ¹⁹⁴ Голос Москвы 1914, 6 мая.
- ¹⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25.
с. 149.
- ¹⁹⁶ Бадаев А. Указ. соч., с. 256—257.
- ¹⁹⁷ Ст. отч., с. 11, ч. 4, стб. 114.
- ¹⁹⁸ Там же, стб. 120, 128, 136—137.
А. Ф. Керенского согнать с кафедры
было труднее, так как он взял слово
для внеочередного заявления на ос-
новании ст. 130 Наказа (разрешав-
шей такие заявления перед началом
обсуждения очередного вопроса дум-
ской повестки дня). Остальных левых
ораторов председатель лишал слова
под предлогом. что они говорят не по
вопросу.
- ¹⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25.
с. 149—150.

Глава III

КАДЕТЫ

До сих пор мы исследовали политическую деятельность в Думе партий думского большинства. Теперь настала пора проанализировать их внутреннюю жизнь, установить, что они собой представляли как партии, с тем чтобы окончательно определить имевшиеся у них реальные политические потенции.

К сожалению, недостаток места не позволяет выполнить эту задачу в полном объеме. В данной главе речь пойдет только об одной партии второго думского большинства — кадетской — главной партии русской либерально-монархической буржуазии. Очерки об октябристах и прогрессистах остаются за пределами настоящей работы, но положение облегчается тем, что они опубликованы¹.

Центральным событием в истории «Союза 17 октября» в описываемый период был упомянутый выше раскол октябристской фракции после ноябрьской конференции партии в 1913 г. В результате раскола в Думе образовались две фракции: земцев-октябристов и «левых» октябристов. К январю 1914 г. первая группа насчитывала 65 человек, вторая — 22. Примерно 15 наиболее правых членов старой фракции остались нефракционными членами или беспартийными. В постановлении ЦК октябристов от 8 декабря 1913 г. «было постановлено, что Центральный комитет должен считать принадлежащими к Союзу 17 октября всех членов бывшей парламентской фракции его, безотносительно к тому, в которую из трех образовавшихся групп фракции они зачислились...»².

Раскол у октябристов стал назревать еще во времена III Думы и считался как в кадетско-прогрессистских, так и в правых кругах, а также в самом «Союзе 17 октября» совершенно неизбежным; спор шел только о сроках. Главной причиной раскола был вопрос о думской тактике, упорное нежелание большинства членов фракции сдвинуться влево — в сторону кадетов, образовать так называемый «прогрессивный центр». Отсюда следует очень важный для данного исследования вывод о том, что в «нормальных», нечрезвычайных (по сравнению с войной) условиях создание «Прогрессивного блока» в третьей думской Думе было невозможно. Раскол у октябристов и был организационным выражением этой невозможности. Последняя же целиком обуславливалась классовым составом партии октябристов. Для тех помещичьих и буржуазных кругов, которые эта партия представляла, политика качающегося маятника была *органическим*, а не временным состоянием;

только чрезвычайная, из ряда вон выходящая, абсолютно критическая ситуация, созданная войной, заставила октябристов пойти на левоцентристский блок. Во всех других случаях это исключалось.

Несмотря на то что в описываемое время страна переживала состояние глубокого политического кризиса, этого кризиса оказалось все же недостаточно, чтобы заставить октябристов пойти на постоянный союз с кадетами. Кризис в стране вызывал и стимулировал перманентный кризис октябризма, выразившийся во внутренних трениях и расколах, но заставить его пойти на шаг, противоречащий его природе, был не в состоянии. Дальнейшее углубление этого кризиса в условиях мирного времени привело бы, возможно, к новым расколам, теперь уже во фракции земцев-октябристов, но далее этого дело бы не пошло.

Что касается прогрессистов, то здесь необходимо отметить два момента. Во-первых, прогрессисты вплоть до Февральской революции так и не создали партию, как раньше думал автор и другие исследователи. Во-вторых, прогрессистский феномен состоял в том, что течение, стоявшее по всем аспектам либеральной программы и тактики правее кадетов, в одном пункте— в вопросе о так называемом «ответственном министерстве»—занимало более левую позицию. В то время как кадеты считали это требование преждевременным (даже в годы войны), прогрессисты упорно начали настаивать на нем еще в изучаемый период. Факт этот констатируется всеми авторами, так или иначе сталкивавшимися с ним, но ни один из них не счел нужным задаться вопросом, чем его можно объяснить. Вероятнее всего, это произошло потому, что указанная аномалия представлялась им настолько незначительной, что не было необходимости доискиваться до ее причин.

Между тем это объяснение необходимо, потому что оно позволит, как мне представляется, более глубоко и точно понять особенности процесса политического развития русской буржуазии вообще и прогрессистов в особенности. Трудность ответа заключается в отсутствии прямых свидетельств, в вынужденной необходимости строить свои умозаключения на основании только косвенных данных. Именно эта попытка предпринята в указанном очерке о прогрессистах. Поскольку основной конфликт между прогрессистами и кадетами по вопросу об «ответственном министерстве» разыгрался в годы войны, то и очерк в основном посвящен этому периоду.

ОРГАНИЗАЦИЯ

Кадеты стояли несравненно выше в организационном отношении, чем октябристы. (Прямым следствием этого факта является и унаследованная историками документация партии, которая намного и во всех отношениях превосходит материалы, оставшиеся от октябристов и тем более от прогрессистов). Несмотря на это, партия в изучаемый период находилась в состоянии тяжелого кри-

зиса. Суть этого кризиса состояла в том, что после революции 1905—1907 гг. кадеты лишились почти всех своих членов и местных организаций. От сравнительно массовой партии остались жалкие обломки. Партия представляла собой голову без туловища, генералов без армии, вождей без массы, руководящий орган при почти полном отсутствии руководимых. В числе причин, приведших к такому результату, было формально не легализованное положение партии. Отсутствие легализации оказалось тем барьером, который не могла перешагнуть основная масса буржуазно-помещичьей интеллигенции, составлявшая социальную базу кадетского либерализма.

Преступившие черту, т. е. оставшиеся в партии в третьейюньский период, могли не опасаться ни тюрьмы, ни высылки, ни прочих кар, которыми власти щедро одаряли революционеров, но, несомненно, свое имущественное и общественное положение они подвергали определенному риску, особенно в провинции, где произвол администрации был более бесконтролен. Чиновникам же вообще было запрещено вступление в неразрешенные организации (к чему они обязывались специальной подпиской), и слушание вело к увольнению со службы. Этого было вполне достаточно, чтобы местный адвокат, журналист, врач, земец предпочел остаться тайным, а не явным кадетом, аплодирующим своим кумирам П. Н. Милюкову и А. И. Шингареву, но наотрез отказывающимся вновь войти в местную группу или комитет из опасения «полицейских скорпионов».

Но, конечно, первопричиной было то, что партия обанкротилась еще в ходе революции 1905—1907 гг., растеряла весь свой авторитет и демонстрировала полное бессилие в третьейюньский период. Будь она сильной, способной реально бороться, вопрос о членстве выглядел бы, несомненно, иначе. Кадетское руководство, объясняя развал партийных организаций на местах, предпочитало подчеркивать как единственную причину полицейские преследования, связанные с нелегализованностью партии. Однако на деле основную роль играло разочарование в потенциях кадетской партии и ее руководства, настроение неверия в обещанный им «конституционный» путь развития, усиливавшееся на фоне безостановочного левения страны. Для сопоставления можно отметить, что в условиях действительно жестоких преследований, не идущих ни в какое сравнение с преследованиями в отношении слоев, составляющих потенциальную базу кадетизма, социал-демократическая деятельность в описываемый период оживилась и расширилась.

В результате указанных причин только очень немногие, как правило, те, материальное благополучие которых было надежно ограждено от произвола начальства, остались в рядах партии. Счет таковым в том или ином городе шел уже не на сотни и даже не на десятки, а на единицы. Несколько иная картина наблюдалась лишь в столицах — Петербурге и Москве, и в известной мере в Киеве — там имелись более или менее организованные городские и район-

ные комитеты с сравнительно большим количеством членов, которые обнаруживали какие-то признаки партийной жизни.

Почти полное отсутствие местных организаций создавало замкнутую цепочку следствий, которые в совокупности и выражали организационный кризис партии.

В третьиюньский период и особенно в начале работы IV Думы несколько обострился вопрос о взаимоотношениях между ЦК и фракцией партии. Характерные для всех буржуазных партий трения, вызываемые независимым положением фракции, в данном случае усиливались в связи с провалом расчетов кадетского руководства на реформы и падением авторитета ЦК как результата общего кризиса партии. Фракция проявляла тенденцию к повышению своей самостоятельности, притом с уклоном к правому кадетизму (В. А. Маклаков, М. В. Челноков, А. М. Александров), и перед ЦК встала деликатная задача вернуть ее под свое более полное влияние, не нарушая ее прерогатив и не допуская углубления возникающих расхождений.

По уставу, думская фракция была полностью автономна по отношению к ЦК. Петербургское отделение ЦК (ПОЦК), в задачу которого входило наблюдение за деятельностью фракции (Московское отделение ЦК (МОЦК) ведало организационными вопросами), не только не покушалось на эту автономию, но демонстрировало величайшую лояльность, тщательно избегая всякого повода быть заподозренным в стремлении к диктату.

Сразу же после открытия IV Думы, на заседании ПОЦК 17 ноября 1912 г., был поставлен вопрос о взаимоотношениях ЦК с фракцией, которая в смысле соблюдения партийности представлялась кадетским вождям менее надежной, чем ее третьедумская предшественница. Представитель ЦК во фракции А. М. Колюбакин сообщил, что фракция поручила ему пересмотреть Наказ, который выработала для себя кадетская фракция III Думы, и представить доклад к ее завтрашнему заседанию. Доклад им уже подготовлен и он ознакомил ЦК с его содержанием. В связи с этим высказано было предположение, что фракция «может несколько ревниво относиться к Центральному комитету, опасаясь известного давления с его стороны», и поэтому из проекта Наказа следует выкинуть пункты о пределах автономии фракции, ее взаимоотношений с ЦК и партийным съездом. Таким образом, ПОЦК предложил Колюбакину из проекта Наказа исключить все то небольшое, что обязывало фракцию считаться с мнением ЦК. У ЦК оставался, по сути дела, лишь один инструмент воздействия на фракцию — «личная уния» — в лице нескольких лидеров партии, таких как П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, Н. В. Некрасов, Н. Н. Щепкин, являвшихся одновременно и членами ЦК, и членами думской фракции.

Но этим дело не кончилось. Начиная со II Думы, комитет фракции составлялся поровну из членов фракции и ЦК (по 8 или по 9 человек с каждой стороны). Теперь же М. В. Челноков прислал в ЦК «особое заявление», в котором потребовал пересмотра дан-

ного положения в сторону бóльшей «самостоятельности» фракции. Сообщение о требовании Челнокова вызвало любопытные прения. А. С. Изгоев заметил, что сам факт возбуждения этого вопроса «свидетельствует о некотором падении авторитета Ц. К-та». Причина же этого падения состоит в том, что состав ЦК из-за отсутствия съезда «не мог быть освежаем новыми силами». Члены ЦК «частью совсем уходили, частью отходили от Ц. К-та». Но даже правому кадету Изгоеву уступчивость ЦК показалась чрезмерной. «Однако нельзя допускать и такое положение,— заявил он,— при котором вся партия к.-д. олицетворялась бы только думской ее фракцией. И поэтому Ц. к-т должен отстаивать свое значение в партии».

По реакции А. А. Корнилова, А. М. Колюбакина, Милюкова и И. И. Петрункевича видно, что Изгоев задел одно из самых больных мест. Все четверо, ссылаясь на объезды провинциальных групп партии во время выборов, письма с мест и т. д., горячо возражали против замечания Изгоева. Они «не усматривали, откуда А. С. И. мог взять свое утверждение о падении авторитета ЦК». Тем не менее требование Челнокова было удовлетворено: ЦК решил сократить свое представительство в комитете фракции до трех человек по своему выбору³.

Вторично вопрос о фракции обсуждался на заседании ЦК 8 декабря 1912 г. После долгих споров было решено создать совместное совещание членов ЦК и фракции для обоюдного знакомства, критики и устранения разногласий во вторую половину января 1913 г., а выборы трех членов комитета фракции из членов ЦК произвести на ближайшем пленарном заседании Центрального Комитета⁴.

Однако встреча все откладывалась. Миновал январь, кончался февраль, осталась позади конференция партии, а вопрос все продолжал обсуждаться в ЦК, и это обсуждение показывает, что трудность заключалась не в «технических соображениях», а в той самой «некоторой несогласованности взглядов» во фракции, о которой говорилось в заседании ПОЦК 8 декабря. Эта «несогласованность», т. е. противоречия внутри фракции, оказалась серьезнее, чем предполагалось вначале, и, учитывая это обстоятельство, ЦК пришел к выводу, что встреча требует предварительной серьезной подготовки с его стороны.

Уже после конференции 2—3 февраля 1913 г. в заседании ЦК 20 февраля 1913 г. Некрасов «напомнил», что и во время конференции, и до этого члены фракции выражали желание поближе познакомиться с членами ЦК. Указывалось на то, что во фракции оказалось много новых членов, «недостаточно осведомленных» об истории и традициях кадетской партии, и «это обстоятельство вызывает иногда некоторые трения во фракции». Поэтому «первое сближение» фракции с ЦК следовало бы начать с идейного объединения— с «краткого обзора идей», на которых создавалась партия, и связи этих идей с теперешней деятельностью партии. Мысль была одобрена и для ее реализации наметили три доклада. Первый доклад дол-

жен был дать обзор идей и деятельности партии до последнего, Гельсингфорского съезда (1907 г.), второй — характеризовать парламентскую деятельность партии, третий доклад было постановлено посвятить текущему моменту, вопросам «современной тактики и тех острых... разногласий, которые возникли в последнее время». Поскольку такая обширная программа не могла быть исчерпана в одной встрече, было решено провести два или три заседания⁵. Первое совместное совещание ЦК и фракции состоялось в марте 1913 г.⁶ Затем последовали другие, и они, судя по всему, стали системой⁷.

Таким образом, организационно вопрос удалось разрешить, но тактические разногласия между ЦК и фракцией остались, и они давали себя знать на протяжении всего предвоенного двухлетия.

Однако главной проблемой, основным организационным следствием и проявлением кризиса партии являлась проблема созыва кадетского съезда. Малочисленность и невозможность учесть наличные силы не позволяли созвать съезд партии. Последний, пятый съезд имел место осенью 1907 г., и с тех пор все попытки созвать очередной съезд неизменно наталкивались на указанное препятствие. В результате не мог быть переизбран ЦК, который от времени ветшал, сокращался численно, полномочия его, давно не подтверждавшиеся, начинали походить на узурпацию, авторитет, естественно, падал. Проблема съезда становится большим местом партии. Удачный съезд сулил оживление работы, приток членов, активизацию всех сторон деятельности. И наоборот, съезд «какой-нибудь» грозил обнаружением малочисленности партии, которую ЦК старался насколько возможно скрыть, случайностью решений по тактическим и даже программным вопросам, нежелательным составом ЦК и т. д. Ряд попыток разорвать этот порочный круг и составляет ту ось, вокруг которой вращалась организационная деятельность ЦК в рассматриваемый период.

Не имея возможности созвать съезд, кадетский ЦК примерно дважды в год созывал так называемые конференции. Конференциями они в действительности не были да и не могли быть хотя бы по той причине, что не полагались по уставу, предусматривавшему только ежегодный съезд партии. Поэтому формально они именовались совещаниями фракции с представителями местных групп или с приглашенными лицами⁸. Но главное было даже не в этом, а в отсутствии правильного и сколько-нибудь достаточного представительства. Обычно с «мест» приезжало 20—30 человек, и поэтому основную массу участников конференции всегда составляли члены ЦК и фракции. В задачу приглашенных входило главным образом ознакомление лидеров с положением и настроением на местах. Организационные вопросы, включая и вопрос о съезде, также являлись предметом постоянных дебатов, и поэтому ЦК, готовя очередную конференцию, обстоятельно обсуждал и организационный вопрос.

По мере углубления политического кризиса в стране и краха третьейиюльской системы организационные вопросы начинали все

больше и больше беспокоить кадетское руководство. До 1912 г. еще как-то можно было мириться с положением, создавшимся в партии. В период нового революционного подъема, в обстановке всеобщего недовольства и роста оппозиционных настроений это было уже невозможно. И лидеры, и провинциальные функционеры отдавали себе отчет в том, что последние связи кадетов с демократическими слоями населения будут утрачены, если партия будет находиться в прежнем плачевном состоянии.

Вот почему на первом же заседании ПОЦК после открытия IV Думы (17 ноября 1912 г.) организационный вопрос выдвинулся на первый план. Колюбакин «указал на необходимость поставить на первую очередь и оставить главное место вопросам организационным, а не вопросам будущей тактики». Свое мнение он мотивировал ссылкой на то, что и на предыдущих конференциях «много говорилось о необходимости восстановить полуразрушенные партийные ячейки, усилить связь местных групп с центром; приезжающие, вновь избранные депутаты говорят о том же и выражают уверенность, что кое-что в этом направлении сделать можно». Характерно, что Милюков, всегда считавший, что первым вопросом на конференции должен быть вопрос о тактике, на этот раз полностью согласился с Колюбакиным, добавив только, что в повестку конференции необходимо включить и вопрос о темах для законодательной инициативы кадетской фракции в Думе. Доклад по организационному вопросу Милюков предложил возложить на «москвичей», т. е. на МОЦК⁹.

Конференция была намечена на 8—9 декабря, но по техническим причинам перенесена на 2—3 февраля 1913 г. Составление организационного доклада было поручено Колюбакину и Шингареву, проект которого они должны были внести на предварительное обсуждение ЦК¹⁰.

«Главные выводы» доклада, доложенные Колюбакиным ЦК, в числе прочего содержали следующие пункты: «4) современное положение партийных организаций на местах крайне неудовлетворительно; замечается слабость партийных связей с широкими слоями населения; 5) необходимо восстановить и укрепить партийные организации в губернских центрах»; 6) «оживление» партийных групп пошло бы успешнее при систематических объездах губернских центров «наиболее известными» членами ЦК и фракции; губернские группы должны заняться организацией групп в уездах; 7) «для поднятия авторитета и усиления связей местных групп», членам этих групп надо «стараться» входить в состав земских и городских органов самоуправления, деятельно участвовать в выборах, в кооперативах, организовывать сельскую интеллигенцию, издавать литературу для приказчиков «и других трудовых групп».

И сам доклад, одобренный ЦК, и прения по нему показывают, что у кадетских лидеров в связи с итогами выборов и общими политическими сдвигами в стране появилась надежда на возможность возрождения партии на местах и расширение ее социальной

базы. В минорную мелодию, доминировавшую в предшествующие годы, стали вплетаться мажорные ноты.

Когда некий К. из Москвы «на основании опыта сношений МОЦК с провинцией сообщил, что сношения губернских комитетов с уездами обыкновенно очень затруднены и слабы; проникновение к.-д. в рабочую среду почти невозможно; главные связи у к.-дтов — в земстве», Колюбакин с ним не согласился. К нему лично, заявил он, несколько раз приходили рабочие с Путиловского завода и с Васильевского острова, «прося приобщить их к рабочим организациям партии (которых не было.— А. А.), и ему, к сожалению, приходилось отвечать отрицательно ввиду того, что организацией рабочих еще никто не занялся, хотя, очевидно (?), в этой среде есть дружественные элементы, чувствующие больше тяготения к к.-д., чем к с.-д.».

В свою очередь Шингарев высказался «за полную возможность расширить базис партии». В подтверждение он сослался на биржевые артели, насчитывающие до 4 тыс. человек, которые во время выборов в Петербурге «неожиданно оказали содействие» кадетам, распространив «множество избирательных бюллетеней». Приказчиков партия, отметил он, «растеривает зря». При разъездах приходилось сталкиваться и с крестьянами-хуторянами, «затронутыми» речами кадетов. *«Очевидно, почва есть, и пора серьезно обратить внимание на это. В первую очередь надо бы позаботиться о создании партийной прессы для крестьян, рабочих и приказчиков. Если „Луч” и „Правда” при всех преследованиях и стеснениях находят средства и возможность существовать, то и к.-д-там следовало бы делать попытки».*

Милюков энергично поддержал Шингарева. «Условия,— указывал он,— сейчас более благоприятны, и попытки более возможны». Министр внутренних дел Маклаков лично сказал ему, что за принадлежность к партии к.-д. правительство не привлекает к ответственности, оно только не считает возможным допускать к.-д. на государственную или общественную службу. На факт существования социал-демократической прессы «и оживление интереса к партии к.-д.» следовало бы «отозваться». Несмотря на трудности, нельзя оставлять попыток проникнуть в крестьянскую и рабочую среду.

В результате было постановлено: «Обратить внимание конференции на важность вопроса и своевременность принятия возможных мер к созданию и укреплению связей с широкими кругами населения»¹¹.

Но как только дело доходило до неизбежного вопроса о переизбрании ЦК, автоматически возникал вопрос о съезде.

Колюбакин, стоявший за переизбрание, указал, что из 40 членов ЦК, избранных Гельсингфорским съездом, лишь около 15 «принимают более или менее постоянное участие в его заседаниях»¹². «Ждать, когда открытая партийная жизнь, созывы партийных съездов и т. п. станут возможными, слишком долго, а без переизбрания ЦК оставаться нельзя». Поэтому он считает, что — на

съезде ли, на конференции, но переизбрание ЦК необходимо. Кн. П. Д. Долгоруков также высказался за переизбрание на специально созванной для этого конференции.

Решительным противником съезда и переизбрания ЦК на протяжении всех довоенных лет был Милюков. «Созыв съезда невозможен не столько по условиям внешним, полицейским, — прямо заявил он, — сколько по обстоятельствам современной жизни партии в стране. *Всем ясно, что правомочного партийного съезда сейчас получить нельзя вследствие дезорганизации партийных ячеек на местах*». Что же касается утверждений, что будто бы в партии недовольны нынешним ЦК, то он этому «не верит».

Противниками съезда и переизбрания ЦК была группа членов ЦК и фракции, возглавляемая Милюковым и Шингаревым, представляющая центральное течение и имевшая преобладающее влияние в партии. Странниками переизбрания ЦК по вполне понятным соображениям были представители правого и левого флангов партии — Н. А. Гредескул, А. В. Тыркова, Изгоев, с одной стороны, Колюбакин и Некрасов — с другой. МОЦК в своем большинстве также было против переизбрания.

Шингарев в явно раздраженном тоне выразил свое недовольство требованием переизбрания ЦК, которое ему достаточно надоело. На ЦК «лежит тяжелая обязанность пронести через это безвременье ту духовную ценность, которую создала партия, и, передавая случайному составу конференции решение основных вопросов, мы рисковали бы утратой этих ценностей». В ответ на это Колюбакин заявил, что «недовольство Ц.К.-том более широко, чем думают П. Н. М [илюков] и А. И. Ш [ингарев]». Что же касается вопроса о неправомочности конференции, то следует иметь в виду, что если партия «и насчитывала раньше тысячи членов», то «они давно отпали». Зато остались «самые испытанные друзья, настоящие члены партии — те самые, что посещают конференции». А раз так, успокаивал присутствующих Колюбакин, то нечего опасаться «утраты духовных ценностей». Никакого «прыжка в неизвестность» партии не грозит, поскольку в конференциях принимают участие «давно сжившиеся с партией и ее традициями люди».

В результате обсуждения председателем были поставлены на голосование несколько вопросов. Первый вопрос был сформулирован следующим образом: считает ли ЦК нужным взять на себя инициативу постановки вопроса о съезде на предстоящей конференции, или он предпочитает высказаться только тогда, когда кто-нибудь другой поднимет этот вопрос. 6 голосами против 4 было решено принять инициативу на себя. По второму вопросу: признает ли ЦК возможным созыв съезда в настоящих условиях — все (против одного) ответили отрицательно¹³.

В МОЦК вопрос о переизбрании ЦК был поднят кн. Долгоруковым. На заседании 20 января 1913 г. он заявил, что переизбрание надо произвести на предстоящей весенней конференции. Его поддержал Н. М. Кишкин, указавший на то, что «ЦК ветшает, потому что центр тяжести партийной жизни перенесен в парламент-

скую фракцию». Поэтому «важно подумать о съезде». На съезд приедет больше представителей групп, чем на конференцию. На нем «должны быть произведены перевыборы ЦК и обсуждены существенные назревшие идейные вопросы партийной жизни».

Против предложения Кишкина энергично выступили все последующие ораторы, и он остался в полном одиночестве.

Кн. Д. И. Шаховской заявил, что он «не верит в возможность созыва правильного съезда». ЦК же, переизбранный на съезде, который «по своему составу будет неизбежно носить случайный характер», будет пользоваться меньшим авторитетом, чем существующий. Н. В. Тесленко также считал «невозможным собрать авторитетный по своему составу съезд». Высказался против переизбрания ЦК на съезде и А. А. Кизеветтер, поскольку съезд, по его мнению, будет «несомненно фиктивным».

Последним против съезда выступил М. Г. Комиссаров, считая, как и другие, что съезд будет случайным по составу, а потому неавторитетным. «На предстоящей конференции выборов производить нельзя» — этот вывод был принят единогласно¹⁴.

Тем не менее вопрос о съезде был поднят на конференции 2—3 февраля 1913 г. За созыв съезда для переизбрания ЦК высказался, в частности, представитель Киева Е. Г. Шольп. В резких выражениях потребовала съезда А. В. Тыркова. Представитель Риги В. М. Вторых был против съезда. В результате обсуждения было вынесено следующее постановление: «Просить Ц.К.-т созвать ближайшую конференцию главным образом для обсуждения вопросов об организации партии на местах, о связи местных групп с Центр. комитетом и о возможности созыва партийного съезда для переизбрания ЦК; просить ЦК, разослав предварительно на места тезисы организационного доклада, представленного настоящей конференцией, озаботиться получением заключений местных групп и составить их сводку для предстоящей конференции; время созыва конференции предоставить на решение парламентской фракции к.-д.»¹⁵.

В связи с этим постановлением 20 февраля 1913 г. было вынесено решение разослать тезисы организационного доклада, а конференцию провести 25—26 мая¹⁶.

На пленарном заседании 14 мая 1913 г. Кишкин уже выступил против съезда. Прежде чем переизбрать ЦК, заявил он, необходимо «произвести учет сил». ЦК должен заявить конференции, что съезд не может быть созван, «пока не будет ясно состояние партии в стране». Если учет покажет, что на местах осталась «незначительная кучка», которой «нельзя поручить переизбрание ЦК, то придется признать, что съезд для перевыборов ЦК невозможен». Ему вторил Милюков. Кадеты, конечно, на местах есть. Но сейчас неподходящий «момент для подсчета, а без подсчета съезд невозможен. Не надо забывать и того, что съезд, собранный для перевыборов ЦК, может признать себя полномочным и по пересмотру программы».

Против съезда был и Ф. Ф. Кокошкин.

Следующие два оратора высказались за съезд и переизбрание. Учет сил в данный момент невозможен. признал кн. Долгоруков, но созыв съезда для перевыборов ЦК и разрешения очередных вопросов, кроме программных, тем не менее необходим «Парламентская фракция, — заявил Н. В. Некрасов, — настроена в пользу перевыборов ЦК». Во-первых, слишком мало членов принимают участие в его работе. Во-вторых, созыв съезда «может оживить партийные организации на местах и результаты подсчета сил не будут неблагоприятны, если только не будет требовать открытого исповедничества принадлежности к партии» Против перевыборов ЦК есть только одно серьезное возражение — это то, что местные организации, которые будут посылать на съезд своих делегатов, сами давно не переизбирались. Необходимость переизбрания отстаивал и Колюбакин. «Приток новых сил в ЦК, — возражал он Милюкову, — не страшен, и момент для созыва съезда наступил.. Партийные ячейки на местах представляют собой большую нравственную силу, и им не опасно доверить выборы ЦК»

Но лидер партии был на этот счет другого мнения. «ЦК не имеет права выпустить из своих рук того знамени, которое ему было вручено», — решительно заявил он. Перевыборы могут дать тройкий результат: «1) старый состав; 2) старый состав без некоторых лиц, что нежелательно, п[отому] ч[то] не следует заставлять людей раньше времени подводить итоги; 3) и самое худшее — это старый состав, пополненный новыми лицами, п[отому] ч[то] всем хорошо известно, что представляют из себя члены партии, стоящие вне ЦК, — как мало они политически воспитаны».

Судя по ходу прений, Милюков и Кокошкин должны были одержать легкую победу, но в действительности они оказались в меньшинстве по всем пунктам. Было постановлено:

«1) признать желательным и возможным созыв съезда для выборов ЦК (большинством в 6 голосов против 4),

2) признать возможным произвести выборы ЦК без предварительного учета сил (большинством в 5 против 2);

3) признать необходимым до выборов ЦК произвести перевыборы местных комитетов (большинством в 4 против 3)...

4) признать допустимым созыв съезда только для выборов ЦК, не представляя ему права пересмотра программы (большинством в 6 против 3)». Составить доклад о созыве съезда было поручено Колюбакину.

«Н. М. К [ишкин] и П. Н. М [илюков] оставили за собой право выступать на конференции с защитой своих мнений»¹⁷.

Спустя четыре дня, 18 мая, вернувшись в Петербург, «члены СПБОЦК, принимавшие участие... в пленарном совещании в Москве 14 мая... сделали сообщение о занятиях пленарного совещания». Выслушав сообщения Милюкова, Колюбакина и Некрасова, ПОЦК постановило: «Собраться 24 мая для заслушивания доклада А. М. К [олюбакина] о съезде, порученного ему Московским пленарным совещанием»¹⁸

24 мая, за день до конференции, Колюбакин изложил ЦК содер-

жание своего доклада. Прения по нему превратились в настоящее сражение между ним и Некрасовым, с одной стороны, Милюковым, Шингаревым и др.— с другой. На этот раз вождь партии одержал полную победу, взяв, таким образом, реванш за поражение в Москве. Разговор велся по крупному счету и начистоту.

По мнению докладчика, «препятствия к созыву лежат не во внешних, полицейских условиях, так как конференции происходят с этой стороны беспрепятственно». «Гораздо более важное препятствие заключается в дезорганизованности местных групп, дошедшей до того, что москвичи насчитывают всего лишь 9 правильно организованных групп». Созывать съезд по типу конференции нельзя: явка на них случайная, «без правильных полномочий», часто только «от себя». Очевидно, необходима предварительная подготовка в местных группах. На пленарном заседании было решено, во-первых, произвести точный учет их наличного состава и, во-вторых, переизбрание комитетов. На этих двух условиях необходимо настаивать, но отсюда не должно следовать, что местные комитеты нужно воссоздавать в прежних составах, когда в партии была «масса членов, ныне отпавших или спрятавшихся». Пусть вместо 30 членов местного комитета будет 5—7 человек, но чтобы они были «более приспособленные к нуждам момента и работоспособные». Провести все это надо в текущем году, до новой конференции.

Следующая часть доклада была посвящена вопросу формирования съезда, его численности и соотношения представительства на нем гостей и учреждений партии. Численность съезда, по мнению Колюбакина, прежде всего необходимо «сообразовать» с составом фракции. Если фракция будет составлять большинство, то ЦК будет избран фракцией, а не съездом. «В Москве об этом ни до чего не договорились», его же мнение сводится к тому, что число «уполномоченных» должно превышать число членов фракции не менее чем в полтора раза. Расчет следующий: от фракции 40 человек, собственно делегатов — 60. К ним надо добавить 20 членов ЦК, и, таким образом, съезд будет насчитывать не менее 120 человек. «Вряд ли состав съезда превысит вычисленную цифру 120. Скорее можно ожидать недобора состава (что не годится.— А. А.)», но в этом случае «недостающие мандаты можно было бы разложить на более многолюдные местные группы: московскую, одесскую, киевскую и др.». Из одного места максимум представительства определить в 5 человек.

Последним вопросом, затронутым докладчиком, был вопрос о компетенции проектируемого съезда. Раз съезд соберется, заявил Колюбакин, «он будет компетентен для решения всяких вопросов (а не одного лишь вопроса о переизбрании ЦК.— А. А.), если бы даже местные группы и не дали делегатам определенных поручений». Каждый делегат вправе от своего имени поднять на съезде любой вопрос. Но этого не следует опасаться: «Надо думать, что сам съезд не захочет принимать решений без серьезной предварительной подготовки». Вряд ли кто-либо захочет поднять вопрос о

пересмотре партийной программы, но «предпринимать заранее, какие бы то ни было предосторожности, пытаться сузить компетенцию съезда определенными рамками было бы неудобно».

Милюков первым ринулся в бой, и следует отметить, что его оценка положения партии, возможности возрождения ее местных организаций, а тем самым и созыва «правильного» съезда, была реалистичнее надежд Колюбакина, Некрасова и других «левых» кадетов, поскольку в условиях всеобщего разочарования Думой и «органической» деятельностью кадетов в ней привлечь в партию новых членов в сколько-нибудь значительном числе было безнадежно. Милюков заявил, что он противник съезда при современных условиях: «Абсурдность этой затеи вытекает уже из того факта, что сейчас имеется лишь 9 организованных групп (в провинции, — А. А.)». Самые горячие сторонники съезда ставят в качестве неперемennого предварительного условия перевыборы местных комитетов. Но ведь это же на деле невыполнимое требование: «За немногими исключениями перевыбор явится, по существу, фиктивным, и вместо съезда получится та же конференция». Поэтому на предстоящей конференции надо обсудить вопрос лишь о «возможности правильного съезда», и то только для переизбрания ЦК.

Некрасов поднял перчатку. Он находит «весьма условной» статистику, согласно которой на местах имеется всего лишь 9 групп. На деле их больше, а «если будут приняты меры», то число их возрастет еще более. Числовые соотношения делегатов на съезде Некрасов предложил несколько иные, чем Колюбакин: при 60 членах фракции и 20 членах ЦК следует избрать «равное им число уполномоченных от местных групп (80). Фактически явится меньше, и надо установить кворум».

Видя, что прения приняли такой оборот, присутствовавший на заседании член МОЦК кн. Шаховской задал вопрос о праве ПОЦК «перерешать вопросы, решенные в пленарном совещании 14 мая». На это ему было «разъяснено», что хотя это заседание не пленарное и поэтому не имеет права «перерешать» то, что было решено 14 мая, но поскольку Милюков, Некрасов и другие оставили за собой право отстаивать на конференции свое мнение, «то решения 14 мая никого не связывают и возможно параллельное изложение (на конференции. — А. А.) различных точек зрения».

В. Д. Набоков в связи с этим добавил, что вопрос о созыве съезда на пленарном заседании «решен незначительным большинством, и если посчитать голоса членов Ц.К.-та, не ездивших в Москву, то большинство окажется против решения пленарного совещания. Лично он против съезда — по невозможности его правильно организовать». В выступлении Набокова был откровенно сформулирован основной мотив противников съезда: он признает данный момент «малоподходящим для попыток искусственного возрождения местных организаций», поскольку вместо желаемого можно достигнуть обратного — создать «опасное впечатление распада партии».

Колюбакин, «наоборот, полагал, что надо же делать партийную

работу, освежить партию». Нельзя же ограничиваться только хранением традиций и почетных реликвий

Корнилов «доказывал, что съезд на предположенных основаниях не состоится» — 60 правильно избранных уполномоченных не окажется, поэтому «не надо играть в прятки». а прямо сказать конференции: «Созыв съезда сейчас невозможен».

Дискуссия достигла точки кипения, когда Некрасов снова взял слово. Заявляя, что он «решительно» стоит за созыв съезда, он закономерно поставил вопрос о том, что решение организационных проблем с неизбежностью повлечет за собой и необходимость пересмотра программы партии. Его несколько не пугает, говорил он, что на съезде могут быть подняты даже программные вопросы, например аграрный. «В противоположность П.Н.М. и другим» он придает съезду «громадное значение в смысле возрождения партии». Съезд даст толчок партийной деятельности на местах, «произведет девальвацию партийных ценностей». Беречь реликвии не задача партии. «Все знают, что и партийная программа в известной части пережила себя». Пора также «отказаться от горделивой мысли, что за губернскими партийными комитетами стоят тысячи членов». Пусть будет немного народу в партии, но такого, на который можно положиться.

Но даже это явно запоздалое «левение», к которому призывал Некрасов, было встречено в штыки руководством партии.

Шингарев отвечал сторонникам созыва съезда как истый партийный бонза, которым он успел стать за пять лет «солидной» и «респектабельной» деятельности в третьейиюньском «парламенте» Он «изумлялся». откуда Некрасов взял, что кадетская партия исчезла и ее надо возрождать, что нуждается в изменении программа и что вообще нужна какая-то «девальвация ценностей». «Кто же посылает к.-д.-тов в Думу, если партии нет? — с пафосом восклицал он. — Когда депутаты приезжают в провинцию, разве не окружают их широкие круги товарищей?» Действительно, на местах нет комитетов, «которые страдали бы от избытка членов». Но в этом никакой особой беды нет. Для текущей работы этих небольших групп вполне достаточно, а когда наступает пора выборов, «группы оживляются, расширяются и успешно ведут свое дело, а не деградируют и вымирают. как кажется Н.В.Н. (Некрасову. — А. А.)».

И Шингарев, и Милюков очень обиделись на некрасовскую «девальвацию». По тому, как последний обрушился на Некрасова, было видно, что он этим выражением был сильно задет. От Некрасова он, Милюков, в первый раз услышал такую широкую постановку вопроса. «Н.В.Н. (Некрасов.— А. А.) хочет образовать новую партию, произвести девальвацию и создать новые политические ценности... Но это будет началом новой партии и гибелью прежней. Лично П.Н.М. (Милюков. — А. А.) стоит еще за старую партию и позволяет себе думать, что традиции этой старой партии еще крепко сохраняются в стране». К «девальвации» прибегают во время кризиса, но сейчас никакого кризиса нет. Может быть.

ставил Милюков вопрос ребром, Некрасов уже отрекается от прошлого партии и не разделяет программы партии? «В созыве съезда с учредительными функциями П. Н. М[илюков] видит опасный прыжок в неизвестность; у него нет уверенности, что съезд может что-либо изменить к лучшему».

Колюбакин практически капитулировал под натиском Милюкова и его сторонников, но Некрасов продолжал сражаться с прежним упорством. Термин «девальвация» был употреблен им в «узком» смысле — в отношении численности губернских комитетов. Партия ему «так же дорога», как и Милюкову, «и для ее сохранения он и хотел бы сплочения немногих, но верных ее членов». Но те, «испытанные», которые не покинули партию в ее трудное время, имеют «нравственное право» и на переизбрание ЦК, и на пересмотр программы. «Никакой новой партии Н.В.Н[екрасов] не желает и не собирается создавать». Партия переживает кризис, «но ни у кого не хватает мужества сознаться в этом». В желании реорганизовать местные группы не надо усматривать какой-то подсчет сил «с задними мыслями». «Запасные кадры к.-д-ской партии многочисленны, но действующую армию нельзя оставлять в нынешнем виде. Внезапно могут наступить неожиданные события, и надо быть заранее готовыми, чтобы они не захватили партию врасплох».

Патриарх кадетской партии Петрункевич полностью разделял точку зрения и аргументацию Милюкова. «Созывать съезд из омертвевших членов не значит оживлять партию». Когда обстановка будет иной, партия «без всяких искусственных способов оживления» соберется на съезде. После этого Петрункевич сообщил, что его посетил представитель киевской группы и передал ему проект резолюции группы о созыве съезда, а также проект правил о способе его созыва. При этом было заявлено, что группа вовсе не желает конкурировать с ЦК, и если он предложит собственные аналогичные проекты, группа снимет свои резолюции. «Но так как единого, цельного доклада от Ц.К.-та не предвидится, — заключил он, — по-видимому, *резолюцию киевской группы придется огласить...* Трудность положения заключается в том, что большинство ЦК будет против предложения о съезде, вносимого от имени ЦК».

В ответ на это Колюбакин заявил, что, поскольку он остался в меньшинстве, он не считает возможным выносить доклад на конференцию ни от имени меньшинства, ни от себя лично. «Остается доложить протокол МОЦК и открыто заявить, как разделились голоса в Ц.К.-те по вопросу о самой желательности съезда».

Некрасов, не желая сдаваться, «выразил готовность доклады-вать от имени МОЦК (имеется в виду пленарное заседание 14 мая. — А. А.)».

На это председатель (Петрункевич) возразил, что Некрасов «не выражает мнения пленарного совещания», так как оно вынесло решение о съезде лишь для переизбрания ЦК.

Милюков и Шингарев решили закрепить свою победу, предложив «в целях точного выяснения настроения ЦК по отношению к

созыву съезда» подвергнуть баллотировке тезисы, принятые в пленарном заседании. В ответ Шаховской и Колюбакин указали, что речь идет не только о решении ЦК, но и о постановлении минувшей конференции, поручившей ЦК созвать следующую конференцию специально для обсуждения вопроса о возможности созыва съезда для переизбрания ЦК. МОЦК ставит вопрос именно «в этих пределах» и «только добавляет вопрос о самой желательности съезда».

Тем не менее голосование состоялось. «Формула МОЦК о возможности и желательности съезда для переизбрания ЦК» была отвергнута 9 голосами против 3 воздержавшихся. Предложение же «о расширении компетенции съезда» было отвергнуто 10 голосами против 2 (Колюбакина и Некрасова)

Таким образом, резюмировал председатель, «имеется определенное мнение значительного большинства ЦК» как по вопросу о желательности и возможности съезда, так и по вопросу о пределах его компетенции ¹⁹

На другой день, 25 мая 1913 г., открылась конференция. Это была одна из самых малочисленных кадетских конференций ²⁰, по зато она была единственной, где организационный вопрос был поставлен на первое место, а традиционный «тактический» доклад отодвинут на второе. Более того, прения по вопросу о съезде партии приняли такой оборот, что привели в явное замешательство кадетских лидеров: впервые они столкнулись со столь резким осуждением линии ЦК со стороны ряда представителей с мест.

Прежде всего представитель Киевской группы потребовал доложить об отношении ЦК к вопросу о созыве съезда. В ответ председатель сообщил, что ЦК не имеет на этот счет единого мнения, поэтому и не представил своего доклада конференции. Большинство считает съезд нецелесообразным, другая группа членов стоит за съезд только для переизбрания ЦК, и, наконец, третья, состоящая из двух человек, высказывается за съезд без всяких ограничений. Далее «по желанию конференции члены ЦК (представители всех трех групп — Колюбакин, Кишкин и кн. Долгоруков. — А. А.) последовательно изложили мотивы своего положительного или отрицательного отношения к идее созыва съезда».

После этого заговорили представители с мест. Большинство их высказалось за съезд. Потребовали съезда и переизбрания ЦК представители из Киева, Чернигова, Саратова, Казани, Риги. Против съезда высказались только делегаты из Мариуполя и Баку. Решительной сторонницей съезда объявила себя Тыркова. Зато ее единомышленник Гредескул, бывший до этого сторонником съезда, на этот раз, неизвестно почему, выступил столь же решительно против него.

Аргументация pro и contra не прибавляет ничего нового к тому, что нам уже известно. Подлинно новым явлением, как уже отмечалось, была явная конфронтация ряда местных групп и ЦК.

Когда заходит речь о кадетском ЦК, ядовито указывал киевский представитель, то в изумлении восклицают: «Как, разве он еще существует?» Он «не только стране, но и своей собственной

фракции мало известен». «Что бы ни дал съезд, — заявил представитель Саратова, — это все же будет лучше, чем то, что есть — какой-то живой труп». «Удивительно желание сохранить такое положение вещей, — говорил он далее, — в нем сказывается какой-то переход к олигархии или даже монархии». Да к тому же, и это весьма некрасиво, члены ЦК — противники съезда.

Кадетские лидеры — противники съезда, особенно Шингарев, решили не церемониться с «бунтовщиками». Были пущены в ход и «демонстрация», и «вандализм» и другие подобные выражения, вынудившие запротестовать даже члена фракции В. А. Степанова. В боязни «вандализма» со стороны съезда, заявил Степанов, он «также готов усмотреть и привычку к властвованию, и недоверие к „ограниченному уму подданных“».

Страсти разгорелись настолько, что кн. Долгоруков счел «нужным протестовать против раздающихся утверждений, будто бы ЦК оказывает давление на конференцию и пытается навязать ей свое отрицательное отношение к съезду».

Милюков был вынужден отметить, что «в речах впервые прозвучали ноты вражды и недоверия: ЦК обратился чуть не во врага, которого трепали без должной бережливости».

Конечный итог прений по организационному вопросу был таков: за резолюцию киевлян проголосовало 11 человек, против — 32. Была принята компромиссная резолюция Кишкина (всеми против 4), гласившая: «Поручить Ц.К.-ту предложить местным группам провести учет своих партийных сил и перевыбор местных комитетов как подготовительную работу для созыва имперского съезда; вопрос о времени созыва съезда отложить до осенней конференции»²⁰.

Спустя 4 дня, 30 мая, на заседании ПОЦК во исполнение постановления прошедшей конференции «присутствовавшие обменялись мыслями» относительно того, каким способом должен быть осуществлен учет численности партии, «придавая способу учета важное значение» ввиду тех решений, которые может принять будущий съезд. «Мысли», зафиксированные протоколом, весьма любопытны. Было «высказано», в частности, что во избежание случайности и пестроты состава надо установить какие-то общие принципы, которые бы одинаково применялись во всех местных организациях. Учитываемых следует разбить по определенным категориям, установить своего рода «концентрические круги», из которых «самый тесный составили бы лица, открыто принадлежащие к партии к.-д.», следующий круг — примыкающие, так называемые «никодимы» партии и, наконец, третий и последний круг должен включать в себя всех тех, кто голосовал на выборах за кадетских кандидатов. Говорилось и о том, что нельзя полагаться на «чисто канцелярские отписки» местных групп, в которых будет сказано, что в данный момент можно рассчитывать на такое-то число членов, а необходимо произвести «точный поименный учет» и что такой учет, возможно, даже будет способствовать «подъему настроения» на местах. Наконец, было «указано», что в зависимости от

того, к какой категории будет отнесен каждый из учтенных, будут определяться и его права по части делегирования на съезд. В отношении прав «никодимов» были «высказаны различные взгляды»: одни считали, что «никодимы» не должны принимать участие в выборах делегатов на съезд, потому что такому праву «должна соответствовать готовность открыто принадлежать к партии, нести известный риск и неприятности»; другие не были с этим согласны, отмечая, что среди «никодимов» имеются «весьма полезные деятели по самоуправлению и даже чиновники, т. е. те элементы, которые являются самыми глубокими корнями партии в населении»²¹.

Вторично этот вопрос должен был обсуждаться на пленарном заседании ЦК в Москве. Это заседание состоялось 5 октября 1913 г. и было необычно многолюдным: присутствовало 17 членов ЦК, причем петербуржцев было почти столько же, сколько и москвичей — 8 членов (Милюков, Шингарев, Колюбакин, Протопопов, Некрасов, Корнилов, Изгоев, Гредескул). Остальные девять представляли МОЦК и московский комитет (Кишкин, кн. Шаховской, Щепкин, Кизеветтер, Комиссаров, кн. Долгоруков, А. Р. Ледницкий, А. А. Мануйлов, Н. И. Астров). Хотя заседание было посвящено вопросу «о постановлениях весенней конференции, и прежде всего о ее поручении созвать съезд», прения, по предложению Кишкина, были расширены и приняли общий характер. Ввиду того, указал Кишкин, что данный момент «существенно отличается» от предшествующего, следует обсудить «вместе с вопросом о съезде» «организационные вопросы вообще». Конкретно это вылилось в рассмотрение вопросов программы и тактики, расширения социальной базы партии и др. Вопрос, ради которого собрались, остался совершенно забытым, несмотря на то что кн. Долгоруков пытался спасти повестку, настаивая на том, чтобы вначале обсудить вопрос о съезде. Принятые в конце заседания решения также никакого отношения к вопросу о съезде не имели²². Настроение большинства участников заседания было явно не в пользу съезда, и им просто не хотелось о нем говорить.

Спустя две недели, на заседании МОЦК 20 октября, это настроение проявилось в полной мере.

В соответствии с ходом обсуждения было «единогласно признано, что съезд по условиям современного положения не нужен, но что и ЦК, и местные группы должны готовиться к тому, что может явиться потребность внезапно созвать съезд»²³. Это была уже новая постановка вопроса: формула «съезд невозможен» была заменена другой — «съезд не нужен». Из всего хода прений, как и из текста решения, видно, что последние слова не оговорка, а именно новый подход к вопросу, отразивший дальнейший нажим ЦК на «бунтовщиков». В специальных «Постановлениях», приложенных к протоколу, этот пункт повторен снова в той же редакции²⁴.

Последний тур дискуссии по вопросу о съезде в обоих отделениях и на пленуме ЦК был и на этот раз обусловлен сперва подготовкой, а потом анализом итогов очередной конференции партии.

Вначале эта конференция, как обычно, планировалась на осень 1913 г., но по ряду причин, в основном технических, выдвигаемых ПОЦК, сроки несколько раз переносились и ее удалось провести только в конце марта 1914 г. Это была последняя конференция кадетской партии мирного времени ²⁵

За день до начала конференции, 22 марта, на заседании ПОЦК были обсуждены девять тезисов организационного доклада МОЦК, из которых наиболее существенными были положения о том, что «партия к.-д. как организация почти не существует» (все причины сводились, как обычно, к преследованиям администрации), а также что партия не в силах восстановить местные организации, почему и созыв съезда несвоевремен ²⁶

Таким образом, с разнобоем в ЦК по вопросу о съезде было покончено и на конференции 23—25 марта 1914 г. делегаты с мест встретили в нем решительного противника съезда, не согласного назвать даже приблизительную дату его созыва. Сторонниками съезда остались два-три члена ЦК.

В качестве «нового оружия», при помощи которого ЦК намеревался сокрушить саму идею съезда, был избран доклад о состоянии партии, представлявший собой анализ и итог того самого учета партийных сил, который был проведен МОЦК во исполнение решения майской конференции. Основной вывод этого обширного доклада гласил: «Все вышеизложенное заставляет признать, что партия к.-д. почти не имеет в настоящее время правильно организованных комитетов, что она не может произвести учет своих членов, следовательно, не может установить точно своего состава, не может выполнять свой устав, переизбрать комитеты, не может созвать съезд» ²⁷

Основанием для такого вывода послужили ответы на запрос-анкету, посланную по 118 адресам. Из 49 губернских городов Европейской России на анкету ответили 44 города, из 62 уездных — 42. Кроме того, 5 ответов на 7 запросов дали Кавказ и Сибирь — итого 91 ответ. Согласно этим ответам, комитеты или «ядра» сохранились в 26 губернских городах; отдельные лица, открыто признававшие себя кадетами, имелись в 15 городах. В уездных городах соответственно в 18 (во всех только «ядра») и в 19. На Кавказе оказалось два «ядра», в Сибири — 1 комитет ²⁸

Кишкин сопровождал чтение доклада МОЦК об учете партийных сил некоторыми пояснениями. В частности, им было «сообщено, между прочим (!), что из опроса местных комитетов (причем не были приняты в счет одна из столиц, г. Киев, и некоторые другие видные пункты) выяснилось, что лиц, готовых открыто заявить о своей принадлежности к партии к.-д., насчитано свыше 730 человек. Кроме них, имеется значительное число так называемых „никодимов“, по тем или иным соображениям не оглашающих своих партийных симпатий» ²⁹

Каким образом было «насчитано» это число (тем более что сам доклад признавал невозможность точно установить состав партии) неизвестно, как неизвестно также, почему в подсчет не

была включена «одна из столиц» (Петербург) и некоторые другие «видные пункты» (Киев не ответил демонстративно — в знак своего недовольства организационной политикой ЦК), но факт тот, что это единственная цифра, которая была официально названа ЦК за весь третьейюньский период, и в этом ее значение.

По-видимому, она была близка к действительности. Анкетный опрос в условиях отсутствия регистрации членов, систематической отчетности и т. п. был единственным и достаточно объективным способом установления численности партии. Сам факт неответа указывал на исчезновение той или иной местной организации. Общее число могло быть и неточным, но ненамного — в целом картина была получена верная.

Выводы доклада основывались, таким образом, казалось бы, на трезвой оценке положения. Но основной их порок состоял в том, что не вскрывалась главная причина резкого уменьшения численности кадетской партии. Действительным основным фактором, обусловившим этот процесс, было банкротство кадетской политики и тактики, начиная с революции 1905—1907 гг., приведшее к резкому разочарованию даже в либерально-«никодимовских» кругах, к сомнению в ее способности быть действенной политической силой. Именно поэтому партия превратилась в мертвое, филистерское верхушечное объединение, начисто растерявшее былые симпатии.

Несмотря на, так сказать, явно превосходящие силы противника — организованное мнение организованного ЦК — разрозненные и немногочисленные представители с мест — сторонники съезда оказали им упорное сопротивление. Петербургский делегат заявил, что он «вынес чрезвычайно удручающее впечатление из того пункта доклада, в котором говорится о невозможности созвать партийный съезд, он не видит достаточных оснований к такому выводу». У партии все же до 1000 человек членов. (*Голоса*: «Раньше насчитывали до 20 000 человек!») Потребность в съезде насущная, острая. В унисон петербуржцу делегат Киева Д. Н. Григорович-Барский указывал, что сведения МОЦК занижены. В частности, Киевский комитет рассылает приглашения «на чай» 300—400 лицам, из которых приходит примерно половина. «Из них много настоящих к.-д., только не приписанных к партии». По сравнению с прошлой конференцией Киевский комитет пошел еще дальше: он потребовал разработку вопроса о созыве съезда возложить не на ЦК (как это было предусмотрено уставом), «который стал в этом вопросе на бюрократическую позицию», и «сдвинуть его (с нее) невозможно», а на специальную комиссию, избранную конференцией. Совершенно очевидно, что это требование означало выражение ЦК политического недоверия.

Саратовский делегат также высказался за съезд и выразил свое недовольство мертвящей политикой ЦК: «Вместо жизни в докладе нам поставляют какие-то научные методы наблюдения этой жизни».

Делегат Нижнего Новгорода, обратив внимание конференции на то, что состав ее уже растаял наполовину, объяснил, почему это

произошло: делегаты не интересуются общими разговорами и хотят чего-то более определенного. «Центральный интерес конференции — в вопросе о съезде. Давно уже делегат не присутствовал на конференции с таким чувством удовлетворения, как сейчас. Самые разговоры на настоящей конференции принимают характер, свойственный съездам... Наличие таких настроений обязывает центральные органы партии усилить свою организационную работу и в первую очередь позаботиться о созыве съезда, который давно уже стал необходимым...»

Выступая вторично, петербургский делегат заявил: «ЦК опять находит, что съезд не нужен. Такое направление деятельности ЦК ведет к разложению партии. Сама партия перестает существовать. Это хуже раскола. И виноват в этом ЦК».

Высказались за съезд также представители Екатеринослава, Харькова и Самары. Делегат Казани сообщил, что у них мнения разделились: меньшинство высказалось за съезд, большинство — против. Только один тамбовский представитель объявил себя безоговорочным противником съезда. Указав на то, что кадеты в Тамбовской губернии вымирают, «как зубры», он, как и некоторые другие выступавшие, счел возможным откровенно высказать основную причину, по которой «съезд не нужен и даже вреден»: «Опасаясь, что съезд будет только свидетельством нашей слабости»³⁰.

В целом выступления с мест уже были похожи на бунт, и в ответной реакции кадетских лидеров, не ожидавших такого афронта от смиренных провинциалов, сквозило явное замешательство. Милюкову сразу же пришлось пустить в ход не только кнут, но и пряник. Памятуя об уроке, полученном на прошлой конференции, он уже ни словом не обмолвился о «нотах вражды и недоверия». Наоборот, он начал с заявления, что, хотя «нападки» на ЦК и «не на высоте призвания», однако были высказаны в форме, «нисколько не обидной; пожалуй, с известной точки зрения, они были даже полезны, свидетельствуя о горячем отношении к делу». Тем не менее съезд созывать нельзя. Представители с мест обвиняют доклад МОЦК в том, что он рисует «положение партии в слишком пессимистических красках», но он представляет собой объективную и беспристрастную сводку полученных на анкету ответов. Сейчас время для съезда «еще не наступило». Поэтому «фетишизм съезда, вера в то, что достаточно съезду собраться — и он совершит чудеса, не убедительны».

Под конец, чтобы подсластить пилюлю и утихомирить своих взбунтовавшихся подданных, кадетский вождь позволил себе еще одно признание. «В заключение П.Н.М. должен признаться, — говорится в протоколе, — что настойчивые требования созыва съезда производят впечатление и на него, и хотя он противник немедленного созыва съезда, но все же видит, что жизнь вновь начинает приливать к партийным ячейкам и что надо начинать подготовку в таком смысле: конференция, констатируя живую потребность в партийном съезде и признавая, что условия настоящего времени

для созыва съезда неблагоприятны, высказывает уверенность, что условия эти должны в скором времени измениться, и признает нужным, чтобы ЦК теперь же приступил к подготовительным работам к съезду».

Из членов ЦК только один Гредескул с той же горячностью, с какой он на прошлой конференции ратовал против съезда, выступил в его поддержку. «Не тормозите съезда», — с пафосом восклицал вечный оппонент Милюкова, приветствуя «живые голоса, требовавшие созыва съезда». Остальные же — В. Д. Набоков, Ф. И. Родичев и даже Колюбакин — присоединились к точке зрения Милюкова.

Итак, диссиденты лишились последней поддержки в недрах кадетского партийного руководства, но тем не менее решили биться до конца. Киевский делегат, в частности, настойчиво требовал принятия своей резолюции, полный текст которой гласил: «Конференция, обсудив сообщения с мест и признавая, что в стране накопились запросы и настроения, требующие систематической разработки, что организационная работа и вообще партийная жизнь в стране почти приостановилась, приходит к заключению о неотложной необходимости возложить на специальную комиссию из 13 членов выработку: 1) порядка созыва делегатов на съезд; 2) плана подготовительной работы к съезду в стране, каковые проекты и внести через Ц.К.-т на ближайшую конференцию, имеющую быть созванной не позднее конца с. г. В ту же конференцию Центральному Комитету предлагается внести проект выработанной им программы занятий съезда»

Милюков сперва попытался похоронить резолюцию мягко, не прибегая к нажиму. Он заявил, что выступает против резолюции киевлян по двум причинам: во-первых, при избрании комиссии «роль Ц.К.-та оказалась бы странной», во-вторых, он также против назначения определенного срока. На это последовало возражение киевлянина, что у комиссии будут только подготовительные функции, а «кроме того, трудно и навязывать Ц.К.-ту дело, которому он недостаточно сочувствует». После такого ответа кадетскому лидеру пришлось поднять забрало: «В виду сказанного и он выскажется более определенно: по уставу партии созыв съездов исключительно возложен на Ц.К.-т», и предложение киевлян, собственно, «не подлежало бы баллотированию». На реплику киевского депутата. «Но ведь комиссия сама ничего и не будет решать, она лишь выработает план действий» — Милюков дал столь же решительный ответ: «Ц.К.-т не может принять такого поручения от конференции. Конференция может высказывать мнения о том, что желательно. Но исполнительные меры может принять только Ц.К.-т». Когда же в ответ раздались «голоса». «Раз ЦК не отказывается от своих прав, то незачем и ставить на баллотировку предложение о комиссии», лидер быстро сообразил, что он перегнул палку. «П. Н. М. заявил, — отмечается в протоколе, — что он не хотел бы помешать конференции высказать ее мнение»

Результат голосования был, конечно, предрешен. «Очевидным большинством избрание комиссии отвергнуто. Вслед затем пробаллотирован по пунктам и принят очевидным большинством проект резолюции, предложенный Ц.К.-ом (т. е. Милюковым, которая была приведена выше. — А. А.)». Было отвергнуто также дополнение к резолюции в том смысле, «чтобы результаты подготовительных работ были доложены на конференции „не позднее конца года“», правда, очень незначительным большинством — 25 против 23. Председатель не допустил до голосования предложение представителя Риги о том, чтобы ближайшая конференция дала бы директивы фракции на том основании, что оно противоречит уставу, согласно которому «фракция автономна». Тезисы доклада МОЦК было решено передать на предварительное обсуждение местных комитетов партии³¹.

30 марта ПОЦК обсудило итоги только что закончившейся конференции. Сразу же, конечно, встал вопрос о съезде. Чувствуя себя полным хозяином положения, Милюков заявил: даже сторонники съезда на конференции «не допускали», что съезд можно будет «созвать ранее чем через 2 года». Эта перспектива «подходящая», и ее надо принять, ибо «основной вывод» доклада МОЦК о невозможности скорого созыва съезда был принят конференцией. «Никакого срока для созыва съезда сейчас декретировать нельзя, — делал Милюков решительный вывод, — и поэтому предложение А. С. И [Изгоева] о созыве съезда на осень надо снять с очереди».

Кроме Изгоева, за необходимость созыва съезда высказались Гредескул и — с оговорками — Набоков; Колюбакин окончательно перешел в лагерь противников съезда.

Дискуссия закончена не была. Решено было сначала собраться еще раз в Петербурге, а затем на пленарное совещание в Москве «для дальнейшего обмена мнений о результатах конференции 23—25 марта»³².

Однако на следующем заседании ПОЦК обсуждался уже фактически другой вопрос — не о съезде, а о том, «как и в каких пределах вести подготовительную разработку программных вопросов к съезду»³³.

На пленарном заседании ЦК от 19 мая 1914 г. — последнем совместном заседании москвичей и петербуржцев в довоенный период — мнение ПОЦК о том, что «из программных вопросов должны быть выдвинуты три: национальный, аграрный и финансово-экономический», было одобрено. В отношении съезда было решено, что им должно заняться осеннее пленарное заседание ЦК, чтобы решить: «1) время созыва; 2) программу занятий; 3) способ выполнения подготовительных программных работ в ЦК и на местах; 4) вопросы организации съезда, с тем чтобы это мнение ЦК было поставлено на обсуждение на осенней конференции, которая и должна разрешить уже в окончательной форме вопрос о съезде»³⁴. Все это из-за разразившейся войны осталось на бумаге. Все попытки созвать съезд, все бесконечные словопрения по этому вопросу окончились ничем.

Помимо вопроса о съезде, для характеристики состояния партии немалый интерес представляет более подробное рассмотрение упоминавшихся выше материалов обследования МОЦК, на основе которых оно представило свой доклад конференции 23—25 марта. Обследование было произведено организационной комиссией при МОЦК, которая была создана еще в 1907 г. Она функционировала в течение года, составила 26 обзоров губерний, а затем ее работа была прекращена, «так как выяснилось, что развитие партийных организаций по условиям времени было невозможно». Осенью 1913 г. по решению МОЦК комиссия возобновила свою деятельность. Первое заседание комиссии, на котором присутствовало 25 человек, состоялось 13 ноября. Открывая заседание председатель МОЦК Кишкин первым делом «предупредил, что работы комиссии пока не подлежат опубликованию в печати». Перед комиссией был поставлен целый ряд задач, сфера ее организационной деятельности планировалась «очень широко». Но в первую очередь МОЦК интересовал учет партийных сил на местах³⁵.

Выполнить эту задачу было решено при помощи анкеты. За две недели до первого заседания организационная комиссия МОЦК обратилась к своим 118 «местным агентам» — 54 губернским и 64 уездным — с просьбой сообщить: «1) может ли группа приступить к учету своих сил; 2) существует ли партийный комитет; 3) есть ли сплоченное ядро группы; 4) собираются ли периодически для обсуждения политических вопросов». Спустя две недели после рассылки анкеты ответы прислали 10 губернских и 16 уездных городов, или 21% от общего числа запрошенных. Ко второму заседанию комиссии, состоявшемуся 15 декабря, было получено уже 72% ответов от губернских городов — 39 писем из 54, и 63% — от уездных — 40 писем из 64.

На основании присланных ответов организационная комиссия составила несколько сводок, которые дают очень наглядное представление о состоянии местных организаций партии. Первая сводка суммировала данные 21% ответов (т. е. ответов, присланных в течение первых двух недель). Из губернских городов ответили: Калуга, Рязань, Тула, Воронеж, Смоленск, Курск, Казань, Симферополь, Владикавказ, Архангельск; из уездных — Гороховец, Белозерск, Торжок, Челябинск, Пучеж, Плес, Фатеж, Ковров, Сычевка, Умань, Екатеринбург, Ржев, Касимов, Кашин, Зарайск. География ответов, как видим, достаточно пестрая.

Вот несколько типичных ответов.

«С большой скорбью должен сообщить, — писал агент из Фатежа (Курская губ.), — что в нашей местности нет возможности приступить к учету сил, п [отому] ч [то] считать нечего. Может быть тайные к.-д. имеются, но они так старательно спрятались, что их не найти. Если бы к.-д. были призваны к власти, тогда и от черносотенцев, пожелавших стать к.-д., не было бы отбоя». Умань ответила еще более выразительно: «Относительно интере-

сующих вас вопросов могут на них ответить примерным сравнением самочувствия мокрой курицы с курицей сухой, гуляющей по солнцу». Воронеж сообщил, что «явными к.-д. могут себя заявить только совершенно независимые от какого-либо, прямого или косвенного, воздействия администрации лица». Среди состоящих на службе сочувствующих кадетам «много, но, естественно, они стараются не обнаруживать свой истинный образ мыслей, и вызывать их на это неудобно». В том же духе ответил и Ржев. Общий вывод, сделанный комиссией на основании полученных писем, был весьма пессимистичным: «На вопрос: может ли группа приступить к учету сил — все письма дают отрицательный ответ».

Состояние партийных организаций выглядело следующим образом. «Тула и Калуга, слившись с более правыми организациями, утратили совершенно самостоятельную организацию к.-д.» В Симферополе «организация растаяла». «В Курске ядро из 3-4 человек беседует о всех партийных делах при встречах». Во всех остальных губернских городах «существуют ядра в 8—10 человек». В 16 ответивших уездных городах «ядра» сохранились в шести: Екатеринбург, Зарайске, Пучеже, Плесе, Коврове и Сычевке. К ним можно присоединить еще шесть городов, в которых «есть, может быть», по одному «открыто себя заявляющему» кадету. Остальные города констатировали полную невозможность объединения. Так, например, из Торжка прислан следующий ответ: «В нашей местности единственным представителем партии к.-д. являюсь я, и то только потому, что Вам угодно считать меня таковым».

«В общем письма рисуют такую картину: один или несколько к.-д., которые по своей профессии могут себя афишировать, с несколькими „никодимами“ по своему служебному положению образуют ядро или группу в 5—8—15 человек, убежденных к.-д., разделяющих программу партии. Что же касается до сочувствующих, то их везде оказывается очень много. Но под этим термином понимаются не „никодимы“ — члены партии, а лица, оппозиционно настроенные, которым нравится тактика партии и количество которых учитывается числом поданных на выборах за кандидата к.-д. голосов». Так, Торжок уверял, что «к сочувствующим принадлежит главная масса всего населения»; Пучеж считал, что сочувствующей в той или иной мере кадетам можно «назвать большую часть населения» города; Казань полагала, что при закрытом голосовании о сочувствии «голосов тысячу мы бы получили».

Что же касается ответа на последний вопрос: собираются ли периодически для обсуждения политических вопросов, то ответы были «получены исключительно отрицательные». Но в то же время, подчеркивалось в сводке, через все письма, за исключением двух-трех, «красной нитью проходит то, что у к.-д. крепка взаимная связь, которая способна при малейшем улучшении условий жизни возродиться в организацию». В качестве примера приводились письма из Рязани и Онеги. «Наша группа, — сообщал корреспондент из Онеги, — состоит из одного явного кадета и многих сочувствующих чиновников. При таких условиях... нельзя

говорить о сплоченном ядре группы. При прояснении горизонта местный комитет оживет непременно, как количественно, так и качественно». Характерной была подпись: «С уважением — председатель Комитета и единственный явный кадет»³⁶.

Вторая сводка организационной комиссии была составлена уже на основании гораздо более обширного материала — 33 ответов из губернских городов (не ответили 17) и 39 — уездных (не ответили 24). Согласно этой сводке, состояние местных партийных организаций в губернских городах выглядело следующим образом. Сохранилось комитетов — 10: Петербург, Петербургская губерния, Москва, Херсон, Самара, Астрахань, Рига, Казань, Одесса, «Сплоченные ядра» имелись в 14 городах — Тамбов, Чернигов, Полтава, Кострома, Пермь, Могилев, Баку, Рязань, Воронеж, Смоленск, Курск, Владикавказ, Архангельск, Тверь. Отдельные «влиятельные кадеты», объединяющиеся во время выборов с прогрессивными и национальными элементами, проявляли свою деятельность в 4 городах — Ярославль, Пенза, Вильно, Калуга. Совсем нет организованных кадетов в 5 городах — Минск, Ковно, Ревель, Тула, Симферополь.

В 17 из 23 сохранившихся «в той или иной форме» организаций члены собираются от 1 до 10 раз в год «и беседуют по поводу партийных конференций, директив из центра, отчетов депутатов и т. д.». Остальные 6 организаций проявляют активность только во время выборов. «Никто не считает возможным произвести учет, за исключением Петербургской губ., которая предполагает сделать попытки в некоторых уездах, и Москвы, которая обсуждает и выясняет возможные способы учета».

Что касается уездных городов, то ни в одном из них не было комитета. В 16 уездах имелись «сплоченные ядра», а в 18 — «отдельные лица», во время выборов объединявшие вокруг себя «прогрессивные элементы». В остальных пяти уездах «все распалось». «Уездные города, — указывалось далее в сводке, — часто говорят о невозможности партийного оказательства при существующих условиях»³⁷

Все эти данные подкреплялись и иллюстрировались выдержками из писем, многие из которых были столь же выразительны, как и цитированные выше. Приведем три примера. «Дела партии вообще, и в Пензе, и в России, таковы, — делился своими впечатлениями пензенский корреспондент, — что нуждаются в коренной переоценке. Она почти никакого политического влияния не имеет и очень ничтожное количество людей объединяет». «Для нас весь вопрос в легализации нашей партии, — сообщали из Ельни. — Добейтесь ее, и легионы к.-д. предстанут. Воскреснет наша организация»³⁸ На первый взгляд кажется, что приведенные свидетельства выражают совершенно противоположные точки зрения. На самом деле они говорят об одном и том же — о неспособности кадетов возродить свою партию в существующих условиях, при старой обанкротившейся тактике. Дух и суть этой партии лучше всего, пожалуй, выразил ее марнупольский функционер: «Сочувств-

вующими, — писал он, — насыщена вся среда и для их „кристаллизации“ не достает только благоприятных условий, которые избавили бы от необходимости дрожать за свою шкуру при явном оказании своих политических симпатий»³⁹. Он и его единомышленники были очень озабочены тем, чтобы сберечь свою «шкуру», охотно при этом предоставляя рисковать ею другим. На втором заседании организационной комиссии Кишкин отметил: на этот раз предпринятая анкета дала много материала, и из него «ясно видно, что провинция не может нести открыто партийный флаг»⁴⁰.

Организационная деятельность кадетской партии отнюдь не исчерпывалась внутривнутрипартийными делами. Постоянным полем ее деятельности были всевозможные непартийные организации — кооперативы, ученые и профессиональные общества, съезды учителей, врачей, агрономов и т. д. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но здесь кадетам удалось достигнуть гораздо больших успехов, чем в рядах собственной партии. Даже в период III Думы, по мнению Организационной комиссии, работа партии «во внепартийных общественных организациях успешно велась повсюду»⁴¹. В значительной мере это объясняется тем, что в массе своей все эти общества и съезды состояли из тех самых «сочувствующих», которым не хватало только легализации, чтобы превратиться в партийных кадетов.

Большое внимание руководство кадетской партии уделяло своему бюро печати, в задачу которого входила организация и рассылка соответствующих материалов в провинциальные газеты. Кадетский ЦК очень дорожил этим бюро и поэтому на своих заседаниях неоднократно и очень детально обсуждал его работу, намечая меры к дальнейшему расширению и улучшению деятельности этого своеобразного кадетского агентства по печати⁴².

Серьезное значение придавалось лекционной работе, особенно поездкам с лекциями и докладами по стране лидеров партии и членов кадетской фракции. МОЦК и его Организационная комиссия устройство лекций считали весьма важным делом. Для улучшения и расширения лекционной пропаганды было создано специальное лекционное бюро⁴³.

Таким образом, организационные вопросы заняли большое место в деятельности кадетской партии в исследуемый период. По сути дела, они вышли далеко за рамки чисто организационных проблем, каждый раз неизменно упираясь в спор о характере партии и всей ее политике. Выдвигаемая кадетами на первый план ссылка на полицейские репрессии и стремление «сберечь шкуру» отражали положение вещей и достаточно ясно рисовали тип рядового кадета, членскую массу партии. Однако более глубокой и общей причиной организационного развала кадетизма была его контрреволюционность в период, когда вся страна все более охватывалась новым революционным подъемом.

Не случайно, что наиболее острые дискуссии по организационным вопросам возникали именно тогда, когда «левые» кадеты

в лице Некрасова, Колюбакина и др., а также ряд представителей с мест выдвигали требование «отказа от реликвий», пересмотра тактики, говорили о недовольстве деятельностью ЦК и фракции, предлагали начать борьбу за привлечение новых слоев населения. Эти предложения ни к чему уже не могли привести не только в результате своей запоздалости и умеренности, но и потому, что партия потеряла всякий кредит в народе, а главное, органически не могла пересмотреть свою тактику сотрудничества с царизмом на «парламентской» основе, что означало бы отказ от самой себя.

С другой стороны, Милюков, Шингарев и другие лидеры, пытавшиеся отрицать кризис и изобразить его временной трудностью, призывавшие ждать изменения обстановки, твердившие, что для обновления партии «время еще не наступило», но «условия должны в скором времени измениться», отстаивали такой «мудрый» и «осторожный» курс, который также никуда не вел. Партия, мечтавшая о легализации как о манне небесной, ждала, когда эту «легализацию» дадут ей силы, чьи нелегализованные средства борьбы она так сурово порицала. Способная жить лишь в «парламентских» условиях, она не способна была их создать. Хотя этот «мудрый» курс был навязан партии, то была пиррова победа, и в целом борьба по организационным вопросам явилась свидетельством отрыва партии от народа, показателем ее кризиса.

ТАКТИКА

Тактика была богом кадетской партии, а Милюков — пророком ее. Ей поклонялись, приносили жертвы, слагали гимны. Для ее главного священнослужителя слово «тактика» звучало примерно так же, как для генерала слово «война», а для матери — «дитя». Тактика для него и его паствы была источником вдохновения, игры мысли, смыслом жизни. Ради нее жертвовали многим, если не всем. Все остальное в жизни кадетской партии и фракции по сравнению с тактикой считалось второстепенным, вспомогательным, подчиненным. Не было ни одной кадетской конференции с 1907 по 1914 г., где не обсуждался бы в качестве первого и главного пункта повестки дня вопрос о тактике и где не выступал бы в роли докладчика по нему Милюков. Исключение составляла только майская конференция 1913 г., и только в том смысле, что первым на повестке дня стоял организационный вопрос, а политический доклад был передвинут на второе место.

Такая приверженность к тактике не была, конечно, случайной. Она очень хорошо отражала политическое самочувствие кадетской партии, обусловленное ее классовой природой и местом, которое она занимала в системе политических сил страны. Тактика для кадетов, позволим себе такой парадокс, была главным источником жизни и главным средством ухода от нее. Практически вся она сводилась к тактике в Думе, к деятельности фракции. Это позволяло погружаться в мир мелких политических

расчетов и комбинаций, связанных с министерскими отставками и назначениями, очередными право-«левыми» колебаниями октябристов, раутами, совещаниями и просто слухами. Одним словом, иллюзию политической жизни воспринимать как самую жизнь.

Отодвигались вдаль неприятные мысли о собственном организационном неустройстве, потере массовой базы, росте революционных настроений, отчужденности от народа и т. д. И хотя трезвая мысль и реальность подлинной жизни снова и снова заставляли убеждаться в том, что расчеты на Думу провалились и задачи, поставленные перед страной историей, будут решаться «улицей», а не третьейиюньским «парламентом», продолжался, с одной стороны, сознательный обман народа, с другой — собственные иллюзии относительно возможности и, главное, обязательности «конституционного» пути развития, исключения революции как неизбежной альтернативы.

Этим полностью обуславливались содержание кадетской тактики и характер внутривнутрипартийной борьбы вокруг нее. Основная проблема, из-за которой ломались копья, сводилась к поискам ответа на вопрос: как, оставаясь на деле умеренно либеральной партией, ориентирующейся в своей реальной политике на сделку и союз направо, сохранить в то же время вывеску демократической, доказать массам истинность своего двойного наименования, чтобы не оказаться оставленной за чертой на случай, если события пойдут так, как больше всего кадетам не хотелось, чтобы они пошли. Проблема была неразрешимой, и именно этим, как увидим, объясняется неизменная победа тактической линии Милюкова, которая внешне выглядела некоей равнодействующей между открытым «веховским» курсом, требующим, как в свое время выразился Изгоев, «перестать косить глаза налево» и левым течением, считавшим, что без масс не обойтись и «косить глаза налево» необходимо. Главным представителем «веховского» течения в кадетской партии были П. Б. Струве, Н. А. Гредескул, В. А. Маклаков, М. В. Челноков и др. Наиболее последовательным идеологом левых кадетов в третьейиюньский период был Некрасов.

В действительности линия Милюкова—Шингарева была «веховской» и подлинная разница между ними и Струве состояла лишь в том, что они пытались проводить «веховскую» политику скрыто, тогда как Струве и К° требовали откровенно контрреволюционного курса, полагая, что до тех пор, пока со стороны кадетов не будет сделано открытого принципиального заявления об отказе от всяких попыток сотрудничества с левыми партиями, они не могут рассчитывать на доверие и поддержку буржуазии, попытки же загрызания налево, как показал опыт революции 1905—1907 гг., всегда будут безнадежны.

Обычно дискуссия в ЦК (преимущественно в ПОЦК) по тактическим вопросам возникала в связи с подготовкой к очередной конференции партии, когда на предварительное обсуждение ста-

видели тезисы или основные положения тактического доклада. В рассматриваемый период имели место три таких дискуссии — в связи с конференциями в феврале, мае 1913 г и марте 1914 г.

В порядке подготовки первой из этих конференций диспут начался на заседании ПОЦК 27 января 1913 г Милюков охарактеризовал положение вещей как состояние «длительной неопределенности» У правительства нет никакой руководящей идеи и плана, вносимые им законопроекты — результат обычного хода бюрократического механизма В свою очередь в Думе «также нет руководящих и ответственных групп и она совершенно дезорганизована» октябристов правительство отвергло, а националисты слишком малочисленны, чтобы на них можно было опереться. Дальше шел весьма неутешительный вывод: *«Безнадежность положения в том что хотя идеология реакции изжита, но механизм ее в силу инерции работает исправно: критикой с кафедры его не проймешь. Отсюда всеобщая разочарованность и вялость, особенно ввиду все уничтожающей деятельности Госуд. совета».* После такой констатации, если считаться с элементарной логикой, должен был последовать еще один, автоматически вытекающий из сказанного вывод: в таких условиях кадеты должны отказаться от своей прежней линии. Конечный вывод Милюкова гласил: «Все же оппозиция должна вести свою (прежнюю. — А. А.) линию». Вместе с тем, исходя из необходимости оживить работу партии, остановить падение ее влияния, Милюков, заключая прения, заявил, что выход из состояния общего маразма надо искать «в сближении с массами». Возражая своему главному оппоненту справа, Гредескулу, он пояснил: вся беда в том, что *«законодательствовать мы сейчас не можем, остается лишь пропагандистская работа».*

Как же конкретно Милюков представлял себе эту «лишь пропагандистскую работу»? Сейчас, пояснил он, партия находится, как и во времена своего появления на свет, в периоде «чеканки лозунгов». «Тогда», т. е. в 1905 г., «партия была несколько захвачена врасплох и взяла некоторые лозунги, выработанные другими» (т. е. левыми партиями. — А. А.) Теперь она может выставить «свои лозунги, добытые опытом политической жизни» Кадеты эти лозунги уже выставили («три замка». — А. А.) В заключение Милюков предложил «обдумать еще одну возможность» действия, которая «начинает встречать сочувствие» даже в среде умеренных элементов общества и Думы, — бойкотирование бюджета и Государственного совета.

Главным критиком доклада лидера партии был Гредескул. Он заявил, что удивлен происшедшей сменой настроения. Состоятельные классы уже начинают «подставлять плечо под конституцию». Формула прогрессистов по декларации В. Н. Коковцова была принята в Думе довольно единодушно. И вот, когда положение «складывается в высшей степени благоприятно, фракция к.-д. как будто отворачивается от очередной работы развернутым фронтом, т. е. в составе всего конституционного большинства Думы». «Задача в высшей степени ясна, — решительно потре-

бывал Гредескул, — заключить союз со всеми, кто стоит на конституционной почве, и вести усиленную борьбу на ближайших конкретных требованиях, а не на отвлеченностях. И надо, чтобы инициатива исходила от к.-д.»

Вопрос должен быть поставлен прямо и принципиально. Раньше кадеты говорили власти: «Перед вами революция — уступите, чтобы историческая волна не смыла вас». Но сейчас время другое — конституционное, и «теперь настало время конституционных лозунгов». «Народное движение, волнения — все это уже прошло и сделало свое дело, а теперь русская жизнь... плывет в конституционном курсе. И пора бросить всякие зигзаги и плыть прямо в этом курсе».

Таким образом, в отличие от двойственной тактики Милюкова Гредескул предлагал совершенно отбросить мысль о внепарламентской работе в массах и целиком сосредоточиться на завоевании единства с фракциями, стоящими правее кадетов, что означало окончательный отказ от всяких претензий на демократизм.

Большинство участников заседания не согласились, однако, с исходной позицией Гредескула о том, что революции не будет, и хотя некоторые из них делали вывод о бесполезности какой-либо кадетской «пропаганды» (*Набоков*: «Характеристика, сделанная П.Н.М [илюковым], вполне справедлива, и тем непоследовательнее его бодрящий вывод. Выхода из положения пока не видно, а в таком случае вспрыскивания морфия бесполезны»; *Родичев*: «Нет сочувственной атмосферы общества и народа»), в целом выступавшие согласились с Милюковым, с разной степенью настойчивости подчеркивая, что, помимо думской — «практической», «реальной» — работы, нужна и работа в массах или хотя бы на массы — в виде выдвижения более резких, пусть нереальных, «доктринерских», по кадетской терминологии, требований и лозунгов.

Шингарев, согласившись с характеристикой момента, сделанной Милюковым, добавил: «Очевидно, гребень реакции упал, а подъема новой волны еще нет, и мы в низине». Однако «момент для подъема назревает, задача — огромная, захватывающая». Что же надо делать, чтобы решать эту «захватывающую» задачу? Во-первых, «необходим ряд лекций на... тему „реакция изжита“», и, во-вторых, «надо пытаться оживить общественное мнение». Но при этом все время помнить, что задачи следует ставить «вполне определенные», а именно: уничтожение исключительных положений и реформа органов самоуправления. «Эти задачи могут найти сильную поддержку не только слева, но, может быть, в известной мере и справа».

Любопытно, что Изгоев, один из авторов «Вех», вынужден был заявить в своем выступлении о необходимости считаться с тем, что делается внизу, в массах, хотя, разумеется, его позитивные предложения были сугубо веховские. «Необходимо помнить, — указывал он, — что реформы идут одним путем: снизу напирает

волна, а сверху ее формулируют. Трудность положения к.-д. партии в том, что ей приходится совмещать эти оба течения». Поэтому путь, предлагаемый Родичевым, «совершенно правилен» — надо крестьянам и рабочим говорить о равноправии и их нуждах. «Но еще более важная задача — подготовка новых созидательных сил, тех, какие заключаются в городском и земском самоуправлении, в растущем кооперативном движении». Именно сюда надо «перенести центр тяжести». До сих пор такая работа «не была в природе к.-д. партии». «Конференции так и надо сказать, что сейчас основная задача не в Г. Думе, а в стране». Под «страной», как мы видели, Изгоев разумел прежде всего земско-городское самоуправление и чисто буржуазное кооперативное движение, которое в изучаемый период достигло сравнительно большого развития.

«Левый» кадет Колюбакин сделал акцент на думской работе: «Причина думского маразма в безнадежности со стороны Г. Совета», Поэтому надо «сосредоточиться» на борьбе с ним, здесь вполне возможно объединить «значительную часть» Думы, но «главное, — говорил он, — заставить и страну понять все губительное значение этого тормоза. Страна не должна допускать уступок Гос. Совету».

В. И. Вернадский заявил, что он не чувствует «признаков маразма и скуки в стране». Наоборот, *«теперь общая конъюнктура совсем иная»*, лучше, чем в годы III Думы. «Нельзя не согласиться» с мыслью Шингарева, что борьбой за земство и гражданские свободы «могут и на страну перенести движение». В Думе же он, как и два предшествующих оратора, предлагал энергично бороться с Государственным советом.

А. А. Корнилов, так же как и другие, полагал, что «центральное разногласие» между Гредескулом и остальными «не так велико, как он думает». Гредескул настаивает на создании блока на базе «конституции попроще» (имелось в виду соглашение с прогрессистами и октябристами на минимуме «реформ», приемлемых для последних) и требует *«более резкого ограничения от всяких поползновений революционного характера или окраски»*. Но вся беда в том, что «не видно никаких залогов успеха» и в предлагаемой им тактике. Здесь-то и зарыта собака. «Конституция попроще» в сложившихся условиях — «совершенно бесполезный лозунг».

В результате дискуссии было постановлено просить Милюкова «принять во внимание» сделанные замечания и представить к будущему заседанию ЦК проект тактического доклада ⁴⁴.

Это заседание ЦК (пленарное) состоялось четыре дня спустя, 1 февраля, за день до открытия конференции. И доклад, и пояснения к нему, которые Милюков давал в ходе прений, лишние раз доказывают, что вождь кадетской партии по праву носил прозвище двуликого Януса. Основные положения доклада сводились к следующему.

Оппозиции *«приходится делать выбор между двумя тактиками:*

более популярной в широких кругах непосредственной законодательной работой, и другой, более дальновидной». Первая — это линия прогрессистов. Но «было бы заблуждением» думать, что она осуществима, потому что менее оппозиционна. Основы другой тактики — это «три замка». Смысл их в том, что «эти три лозунга, с одной стороны, получили признание и у с.-д.-тов, с другой — введены и в программу прогрессистов». Вопрос теперь в том, насколько эти лозунги смогут объединить «всю оппозицию». Практически вопрос надо решить так: «Соединение обеих указанных тактик, но предпочтение придется (!) отдать второй». В силу этого *«придется изменить и внешние парламентские приемы: нужны будут уже не только резкие слова, но и соответствующие поступки»*. В числе таких «новых приемов» могут быть использованы два: отказ в утверждении частей или всего бюджета и систематическая борьба с Государственным советом.

Предпочтение второй тактике, т. е. лозунгам, рассчитанным на привлечение масс, призыв перейти от слов к поступкам, возможность голосования кадетов против бюджета в целом — все это были как будто новые ноты в предлагаемой Милюковым тактике, своего рода кадетский ответ на революционизирование обстановки и провал надежд на реформаторскую деятельность третьиюньской Думы. Однако дальнейшие разъяснения лидера партии и ход прений показали, что даже этот робкий и запоздалый ответ выдвигался показным образом и никаких сколько-нибудь значительных реальных «поступков» за ним стоять не могло.

Шингарев независимо от своей позиции respectableного парламентского вельможи, давно уже привыкшего глядеть на мир из тусклого думского окошка и просто не способного взять в толк, как можно противопоставлять Думе что-либо другое, был тем не менее прав, когда доказывал, что сама постановка вопроса о двух тактиках невозможна. «Говорится о переходе от слов к действиям,— говорил он,— но указывается лишь отказ в бюджете и контингенте для армии». Все же остальное — борьба с Государственным советом и пр.— ведь также не более как «парламентское красноречие». *«В пределах конституционной борьбы других способов для того, чтобы сломать эти три замка... не существует»*,— настаивал Шингарев. «Действия» возможны лишь при поддержке думского большинства, в противном случае «наш отказ в бюджете будет картонным мечом». О том же говорил по сути дела и Коллюбакин. Вновь развивая идею о необходимости «систематической борьбы» с Государственным советом, он пояснял, что на этом *«можно столкнуться и даже образовать в Думе большинство, захватив даже, м[ожет] б[ыть], группу Крупенского»*.

Москвич Н. Н. Щепкин поддержал Милюкова: «Складывается само собой такое впечатление, что тактику пора изменить», «должны быть поставлены точки над і». Однако когда Шингарев в ответ на это возразил, что «в руках оппозиции нет того рычага, при помощи которого можно было бы сдвинуться с места. Вся

наша тактика пока — китайский дракон, которым правительство не испугаешь», т. е. «точки над і» ставить нечем, Щепкин поспешил объяснить, что «он и не предполагал палить из всех орудий; как математик, он предпочитает молекулярную работу». Главная борьба должна идти в стране, «где, быть может, придется даже некоторое время обратиться только в прогрессистов». Такова была «молекулярная математика» человека, считавшегося в своей среде левым.

Казалось, на этот раз вождь партии решил быть последовательным и твердым. Отвечая на высказанные замечания, он заявил: «Пора уже ставить вопрос о переходе от слов к делу». Настроения у фракции к.-д. «более обывательские, чем политические». Она может «увлечься» вермишелью и упустить из виду «сохранение партийной к.-д.-ской физиономии и слишком сливаясь с прогрессистами». Но правый лик Януса не дремал: конечно, уточнил Милюков свою мысль, самым резким шагом было бы отвержение всего бюджета, «но его пока надо оставить». Что же тогда останется? «Останется борьба на почве вермишели, отказ в новых налогах и борьба с Гос. Советом, но борьба упорная, систематическая». Так главный тактик партии представлял себе «переход от слов к делу».

Полную неспособность кадетского руководства изменить тактику на более боевую показало и обсуждение возникшего в ходе прений вопроса о возможности роспуска Думы.

Председательствовавший Петрункевич поставил вопрос о «третьей тактике... бить на роспуск 4-й Думы». При этом он уверял, что при новых выборах результаты «были бы гораздо более благоприятные». Однако Милюков, Шингарев, Щепкин, Набоков были на этот счет другого мнения. «Еще большой вопрос, — выразил Милюков их общее мнение, — была бы 5-я Дума лучше 4-й». Роспуск выгоден правым и в тактическом, и в практическом отношении. Один лишь Родичев поддержал Петрункевича, доказывая, что «надо идти на роспуск» и, приглашая своих соратников, «готовиться к избирательной войне».

Далее сухой протокол запечатлел для потомства живую сценку.

«Войны мы не ищем, но и не боимся ее», — воскликнул под общий смех Шингарев. «Нет оснований *беречь* эту Думу...» — с жаром начал кн. Долгоруков и был поддержан криками: «Да! Да!». «Но в данную минуту и провоцировать ее роспуск нет ясных оснований», — неожиданно заключил он. После этого Щепкин поставил первую точку над і, уточнив Шингарева: «Мы не отказываемся от войны, но и не очень стремимся к ней».

В результате кн. Шаховской воспользовался этой веселой, циничной разрядкой для того, чтобы поддержать Шингарева против Милюкова. Шаховской «очень существенное возражение против доклада П. Н. М. видит в том, — говорилось в протоколе, — что в нем сильно сгущены пессимистические краски, положение кажется почти безвыходным, и под этим впечатлением, естественно, возникает мысль о тактике роспуска Думы. А между тем на самом

деле партии надо пока занять выжидательное положение, и поэтому надо ослабить пессимистические краски доклада». В ответ Милюков еще раз терпеливо объявил, что в «докладе рекомендуется сочетание обеих тактик — деловой и боевой, с преобладанием кадетского настроения». Но если будут настаивать на том, что должен «преобладать тон прогрессистский», то он, Милюков, «с этим будет решительно бороться».

«Решительная борьба» заключалась, таким образом, в нюансировке: кадетское настроение или прогрессистский тон — что должно преобладать. Эта незначительность разногласий подчеркнута была и в итоговом решении. Было постановлено одобрить доклад Милюкова, просить автора «принять во внимание сделанные замечания главным образом редакционного характера» и составить в качестве резюме тезисы доклада ⁴⁵.

Итак, кадеты не хотели, а точнее, не могли сдвинуться с места: против какого-либо подлинного левения восставала сама классовая природа партии, воплощавшая контрреволюционность русской буржуазии, ее страх перед народом, заставлявший даже самых умных кадетских лидеров намеренно закрывать глаза на угрозу новой революции либо — в лучшем случае — пытаться усыпить массы конституционными иллюзиями в виде броских лозунгов о всеобщем избирательном праве, «трех замках» и т. п.

Соответствующие тезисы обсуждались уже на конференции 2—3 февраля 1913 г.

Обычно на кадетских конференциях, когда речь шла о тактике, представители с мест, лучше знавшие и чувствовавшие настроение «низов», чем вожди партии, в массе своей критиковали доклад Милюкова слева, что не мешало им потом голосовать за его тактические «тезисы». На конференции 2—3 февраля 1913 г. эта критика носила вполне умеренный характер. В большинстве выступлений одобрялась основная идея доклада Милюкова о необходимости более «яркой» тактики. Некоторыми же представителями с мест она была встречена отрицательно, и они выступали совершенно в духе Гредескула.

Так, представитель Москвы (Е.) выступил против «красивых формулировок» на том основании, что страна от них «устала». «Постановка широких принципиальных требований уместна только тогда, — пояснил он, — когда такие требования опираются на реальные политические силы». Но их нет, и «очевидно является необходимость в привлечении более умеренных политических элементов — либералов, прогрессистов». Боевая же тактика «будет только игрой в руку левым. Зачем прорывать глубокую пропасть между к.-д.-тами и более умеренными прогрессивными элементами Думы?».

Представитель Ельца «поддерживал мысль Н. А. Г [редескула] относительно соглашений о минимуме реформ». Октябристы уже «не прежние и удержать их будет зависеть отчасти от тактики к.-д. Если к.-д. ...будут держаться политики красивых жестов, то из этого ничего не выйдет».

Стоявшие посредине очень ухватились за мысль о «сочетании», фигурировавшую в докладе Милюкова. На будущее время местный комитет желал бы принятия тактики, которая сочетала бы «творческую» тактику (т. е. «органическую») с «декларативной», заявил представитель Одессы.

Представитель Мариуполя довел до сведения конференции, что он имеет от своей группы точно такую же директиву, как и одесский делегат. Не надо менять то, что уже дало хорошие результаты. Законопроект о всеобщем избирательном праве «бросит 3-июньцев, (т. е. октябристов.— А. А.) в объятия правительства, поможет союзу правительства с октябристами» Исходя из этого, посланец из Мариуполя потребовал «крайней осторожности» и «осмотрительности».

Рижанин также высказался за то, что надо «соединить разные методы», блокируясь и направо и налево. Пользоваться же бюджетным правом надо «в меру».

Представители «левого» течения выступили в поддержку преимущественно «декларативной» тактики. «Надо стремиться проводить малые реформы, это усиливает позиции партии на местах,— согласился с умеренными представитель Киева,— но, конечно, это не основная задача партии. Важнее то, что здесь пренебрежительно называют красивыми жемами»

Второй представитель Москвы (С.) дезавуировал своего напарника (Е.), заявив, что последний выражал свое личное мнение и, «может быть, мнение нескольких своих друзей, комитет же, наоборот, поручил передать, что, по его мнению, надо идти не к умеренным элементам, а к рабочим массам, приказчикам и т. п. Москва стоит за решительное поведение»

Представитель из Полтавы выразился следующим образом: «ЦК как бы просит благословения на переход от реальной политики к чисто оппозиционной. На такое предложение можно ответить только утвердительно»

Представитель из Чернигова, полемизируя с Гредескулом, сказал: «Пусть лозунги ЦК-та сейчас неосуществимы, но они готовят почву для будущего». Второй представитель Чернигова полностью поддержал своего собрата: надо согласиться с ЦК в том, что «пора отказаться от тактики работы на настоящий день, надо работать на будущее»

Второй представитель Риги обратил внимание конференции на то, что «во время последних выборов с.-д-ты усилились если не абсолютно, то относительно в обеих столицах. Очевидно, это свидетельствует о каком-то сдвиге. Города понемногу переходят к с.-д-там, и раз главные вожди выбирались до сих пор от столичных городов, то очевидно, что надо подумать над тем, как сохранить и привлечь массового избирателя». И тут важное значение приобретает тактика. Возникает вопрос, какую тактику выдвинуть на первый план: «так называемую реальную политику или такую, которая могла бы вызвать энтузиазм масс?» Он лично за вторую. «Не надо смотреть на Думу исключительно как на трибуну,

но не следует преувеличивать и значения реальной работы».

Резюмируя прения, Милюков вывел свою очередную «равнодействующую»: «Требование Ц.К.-та к конференции вовсе не в том, чтобы отбросить целиком всю старую тактику. Нет, Ц.К.-т является сторонником сочетания обеих тактик — декларативной и деловой».

В каких пропорциях мыслили Милюков и его сторонники это «сочетание», показало обсуждение и голосование 5-го и 8-го тезисов его доклада.

Первый из них отмечал, что чисто парламентская тактика «не гарантирует ни получения большинства в Гос. Думе для законопроектов оппозиции, ни действительного осуществления» этих законопроектов.

Тезис 8 гласил: «Ц.К. предлагает совещанию обсудить, в какой степени является своевременным наряду с выставлением упомянутых трех лозунгов («три замка». — А. А.) также и применение более активных тактических мер парламентской борьбы, как, например: отказ в вотировании налогов и отдельных кредитов или систематическая борьба путем голосований против Гос. Совета».

Против обоих тезисов особенно ополчился М. В. Челноков. В результате к 5-му тезису была принята поправка (предложенная самим Милюковым), в которой подчеркивалась необходимость деятельности в Думе, 8-й же тезис (с согласия Милюкова) был принят в усеченной редакции — без слов об отказе вотирования кредитов и других конкретных мер⁴⁶.

Тактические словопрения, в ходе которых кадеты пытались решить квадратуру круга на тему: Дума уже не главное, но Дума все же главное, показали, что при всем хитроумии замысла Милюкова о сочетании двух тактик кадеты прежде всего делали ставку на союз с соседями справа. Попытки сделать шаг влево были ничтожны. Эта милюковская тактика в отношении «тактики» продолжалась и дальше.

24 мая 1913 г., за день до начала следующей конференции, Милюков представил ПОЦК «основные мысли» своего очередного тактического доклада, которые, как и всегда, были направлены на то, чтобы перехитрить при помощи аптекарских весов, до миллиграмма взвешивавших «с одной стороны» и «с другой стороны», события и время.

«Главной чертой современного положения» кадетский Улисс считал «резкую противоположность» с положением в III Думе. Там был союз Гучков — Столыпин, который «создал некоторый мостик» между правительством и страной, теперь же между ними «пропасть». «Высшей точкой напряжения энергии Думы» в оценке докладчика был «вотум порицания» политики Маклакова. В связи с этим для оппозиции «наступило время более систематично переходить от резолюции к действиям». Хотя признавалось, что кадеты не должны ограничиваться работой только в Думе («надо работать и вне Думы, усиливая оппозиционное настроение в стране»), подчеркивалось прежде всего, что нельзя пренебречь «разными прогрессивными элементами Думы: надо идти общим фронтом со всей оп-

позицией (включая октябристов. — А. А.)». Конечный вывод гласил: «Итак, в современном положении намечаются две тенденции: 1) неизбежность разрыва между правительством и Думой и 2) конкретная работа в Думе, памятуя, что такая работа есть лишь часть общего плана борьбы». Тем не менее «часть» была поставлена Милюковым впереди целого.

Еще более хорош был его ответ на совершенно законный вопрос Некрасова, попросившего разъяснить, как понимать выражение «всем фронтом оппозиции», поскольку это выражение употребил раньше Гредескул, «но тогда с ним П.Н.М. расходился». «Понимать следует хотя бы в том смысле, — пояснил докладчик, — в каком употребил это выражение в своей вступительной речи председатель Думы Родзянко».

Казалось, Гредескул мог быть доволен и докладом и докладчиком. Но нет, он начал с того, что считает «необходимой резкую критику доклада П.Н.М.». У постоянного оппонента виртуоза тактики было преимущество последовательного человека перед деятелем, постоянным ампула которого было сидение между двух стульев.

«Всегдашний недостаток докладов П.Н.М.» — сразу взял быка за рога Гредескул, состоит в том, что он предлагает ряд «временных уклончивых формул», а не твердую последовательную линию. Так, «объединенный фронт оппозиции» был пунктом больших разногласий на последней конференции, а теперь это выражение употребляет сам докладчик. «Умалчивает П.Н.М. и о том, считает ли он главным орудием борьбы Гос. думу, или есть какие-то другие, внепарламентские способы, а это надо установить раз и навсегда». Красной нитью через доклад должна проходить мысль, что «страна идет не к революции, а по правильному конституционному пути». «Эволюция октябристов (влево. — А. А.) превзошла все ожидания». Сейчас Милюков стал лучше относиться к прогрессистам, и «это правильно», но это надо «прочно установить». В стране идет неуклонный процесс кристаллизации конституционной идеи, и это главное: «Сему процессу верь!».

На этот раз Милюков возразил Гредескулу так же резко. Вождь партии «выразил опасение, что он с ним окончательно разойдется — до того различна у них оценка современного положения». У Милюкова тоже был свой сильный козырь в полемике — та самая «простота» его оппонента, которая с точки зрения кадетской «реальной политики» была хуже воровства. Даже октябристы начинают понимать, поучал искушенный политик своего простоватого коллегу, что «мостик к мирному исходу совсем разрушен». «Усматривать теперь рост мирного конституционного настроения, предсказывать мирный конституционный исход из создавшегося тупика — значит быть еще более близоруким, чем были октябристы». Видимо, на Гредескула надо махнуть рукой: «в виду глубокого различия исходных точек П.Н.М. уже и не старается согласоваться с Н. А. Г. Конференции пора предложить *подумать* о более решительных мерах борьбы».

Однако, несмотря на категорическое заявление о размежевании, далее Милюков явно стремился «согласоваться» со своим критиком. «Сразу рекомендовать отказ от вотирования бюджета в целом оказалось невозможным и для фракции к.-д., а не только для октябристов». На конференции это можно обсудить, «не пред-решая, впрочем, окончательного вотирования против бюджета в целом».

Утверждения Гредескула настолько расходились с реальной действительностью, что даже Шингарев объявил их впечатлениями человека, «далекого от жизни». Он, как и все остальные, считал «общую линию доклада П.Н.М. правильной», хотя и усомнился: «насколько верен прогноз: знаменует ли он надвигающуюся революцию, или м[ожет] б[ыть], это просто начало большой эволюции».

Прения, как всегда, кончились тем, что «положения тактического доклада, изложенные П. Н. М., в общем были одобрены Ц.К.-том»⁴⁷.

Однако конференция 25—26 мая 1913 г. обсудила только организационный вопрос, обсуждение второго — тактического доклада Милюкова — фактически не состоялось. Но виновником этого ЧП была не конференция, а... полиция. Полицейский пристав был тем лицом, который решил, что делегатам конференции надо дать отдохнуть от тактической премудрости их вождя.

Протокол так описывает это трагикомическое происшествие. На утреннем заседании 26 мая, «во время речи П. Н. Милюкова в зал заседания входит полицейский пристав и в течение некоторого времени прислушивается к речи, затем делает знак, что он хочет говорить. П. Н. Милюков останавливается и пристав произносит: „По распоряжению г. градоначальника, предлагаю заседание прекратить”

Председатель: Вы слышали, господа, распоряжение полиции, которому нам приходится подчиниться. Ввиду того, что вы обсудили уже тезисы организационного доклада и ознакомились с тактическим докладом и его тезисами, угодно ли вам признать все эти тезисы утвержденными, и в частности тезис 4?

Голоса: Да, да — принимаем.

Председатель: В таком случае объявляю заседание конференции закрытым.

Присутствующие расходятся, кроме членов фракции к.-д., которые остаются для обсуждения происшедшего инцидента»⁴⁸.

Конференция 25—26 мая 1913 г. была единственной за весь третьиюньский период кадетской конференцией, которую не дала закончить полиция. Вмешательство последней формально обосновывалось тем, что конференция заседала в помещении кадетской парламентской фракции (именно поэтому члены фракции остались после закрытия конференции для обсуждения «инцидента»), что было признано незаконным. М. В. Родзянко по требованию кадетов заявил правительству официальный протест по поводу нарушения прав Думы, но этот протест, конечно, остался без последствий.

В последующие месяцы на фоне дальнейшего стремительно прогрессирующего политического кризиса в стране утверждения о том, что страна движется в конституционном русле, все более выглядели как несуразная глупость. Слова «1905 год» и «революция» уже неотступно преследовали кадетских лидеров, как знаменитые «Мене, теке, фарес». У Милюкова главным оппонентом становится уже не Гредескул, а Некрасов. При этом Милюков всячески поощрял своего оппонента и, более того, настаивал на том, чтобы на следующей конференции было поставлено на обсуждение два тактических доклада — его (официальный доклад ЦК) и Некрасова. Такую позицию избрал Милюков не потому, что разделял точку зрения последнего, а для того, чтобы использовать его в качестве своеобразной левой дубинки, чтобы перегнуть свою мирно пасущуюся на ниве «конституционной» вермишели и не желавшую с нее уходить «парламентскую» фракцию на другое, еще нехоженое пастбище «изоляции власти». Сам факт постановки двух докладов служил свидетельством растущей тревоги по поводу тактического тупика, в который попала партия. Говоря иначе, Милюкова всерьез стало беспокоить несоответствие настроения своей полугредескуловской фракции политической обстановке в стране, и он решил вывести фракцию из состояния политической летаргии шоковым ударом, который должен был нанести Некрасов. С другой стороны, лидер партии был заинтересован в критике и собственной позиции со стороны последнего, с тем чтобы определить то максимальное удаление влево, которое, с его точки зрения, можно позволить.

В преддверии конференции 1914 г. (она состоялась 23—25 марта) на заседаниях ПОЦК 9, 17 февраля и 22 марта развернулась дискуссия по концепции Некрасова, которую он изложил в связи с предварительным обсуждением тактического доклада Милюкова, а также собственного тактического доклада, тоже подготовленного для конференции в качестве второго, параллельного документа.

Исходным положением Некрасова было требование готовиться к надвигающейся революции. На вопрос, что он понимает под такой подготовкой, Некрасов пояснил (9 февраля), что речь идет «не о конкретизировании методов, а пока лишь о правильности диагноза: действительно ли из создавшегося тупика нет мирного исхода и с неизбежностью надвигается катастрофа? Конечно, — иронизировал возмутитель спокойствия, — возможны иногда и чудеса, и на категорически поставленный вопрос: будет ли революция? — никто столь же категорически не ответит, но естественнее ждать положительного ответа, и если это так, то и готовиться, чтобы не быть захваченными врасплох». Кадеты никак не хотят идти в подполье, а того не замечают, что никакая легальная деятельность партии в стране практически не допускается. «Из этого положения надо сделать выводы и не обманывать себя иллюзиями возможности сохранения такой грани между легальностью и нелегальностью в жизни и деятельности партии. Для партии должно быть ясно, что такой грани быть не может»⁴⁹

Надо отдать должное Некрасову — предложить кадетам, хотя бы частичный отказ от легальности (не столь строгое соблюдение «границ») было равносильно тому, чтобы предложить отказ от нелегальности большевикам. Но главное было даже не в этом — для партии, жизненным принципом которой была легальность во что бы то ни стало и любой ценой, указание Некрасова на иллюзорность такой позиции означало признание правоты тех самых большевиков, которые для кадетов были врагами номер один. Это был удар по самому больному месту, ибо то, что Некрасов произнес вслух, не могло не прийти в голову и другим, только они боялись признаться в этом даже самим себе.

Те же идеи, хотя уже с большим количеством оговорок, развивал Некрасов в своем докладе, обсуждавшемся на заседании ПОЦК 17 февраля.

Основной тезис доклада сводился к констатации, что отсутствие всяких легальных возможностей бороться с реакцией *«делает маловероятным естественный мирный исход из создавшегося тупика»*. Рост оппозиционных настроений в стране делает вероятным резкие конфликты, *«и партия к.-д. должна быть настороже, чтобы не быть захваченной событиями врасплох»*. Она должна сделать все возможное, чтобы помочь процессу *«изоляции власти»* от общественных слоев, *«для чего должна предпринять ряд тактических шагов и вправо и влево»*. Собственная позиция партии, *«как партии демократической»*, должна быть отненена более выпукло. Это поможет ей, с одной стороны, *«отделаться»* от *«наносных и чуждых»* элементов, а с другой — *«создаст почву для соглашений с другими демократическими течениями»*. При этом она, однако, *«не должна... повторять ошибки 1905 г. и более выпукло отмежеваться от утопического социализма»*. По отношению к либеральным элементам октябризма партия должна *«сохранять дружественный нейтралитет»*. Но одновременно надо больше учитывать и рабочее движение. *«Можно не верить в „мускулистый кулак пролетария“, но нельзя игнорировать, что рабочие в высшей степени активная сила»*. Вопрос о деревне он, Некрасов, пока оставляет в стороне.

«Таковы основные лозунги. Как их проводить в жизнь?» — ставит главный вопрос докладчик. Ответ гласил: на первое место надо поставить *«организацию общественных сил»*, *«планомерное»* использование всех общественных организаций, земства, всякие съезды, последние особенно. Кроме того, необходимо учитывать настроения молодежи, *«которая мало идет к к.-д.»*, привлечь ее на свою сторону. Если кадетские профессора, заявил докладчик, будут от имени партии *«призывать молодежь к воздержанию, запугивая призраками революции, это будет большой ошибкой. К молодежи надо подойти вплотную»*. В Думе *«надо стремиться к контакту с левыми»* — конечно, не в виде каких-либо постоянных бюро (на такой шаг они не пойдут), а на базе взаимной информации. Надо также пересмотреть отношение партии к вопросу об отклонении бюджета в целом, если не в эту сессию, так как фракция к это-

му «еще не подготовлена», то в следующую. В связи с этим необходимо также подумать, следует ли кадетам оставаться докладчиками в думских комиссиях, «не следовало ли бы даже подготовиться к мерам прямой обструкции, если начнут проводиться реакционные законы о печати и т. п.»⁵⁰.

Некрасов, безусловный, был самый левый среди своих товарищей, но он был левый *кадет*. Не требуется никакого скрупулезного анализа, чтобы установить, что доклад представлял собой, так сказать, левый вариант выдвинутого в это время Милюковым тезиса об «изоляции власти». Такие принципиальные моменты в докладе Некрасова, как предложение предпринять шаги и «вправо» и «влево», не повторять ошибок 1905 г., лояльность по отношению к «левым» октябристам и др., полностью совпадали с формулировками Милюкова. Что касается рабочего вопроса, то и у Некрасова он выглядел, по крайней мере наполовину, как приказчиный вопрос.

Вместе с тем Некрасов, критикуя доклад Милюкова (заседание ПОЦК 22 марта), заявлял, что доклад «узок» и не удовлетворит представителей с мест. Выявляя свои разногласия с Милюковым, он указывал, что в вопросе о единстве фракции Милюков «идет слишком далеко (вправо. — А. А.)». То, что говорится в докладе об изоляции правительства, больше относится к деятельности Думы, чем к стране, а стране «безнадежно» говорить сейчас, чтобы она ждала результатов от Думы⁵¹. Главное же и действительное отличие состояло в том, что он считал новую революцию вполне реальной перспективой и поэтому предлагал оборудовать заранее вторую, демократическую позицию, чтобы, по его выражению, не быть застигнутым врасплох.

Идеи Некрасова частично поддержал Петрункевич, который, резюмируя прения 9 февраля, заметил, что «партия давно не переживала такой трудной минуты, как сейчас». Резкие нападки раздаются в адрес и фракции, и ЦК. «Может быть, страна действительно находится перед назревающей революцией, и эту возможность надо учитывать, надо иметь в высшей степени ясные ответы на все вопросы уже ко времени мартовской конференции»⁵².

На заседании 17 февраля единственным, кто поддержал Некрасова более или менее полно, был Колюбакин: «Толочь воду в 4-й Думе... делается нестерпимым... Поддерживать иллюзии, веру в возможность мирной эволюции значило бы просто надуть страну»⁵³.

В противовес левым кадетам выступали критики Милюкова справа. Еще на заседании ПОЦК 19 января Изгоев, вынужденный согласиться с Милюковым в том, что необходимо учесть левение страны, предупреждал об опасности хватить через край. Разграничение линий кадетов и левых, заявил он, «необходимо проводить более тщательно», чем это наметил Милюков. Надо «устраняться от сотрудничества левых в создании каких бы то ни было организаций — литературных, земских, банкетных, кооперативных и т. д. В организациях не должно быть элементов левее к.-д., иначе партия будет сама себе рыть могилу»⁵⁴.

Шингарев на заседании ПОЦК 9 февраля решительно высказался против некрасовской «расплывчатой, вылившейся в общих фразах подготовки к проблематической революции», а при обсуждении доклада Некрасова на заседании 17 февраля отметил решительно всё, пункт за пунктом. Во-первых, заметил он, доклад написан не совсем на ту тему, какая поручена Некрасову ЦК: «Он говорит не о подготовке к возможному немирному исходу, а чуть ли не о подготовке самого такого исхода». Что же касается установленного им диагноза, то он непрочен: то докладчик утверждает, что реакционный курс поддерживается только изолированной олигархией, то оказывается, что в состав этой олигархии входят и правые, и националисты, и клерикалы, «и чуть ли даже не земцы-октябристы». «По тому месту, какое занимает в докладе борьба классов, доклад приближается к так называемому ликвидаторскому течению, причем автор близок к тому, чтобы ликвидировать многие традиции к.-д.-ской партии». А так как основной тезис о неизбежности немирного исхода не доказан, «то и все практические выводы шатки: в них замечается некоторое доктринерство, которое может отвлечь партию от жизни (!)». Далее шло развенчивание этих выводов.

«Не надо создавать иллюзий»: рабочим кадеты надолго останутся чуждыми, крестьянство остается вне поля зрения докладчика. Мысль о молодежи надо приветствовать, но не в порядке подготовки «к гадательному немирному исходу», а в целях замены старых работников партии. «Вообще барометр не показывает скорых перемен». «Таким образом, — подводил итог своей критике Шингарев, — весь доклад, можно сказать, бьет мимо цели»⁵⁵.

Так же отрицательно, как и Шингарев, отнесся к докладу Некрасова и Изгоев. «Напрасно надеяться», что кадеты смогут сыграть руководящую роль, когда наступит пора потрясений. «Напрасно братья и за подготовку молодежи. Миссия к.-д.-тов чисто организационная, положительная». В вопросах «перенесения (?) политической ответственности к.-д.-ты должны быть очень осторожны». Закончил свою речь Изгоев главным лозунгом Струве: «Оздоровление власти». «Надо помнить, что без оздоровления власти, без придания ей внутренней авторитетности немислимо будет и создание либеральной партии».

Весьма скептически отнесся к докладу Некрасова и А. А. Корнилов. На его взгляд, «немирный исход также остается недоказанным, а в этом был весь интерес доклада». В общем положение можно охарактеризовать как «бессильную оппозицию при бессильном правительстве». Положение партии даже несколько хуже, чем раньше: «социальная часть ее программы отталкивает от нее либеральные (т. е. октябристско-прогрессистские. — А. А.) элементы, а связать себя с рабочими и крестьянскими массами она не успевает»⁵⁶.

Лидер партии Милюков, поставленный между двумя тактическими концепциями, тянувшими одна «влево», другая «вправо», как обычно, занял позицию посередине:

При первой тактической прикидке на заседании ПОЦК 19 января Милюков заявил, что тактический доклад на конференции в этом году должен быть поставлен «значительно шире, чем обычно», ограничиваться только изложением тактики думской фракции «уже невозможно. Необходимо отметить так называемое общественное оживление последнего времени». Наблюдения показывают, что «левые элементы» за истекшее с 1905 г. время «мало чему научились (т. е. продолжали стоять на революционной точке зрения. — А.А.)». «Не только среди рабочих, но и среди крестьянства... растут крайние настроения». Необходимо коснуться и раскола октябристов. «Словом, — резюмировал Милюков, — центр тяжести доклада будет не в Г. думе, а в стране»⁵⁷.

На заседании ПОЦК 9 февраля лидер партии несколько конкретизировал свое понимание тезиса о перенесении центра тяжести на «страну». Повторять в тактическом докладе прежние рецепты (земства, кооперативы, приказчики и т. п.) было бы «малопродуктивно», доказывал он. Направить усилия нужно не на сами рецепты, «а на подъем того настроения, которое делает жизненным сами эти рецепты». Это настроение, пояснил Милюков, должно быть аналогично тому, которое привело к изданию манифеста 17 октября, но, «конечно, не в смысле готовности к физическим способам воздействия, которые никогда (!) не достигают своей цели, а в смысле сплоченности общественного мнения. Это выдвигает вопрос о взаимоотношениях партии к.-д. с другими оппозиционными группами».

В Москве, подтвердил Щепкин, «даже в близких кругах... резко винят фракцию в бездеятельности, и это настроение, несомненно, прорвется и на конференции». Однако он тут же прибавил, что, несмотря на наличие подобных настроений, «никакой реальной конъюнктуры в стране в смысле возможности революции не усматривается».

Возражая Некрасову, Милюков еще более четко выступил против какого-либо действительного поворота к массам, поскольку это означало бы отказ от «легальности во что бы то ни стало», т. е. от ставки на союз с соседями справа. Да, Некрасов прав — партия находится в таком положении, что ЦК не имеет возможности даже публиковать свои постановления. «Но когда речь заходит о стирании грани между легальностью и нелегальностью в деятельности партии», то кадеты всегда стояли за эту грань и должны стоять и дальше. «Открытое существование к.-д.-ской партии — это наша особая заслуга», — подчеркнул Милюков.

Некрасовскому «стиранию граней» он противопоставил свою формулу: «изоляция власти». «Такую изоляцию, — заявил Милюков, — следует сделать очередным лозунгом».

Думская фракция, пояснил он смысл и значение новой формулы, «в сильной степени парализована рутинной привычной деятельностью. Самый факт ежедневного нашего существования расстроил наши ряды, и, когда начнется всеобщая свалка, мы перемешаемся и перепутаемся». Чтобы этого избежать, надо «почиститься; уstra-

нить наиболее существенные разногласия. Вот что прежде всего нужно для того, чтобы мы могли приняться за изоляцию нынешнего правительственного курса. А мы незаметно сами срастаемся с правительством. Делается возможной психология, при которой отставка министра может сделать из вчерашнего врага чуть не друга».

Надо отдать должное и Милюкову. Редко с уст кадетского вождя срывались подобные признания. В этом выступлении тайный милоковский «веховский» порок платил дань некрасовской антивеховской добродетели. Уже сам факт, что Милюков был вынужден пойти так далеко в своих откровениях, говорит о том, что внутривластная конфронтация («Вехи» — смена вех) достигла большого накала.

Замечательная идея Милюкова насчет «изоляции власти» имела, однако, один недостаток: никто, в том числе и он сам, не знал, что это такое, как конкретно ее можно представить и реализовать. Это сразу же и обнаружилось в прениях.

Шингарев заявил, что он не видит в лозунге изоляции «достаточной определенности». Если направить усилия партии на то, чтобы изолировать правительство от земцев-октябристов, это будет равносильно лозунгу: «Действие всем развернутым фронтом оппозиции», — лозунгу Гредескула. Если же «изоляция» будет заключаться в том, чтобы изолировать «всех других от нас самих, в избавлении нас от ржавчины и рутины, от негодования избирателей... то к чему она, такая изоляция, может привести?». «Никто сейчас не может указать выхода: ни П. Н. М [иллюков], ни Н. В. Н [екрасов], ни те, что выражали порицание в Москве». «Стирать грань между легальным и нелегальным? Но при таком стирании одни останутся при банкетах, а другие дойдут, пожалуй, до пулеметов». «Оторваться от жизни, ограничившись исповеданием принципов, как это делают с.-д., к-ты не могут и не должны, работа нужна, необходимо только точно отграничиться справа и слева».

Корнилов также нашел лозунг «изоляции правительства» несмысленным.

Колюбакину в целом идея Милюкова, которую он воспринимал как призыв сделать шаг влево, в общем понравилась. Он так же, как Милюков, «считал первым условием подготовки партии к работе необходимость почиститься». «В лозунге „изоляции“, — говорил он далее, — противоречий нет: надо помочь обществу оторваться от правительства». Но тут же он добавил, что надо также помочь Коновалову и в создании национал-либеральной партии.

Отвечая на замечания и возражения, Милюков сделал вывод, что, поскольку его лозунг «изоляции» никто не противопоставил более удачного, приходится пока довольствоваться им. В связи с этим надо выяснить, какие шаги для реализации этого лозунга «должны быть предприняты вправо и влево». Есть данные, свидетельствующие, что меньшевики уже готовы были бы «пойти на информацию, если бы не боялись большевиков», и кое-какой координации тут можно было бы достигнуть. При этом надо все время помнить, что «нельзя стирать грань между к.-д. и с.-д. (меньшеви-

ками. — А. А.)... Левые могут использовать услуги к.-д., а затем их же обвинить в предательстве. Сейчас левые, очевидно, больше нуждаются в к.-д., чем наоборот, и кто на чью мельницу должен лить воду, надо подумать. Надо не повторить ошибки 1905 г., когда пришлось отмежевываться от левых, когда было уже поздно». Вспомнив об этом, Милюков стал отмежевываться не только от них, но и фактически от собственного лозунга. «Политическое воспитание общества должно начаться теперь же, — торжественно провозгласил он. — Это оговорка влево. Но надо предпринимать шаги и вправо, и эту необходимость П. Н. М. подчеркивает». Конечно, он против того, чтобы прогрессисты воздействовали на кадетов, но не видел бы «ничего дурного» в обратном: если бы кадеты воздействовали на прогрессистов. «Надо утилизировать» все прогрессистские элементы, «но из к.-д.-ской среды изгнать прогрессистские настроения. Вопрос об ориентации внутри самой фракции к.-д. кажется П. Н. М.-у очень серьезным»⁵⁸.

Милюков заключал прения и по докладу Некрасова, когда две линии были противопоставлены особенно заметно. Его линия, заявил он, ни та, ни другая: он «во многом не согласен» как с докладчиком, так и с его оппонентами. Партия кадетов, несомненно, «обсиделась на одном месте и отстаёт от жизни». Совет Родичева — «смирно держаться оборонительной тактики — совершенно неприемлем. Именно теперь-то и надо держаться ярче и непримиримее, и это и есть то правильное, что заключается в докладе Н. В. Н.». Лозунг «изоляции» сам по себе ничего революционного не содержит, но настроение, диктуемое им, должно быть «достаточно ярко». Такое настроение в стране «накипает» уже в течение четырех лет, «а партия к.-д. от этого процесса отстаёт — не к своей пользе». Пусть такие настроения и не всегда «основательны»; история показывает, что «часто неосновательные настроения имеют весьма основательные результаты, как в 1905 г.». «Крестьянство поголовно очень недовольно». В армии тоже есть «какие-то настроения».

Дальше шло очень любопытное, раскрывающее самые тайные мысли кадетского вождя, возражение. Некрасов напрасно отождествляет «реакционный курс и политику олигархии... Первый представляет собой непримиримую идеологию, вторая не прочь в случае нужды и либеральничать». В переводе с тайного языка на явный это замечание может означать только следующее: с камарильей ничего поделать нельзя, с бюрократией же при известных обстоятельствах можно будет вступить в реальную сделку.

Партия должна «поддерживать свою демократическую программу, кого бы это ни испугало и ни отпугнуло от нее». Необходимо поднять тон, «не выходя, конечно, из рамок конституции». Надо избегать извиняющегося и оправдывающегося тона, который «звучит иногда в речах партийных ораторов в Думе». В рабочем вопросе, признал Милюков, кадеты за социал-демократами не могут «угнаться», они понемногу теряют даже приказчиков. «На молодежь надежды мало. Профессоров приневоливать нельзя». Бюд-

жет, «может быть, и не весь будет отвергнут, но поднять тон при его обсуждении необходимо. Применение обструкции следовало бы обдумать»⁵⁹.

Максимально возможная демократическая форма при прежнем либеральном содержании политики — таков подлинный смысл речи Милюкова. Форму надо взять у Некрасова, содержание — у него, Милюкова.

Как обычно, за день до открытия конференции, 22 марта 1914 г., ЦОЦК заслушало и обсудило тактический доклад Милюкова.

Главный интерес обсуждения состоял в том, что кадетские лидеры по существу вынуждены были признать, что они банкроты, а правы оказались ненавистные социал-демократы, глашатаи ненавистного подполья. Прежняя тактика провалилась, новую, которую предлагает Милюков, никто не знает, как осуществить. Растерянность — вот преобладавшее настроение участников обсуждения.

«Вытекающие» из доклада Милюкова тезисы говорили: «1) о необходимости охранять единство личности (?) фракции с целью сохранения той физиономии партии, благодаря которой партия получила свой авторитет; 2) о более резком и систематическом использовании политических (в отличие от «деловых», «органических». — А. А.) выступлений с кафедры Г. Думы для привлечения внимания общества к важнейшим очередным вопросам и для избежания нареканий на недостаток плана и практической платформы у фракции; 3) о более широком использовании права запросов; 4) об использовании законодательной инициативы как средстве подсобном... 5) о более тесной связи фракции с избирателями и страной... 6) о постоянном юридическом бюро при фракции». Основной мыслью своего доклада Милюков считал *«выяснение взаимодействия между страной и оппозицией»*, перед которыми стоит одна общая задача: *«изоляция правительства»*. Этой цели должна служить более активная тактика фракции и контакт ее с другими оппозиционными элементами.

Немедленно, как обычно бывает в своем кругу, была обнаружена ахиллесова пята генеральной идеи лидера партии, на которую, впрочем, указывали, как мы видели, и до этого. В докладе Милюкова, заметил Колюбакин, «не намечены самые способы осуществления главного лозунга „изоляции правительства“».

На это последовало очень характерное возражение Корнилова, которое еще более подтверждало правоту Колюбакина. «Если бы, — заявил он, — способы изоляции так легко поддавались формулированию, то сам собой пал бы вопрос об общей неудовлетворенности... Вся трудность и заключается в указании этих способов».

Со своей стороны Милюков также признал, что «способы изоляции предусмотреть вперед трудно». Таким образом, с самого начала было фактически признано, что лозунг «изоляции правительства», по крайней мере на сегодняшний день, — формула, лишенная всякого конкретного содержания.

Изгоев, так же как и Колюбакин, отметил чисто декларативный

характер призывов Милюкова, но в другой форме и критикуя доклад справа. Докладчик, заявил он, «сам не очень уверен в действительности преподаваемых им советов». Изгоев, как всегда, больше всего опасался, как бы его компатриоты с отчаяния не поддались бы соблазну социал-демократической тактики, опасение, конечно, совершенно напрасное. «Переход на безответственную позицию с.-д.-ов, — предостерегал он, — повел бы даже к внутренним трениям в партии». Кадеты на этом поприще всегда будут биты социал-демократами. «У к.-д. нет социального базиса, есть лишь идейное к.-д.-ское настроение, и они не выдержат соревнования с с.-д.-тами в ярких выступлениях», к которым призывает Милюков. Здесь «Русские ведомости» правы. «Не надо повторять ошибок 1905 г., т. е. слишком близкого соседства с левыми. Необходимо отгородиться от идеи общего единения оппозиции... беречь свой авторитет, не гоняясь за легковесной яркостью».

Милюков «вовсе не предлагает подражать с.-д.-там, — возразил на это Щепкин, — но отчего у них и не позаимствоваться полезным. Мы относимся к выступлениям с думской трибуны как к священнодействию, а надо полегче: нельзя увлекаться фундаментальностью». Надо, чтобы фракция перестала считать, что она может в Думе сделать что-то положительное.

Колюбакин тоже высказался «против излишней деловитости фракции: сам (!) В. А. Маклаков сознается уже, что теряет веру в свою законодательную работу». Социал-демократы действительно «слишком уж легкомысленно выходят на кафедру (Думы. — А. А.)», это верно, но надо понять, что центр тяжести выступлений кадетской фракции тоже должен быть перенесен на политическую сторону вместо деловой. А то она разменялась на мелочи, погрязла в вермишели. «Почему, например, никто из депутатов (кадетских. — А. А.) от СПб. не явился на фабрики, когда там начались массовые отравления, а депутаты с.-д.-ты явились? Необходимо не только с трибуны говорить, но и в гущу жизни идти». В докладе «должна быть подчеркнута полная безнадежность положения в Думе». Энергия там должна быть направлена на запросы, на яркие выступления «и менее всего» на законопроекты.

Некрасов, естественно, критиковал доклад Милюкова слева. Он заявил, что доклад «суховат и узок» и не удовлетворит представителей с мест. В некоторых пунктах, например, в вопросе о единстве фракции, Милюков «идет слишком далеко (вправо. — А. А.)», и это на конференции «может вызвать бурю; впрочем, он лично не против этого». То, что говорится в докладе об изоляции правительства, больше относится к деятельности Думы, чем к стране, а стране «безнадежно» сейчас говорить, чтобы она ждала результатов от Думы. «Такая постановка свидетельствовала бы об отсутствии перспективы».

Отвечая, Милюков, как обычно, стремился выдать всем сестрам по серьгам, но от своей линии «изоляции правительства» не отступил. Против основной «нити» доклада, первым делом подчеркнул он, возражений не было. Изгоев думает, что докладчик сам мало

верит в свои советы «более активной тактики», но это не так. То «несколько скептическое отношение, которое проглянуло в докладе по адресу слишком деловой, сделавшейся ручной на „деловой“ работе фракции», может послужить «к подъему фракции». Сопоставление с работой социал-демократов вовсе не означает стремления «к огульному подражанию с.-д.-там, делаться с.-д.-тами второго сорта (выражение, которое употребил Изгоев. — А. А.); но отчего и не подражать им в том, что полезно, например, в более частом общении с избирателями, в том контакте со страной, который является лучшим средством для изоляции правительства». Нельзя успокаиваться на репутации солидности. Нельзя выступать только в особо торжественных случаях, «подобно тому, как архиереи выступают только по большим праздникам». Фракция выступала мало, речи были «громоздки», запросы не вносились по неделям, тогда как другие вносили их чуть ли не ежедневно. «Вообще надо быть легче на подъеме. Это совет совершенно серьезный...» Что же касается предложения Некрасова о более тесной связи со страной, так ведь он сам «затрудняется дать конкретные практические указания в этом направлении». Совсем отрицать законодательную инициативу кадетов в Думе невозможно, но в докладе она совершенно отодвигается на четвертое место, «чтобы показать, как мало значения имеет сейчас эта мера».

Было постановлено доклад Милюкова одобрить, и на другой день он был доложен конференции⁶⁰.

Доклад Милюкова на конференции 23—25 марта 1914 г. не вызвал энтузиазма у представителей с мест, в то время как речь Некрасова (именно речь, а не доклад; по-видимому, от идеи двух докладов отказались в последний момент) была встречена аплодисментами.

Делегат Нижнего Новгорода, выражая общее мнение, сразу после выступления Некрасова заявил, что «из всего того, что конференции пришлось выслушать сегодня, самым существенным была речь Н. В. Н.». Что же касается тезисов тактического доклада Милюкова, то это всего «лишь общие места, которые можно было бы поставить и пять лет назад». Он лично согласен с Некрасовым⁶¹.

Только еще один участник конференции, а именно Колюбакин, и то лишь частично, поддержал Некрасова («Нельзя не согласиться с Н. В. Н. в том, что мирного исхода, по-видимому, нет и что надо из этого сделать все выводы»), все же остальные послушно согласились с его критиками, несмотря на то что большинство сочувствовало ему, что вынужден был даже признать официальный отчет фракции. В прениях по докладу Милюкова, говорилось в этом отчете, Некрасов «высказал подробно мотивированное мнение о необходимости пересмотреть самые основы тактики к.-д. с целью замены более решительными. Предложение это, очевидно, совпало с настроением значительной части членов партии. Но при ближайшем обсуждении оно встретило целый ряд серьезных возражений с точки зрения как традиции партии, так и практической

приложимости». Поэтому были приняты выводы, предложенные в докладе ЦК, с небольшими изменениями⁶².

Очень ярким и точным документом, живописующим «тактическую» часть конференции 23—25 марта, и прежде всего реакцию на речь Некрасова, было письмо М. В. Челнокова Д. Н. Шипову, написанное, что называется, по горячим следам. «Что касается нашего Милюка, — сообщал Челноков, — то последние дни принесли некоторые новости. Вчера началась наша конференция. М. прочел свой обычный доклад, с новыми, однако, нотками, идущими навстречу *нашему брату*. Произнес очень большую речь представитель левого крыла. Произнес ее очень талантливо, с большим подъемом и одушевлением. Тезисы были представлены очень подробно, но сведены к десяти пунктам и одному вступлению к ним. Вступление выражало требование поставить точки над *i* и договорить с полной ясностью то, что кадеты слишком часто подразумевали в своих выступлениях».

Далее излагалось содержание этих 10 тезисов: «1) Признать необходимым общее единение оппозиции; 2) принять все меры к организации либерально-конституционной партии, куда и выпроводить правых к.-д.; 3) истым к.-д. сплотиться в истинно демократическую партию; 4) признать несуществующей конституционную фикцию ответственности и безответственности и возлагать всю тяжесть ответственности по надлежащему адресу; 5) признать, что надежды на мирный исход утрачены, и принять открытое участие во всяких попытках к иному выходу; 6) поставить широко и открыто вопрос о национальностях и потребовать теперь же полного удовлетворения их стремлений к автономии и федерации; 7) признать политику Саблера клерикализмом и открыто заявить, что к.-д. религиозный вопрос считают вопросом совести каждого, официального православия знать не хотят и объявляют войну попам; 8) к.-д. отдают самое широкое внимание крестьянскому вопросу и перерабатывают свою земельную программу; 9) к.-д. самым внимательным образом относятся к с.-д. и рабочим и вносят запросы по всем случаям нарушения интересов рабочих; 10) к.-д. усваивают самую резкую тактику в Думе — до обструкции включительно».

Автор письма, будучи непримиримым противником всех перечисленных 10 тезисов, сгустил краски, изобразив позицию своего противника более радикальной, чем она была на самом деле, но общую тенденцию и дух выступления Некрасова передал правильно. Отметив еще раз, что «эта речь была прекрасно сказана и вызвала овацию», Челноков подчеркнул, что такой резкой постановке вопроса были рады все участники конференции. В овации принимали участие не только «левые», но и правые. «Последние радовались тому, что остро поставлены вопросы, от которых Милюк всегда увиливает, и притом поставлены одним из самых его горячих поклонников». Левые же «сочувствовали по существу».

Отметив, далее, что «центр тяжести прений сосредоточился не на докладе М., а на этих тезисах», Челноков с удовлетворением

констатировал их полный провал. «Настроение определилось сразу, — писал он. — Не нашлось никого желающего поддержать все тезисы совокупно. Кое-кто довольно робко решился замолвить слово за тот или другой, но по 4, 5, 6, 7 в высшей степени определенно и отрицательно выступил целый ряд ораторов: Александров, Колюбакин, Кокошкин, Родичев, Челноков, какие-то провинциальные и, наконец, Милюков. Напор был так жесток, что тезисы были сняты».

После этого Челноков изложил позицию Милюкова. Последний «делал разъяснения к своим тезисам в том смысле, что наша работа должна быть чисто эволюционна; что никоим образом мы не должны отказываться от чистой конституционности, положенной в основу деятельности к.-д., что о клерикализме в России говорить еще рано... что ставить вопрос об автономии и федерации теперь чистое безумие... что поставленные тезисы (Некрасова. — А. А.), неприемлемые сами по себе, могут только внести смуту и раздор, а не единение, в котором все нуждаются».

В заключение Челноков, радуясь полной победе «веховского» курса, писал: «Этот эпизод чрезвычайно оживил конференцию, и я ему рад. Он заставил наконец действительно поставить точки над *i* и дал определенную физиономию к.-д. (т. е. выявил их подлинную позицию. — А. А.). Насколько все это будет прочно, сказать трудно, но все же в новой позиции М. я вижу результат нашего московского совещания. Если бы тезисы нашего к.-д. были приняты, я тут же заявил бы о выходе из фракции»⁶³

Протоколы конференции свидетельствуют, что Челноков не преувеличивал. Речь блестящая, охотно признал Кокошкин, но Некрасов «далеко вышел за пределы доклада Ц. К-та и даже пределы партийной программы».

«В предложениях Н. В. Н. есть и еще более серьезная ошибка, — заявил член Думы А. М. Александров. — Он предлагает одновременно и помогать организации умеренной буржуазии, и смотреть налево. Это опасно: в момент политических переворотов вы были бы сжаты, как буфер. Между левыми октябристами и большевиками громадная пропасть, война между ними будет идти по всему фронту. В каком же положении очутились бы к.-д., попав в середину этой свалки»

Делегат Киева поспешил выразить свое полное согласие с тезисом Александрова относительно буфера.

Со своей стороны Д. Д. Протопопов «полагал, что Н. В. Н. слишком субъективно рассматривает доклад Ц. К-та. Как ни приятно звучит взятый им смелый тон в разных щекотливых вопросах, но вся его аргументация грешит тем, что построена на сомнительном предсказании — на неизбежной будто бы катастрофе. Однако неизбежность эта совершенно не доказана... Сейчас подставлять сюда произвольные величины из архива 1905 г нет никаких оснований. История не повторяется, вряд ли повторится и 1905-й год»

Челноков был самым правым из всех критиков Некрасова. «Не

трудно представить, — заявил он. — что с принятием некоторых его (Некрасова. — А. А.) лозунгов, от к.-д.-тов со страхом бежали бы выборщики-прогрессисты».

«Милюк», как непочтительно выразился о кадетском вожде Челноков, вполне заслужил похвалы последнего. Он, заявил вождем кадетов, «много в ней (речи Некрасова. — А. А.) не разделяет», и прежде всего «общего тактического положения об устранении конституционной фикции, безответственности и о переходе к наступательной тактике. Конституционность — это качество, с которым мы, как партия, родились на свет, и если бы мы от него отказались, то партия перестала бы существовать как таковая и был бы потерян результат наших многолетних усилий».

Под общим нажимом Некрасов фактически капитулировал. Сразу после выступления Колюбакина «председатель сообщил, — читаем в протоколе, — что Н. В. Н. не настаивает на баллотировке своих предложений»⁶⁴.

Как же объяснить в таком случае горячие аплодисменты и чувство большинства представителей с мест в адрес Некрасова и обратную реакцию на доклад Милюкова? Причина, на мой взгляд, здесь была чисто психологической. На минуту, после искренней и горячей речи Некрасова, участникам конференции по-человечески захотелось хоть раз в жизни почувствовать себя борцами не липовыми, а какими были, скажем, революционные социал-демократы, к которым кадеты испытывали смешанное чувство вражды, испуга и восхищения. В глубине души они не могли не сознавать, что в основе всех тактических ухищрений их вождя лежат в конечном счете его и их собственная политическая трусость. Призыв Некрасова вызвал перед их очарованным взором картины новой, достойной жизни. На минуту уж поднял голову в небо и... снова зарылся в пыль и прах кадетского «конституционного» ничтожества.

Все кончилось так, как и должно было кончиться. Покорный кадетский вол, с удивлением обнаружив, что он неожиданно для самого себя взбрыкнул, спохватился и с виноватым видом снова подставил шею под ярмо хозяина «тактического» загона: все положения и тезисы доклада Милюкова были приняты конференцией практически без всяких изменений. Стране был громогласно объявлен и подарен еще один тактический шедевр хитроумного кадетского Улисса: «изоляция правительства».

Оценивая итоги мартовской кадетской конференции в редакционной статье «Правительство и Г Дума», суворинская газета весьма ядовито и точно охарактеризовала суть «новой» кадетской тактики. Кадеты, говорилось в статье, требуют осуществления «трех замков». Но это «возможно не иначе как радикальным изменением основных законов». Как же этого добиться? Кадеты на своей конференции ответили на этот вопрос «уклончиво и лукаво», выдвинув лозунг «изоляции» правительства. «Но само собой разумеется, почтенные адвокаты, врачи и всякие другие буржуа, составляющие кадетскую „демократию“, нисколько не расположе-

ны самолично строить баррикады и лезть в огонь. Самое большее, что они могут себе позволить в порядке насильственного овладения ключами от магических „замков“, — это подтравливать своих левых друзей...» Относительно переворота «они персонально весьма сдержаны», хотя взяты власть после переворота, если бы его кто произвел, весьма готовы и охочи. «Но гг. кадетские вожди, по своей природе мирные буржуа, без сомнения, предпочитают добиваться отмыкания „замков“ средствами менее опасными... Надо, чтобы власть исполнительная утратила веру в свои силы, растерялась, а это можно достигнуть без возведения баррикад в натуре, а только внушением кому следует страха возможности баррикад»⁶⁵.

Эта оценка, справедливая во всех деталях, полностью характеризует линию Милюкова, избавляя нас от необходимости дальнейших комментариев.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что милюковский лозунг «изоляции правительства» был на деле совершенно сродни струвенскому призыву к «оздоровлению власти».

В январской книжке своего журнала за 1914 г. П. Б. Струве опубликовал статью, которая так и называлась: «Оздоровление власти». Под этим он разумел альтернативу революционному пути. «Какой же выход из создавшегося положения?» — ставил он главный и вечный вопрос либералов и отвечал: «Выходов может быть только два: либо постепенное нарастание государственной смуты, в которой средние классы и выражающие их умеренные элементы вновь будут оттеснены на задний план стихийным напором народных масс, вдохновляемых крайними элементами, либо *оздоровление власти*. Первый выход не подлежит сейчас нашему обсуждению. Мы сознательно стоим в русских условиях на точке зрения, исключаящей для нас возможность как действительно стремиться к этому выходу, так даже просто и желать его. Поэтому нам остается только ставить прямо перед общественным мнением второй выход как такую очередную проблему, которая должна быть осуществлена совокупными усилиями всех прогрессивных и в то же время охранительных сил»⁶⁶.

Первого выхода Милюков так же страшился, как и Струве. Разница состояла в том, что последний предлагал ограничиться усилиями лишь «охранительных» элементов, тогда как первый считал, что нужно не терять из виду и элементы «разрушительные». Но это различие на самом деле было мнимым. Зато общее, что объединяло позиции откровенно контрреволюционного либерала с позицией дипломата от либерализма, было неизмеримо существеннее их расхождений. Лозунг «изоляции правительства» и призыв к «оздоровлению власти» объединяло одно решающее обстоятельство: страх перед революцией, «конституционный» утопизм. Утопизм обоих лозунгов обнаруживается в полной мере тогда, когда ставится вопрос о конкретных способах их осуществления. Милюков с сотоварищи, как отмечалось, не могли их назвать. Точно так же отделяется пустыми словами и Струве. «О втором выходе, — подчеркивал В. И. Ленин, — ничего кроме пустых фраз, абсолютно

ничего г. Струве сказать не может»⁶⁷. Да и сам Струве чувствовал слабость своей позиции и поэтому конкретные меры подменял заклипаниями. «Есть люди, которые саму идею оздоровления власти признают утопической. Но ведь в таком оздоровлении — и только в нем — заключается эволюционный выход из того тупика, в который зашла политическая жизнь страны». «Есть ли такое оздоровление власти совершенная утопия?» — вновь возвращался Струве к самому уязвимому пункту своей «оздоровительной» концепции и опять прятался от ответа за забором пустых слов: «Разрешение этой задачи зависит, конечно, от крепости и сплоченности умеренных элементов страны...»⁶⁸.

При таком подходе, при абсолютном неприятии «первого пути», и Струве, и Милюкову оставалось только одно: уверить себя, свою партию и всех, кого можно, что новой революции все-таки не будет. Эту идею выразила «Речь» в одной из своих статей в следующих словах: «В истории ничего не повторяется, не повторится и 1905 год, несмотря на все газетные параллели»⁶⁹. Эти же слова повторил на конференции Д. Д. Протопопов, об этом неоднократно твердили Шингарев, Гредескул и др. Почему не повторится, неизвестно. Так хотелось «Речи», так хотелось Милюкову и Струве, так хотелось конституционалистам-демократам. Они жаждали в это поверить потому, что у них не оставалось ничего другого. Вся их «реальная политика» в конечном счете свелась к одному слову: авось. Авось посчастливится избежать революции. Авось утопия восторжествует над реальностью. Откровенный Струве предлагал такой же линии держаться не только «прогрессивным силам», но и власти. «Как это ни странно, — писал он в той же статье, — но ничего в такой мере нельзя пожелать власти, как забыть о том, что было когда-то, те события и факты и настроения, которые принято обозначать как русскую революцию». Приведя эти слова, В. И. Ленин восклицал: «Превосходный, глубокий, умный, серьезный политический совет! Пусть „власть забудет“ — забывают же иногда старые люди все, что происходит с ними и около них!

На свой аршин меряют других представители собачьей старости российского либерализма»⁷⁰.

ЦЕНТР И ПРАВЫЕ: УГРОЗА РАСКОЛА

Уже из всего изложенного видно, что кадетская партия, прежде всего ЦК и фракция, были ареной острой внутрипартийной борьбы. Особенностью этой борьбы было то, что она шла не между правым и левым флангами, а по преимуществу между правым крылом и центром партии — по той простой причине, что левого крыла как сколько-нибудь сгруппированного течения в описываемый период практически не было, были лишь одиночки (Некрасов, частично Колюбакин, некоторые представители с мест). Левые, сравнительно радикальные элементы партии покинули ее во время революции 1905—1907 гг. Что касается фракции, то после выборов в IV Думу правая ее часть значительно усилилась за счет прихода большой группы депутатов, настроенных совершенно по-прогрессистски и

даже по октябристски. Полуоктябристский кадет Маклаков получил мощное подкрепление в лице Челнокова, Александрова, кн. С. П. Мансырева, М. М. Новикова и др. Особенно активным был М. В. Челноков, энергичный и боевой по натуре человек, любивший и умевший бороться.

Судя по всему, правая группа фракции слабо контактировалась с аналогичной группой в ЦК партии, с такими, например, ее представителями, как Гредескул, Изгоев, Тыркова и другие последователи и сторонники Струве. Последний, хотя формально числился членом ЦК, порвал с ним еще в третьедумский период и сотрудничал с прогрессистами. Такая внешняя разобщенность, возможно, объясняется, если так можно выразиться, географически-генетическим фактором. Ядром правого крыла фракции были москвичи, которые свою политическую родословную вели от земцев-конституционалистов. Правые оппозиционеры из ЦК подвизались в Петербурге и несли на себе печать «освобожденской» традиции. Поэтому обе группы действовали как бы на параллельных курсах. Каждая имела свое поле деятельности и свои конкретные задачи. Но обе правые группы били в одну точку, преследовали одну цель — создать из кадетской партии национал-либеральную партию с такой программой и лозунгами, вокруг которых с полной готовностью объединились бы и прогрессисты, и «левые» октябристы.

Первая крупная схватка внутри ЦК вскоре после начала работы IV Думы произошла из-за того, что несколько членов ЦК — Струве, Тыркова, Д. Д. Протопопов, Маклаков и др. — решили издавать на деньги А. И. Коновалова «беспартийную», а на самом деле прогрессистскую газету «Русская молва». Предприятие подготавливалось не только без ведома ЦК, но и в тайне от него. Конечной целью этой газеты было, по-видимому, «низложение» Милюкова, удар по гегемонии «Речи» и перестройка партии соответственно политическим идеалам и вкусам редакторов и сотрудников новой газеты.

Юридическим основанием для такого шага являлся тот факт, что формально «Речь» была не органом ЦК, а газетой, издававшейся несколькими его членами во главе с Милюковым. На заседании 8 декабря 1912 г., где конфликт вылился наружу, Тыркова именно с этого начала свою атаку на Милюкова и ЦК. Если бы существовал официальный орган партии и при этом часть членов ЦК затеяла новое издание, заявила она, это могло бы подлежать осуждению. «Но здесь неоднократно утверждалось, что „Речь“ не является официальным органом партии, что это газета „не партийная“».

«К лицу, стоящему во главе Ц.К.-та, — продолжала она, — мы относимся с полным уважением... но это же лицо является главным представителем и газеты „Речь“, с которой мы во многом не соглашаемся». «Русская молва» не будет единоличным органом Струве; «тогда как позиция „Речи“ догматическая, не допускающая свободы обсуждения некоторых идей».

Смысл декларации Тырковой был ясен: Милюков захватил

власть в партии, ведет ее не по тому пути, по какому надо, и они объявляют войну и этой гегемонии, и этому курсу.

В связи с этим председатель Петрункевич поставил вопрос о том, насколько обязательно отвечать новой газете «в более важных случаях, например когда она начнет выражать порицание фракции или Центр. ком-ту?». В ответ Милюков предложил пока не предрешать поведения в таких ситуациях, и «вопрос о полемике с „Русской молвой“ в случаях особенно серьезных разногласий» был «оставлен открытым»⁷¹.

Ответ на него был дан самой «Русской молвой», которая стала критиковать «Речь» самым резким образом, так что последней не оставалось ничего иного, как принять вызов⁷². Параллельно борьбе внутри ЦК шли упорные баталии во фракции, которые начались еще до открытия IV Думы. С первого же заседания разгорелся конфликт по вопросу об участии в выборах президиума и особенно по законопроекту о всеобщем избирательном праве, на внесении которого в Думу настаивал Милюков.

В письме от 15 ноября 1912 г., написанном за два часа до открытия IV Думы, Н. Н. Щепкин (сторонник Милюкова, стоявший на левом фланге центра) так описывал первое столкновение и свои впечатления от него Н. М. Щепкину: «Как мы ни убеждали хотя бы отложить решение (по вопросу о вхождении в думский президиум. — А. А.) ввиду того, что время было, ничего не действует. Стремление к власти, хотя бы призрачной, охватило самых благо-разумных из фракции». Дальше он переходит к указанному законопроекту: «Вопрос о всеобщем голосовании вызвал бурю со стороны Челнокова, и притом бурю неприличную. Все поведение Челнокова со времени выборов и точное совпадение всего, что он говорит по разным вопросам, с тем, что высказывает Маклаков, оставляет вне сомнения, что у них намечен определенный план. Оба они выступают демонстративно ярко противниками демократических течений: Челноков резко, иногда грубо, как человек, пришедший к какому-то практическому решению, а Маклаков мягко и вкрадчиво, как он это умеет делать. Для меня это было ясно уже давно. Вчера обменялся мнениями с Милюковым: он думает то же самое и даже высказывает уверенность, что они подготавливают откол от партии в связи с комбинацией новой коноваловской группы» (т. е. хотят правое крыло кадетской партии объединить с прогрессистами. — А. А.).

Челноков, как и Маклаков, доказывает, что «первая курия наиболее важная», что «к ней надо прислушиваться, если мы не хотим с ней разорвать». Решение фракции (по-видимому, о невхождении в президиум. — А. А.) ставит его, Челнокова, как представителя этой курии, «в невозможное положение и может повести к разрыву (вероятнее всего, с фракцией, а не с 1-й курией. — А. А.)». «Душа этой компании (во фракции. — А. А.) Маклаков». «Они тянут за собой Новикова, но он еще колеблется и нередко занимает позицию, параллельную Челнокову, хотя в резолютивной части совпадающую с ней. Все они стараются

свести на нет все усилия ЦК (обоих отделов). Челноков резко нападает на гегемонию ЦК и производит этим тягостное впечатление». По мнению Н. Н. Щепкина, еще есть надежда перетянуть на свою сторону Новикова и поэтому он просит своего адресата, чтобы с ним поговорил «кто-нибудь из авторитетных товарищей». Его положение человека, «выбившего Гучкова», объявляет Щепкин, «ему вскружило голову». В заключение он писал: «Было бы полезно этим господам напомнить, что без ручательства партии и при всех их талантах они политически являлись бы нулями. Фракция включает элементы, потерявшие политическое воспитание (т. е. стоящие правее кадетов. — А. А.). Придется много работать над выучкой и сглаживанием шероховатых мест. Вот тебе коротко мои впечатления и тревоги»⁷³.

Впечатления Щепкина были верны, а тревоги обоснованны. Сам Челноков в письме к видному московскому кадету Н. И. Астрову, написанному в тот же день, что и письмо Щепкина, энергично выражал возмущение «генералами из ЦК», предложившими фракции «в первую голову внести закон о пятихвостке», игнорировавшими при этом возражения самого Челнокова, М. М. Новикова, Гредескула и еще двух-трех членов фракции, и тем, что его и Новикова не пригласили на заседания МОЦК, где обсуждался этот вопрос. «Вы знаете, — писал он, — что гегемония ЦК вызывает среди к.-д. очень много неудовольствия и нареканий полным игнорированием не только членов партии, но даже избранника г. Москвы. Если бы ЦК проявил подобное отношение ко мне, то я счел бы себя обязанным в тот же день заявить президиуму Думы о сложении своих полномочий и тем дал бы возможность избирателям сказать, как они смотрят на отношение ЦК к избранникам Москвы»⁷⁴.

Как видим, Челноков был действительно настроен к Милюкову и прочим «генералам из ЦК» весьма неодобрительно, а его крики по поводу гегемонии ЦК, который, как мы помним, боялся сделать малейший неосторожный жест по отношению к фракции, еще более подчеркивают это настроение «на грани войны».

«Война», впрочем, скоро разразилась, и она чуть не привела к расколу во фракции и партии. Поводом к ней послужил вопрос о вхождении кадетов в думскую комиссию по военным и морским делам. История этого дела вкратце такова. Еще в III Думе по инициативе А. И. Гучкова была создана комиссия, получившая пышное название «комиссии по государственной обороне». При помощи этой комиссии Гучков намеревался, демонстрируя октябристский патриотизм, направленный на возрождение мощи армии, которую царизм утратил в русско-японской войне, добиться расположения царя и на базе этого расположения получить «реформы», включая и реформы в армии и в военно-морском флоте.

В порядке этой патриотической демонстрации, а также по соображениям конкурентной борьбы с кадетами последних в комиссию не допустили, мотивируя это тем, что они, как и левые партии, социал-демократы и трудовики (которые, конечно, тоже не были допущены в комиссию), партия антипатриотическая. Под предло-

гом охранения военной тайны Дума постановила, что председатель комиссии имеет право объявлять ее заседания закрытыми всякий раз, когда он это сочтет необходимым. Кадеты, разумеется, протестовали, причем, будучи «парламентской» оппозицией, они вынуждены были ратовать не только за себя, но и за левых, настаивая на принципе пропорционального представительства.

В IV Думе октябристы заняли по этому вопросу уже несколько иную позицию. Они по-прежнему не соглашались допустить в «комиссию по военным и морским делам» трудовиков и социал-демократов, но не возражали против вхождения в нее кадетов, однако с оговоркой: в отличие от принятой практики они выберут только тех кадетов, которых захотят, а не тех, кого делегирует в комиссию кадетская фракция. Милюкову, естественно, ничего не оставалось, как протестовать против того и другого.

Далее произошло следующее. При выборах в комиссию были забаллотированы правооктябристским большинством не только левые, но и Милюков. Второй же кандидат, предложенный фракцией, — Челноков, который считался и сам себя считал крупным специалистом по военно-морским делам и очень хотел бы стать членом комиссии, был благополучно избран. Дальнейшее развитие конфликта не было личным соперничеством Милюкова и Челнокова. Получалось так, что октябристы, а не сама кадетская фракция, решали, какие ее представители будут заседать в комиссии. Естественно, что Милюков, как лидер фракции и партии, не мог этого допустить. В ответ на акцию октябристов Милюков 7 декабря 1912 г. выступил в Думе со следующим торжественным заявлением: «Я объявляю от имени фракции Народной свободы, что члены фракции Народной свободы только тогда войдут в комиссию государственной обороны, когда они войдут в нее вместе со всеми остальными представителями демократических элементов страны, или они не войдут в нее вовсе»⁷⁵.

Но Милюков явно поторопился со своей декларацией. Челноков бурно запротестовал. Во фракции, как вспоминает кн. Мансырев, разгорелись «страстные» споры. Большинство высказывалось за то, чтобы принять условия октябристов (согласовывать с ними кадетские кандидатуры). В результате всех перипетий, о которых будет сказано ниже, Милюков заявил о сложении с себя обязанностей председателя фракции — оружие, которое он пускал в ход лишь в крайних случаях. К нему была послана депутация с просьбой остаться, на что он согласился только при условии вторичного голосования. Было решено так, как требовал Милюков. В ответ Челноков заявил, что он выходит из комитета фракции и не будет работать ни в думских комиссиях, ни во фракции. В состоянии этой своеобразной забастовки Челноков пробыл до самого начала войны⁷⁶.

В письме к Шипову от 5 февраля 1913 г. Челноков так описывал положение дел: «Если завтра, во вторник, я не получу полного удовлетворения в той или иной форме, то в среду я буду баллотироваться на место, которое мне дают прогрессисты, а если после этого

фракция будет опять фордыбачиться, го я перенесу дело в Москву в наш комитет, представляющий по отношению к фракции инстанцию для московских депутатов. А если и там встречу столько же ума, как здесь, то уйду из фракции, партии и, вероятно, Думы». ⁷⁷

Как видим, Челноков был настроен весьма решительно. В письме к Е. Челноковой от 14 февраля 1913 г. он писал: «Котляревский признает, что нет ни малейшего основания уходить из Думы — это во-первых, а во-вторых, он считает, что уступать глупо. Львов (по-видимому, Г. Е. Львов. — А. А.) держится этого мнения при условии, что раскол партии не может ожидаться от моего ухода, если же можно было бы ждать раскола, то следует уходить и делать громовой скандал. Я им сказал, что буду делать каждый свой шаг после того, как к.-д. сделают свой, и что мои шаги пойдут в такой постепенности в зависимости от к.-д.: 1) остаюсь во фракции, получив полное удовлетворение, 2) объявляю себя примыкающим к к.-д., 3) примыкающим к прогрессистам, 4) прогрессистом, 5) уйду из Думы — и полный скандал. Сегодня видел Долгорукова, и он мне сказал, что к.-д. в воскресенье примут все меры, чтобы дело уладить миром». ⁷⁸ Все фамилии, которые перечислил Челноков в своем письме, были фамилиями москвичей.

17 февраля состоялось заседание МОЦК, разбиравшее заявление Челнокова. Однако, к его огорчению, МОЦК не проявило того «ума», которого он от него ждал. Оно приняло компромиссное решение. Под предлогом, что фракция автономна по отношению к ЦК и что ЦК поэтому неудобно вмешиваться во внутреннюю жизнь фракции, было постановлено: МОЦК считает возможным «просить фракцию к.-д. провести на первое освобождающееся место из принадлежащих оппозиции М. В. Челнокова, участие которого в комиссии весьма желательно», и предлагает перенести обсуждение всего вопроса на частное совещание московских членов ЦК ⁷⁹

В тот же день и почти в том же составе состоялось это «частное совещание», на котором присутствовали Н. Н. Щепкин, Н. И. Астров, Н. В. Тесленко, М. Г. Комиссаров, А. А. Кизеветтер, Ф. А. Головин и Н. М. Кишкин. Обсудив представленные Челноковым материалы фракции, связанные с вопросом о его вхождении в комиссию, и его особое мнение, совещание приняло «заключение», главным пунктом которого было следующее: «считая М. В. Челнокова ценным работником по вопросам военного и морского бюджета», совещание «решило обратиться с частным письмом к председателю фракции к.-д. П. Н. Милюкову с просьбой, чтобы, фракция нашла возможные и нужные меры для проведения тем или другим способом М. В. Челнокова в комиссию по военным и морским делам. Работа М. В. Челнокова в этой комиссии могла бы иметь значение, между прочим, и для избирателей той курии, по которой М. В. Челноков был избран в Государственную думу» ⁸⁰

«Частное письмо» Кишкина было отправлено Милюкову 21 февраля. В основном оно передавало содержание «частного совещания» от 17 февраля, но сообщало, кроме того, и некоторые любопытные детали, в частности, что Челноков приехал в Москву «в

страшно возбужденном состоянии» и вначале намеревался собрать широкое собрание преимущественно из кадетов-избирателей первой курии и «у них спросить, кто прав в этом конфликте — он или фракция». Однако бюро городского комитета удалось убедить его этого не делать, и он согласился передать вопрос на обсуждение МОЦК. В заключение Кишкин писал: «Если бы такая надежда (на то, что фракция „по возможности и в соответствующее время“ даст возможность Челнокову войти в комиссию. — А. А.) Челнокову была дана, то мы думаем, что он успокоился бы и этим самым конфликт был бы исчерпан»⁸¹.

Это предположение оказалось ошибочным. 10 марта Челноков послал Милюкову письмо с требованием поставить 12 марта на заседании фракции вопрос о разрешении ему баллотироваться в комиссию по военным и морским делам от прогрессистов. При этом он предупредил, что «в случае отказа» в его просьбе выйдет из фракции. После прений, в которых Милюков участия не принимал, фракция, сообщал Челноков в письме к Кишкину от 15 марта, «значительным большинством голосов постановила мое желание удовлетворить, и мой конфликт, к моему большому удовольствию, кончился».

Вот тут-то Милюков и пустил в ход свое «тайное оружие», заявив, что слагает председательствование. «Вышел переполох, — писал Челноков далее, — Милюков уехал. К.-д. за ним — просить. Из просьб ничего не вышло. На другой день начались переговоры со мной. Я пришел к заключению, что должен помочь уладить конфликт и заявил, что иду навстречу фракции, если это нужно для умиловствования Милюкова. Вечером собрались. Я заявил, что считаю свое участие в обороне менее важным, чем устранение конфликта во фракции, а потому данным мне правом не воспользуюсь, если это успокоит Милюкова. После этого Милюков взял отказ обратно; последовали взаимные комплименты, и наступило успокоение. Таким образом, теперь ответственность за отсутствие к.-д. в обороне падает на фракцию, а за отсутствие хотя бы одного к.-д. (не от фракции, а вообще. — А. А.) — уже лично на Милюкова. Во всяком случае, я считаю историю исчерпанной и надеюсь, фракция будет впредь более сплочена, если наши генералы сделают надлежащий вывод из всего пережитого»⁸².

Для участников «столкновения» не было никаких сомнений в том, что вопрос о вхождении кадетов в комиссию по военным и морским делам всего лишь повод, а истинная причина конфликта состояла в политических и тактических разногласиях между правым крылом и центром кадетской партии. Из переписки Челнокова со своими единомышленниками видно, что вопрос о выходе Челнокова и всего правого крыла из партии с целью ее раскола серьезно и всесторонне обдумывался в ходе трехмесячной эпопеи с вхождением в комиссию.

В письме Челнокову от 22 февраля 1913 г., т. е. в самый разгар схватки, Шипов ставил вопрос о расколе достаточно определенно: «Твой выход из партии к.-д. знаменует коренной раскол

партии, и я надеюсь, что за тобой последуют многие к.-д. типа Львова, Хмелева, Котляревского, Струве, Маклакова и т. п. Если это совершится, то это событие будет иметь огромное значение. Оно послужит началом перегруппировки общественных элементов, столь необходимой, чтобы вывести нашу общественную жизнь из того тупика, в котором она находится». Анализируя причины, вызвавшие столкновение Челнокова с Милюковым, Шипов писал: «Конечно, корень раздора не разногласие по вопросу о комиссии по государственной обороне, а в различном духовном (т. е. политическом. — А. А.) укладе твоём, например, с Милюковым. Для правильной общественной группировки важно основное настроенное объединившихся, а не такие вопросы, как о четыреххвостке, парламентаризме, принудительном отчуждении земель и т. д. Только такая группировка создаст настоящую политическую силу, которая может импонировать власти. Понятно, такая перегруппировка — задача сложная и нелегкая, но наш общественный долг принуждает нас распутать этот узел, и, рассматривая с этой точки зрения трения, возникающие во фракции, я буду рад, если ты своим уходом сможешь распутать узел, губящий нашу политическую жизнь»⁸³.

Нет необходимости объяснять, что под «настоящей политической силой, импонирующей власти», Шипов имел в виду ту самую партию, о создании которой он вместе со Струве и К^о мечтал многие годы, — буржуазно-помещичью партию, составленную из «настоящих» кадетов и октябристов на базе объединения их с прогрессистами.

Так же думал и Челноков. В письме к Шипову от 5 февраля 1913 г. он писал: «Милюков, Шингарев, Герасимов, Некрасов проходили при сильной борьбе с с.-д. и воображают, что Россия полдела, и „выставляют лозунги 1905 г.“ почему они и стараются изо всех сил угодить левым, которые на них самым хладнокровным образом хотят чихать» Вывод Челнокова был следующим: «Во фракции многие против гегемонии левого настроения, но ничего не могут поделать, боясь авторитета Милюкова и К^о. По-видимому, дело все же идет к расколу партии, которому мешает только М.-во. в. д., не разрешающее съезда, на котором выявилось бы действительное настроение к.-д.»⁸⁴.

Не менее острый конфликт разгорелся во фракции по вопросу о поездке в Царское Село. После того как министр императорского двора бар. В. Б. Фредерикс на вопрос Родзянко, примет ли царь кадетов, получил положительный ответ, кадеты решили предоставить каждому свободу выбора. Милюков не поехал, но 26 кадетов были на приеме. Кроме них, от «оппозиции» явились в Царское Село 44 прогрессиста, поляки, члены белорусско-литовского кола, мусульмане и беспартийные — 83 человека, а всего было на приеме 374 депутата из 440⁸⁵.

Решению кадетской фракции предшествовали бурные споры, и само решение было результатом компромисса. Так, в частности, Петрункевич горячо выступил против поездки, предложив ее бой-

котировать⁸⁶. На заседании ПОЦК 8 декабря 1912 г. Некрасов отметил, что «кульминационным пунктом» внутрифракционных распрей были «бурные споры о поездке в Царское Село»⁸⁷. Предложение о свободе действий было сделано Милюковым, отлично понимавшим, что в случае отрицательного решения половина фракции все равно поедет в Царское Село. Сам же лидер партии, прозревая будущее, предпочел от поездки уклониться⁸⁸.

Во вторую сессию борьба между Челноковым и Маклаковым, с одной стороны, и Милюковым — с другой, продолжалась с тем же упорством. Кульминационным моментом в этот период было обсуждение вопроса о работе кадетской фракции 16 марта 1914 г на пленарном заседании ЦК в Москве, инспирированное московскими депутатами Челноковым, Маклаковым и Новиковым. Под их давлением Московский городской комитет партии устроил совместное заседание с депутатами-москвичами, где работа фракции со стороны последних подверглась самой резкой критике. В результате обсуждения городской комитет наметил ряд вопросов для представления на очередной конференции партии, которые он разослал для обсуждения и одобрения во все районные партийные комитеты Москвы. Комитет просил районные комитеты прислать свои заключения, желательно с протоколом заседания, не позднее 7 марта 1914 г.⁸⁹ Поскольку председателем городского комитета был Шепкин, то в некоторых вопросах перечня явно чувствуется его влияние⁹⁰, но в целом это была акция правых депутатов. Характер заседания был таков, что срочно пришлось ставить вопрос на обсуждение пленума ЦК.

На пленарном заседании присутствовало 15 человек, в том числе и депутаты — возмутители спокойствия. Из них только Маклаков был членом ЦК. В числе их явных сторонников на этом заседании были М. Г. Комиссаров, Н. И. Астров, Н. В. Тесленко. Милюковскую группу, помимо самого лидера, представляли Ф. И. Родичев, М. В. Колюбакин и Н. Н. Шепкин. Остальные участники заседания — кн. Д. И. Шаховской, А. А. Кизеветтер, Ф. Ф. Кокошкин и А. А. Мануйлов, по-видимому, больше сочувствовали все-таки Милюкову, чем его противникам, хотя решительно этого утверждать нельзя. Кишкин, открывший заседание, изложил содержание вопросов, заданных в городском комитете. Московские кадеты хотели знать: в чем выражается «более активная и резкая политика» фракции в Думе, о чем было обещано на последней конференции? чем объясняется «общее впечатление некоторого уклонения» членов фракции от посещения Думы? чем объясняется, что фракция «не особенно редко» голосует и выступает «вразброд»? чем объясняется, что поведение фракции наводит на мысль, что ее большинство испытывает «полное удовлетворение сложившимся положением вещей в Г. Думе?» В связи с этим городской комитет хотел бы установить: «а) цель существования 4-й Гос. Думы; б) направление и общую основную линию поведения парламентской фракции в Г. Думе; в) как следует относиться к возможности роспуска 4-й Думы» и выяснить причи-

ны неорганизованности фракции — абсентеизм, голосование вразброд, «отсутствие общей программы деятельности» и способы ее устранения и т. д.

Выступление Челнокова представляло собой настоящий обвинительный акт против фракции и ее председателя. Недостаточно определенна и ясна цель деятельности фракции, перечислял Челноков пункты обвинения: «работа ее лишена общего направления», среди членов фракции наблюдается абсентеизм, собраний комитета фактически не бывает, бюро фракции также работает нерегулярно. Примером «спешности» в работе фракции является внесение в Думу «под моральным давлением ЦК законопроекта о всеобщем избирательном праве». Голосовать в Думе часто приходится не зная целей того или иного голосования. «Мы слишком мало работаем над объединением оппозиции, и те группы, которые занимают в Думе видное положение», входят в соглашение между собой. «Мы же остаемся изолированными и тем толкаем октябристов вправо». Благодаря этому не достигнуто многого, чего можно было бы достичь. Упустили комиссию обороны. Часто ему, Челнокову, приходится во фракции выслушивать обвинения в нарушении программы, хотя он выступил лишь со своими соображениями по поводу возможных способов проведения ее в жизнь. Он считает также необходимым, чтобы в «Речи» всегда было ясно, когда высказанное в ней мнение «является единоличным (т. е. мнением Милюкова.— А. А.) и когда мнением фракции». Вообще «где-то, кто-то, когда-то решает важные вопросы» за фракцию, вместо того чтобы их решала сама фракция.

Челнокова поддержал Новиков. Действительно, голосования во фракции часто бывают вразброд, у нее действительно нет «тактической программы» и т. д.

Милюков вначале решил, по-видимому, держаться примирительной позиции. Абсентеизм во фракции действительно есть, но он меньше, чем в ряде других фракций, «и мы с ним боремся». Правая сторона Думы исключительно аккуратна потому, что там сидят священники и крестьяне, которые ходят на заседания как на обязательную службу. Поэтому можно сказать, что кадетский абсентеизм нормален, у октябристов он выше нормы, а у правых ниже. Голосования вразброд, продолжал Милюков свои оправдания, чаще всего объясняются чисто техническими причинами — оказалось невозможным предусмотреть ход прений, специалисты во фракции разошлись во мнениях по тому или иному вопросу. Тогда членам фракции предоставлялась свобода голосования, и оно получалось «пестрое». В этом повинны также бюро и комитет фракции, страдающие, как и фракция в целом, абсентеизмом. Заседания фракции бывают один раз в неделю, а заседания Думы — два. Поэтому фракция успевает подготовиться лишь к одному заседанию. Члены фракции перегружены работой, сил и времени не хватает, отсюда всякие неувязки и недоразумения. И т. д. и т. п. с примерами и без оных.

Из действительно существенного и важного Милюковым было

сказано следующее: 1) во фракции есть меньшинство, к которому принадлежит и Маклаков, которое «голосует и по принципиальным вопросам иногда отдельно от фракции; такое голосование очень вредно»; 2) выработка программы для работы фракции в сложившихся условиях — невыполнимая задача; 3) для исполнения данного фракции «поручения» — проявлять более решительную тактику в Думе — «шаги делаются, но в большой постепенности». В этой сессии, пожаловался Милюков в заключение, идет только вермишель. «У всей Думы нет спинного хребта, в ней все шатается, шатается вместе с ней и вся деятельность» (по-видимому, кадетской фракции.— А. А.).

Маклаков начал свое выступление с объяснения, почему он перестал «ходить во фракцию». Это произошло после того, как он «настойчиво и горячо, но безрезультатно предостерегал фракцию от тех ошибок, которые, по его мнению, фракция сделала». И дальше шло перечисление этих ошибок: 1) фракция «своей политикой спешных запросов» погубила запрос о произволе администрации во время выборов в IV Думу; 2) ошибкой было из законопроекта о всеобщем избирательном праве «делать демонстрацию»; 3) «участие в комиссии обороны невозможно ставить в зависимость от участия в ней левых фракций». «Принципиальное расхождение» с большинством у него также по вопросу «о более решительной тактике», в частности по бюджетному голосованию. «Важно создать в Думе левое (т. е. октябристско-кадетское.— А. А.) большинство, выработать минимальную программу», для защиты которой это большинство готово было бы даже погнубить. «Вот в чем заключается наше тактическое разномыслие»,— закончил Маклаков свою речь.

Вторая речь Челнокова была полна ядовитой иронии по поводу возражений Милюкова. Итак, «все будто обстоит благополучно», поскольку при существующих условиях ничего другого «не может быть; и комитет, и бюро не собираются потому, что не могут собираться», язвил он. «Нас ничего не объединяет». Ораторы произносят свои речи, фракция голосует, но нет энтузиазма, потому что нет цели. «Нет даже мысли, как объединиться». Особенно негодовал Челноков по поводу заигрывания с левыми. «Мы носимся с левыми соседями, готовы отказаться ради них от получения сведений (?); и все это можно было бы сделать, если бы мы взамен имели себе от них поддержку. А они не выйдут на кафедру без того, чтобы нас не ругать. Мы постоянно киваем в левый бок и получаем за то палки в колеса».

Челнокову вторил его неизменный подголосок Новиков. Есть абсентеизм случайный, и есть абсентеизм сознательный, начал он. Первый — полбеда. Второй — дело серьезное. Фракции присущ именно второй вид абсентеизма — «недостаточно вдумчивое и горячее отношение к делу, хотя бы, напр., в разработке вопросов по местному и городскому самоуправлению», где «есть возможность практических достижений».

После всех этих нападков Милюкову ничего не оставалось, как

перейти в контрастступление. Во всех трех заявлениях московских депутатов он, Милюков, видит «общие черты», и «в них есть вещи, о которых мы сговориться не можем». Фракция за Маклаковым «не пойдет, потому что иначе она перестанет быть фракцией народной свободы». Челноков против того, чтобы ухаживать за левыми, как за малыми детьми, «но он не учитывает, что у этих малых детей есть будущее, что за ними стоят демократические массы, что нам с трудовиками придется делить между собой крестьян, и потому, может быть, и есть основания за ними ухаживать». Такие признания вождь кадетов делал редко, тем более они ценны. Внесение законопроекта о всеобщем избирательном праве, продолжал наносить удары своим оппонентам Милюков, — это «сознательное выступление, сделанное не для Думы, а для страны». Направо делается также все, что нужно и можно: «Тактика фракции не резкая... С октябристами нельзя всегда фуксом проводить свои взгляды; постоянное дело можно вести с ними, только приобретя их доверие... длительные соглашения невозможны, но соглашения бывают по каждому конкретному случаю».

Последовавшие после этого выступления Колюбакина, Щепкина, Родичева и Кизеветтера малоинтересны и почти ничего не прибавляют нового. Интерес представляло, пожалуй, возражение Милюкова одному из ораторов о том, что все требуют выработать линию поведения, программу фракции, но какую, ответ никто не дает. «За вопросом следует многоточие». С другой стороны, он заявил, что непонимание московскими депутатами сущности работы фракции — деланое, «кажущееся непонимание». Все дело в том, что «объединить непримиримые точки зрения невозможно».

Тем не менее выступившие вслед за ним Кишкин, Кокошкин, Мануйлов весьма неопределенно требовали от фракции большей определенности, т. е. выработки все той же пресловутой программы действий, которая бы объединила всю фракцию. Дебаты явно зашли в тупик. Никакого практического решения принято не было, и это означало, что победа в очередной раз осталась за лидером партии⁹¹.

Его противники это поняли. Более того, они пришли к выводу, что шансов на выигрыш у них нет. «Вполне согласен с тобой, что из твоего диспута с П. Н. М. никаких практических последствий не будет, — писал Челнокову его друг Шипов спустя неделю после заседания ЦК. — Самое большое — такие словопрения поколеблют некоторых из присутствующих на них к.-д. в их слепом подчинении П. Н. М. Пока М. останется лидером и официальным представителем к.-д., до тех пор ничто не изменится ни в тактике партии, ни в ее отношениях к соседним и вообще к другим политическим группам». Присутствие Милюкова, «инициатора и автора Выборгского воззвания, всегда будет представлять препятствие для сближения к.-д. с другими политическими группами и не устранит недоверия к себе и предубеждения извне (со стороны октябристов и им подобных. — А. А.). Вот почему я считаю большой ошибкой с твоей стороны и со стороны В. А. Маклакова, что в прошлом году, когда

П. Н. слалал свои полномочия, вы не довели дело до конца, не решились взять руководство партией в свои руки и сами же сохранили его главенство»⁹².

Но, поскольку жизнь продолжалась, продолжалась и борьба. «Третьего дня у нас опять была стычка с Милюковым», — сообщал Челноков Шипову 30 марта 1914 г. Спор возник по поводу законопроекта о введении городского положения в Царстве Польском. Челноков и его единомышленники стояли за то, чтобы принять законопроект в редакции Государственного совета, за исключением пункта о языке, который И. Л. Горемыкин обещал провести (пункт о праве частичного пользования польским языком, упорно отвергавшийся Государственным советом), Милюков потребовал голосования против законопроекта. «Маклаков [же] поднял бурю, требовал экстренно созвать фракцию, где Милюк и провалился против шести голосов. Разозлился он страшно. На конференции он вел себя гораздо приличнее обыкновенного, и наши отношения улучшились. Посмотрим, что будет дальше»⁹³.

«Дальше» с Милюковым стало еще лучше, а вот с некоторыми другими, видимо, хуже. «Вчера просидели во фракции до часу ночи, — говорилось в следующем письме, от 19 мая 1914 г. — Наши левые совсем угорели. „Страна полевела. Страна требует. Страна придет. Народ возьмет и т. п.“ Милейший Ефремов и А. И. Конов-[алов] тоже в трансе и рассказывают какие-то чудеса про настроение в стране. Все хотят перешеголять с.-д. Милюков же сохраняет полное хладнокровие и не поддается на все эти выкрики, так что черная сотня (в ироническом смысле. — А. А.) у кадетов теперь — Маклаков, Милюков, Челноков, Родичев, Шингарев... А Некрасов совсем стал как помешанный — левый»⁹⁴.

Письмо, как видно, свидетельствовало о значительном накале враждебности к «левым» кадетам (и даже прогрессистам) и полном нежелании считаться со сдвигами в стране.

Со своей стороны и те более реалистично оценивавшие положение элементы, которых Челноков без всяких оснований именовал «левыми», обсуждали вопрос о возможном разрыве.

О настроениях и планах противников группы Челнокова — Маклакова в последние месяцы второй думской сессии можно судить по письму Щепкина Кишкину от 18 февраля 1914 г. Сообщая об одной из кадетских «бесед», где кадеты в который раз пытались договориться о единой линии поведения, автор письма выражал надежду, что «к концу марта все будет договорено до конца и мы все будем говорить на одном общем языке и понимать друг друга». Но при этом, писал он далее, следует иметь в виду, что «если возьмет верх бодрая точка зрения и будет решено построиться по стране», то многие элементы уйдут из партии и пополнят собой будущие либеральную и национал-либеральную партии. «Останавливаться из-за этих опасений, конечно, нельзя, — решительно заявлял Щепкин. — Мы должны во что бы то ни стало стать опять (?) той же организующей демократической (!) группой, силы которой особенно нужны и важны в моменты кризисов и

общей растерянности. Общий итог — радуется моя старая душа, ощущая новое, молодое и доброе веяние жизни»⁹⁵,

«Общий итог» был явно ошибочным. Итог в конечном счете всегда подбивал Милюков, а он, как мы видели, не собирался способствовать уходу из партии тех, кого Щепкин по праву считал национал-либералами. Вождь кадетов хотел сосуществовать с Челноковым и Маклаковым, равно как и с Некрасовым, в рамках единой «партии Народной свободы». И вышло так, как хотел именно он, а не его оппоненты справа и слева. Этот действительно главный итог кадетской внутренней борьбы в описываемый период можно расценить как угодно, но только не как проявление «молодого и бодрого веяния жизни», которого так жаждала старая душа московского кадета Щепкина.

Возникает, естественно, вопрос: чем объяснить, что кадетская партия осталась единой вплоть до Октябрьской революции, тогда как октябристы раскололись на несколько частей, хотя противоречия у кадетов были не менее острые, чем у последних? Вопрос этот можно сформулировать и иначе: почему вождь октябристов Гучков неизменно терпел поражения в своей партии, а вождь кадетов Милюков, наоборот, всегда выходил победителем? Почему ультиматумы московско-купеческого политика игнорировались и отбрасывались его собратьями без страха и колебаний, а угроза отставкой петербургско-профессорского «диктатора» сеяла панику даже в рядах тех, кто об этой отставке мечтал? Совершенно очевидно, что личные качества обоих лидеров играли здесь второстепенную роль, хотя их, конечно, нельзя сбрасывать со счета.

Главная причина подобного исхода была обусловлена объективным положением обеих партий в системе политических сил страны. Для каждой из них избрание того или иного политического курса было не просто вопросом тактики, а вопросом реального партийно-политического бытия. С этой точки зрения переход октябристов в оппозицию в обычных — не чрезвычайных — условиях (принятие ими курса «левых» октябристов было фактически невозможным) означал бы их партийное исчезновение. Мандат, который им был дан большинством их избирателей, был мандатом на сотрудничество с правительством. Это сотрудничество, как показал горький опыт, ничего не давало, но при этом сохранялась надежда — надежда на нового П. А. Столыпина, на то, что власть «образумится», поймет и пр. При разрыве с правительством исчезало и это подобие жизни — октябристы превращались в жалкую кучку «левых» октябристов и могли объединиться или войти в союз с прогрессистами, которых было немногим больше и которые были еще более аморфны, чем их собратья справа.

Такая же участь ждала бы и кадетов, если бы они пошли на объединение с прогрессистами. Политическая линия Милюкова также не давала ничего, кроме разочарований, но сохраняла надежды на то, что в будущем, возможно, действительно придется делить крестьян с трудовиками. Если это не было жизнью, то каким-то ее подобием, эрзацем жизни. Переход на открыто «вехов-

ские». позиции означал бы погружение в прогрессистское небытие, фактический конец организованного партийного существования. Не случайно Тыркова и ее единомышленники упорно настаивали (даже в момент, когда их распри с Милюковым достигали кульминации) что они остаются кадетами, не сливаются с прогрессистами, не выходят из ЦК. Единственный, кто заявил о своем уходе из ЦК, и то уже во время войны, был Струве, но зато Маклаков в нем остался. Когда Челноков спасовал перед ультиматумом — отставкой Милюкова, это было не ошибкой с его стороны, как думал Шипов, а пониманием, что, если во главе партии станет он вместе с Маклаковым, они тут же превратятся в неких «левых» прогрессистов с армией в несколько десятков человек. Будь иначе, Челноков не колебался бы ни минуты, тем более что как он лично, так и его кадетские и прогрессистские друзья терпеть не могли Милюкова, считая его, как мы видели, главным виновником всех кадетских несчастий. Тут действовала поговорка: «Видит око, да зуб неймет». Милюков обеспечивал в партии и фракции если не реальную политику, то по крайней мере максимально возможное для кадетов приближение к ней. Вот почему все внутрипартийные бунты против его «диктатуры» были бунтами на коленях. Дело было в его политической искушенности, а не в качествах вождя-диктатора.

Одним из доказательств сказанного является финал затеи с «Русской молвой»: газета не просуществовала и года. Тот же Шипов весьма скептически расценивал ее перспективы. Уже 21 февраля 1913 г., т. е. менее чем через три месяца после выхода первого номера газеты, он писал Г. Е. Львову: «Относительно Д. Д. Протопопова я должен сказать, что с осуждением к „Русской молве“ не относился, а говорил и продолжаю думать, что суждены ей благие порывы, но свершить ничего не дано... „Русская молва“, думается мне, не создаст себе аудитории и вскоре угаснет. На поддержку Терещенко газета рассчитывать не может. Я говорил с ним довольно много о „Русской молве“ во время нашего путешествия и от него слышал, что у газеты менее 400 подписчиков и незначительная розничная продажа. При таких условиях 220 тыс. руб. хватит ненадолго»⁹⁶. Иначе говоря, будь условия иные, т. е. имей газета широкую аудиторию, за деньгами бы дело не стало.

Даже жена Челнокова понимала, что у ее супруга нет никаких перспектив в партии, если он пойдет на раскол. В письме к мужу от 12 февраля 1913 г., в котором речь шла о конфликте по поводу комиссии по военным и морским делам, она писала: «Казалось, что в партии должно быть здоровое течение, что оно возьмет верх над отжившим консерватизмом (?!), что, может быть, Милюков и К^о вызывают осуждение и назревает новое направление. Очевидно, ничего подобного нет и ты нигде не встречаешь поддержки, везде узость и дальше партийности никто не смотрит.. Я думаю, дела твои с к.-д. очень плохи и непоправимы»⁹⁷.

Как ни ненавистна была милюковская «узкая партийность» правым кадетам, они вынуждены были с ней смириться. В письме

А. В. Бобрищеву-Пушкину (Громобою) от 30 октября 1912 г. Маклаков очень хорошо объяснил, почему он при всей своей близости к октябристам оспаривает с Милюковым, а не уходит к Гучкову. «Я со многим согласен из того, что Вы говорите, — писал Маклаков, — близоруко радоваться забаллотировке Гучкова и крушению октябристов; несомненно, они не погибли и еще на сцене появятся. Все это верно. Я могу это признать тем свободнее, что всегда думал и иногда печатно высказывал, что октябризм как „либерализм“ в отличие от кадетского радикализма (!) и демократизма (!) не только необходим, но и является обязательным условием успешного развития конституции. Гучков, как оппозиция, внушительнее и сильнее Милюкова, и здраво понятые интересы политического освобождения требовали бы не подрывать ему ноги в этот момент. Я так думал и старался, насколько мог, направить нашу избирательную кампанию в этом направлении, и если это оказалось невозможным, то не только по сопротивлению влиятельных руководителей партии, а еще гораздо более по полному к этому несочувствию избирательной массы. Мне достаточно было сказать несколько слов, не говорю сочувствия, но справедливости об октябристах, как на всех избирательных собраниях на меня за это обрушились как на защитника октябристов, и этой репутации было достаточно, чтобы меня дискредитировать. И я не сомневаюсь, что если бы наши вожди попробовали помогать октябристам в столицах, хотя бы по первой курии, то финал был бы один: наше забаллотирование по 2-й курии в пользу с.-д.»⁹⁸

В последних словах заключалась вся суть проблемы. Кадетскую партию нельзя было разрушать и из нее нельзя было уходить, потому что она была последней плотиной, преграждавшей революционной социал-демократии путь к городской демократии и полудемократии. Кадеты еще могли надеяться повести за собой трудовиков. Союз с октябристами все это разрушал. Из всего этого следует, что и со стороны кадетов «прогрессивный блок» в сложившихся условиях был невозможен.

¹ Аврех А. Я. Раскол фракции октябристов в IV Думе. — История СССР, 1978, № 4, с. 115—127; Он же. Прогрессизм и проблема создания партии «настоящей» буржуазии. — Вопросы истории, 1980, № 9, с. 45—61.

² Отчет Центрального комитета Союза 17 октября о его деятельности с 1 октября 1913 г. по 1 сентября 1914 г. М., 1914, с. 13.

³ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 3—4 об.

⁴ Там же, л. 6—6 об., 7 об., 9—9 об., 12, 17. На заседании ПОЦК 27 ян-

варя 1913 г. были избраны В. Д. Набоков, М. М. Винавер и А. С. Изгоев (Там же, л. 28 об. — 29).

⁵ Там же, д. 43 об. — 44 об.

⁶ Там же, л. 245, л. 80.

⁷ Там же, д. 31, л. 91.

⁸ Там же, д. 14, л. 1; д. 15, л. 1.

⁹ Там же, д. 31, л. 1—1 об.

¹⁰ Там же, л. 2 об., 6—6 об.

¹¹ Там же, л. 38 об. — 40 об.

¹² На конференции 2—3 февраля 1913 г. председатель, отвечая на вопрос, заявил, что из 40 членов ЦК, избранных на последнем, пятом съезде, участ-

- вуют в заседаниях ЦК — в Москве 9 человек, в Петербурге — 12—13. До этого Н. В. Некрасов сообщил: 5 членов ЦК умерли, двое «открыто вышли», третьи «числятся», но участия в работе ЦК не принимают. Их фамилии он, Некрасов, называть не хочет (Там же, д. 14, л. 58 об.—59 об.).
- ¹³ Там же, д. 31, л. 40 об. — 42 об.
- ¹⁴ Там же, д. 245, л. 73—73 об.
- ¹⁵ Там же, д. 14, л. 62—64. «По подсчету оказалось, — было записано в протоколе, — что прибыли, кроме членов ЦК и фракции, представители групп из след. мест: из Владимира, Воронежа, Таганрога, Екатеринослава, Риги (двое), Могилева, Киева, Саратова, Симбирска, Смоленска, Самары, Твери, Одессы (двое), Херсона, Чернигова (двое), Полтавы (двое), Ярославля, Архангельска, Мариуполя, Ростова-на-Дону, Тихвина Новгород. губ., Нижнего Новгорода, Ельца, Орловск. губ., Харькова, из Москвы (трое), из Петербурга и СПб. губернии (шесть, в том числе два представителя от студентов), всего 37 человек из 23 губерний» (Там же, л. 1). Список фамилий части прибывших был дан в конце (Там же, л. 67—67 об.).
- ¹⁶ Там же, д. 31, л. 43—43 об.
- ¹⁷ Там же, д. 245, л. 84—87.
- ¹⁸ Там же, д. 31, л. 54—55 об.
- ¹⁹ Там же, л. 64 об.—70 об. л. 64 об. — 70 об.
- ²⁰ Прибыли: из Бакинской губ. — 1, Воронежская — 1, Екатеринослава — 1, Казанской губ. — 1, Киевской — 3, Курской — 1, Лифляндской — 2, из Москвы — 3, Самары — 1, Саратова — 1, Херсона — 2, Чернигова — 1, из Ярославской губ. — 1, от СПб. городской группы — 4 — всего 23 чел. из 14 мест, не считая членов фракции и Ц. к-та (Там же, д. 15, л. 1).
- ²¹ Там же, л. 2—6, 12 об. — 15, 17 об. — 19 об., 23—23 об.
- ²² Там же, д. 245, л. 97. 105—106.
- ²³ Там же, л. 140.
- ²⁴ Там же, л. 148.
- ²⁵ Там же, л. 80 об. — 81, 89, 94.
- ²⁶ Там же, д. 31, л. 113.
- ²⁷ Там же, д. 16, л. 115—116.
- ²⁸ Там же, л. 107—108.
- ²⁹ Там же, л. 29—30.
- ³⁰ Там же, л. 30—42, 45.
- ³¹ Там же, л. 43, 45—46, 62—72 об.
- ³² Там же, д. 31, л. 158—162 об.
- ³³ Там же, л. 165.
- ³⁴ Там же, д. 245, л. 186—186 об.
- ³⁵ Там же, д. 248, л. 1—2. Перечень «Задач Организационной комиссии» содержал пять пунктов: «осведомление» о состоянии партийных организаций на местах, всевозможных беспартийных организаций — профсоюзов, кооперативов и др., организация лекционной работы в провинции и пр. (Там же, л. 7).
- ³⁶ Там же, л. 9—12.
- ³⁷ Там же, л. 22—22 об., 25.
- ³⁸ Там же, л. 24, 25.
- ³⁹ Там же, л. 25 об.
- ⁴⁰ Там же, л. 19.
- ⁴¹ Там же, л. 1.
- ⁴² Там же, д. 31, л. 29—31, 45—46, 81—85 об., 100 об., 161 об.
- ⁴³ Там же, д. 248, л. 3—5, 20, 30, 32.
- ⁴⁴ Там же, д. 31, л. 18—19 об., 20 об.—22, 23 об.—24 об., 28 об. 24 об., 28 об.
- ⁴⁵ Там же, л. 32—38.
- ⁴⁶ Там же, д. 14, л. 14 об. — 15, 19—31, 39, 41—41 об., 46 об., 49 об.—50, 55, 68.
- ⁴⁷ Там же, д. 31, л. 58—60, 61, 62, 63, 64.
- ⁴⁸ Там же, д. 15, л. 29.
- ⁴⁹ Там же, д. 31, л. 95—95 об.
- ⁵⁰ Там же, л. 104—105 об.
- ⁵¹ Там же, л. 117—117 об.
- ⁵² Там же, л. 99 об. — 100.
- ⁵³ Там же, л. 107 об.
- ⁵⁴ Там же, л. 90—99 об.
- ⁵⁵ Там же, л. 95, 105 об. — 106 об.
- ⁵⁶ Там же, л. 108—108 об.
- ⁵⁷ Там же, л. 89 об. — 90.
- ⁵⁸ Там же, л. 94 об. — 99 об.
- ⁵⁹ Там же, л. 108 об. — 109 об.
- ⁶⁰ Там же, л. 114—116, 117—118, 119—120.
- ⁶¹ Там же, д. 16, л. 10 об.
- ⁶² Фракция Народной свободы в период с 15 октября 1913 г. по 14 июня 1914 г.: Сессия вторая. СПб, 1914, ч. 1—3. Отчет фракции, с. 11.
- ⁶³ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 985, л. 455—455 об.
- ⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 16, л. 7, 12 об., 15—15 об., 17, 18, 20—26.
- ⁶⁵ Новое время, 1914, 13 апр.
- ⁶⁶ Русская мысль, 1914, № 1. с. 152 (вторая пагинация).
- ⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 331.
- ⁶⁸ Русская мысль, 1914, № 1, с. 154—155.
- ⁶⁹ Речь, 1913, 11 окт.
- ⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 332.
- ⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 7—17. См. об этом в кн.: Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968, с. 463—465.

- ⁷² Погода спуста, после того как «Русская молва» прекратила свое существование, она послужила поводом для короткой, но резкой схватки между Н. А. Гредескулом, с одной стороны, П. Н. Милюковым и поддержавшим его Некрасовым — с другой, на мартовской конференции 1914 г. Поводом для выступления Гредескула послужила статья (вернее, «Обзор печати», автором которого был Милюков) в «Речи», в которой группа кадетов, объединившихся в свое время вокруг уже покойной «Русской молвы», характеризовалась как отколовшаяся часть партии. «Прочтя эти слова, я был в ужасе», — воскликнул Гредескул, ибо это настоящая «демагогия» и подобные квалификации впредь никоим образом не должны быть допускаемы. В ответ Милюков заявил, что он «сделал меньше из того, что следовало сделать», и то «только после того, как „Р[усская] молва” стала делать открытые выступления против нас». Милюкова горячо поддержал Некрасов: он «считает доягом самым решительным образом протестовать против слов Н. А. Г., обрушившегося на П. Н. М. за „демагогию”... Можно только приветствовать то, что сказал П. Н. М. (*Продолжительные рукоплескания.*) Эквинокам надо было положить конец и П. Н. М. исполнил свой долг». (ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 16, л. 57—57 об., 60 об. — 61).
- ⁷³ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 582, л. 2683—2683 об.
- ⁷⁴ Там же, л. 2682—2682 об.
- ⁷⁵ Государственная Дума: Четвертый созыв. Стенографические отчеты, сессия I, ч. 1, стб. 385 (Далее: Ст. отч.).
- ⁷⁶ Мансырев С. П., кн. Мои воспоминания о Государственной Думе (1912—1917 г.). — В кн.: Историк и современник. Берлин, 1922, т. 2, с. 41.
- ⁷⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 918. л. 277
- ⁷⁸ Там же, д. 919, л. 348.
- ⁷⁹ Там же, ф. 523, оп. 1, д. 245, л. 76.
- ⁸⁰ Там же, л. 77.
- ⁸¹ Там же, ф. 102, оп. 265, д. 919, л. 392.
- ⁸² Там же, д. 921, л. 537
- ⁸³ Там же, д. 919, л. 396.
- ⁸⁴ Там же, д. 918, л. 277 об.
- ⁸⁵ Родзянко М. В. Крушение империи. М., 1929, с. 57—58.
- ⁸⁶ Мансырев С. П., кн. Указ. соч., с. 42.
- ⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 9.
- ⁸⁸ Некая «Москвичка» послала 9 июня 1912 г. Милюкову письмо, в котором резко осудила поездку кадетов — депутатов III Думы в Царское Село. Автор письма явно не был ни трудовиком, ни социал-демократом. («Среди левых, — в числе прочего говорилось в письме, — мало еще действительно образованных».) Письмо начиналось следующими словами: «Обращаюсь к Вам, как к лидеру партии к.-д. Сегодня прочла, что члены Гос. Думы представлялись в Царском Селе государю — палачу русской земли. В этой депутации были и к.-д., также кричали, как попугаи, „ура!” и т. д. Ведь это позор, что ваша партия теперь скажет в свое оправдание? Я ведь ваших членов, правда, провинциальных, хорошо знаю. Ведь такими путями вы все будете топтаться на месте — и ни шагу вперед, а даже назад. А самое главное — зачем роняют себя кадеты в глазах русского общества. Ведь как-никак, к.-д. — сливки русского общества... Стыдно! Стыдно! Передайте и своим товарищам. Кого ни спросишь, все порядочные люди возмущаются и будут возмущаться вашим поведением. А всем прохвостом и на руку: „К.-д. тоже с поклоном ездили” Судя по речам в Думе, многие Ваши товарищи да и Вы за последнее время полевели. Зачем вы под конец 3-й Думы испортили впечатление своей поездкой?» (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 545. л. 42—42 об.).
- ⁸⁹ Там же, ф. 523, оп. 1, д. 245, л. 165.
- ⁹⁰ Там же, л. 166.
- ⁹¹ Там же, л. 175 об. — 183 об.
- ⁹² Там же, ф. 102, оп. 265, д. 985, л. 421
- ⁹³ Там же, л. 472.
- ⁹⁴ Там же, д. 988, л. 716.
- ⁹⁵ Там же, д. 983, л. 221.
- ⁹⁶ Там же, д. 919, л. 394.
- ⁹⁷ Там же, л. 328.
- ⁹⁸ Там же, д. 580, л. 2473, курсив мой. — А. А.

Глава IV

ПРАВЫЙ ЛАГЕРЬ

В правом лагере явственно различаются два эшелона власти — низший и высший. К первому надо отнести черносотенные организации и партию националистов, а также (с определенными оговорками) Совет объединенного дворянства. Ко второму — царя, камарилью и официальное правительство. Деление это несколько условно, поскольку оба этажа были тесно связаны между собой многочисленными внутренними переходами и в совокупности составляли единое здание реакции. Тем не менее оно правомерно не только как удобный исследовательский прием, но и по существу — в силу тех различий, которые существовали между ними.

НИЖНИЙ ЭТАЖ ЧЕРНОСОТЕНЦЫ

Черносотенные монархические «союзы» представляли собой сооружение, отличавшееся не только крайней реакционностью, но и непрочностью.

В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства присяжный поверенный Г. Ф. Вебер, выступавший гражданским истцом по делу кадета М. Я. Герценштейна, убитого «союзниками», и специально занявшийся разоблачением преступлений «Союза русского народа», сообщил, что мысль о создании подобной организации, предназначенной для борьбы с революционным движением, впервые возникла у П. И. Рачковского, заведовавшего русской агентурой за границей. К его идее присоединились министр внутренних дел П. Н. Дурново, начальник петербургского охранного отделения генерал А. В. Герасимов, А. С. Стишинский (член Государственного совета, один из деятелей Совета объединенного дворянства), товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин, московский священник И. Восторгов, петербургский градоначальник фон дер В. Ф. Лауниц, граф В. Ф. Доррер (курский губернский предводитель дворянства, активный деятель Совета объединенного дворянства), присяжный поверенный П. Ф. Булацель, инженер В. П. Соколов и великие князья Николай Николаевич и Владимир Александрович. Во главе созданного по инициативе перечисленных лиц «Союза русского народа» встал доктор А. И. Дубровин, получавший денежные средства, помимо частных лиц, от Петербургского охранного отделения, Департамента полиции, Министерства внутренних

дел, петербургского градоначальника и, наконец, от дворцового коменданта В. А. Дедюлина¹.

Свое появление на свет «Союз русского народа» озаменовал серией политических убийств и погромами. Делалось все это при полной поддержке властей, вплоть до самых высших. При П. А. Столыпине сношения с правыми организациями осуществлял товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов. Дубровин и Пуришкевич не раз бывали у самого премьера². По примеру «Союза» стали возникать аналогичные организации в ряде других городов — либо на правах его отделов, либо в виде самостоятельных организаций под самыми различными названиями. Они также субсидировались казной и находились под покровительством местных властей — губернаторов и жандармских офицеров, а также местного духовного начальства — епископов, настоятелей монастырей и т. д.

Со стороны царя Дубровин и его «Союз» пользовались совершенно исключительным вниманием. Несмотря на крайнюю одиозность «Союза», царь демонстративно выражал свои симпатии Дубровину, давал ему аудиенции, посылал приветственные телеграммы, нацепил значок «Союза» на себя и на наследника. Предупредительность властей в отношении «союзников» не знала границ. Если возникал конфликт между черносотенной организацией и местной властью, до губернатора и даже генерал-губернатора включительно, центральная власть в подавляющем большинстве случаев становилась на сторону «союзников» не взирая ни на какие аргументы.

Уже из этого видно, что с созданием и деятельностью черносотенных организаций царизм связывал большие надежды, а их названия — «Союз русского народа», «Русский монархический союз им. Михаила Архангела» и т. п. — объясняют, в чем эти надежды состояли. Исходной предпосылкой была ложная идея о том, что русский народ будто бы в массе своей, несмотря на революцию, остался верен самодержавию, монархическому идеалу; он — не столько участник революции, сколько жертва ее, подпавшая на какое-то время под влияние «злонамеренных» агитаторов. Задача, следовательно, состояла в том, чтобы «освободить» русский народ от «чужеродного» влияния, вернуть ему прежнюю «исконную любовь» к тому политическому порядку, который формулировался «знаменитой» уваровской триадой: самодержавие, православие, народность. Крайним антисемитизмом и антиинтеллектуализмом, с одной стороны, и проповедью монархизма по уваровской формуле — с другой, и исчерпывалась программа черносотенства. Таким образом, по замыслу вдохновителей и организаторов черносотенного движения оно проектировалось как массовое движение, противостоящее революционным и оппозиционным партиям и организациям. «Союзы» мыслились как организации с сотнями филиалов и отделений. Именно этим объясняется то внимание и те надежды,

которые связывал реакционный режим со своей «народной» затеей.

Вот почему с первых же дней существования «Союза русского народа» его главари А. И. Дубровин, Н. Е. Марков 2-й, Пуришкевич, С. А. Володимеров и др. не уставали доказывать, что они якобы располагают многотысячной армией и скоро счет пойдет у них на тысячи местных отделов и миллионы членов. Возможно, вначале это было искреннее хвастовство, но когда обнаружилось, причем очень скоро, что все это фикция, крики о «миллионах» стали сознательной и грубой ложью. Властям, естественно, захотелось узнать, сколько действительно насчитывалось зарегистрированных «союзников» в городах и весях Российской империи. Сделать это было не так просто даже Департаменту полиции, так как черносотенные главари представляли липовые списки и сообщали явно завышенные цифры. Тем не менее сводный документ был составлен.

В сентябре 1907 г. Департамент полиции затребовал циркулярно от губернаторов и градоначальников сведения о том, какие легальные политические партии действуют во вверенных им губерниях, областях и градоначальствах, какова их примерная численность, в частности сколько имеется отделов «Союза русского народа» и других монархических организаций³. Где-то, по-видимому, в начале 1908 г. сведения были представлены и сведены в итоговую таблицу. Согласно этой таблице, общая численность «Союза русского народа» составляла 356 758 человек, прочих монархических партий — 47 794 человека, итого 404 550 человек⁴.

Цифра внушительная, но при ближайшем рассмотрении внушающая сомнения. Прежде всего бросается в глаза огромная разница в цифрах по губерниям. Так, например, по Архангельской губернии указан лишь один отдел «Союза» с 38 членами, а в Астраханской — 9 отделов и 52 кружка с 13 тысячами. В Бессарабской губернии насчитывалось 7 отделов, 55 подотделов и 112 дружин с общим числом членов в 18,5 тыс., в Воронежской же губернии только два отдела, в одном из которых имелось 230, а в другом — неизвестное число членов. Владимирская губерния указала 20 700 «союзников», собранных в 20 отделах и двух подотделах. В Подольской губернии насчитывалось 15 тыс. «союзников», а в Полтавской — только 3600. В Тобольской и Томской — соответственно 25 и 3,5 тыс., не считая 1600 человек, состоявших в «прочих монархических партиях». Рекорд поставила Волынская губерния, давшая 494 отдела и 634 подотдела со 105 тыс. членов⁵.

Несомненно, юг страны (Волынская, Подольская и Бессарабская губернии, Одесса) имел наибольшее количество «союзников». Другими более или менее крупными очагами черносотенного движения следует считать Среднее Поволжье, и особенно Царицын (3 тыс. из 7600 по всей Саратовской губ.). Однако в целом все цифры были завышены. Их преувеличивали не только руководители отделов и подотделов, но и губернаторы, зная, что этим угодят начальству. Но долго такая мистификация продолжаться не могла. В обзоре движения монархических организаций с июня по декабрь

1909 г., найденном в бумагах П. Г. Курлова и принадлежавшем видному «союзнику», в частности, указывалось: «Восторговский союз немногочислен, значение его вздуто, и состоит он из статистов, получающих разовые и месячные»⁶.

В одной из справок Департамента полиции говорилось: «26 авг. 1909 г. состоялось собрание общества активной борьбы с революцией (в Петербурге.— А. А.)... Собралось всего 7 человек: сам Дезобри, его жена и 2 шурина Александровы; остальные 3 члена в обществе не участвуют и были приглашены Дезобри»⁷.

В докладе директору Департамента полиции от 8 апреля 1915 г. один из руководителей черносотенного движения С. А. Кельцев писал: «Первоначально в Союзе (в Москве.— А. А.) насчитывались тысячи членов и масса сочувствующих, всегда готовых примкнуть к Союзу». Но, «к сожалению», преждевременная смерть «основателя и вдохновителя Союза» В. А. Грингмута привела к тому, что «отделы Союза... заглохли и большинство из них фактически прекратило даже свое существование». Руководители Союза, И. И. Восторгов, архимандрит Макарий Гневушев и др., сообщал далее Кельцев, списков членов не вели. «Делопроизводство Союза с самого начала его существования до 1914 года искусно сокрыто... в устранение возможности контроля... нет ни журналов, ни постановлений, никаких книг денежной отчетности, ни одной решительно входящей и исходящей книги и бумаги за все время существования Союза с 1905 по 1914 год»⁸.

Глава астраханских «союзников» Н. Н. Тиханович-Савицкий, говорилось в докладе Департамента полиции П. А. Столыпину (апрель 1908 г.), «остался окруженным десятком заведомых пропойц, не способных ни на какую полезную деятельность и мечтающих о погромах»⁹.

Это была повсеместная картина. Не случайно в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии один из сторонников Дубровина, некий М. Н. Зеленский, говорил о стремлении главарей «Союза» пустить пыль в глаза, создавая бумажные отделы на местах, «которых было образовано около 3000, чуть ли не в селах»¹⁰.

Не удалось также «Союзу русского народа» стать всероссийским центром, которому бы подчинялись все местные отделы. Не стали такой организацией пуришкевический Союз им. Михаила Архангела и марковский «Союз русского народа», образовавшиеся позже. Местные черносотенные организации возникали под самыми различными названиями, меняли их, прекращали свое, как правило, недолгое и эфемерное существование, вновь создавались и, в зависимости от вкусов и претензий главарей, либо объявляли себя отделами всероссийских «Союзов», либо, наоборот, отрешивались от них или перебегали из одного в другой, а главное, бесконечно враждовали и грызлись между собой.

С конца 1908 г. начались сильнейшие распри в «Союзе русского народа», закончившиеся образованием двух союзов: «Дубровинского союза русского народа» и просто «Союза рус-

ского народа» во главе с Марковым 2-м. До этого из «Союза» вышел Пуришкевич, образовав свой «Союз». После раскола дела у Дубровина пошли так плохо, что он в конце 1910 г. заявил о прекращении издания своей газеты «Русское знамя» и об отказе от политической деятельности. Однако Дубровина и его газету спасла верная, а главное, богатая соратница Е. А. Полубояринова. По ее собственному признанию на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии, она ежегодно давала Дубровину около 100 тыс. руб., а всего она затратила «не менее 500 000 руб. Издание одной газеты обходилось около 60 000 ежегодно, так как она имела не особенно много подписчиков»¹¹. Что касается казенных субсидий, то этой кормушкой завладели в основном Марков 2-й, Пуришкевич и Замысловский¹². Первый на казенные деньги стал издавать «Вестник „Союза русского народа“» и «Земщину». Второй и третий также предприняли целый ряд изданий.

Раскол ранее единого «Союза», согласно официальной версии, произошел на «принципиальной» почве. «Главное отличие нашего Союза (марковского.— А. А.) от Дубровинского,— показывал «союзник» В. П. Соколов,— состояло в том, что мы признавали законодательные учреждения в лице Гос. думы и Гос. совета, а Дубровин отрицал их, и, следовательно, задачи его союза были в противоречии и непризнании манифеста 17 октября 1905 г.»¹³ То же самое утверждал и Марков 2-й¹⁴.

Одной из действительных причин раскола, как мне представляется, было стремление Маркова 2-го, Пуришкевича и др. отмежеваться от Дубровина, как от человека, придавшего деятельности «Союза» преимущественно уголовно-погромное направление, с тем чтобы спасти от окончательной дискредитации «монархическую идею». Дубровин со своей шайкой уголовников, имена, тюремные биографии, убийства и вымогательства которых стали достоянием прессы, не оставлял ни малейших шансов для решения основной задачи черносотенства — массовости. Однако главной причиной всех раздоров и дрязг в монархическом стане были, безусловно, казенные субсидии. Черносотенные главари проявили такую страсть к «темным деньгам», такую неистовую ярость в борьбе за них, что даже выдавшие виды царские чиновники, которых, казалось, ничем уже нельзя было удивить и которые сами являлись немалыми доками по части казенного сундука, были изумлены. Дело дошло до того, что создавались организации, в которых число членов исчерпывалось их основателями, ибо даже этого было достаточно в ряде случаев, чтобы открыть себе дорогу к субсидиям.

Самое скверное здесь для черносотенцев (а также и для правительства) состояло в том, что в пылу борьбы драку из-за денег они вынесли на публику, разоблачая грязные проделки и махинации друг друга со всеми пикантными подробностями. Так, во время ссоры Пуришкевича с Дубровиным в 1908 г. первый назвал второго дураком, а тот в ответ обвинил Пуришкевича

в краже со взломом¹⁵. В результате началось бегство из «Союзов» всех, в ком еще сохранились какие-то представления о простой житейской добропорядочности. В большинстве монархических организаций остались, по существу, одни главари в окружении отпетых негодяев, с которыми никто не хотел иметь дела, кроме Департамента полиции и властей, прилагавших отчаянные усилия, чтобы как-то спасти «Союзы» от окончательного падения, насколько возможно «облагородить» их состав и руководство.

Одной из таких попыток спасти черносотенную идею, исходившую, правда, не от властей, а от правой «общественности», была статья М. О. Меньшикова «Темные деньги». Поводом послужил отказ от звания члена Главного совета «Союза русского народа» академика А. И. Соболевского, вызванный, согласно его заявлению в печати, тем, что «большинство Совета С. р. н. заботится не о процветании Союза и не об успехах патриотического дела», а о «темных деньгах». Если так заявил Соболевский, писал Меньшиков, то «неизбежна тяжелая тревога». Протоиерея Восторгова обвиняют в грязных делах его бывшие соратники, Восторгов и Дубровин соперничают из-за власти. «Легенды (!) о „темных деньгах“, даже об огромных „темных деньгах“, растрачиваемых монархическими вождями, укореняются в публике и подтачивают нравственный авторитет вообще русского патриотизма»¹⁶. Один из графов Коновницыных (одесский.— А. А.) оказался жуликом, что вызвало бегство всех «образованных» членов из его отдела. Столкновение Дубровина с графами Коновницыными окончилось почти полным уходом Дубровина из «Союза». «В результате,— резюмировал автор,— на юге, как на севере, на севере, как на юге, среди монархических организаций идет кромешный раздор...» Выход Меньшиков видел в том, чтобы «союзники» убедительно опровергли возводимые на них обвинения. «Подумайте,— призывал их Меньшиков,— как блестяще вы оправдаетесь в глазах общества и какая это будет громкозвучная реклама Союзу после стольких обвинений!.. Я от всего сердца желаю С. р. н. самой торжественной реабилитации. Зачем скрывать положение вещей? В самом ужасном случае, т. е. если и действительно внутри Союза завелась тьма, то все-таки всего выгоднее, всего необходимее впустить туда свет»¹⁷.

Этот призыв, естественно, не нашел отклика у тех, к кому он был обращен. Никто лучше их не понимал, что именно света в свои «союзы» они впустить и не могут. Легче было Дубровину, Коновницыным и иже с ними выдать себя за сторонников демократической республики, чем доказать свою непричастность к «темным деньгам». Побойще продолжалось к прискорбию всех «истинно русских» людей.

18 ноября 1911 г. соратник Дубровина Б. В. Никольский выступил в «Русском собрании» с докладом. Когда он заговорил о «темных деньгах», между ним и Н. Е. Марковым 2-м вспыхнула драка, вылившаяся в очередной громкий скандал¹⁸.

Весьма колоритной и в то же время типичной была картина длительных распрей черносотенных вожаков в Одессе. Они разбились на несколько кланов, вступивших в смертельную схватку между собой. Все попытки градоначальника Григорьева, а затем И. Н. Толмачева, который сам был ярым черносотенцем и поклонником Дубровина, прекратить междоусобицу между гр. А. И. Коновницким и Б. А. Пеликаном ни к чему не привели. Бесчинства одесских «союзников» не знали границ. «Дружину» гр. Коновницына, как доносил градоначальник, составляли подростки «без определенных занятий» и «лица, привлекавшиеся к ответственности за кражи, а также известные полиции как сутенеры, живущие за счет проституток». «Дружинники» избивали не только евреев, но и русских чиновников в форме, прямо в центре города, притом с полного одобрения своего руководителя¹⁹.

Незадолго до открытия IV Думы Меншиков вынужден был с печалью констатировать, что ситуация в черносотенном стане остается прежней. «Правые лидеры,— писал он,— грызут друг друга с нечеловеческим остервенением, они возводят один на другого уголовные поклепы, достаточные, чтобы всех их давно переместить к востоку от Уральского хребта»²⁰.

В начале 1912 г. Дубровин потерял свой последний оплот — «Русское собрание». Это «Собрание» представляло собой правый политический клуб. Руководилось оно выборным правлением, имело свой дом, содержало гимназию, устраивало лекции и доклады. Значение «Собрания» состояло прежде всего в том, что многие его члены — генералы, чиновники, члены Государственного совета — пользовались большим влиянием и весом при дворе и в высших правительственных учреждениях. Поэтому вопрос о том, кто окажется во главе «Русского собрания», имел для «союзников» очень большое значение.

Вот как описывал подготовку к решающему сражению враг Дубровина гр. А. И. Коновницын в письме от 4 января 1912 г. к некоему К. А. Дуранте, одному из своих соратников в ту достопамятную пору, когда граф подвизался на черносотенной ниве в Одессе: «В Петербурге идет сильная борьба с партией дубровинцев и Никольского, стремящихся, идя против правых Гос. Думы, разбить русское дело окончательно... Чтобы покончить с этим злом и распадом,— с распадом, вводимым провокаторами и охранниками, все порядочное и благомыслящее общество (крупные лица, члены Гос. Совета и Гос. Думы) соединилось: Главный совет „Союза русского народа“ и Пуришкевич с Союзом во имя архангела Михаила сблокировались, и в зале Совета объединенного дворянства состоялись уже три заседания и 14 января будет четвертое, где выработаются план и тактика, необходимые для прекращения разлада среди монархистов, изгнание всей этой компании хулиганов во главе с Никольским и дубровинцами из „Русского собрания“».

Из приведенного отрывка видно, что противники Дубровина не только сговорились между собой, но и заручились поддержкой

Совета объединенного дворянства. Если верить гр. Коновницыну, они, как следует из дальнейшего, приобрели и самую высокую из всех поддержек — поддержку самого царя. «Затем,— сообщал граф,— предположено захватить в свои руки Русское собрание и в его Совет ввести, в одинаковом числе, членов Гос. Совета и Гос. Думы и обеих монархических организаций — „Союза русского народа“ и Союза во имя архангела Михаила. Это будет высшая организация, ведающая всеми монархическими делами России. Министерству (по-видимому, Совету министров.— А. А.) наши собрания и заседания не нравятся, но государь о них знает и очень доволен. В министерстве боятся объединенной правой силы. Если мы возьмем верх, то, вероятно, я, как председательствующий на совещаниях, попаду в Совет Русского собрания. 15 января общее собрание, на котором произойдет решительный бой между обеими партиями, и на нем все дело решится»²¹. Таким образом, «заговорщики» ставили своей задачей не только захватить «Русское собрание», но и в корне изменить его роль, превратив «Собрание» во всероссийский объединенный руководящий орган всех черносотенных организаций.

О том, как происходил «решительный бой», и о причинах поражения Дубровина, мы узнаём уже из письма ближайшего соратника Дубровина, упомянутого выше академика Соболевского, которое он послал 8 февраля 1912 г. некоему А. Т. Соловьеву в Казань: «Главная забота — в связи с событиями в Русском собрании. Решительная битва была выиграна Пуришкевичем. На общем собрании у него оказалось 104 голоса, у противников — 102. Он посадил председателя и утвердил выбор в члены новых 80 человек, своих, разных сортов, но всех очень подозрительных». Причину поражения Соболевский усматривал в усиленной агитации Пуришкевича и его сторонников, в результате которой все члены «Русского собрания» и члены Государственного совета либо не явились на собрание 15 января, либо стали на его сторону. «Теперь у него такое большинство,— признавал автор письма,— что борьба на почве Русского собрания не под силу»²².

В чем же состояли общие причины неудачи замысла о превращении черносотенных «Союзов» в единую массовую организацию, направляемую на борьбу с революцией? Сами черносотенные главари сваливали вину на чиновников, министров и либералов, которые якобы не дают царю провести предлагаемые черносотенцами меры «спасения России».

В этом отношении весьма показательны два письма К. Н. Пасхалова своему постоянному корреспонденту и единомышленнику Д. А. Хомякову. Пасхалов для черносотенцев был примерно тем же, кем был кн. П. А. Кропоткин для анархистов: патриархом и теоретиком одновременно. Жил он в маленьком городке Алексине Тульской губернии, сочинял там свои «труды» и практической черносотенной деятельностью, судя по всему, не занимался. 11 марта 1912 г. Пасхалов был принят царем, что уже свидетель-

ствует о его особом месте и значении в ультраправом движении. Цель визита Пасхалова к царю была, конечно, одна: предостеречь монарха от грозящих ему и стране бед, если он не пойдет решительно по пути, указанному Марковым 2-м, Пуришкевичем и им, Пасхаловым. «В отведенные мне 1/2 часа,— писал он Хомякову 18 марта 1912 г.,— я постарался возможно рельефнее изобразить картину прогрессирующего разложения государства, отметить направления, откуда движутся грозные тучи, изобразить контраст между благими намерениями, продиктованными рескриптом 18 февраля 1905 г и их злонамеренным искажением в осуществленных преобразованиях».

Казалось бы, все хорошо. Но Пасхалов совершенно не верил в успех своей миссии: министры-чиновники встанут стеной и сведут на нет все его отчаянные усилия вразумить плененного бюрократией царя. «Более чем вероятно,— умозаключал автор письма,— что министры-„чиновники“, состроив кисло-насмешливую мину, бросят в корзину мои рассуждения (речь идет о сочинениях Пасхалова, которые он послал Коковцову и Макарову после того, как царь закончил свою беседу советом Пасхалову переговорить с ними.— А. А.) или поручат познакомиться с их содержанием своим „кадетам“ (другой марки чиновников почти не имеется), что еще вероятнее, а те доложат им свое „искажение“ обработанным в желательном смысле полной несостоятельности положений автора... и, таким образом, пропадет последняя надежда задержать разрушительную волну, надвигающуюся на русскую Россию, на ее государственные и духовные основы»²³.

Во втором письме, написанном спустя 10 дней, автор вновь предрекал мрачный конец, и вновь по вине... либералов! «Будь между нашими государственными деятелями люди действительно одержимые государственным умом», беседа автора письма с царем «могла бы принести очень положительные результаты». Но, увы, их нет. Если даже состоятся его переговоры с Макаровым и Коковцовым, что маловероятно, то ему все равно не удастся «убедить наших рулевых». Уходя от царя, он, Пасхалов, «чувствовал вовсе не счастье», как было бы в иных обстоятельствах, «а конечную безнадежность, как будто я покинул постель отчаянно и неизлечимо больного человека. Да оно так и есть. И он, и все, что его окружает, больны недугом „русского“ либерализма (!), который и приведет нас к гибели»²⁴.

Аналогичные жалобы раздавались из уст «союзников» и тогда, когда они заводили речь о своих собственных внутренних делах. Центральным пунктом всех обвинений и оправданий был тезис о том, что во всех бедах черносотенцев виновато правительство. Этот тезис звучал тем громче, чем он был необоснованнее. Правительство, местные власти, Департамент полиции делали все возможное и невозможное, чтобы поддержать «союзнические» начинания, не жалея денег на самые гиблые их мероприятия и издания, шли на большие престижные жертвы внутри и вне страны, и все равно Пуришкевич, Замысловский, Марков 2-й оставались недо-

вольными. В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Марков 2-й заявил, что Столыпин и вся его администрация относились к «союзникам», «по существу, враждебно», а «последующие министры большей частью тоже сочувствовали только на словах или выражали свое сочувствие в минимальной дозе». Более того, П. А. Столыпин «всячески поддерживал рознь в Союзе по внешности к нам относились хорошо и даже субсидировали, а в сущности уничтожали»²⁵. Из дальнейших ответов Маркова 2-го видно, что все эти утверждения — явные выдумки, в которых не сходятся концы с концами.

Другим виновником плохих дел в «Союзах» их главари объявляли своих конкурентов, в адреса которых они расточали самые немыслимые обвинения в бесчестности, причем чем бесчестнее был обвинитель, тем громче и выразительнее были его сетования по поводу отсутствия благородства, чести, порядочности у соперников, жалобы, что он страдает именно и прежде всего потому, что чрезмерно щепетилен, благороден и честен. Вот типичный образец такой жалобы, которой разразился гр. А. И. Коновницын в письме от 24 июня 1914 г. к некоему М. С. Ильину: «Необходимой строгой органической связи Главного совета „Союза русского народа“ с его отделами уже давно не существует,— признавался Коновницын,— к скандалам в правом монархическом стане уже привыкли — слишком уж много шарлатанов набралось среди монархистов. Я удалился подальше от всей этой грязной тины, которая кишит на Руси,— теперь не разберешь: кто хуже — правые мерзавцы, как Пеликан и пеликановцы, Родзевичи, союзники в лице их „Советов“, левые, кадеты, жида, греки, армяшки. Все скверны, все два сапога — одна пара, и порядочным людям подальше от них, а не то сам замараешься. Жаль народа, именем которого эти шарлатаны орудут»²⁶.

И это писал человек, про которого командующий войсками Одесского военного округа А. В. Каульбарс, снабжавший гр. Коновницына и его молодчиков ружьями²⁷, вынужден был написать Столыпину (24 августа 1907 г.) следующее: «Вышеупомянутый граф Коновницын, состоя в 1902 г. начальником Праснышского уезда, брал под свои векселя деньги из гмишних ссудо-сберегательных касс и принимал от евреев деньги во время призыва новобранцев за освобождение их от военной службы. Ввиду этих сведений ему предложено было подать в отставку...»²⁸. В феврале 1909 г. начальник Одесского охранного отделения в докладе Толмачеву сообщал: «Граф Коновницын средств личных, кроме больших долгов, не имеет и живет исключительно на средства „Союза русского народа“ Будучи должен довольно большую сумму некой союзнице Воробьевой, графу еле удалось упросить последнюю не подавать на него в суд, боясь раскрытия на суде всех тайн его деятельности. Союзницы — княгиня Мансурова и Чернова — были им исключены из членов Союза за то, что позволили себе упрекнуть его за слишком непомерные траты им и его супругой денег, принадлежащих Союзу»²⁹.

Упреки в адрес правительства и демонстрация собственного «беспомощного деликатного благородства», пасующего перед «бессовестными и беспринципными» конкурентами, являлись субъективным выражением совершенно объективного факта — полного идейного и организационного банкротства черносотенных «союзов». Каковы же были подлинные причины этого банкротства? Казалось бы, в стране с большим количеством мещанских и деклассированных элементов, легко поддающихся правозэкстремистской пропаганде, при общей темноте масс, веками одурманиваемых церковью и царистской идеологией, в условиях реакции и при мощной поддержке всего правительственного аппарата, черносотенное движение должно было вырасти в значительную силу, хотя бы на первых порах. Но этого не произошло. Спрашивается, чем объяснить столь быстрый и сокрушительный провал? Исключительно наглядный и убедительный ответ на этот вопрос дает нам деятельность некоего архимандрита Виталия в юго-западных губерниях и Бессарабии.

Как уже указывалось выше, очагами черносотенства были именно эти районы. Кумиром и вождем черносотенцев там был именно этот архимандрит из созданного при Почаевском монастыре так называемого Почаевского церковного братства, центра и штаба черносотенного движения на Волыни и в Бессарабии. В 1912—1914 гг. деятельность архимандрита Виталия обратила на себя самое пристальное внимание властей.

В письме от 18 января 1914 г. министр внутренних дел Маклаков «доверительно» сообщал Саблеру о том, что в течение последних двух лет среди крестьян юго-западного края и Бессарабии «возникло брожение чисто аграрного свойства». Крестьяне организовали целый ряд экономических стачек, требуя увеличения заработной платы и уменьшения арендных цен на землю польских помещиков. «Кроме того, крестьяне, резко критикуя правительственную политику по аграрному вопросу и поставив себя в оппозиционные отношения с местными властями, начали говорить о том, что вообще вся русская земля должна быть принудительно отчуждена от инородцев и разделена между крестьянами». Чем же было вызвано это движение? Ответ давался следующий: «При исследовании причин этого ненормального явления было установлено, что брожение обычно начинается в тех местностях, где открываются отделы Почаевского „Союза русского народа“». Эти отделы следуют указаниям, которые они извлекают из почаевской литературы. Эта литература бесплатно раздается крестьянам, и в ней «не только возбуждается недоверие к правительству и проводимым им мероприятиям, но и дается надежда крестьянам увеличить площадь своего землевладения за счет принудительно отчужденных земель польских помещиков. Необходимо признать, что подобные брошюры, подрывая среди населения престиж правительства, в то же время являются причиной аграрных брожений и сеют классовый антагонизм, угрожающий экономическому положению Юго-Западного края и Бессарабии, благосостояние кото-

рых в значительной степени зависит от отношения крестьян к владельцам интенсивных хозяйств».

В связи с этим министр внутренних дел обращался с вопросом к обер-прокурору Синода, не признаёт ли он «целесообразным принять соответствующие меры воздействия к прекращению на будущее время печатания и распространения Почаевской лаврой и архимандритом Впталием подобной литературы»³⁰.

Аналогичное по содержанию письмо было послано 24 января 1914 г. за подписью товарища министра внутренних дел Джунковского киевскому, подольскому и волынскому генерал-губернатору Ф. Ф. Трепову³¹.

Тревога по поводу деятельности Почаевской лавры была поднята не только сверху, но и «снизу». Один из представителей многочисленного клана помещиков Крупенских, заправлявших всеми дворянскими и земскими делами в Бессарабии, Н. Е. Крупенский, будучи губернским земским гласным, представил в очередное губернское земское собрание доклад, который начинался следующей фразой: «Среди жалоб на разъедающие Бессарабию недуги резкой полосой проходит в последнее время жалоба на разлагающую деятельность на местах, особенно в селах и деревнях, подотделов и дружин „Союза русского народа“». «Привсей нежелательности приобщения крестьян к политике» вообще, с этим можно «было бы еще примириться», если бы лозунги «Союза русского народа» держали бы крестьян в рамках «законности». В действительности же, констатировал Крупенский, они от этого очень далеки и служат «лишь прикрытием истинных стремлений и самых низменных (!) инстинктов темной крестьянской массы, вожделения которой всегда и во всех случаях сводились к одному: к земле и чужой собственности вообще».

Как истый дворянин и владелец обширных земель, Крупенский, конечно, приписывал всякие покушения на помещичью собственность «темным инстинктам» и «невежеству» крестьян, но классовое чутье подсказывало ему верную оценку опасности, направленной хотя и против польского помещичьего землевладения, но грозившей перерасти в антипомещичье движение вообще. Крупенский настойчиво призывал власть пресечь эту опасную игру с огнем.

В ряде мест, писал он, деревенские подотделы «Союза русского народа» стали учинять «разбойные нападения», поджоги, подстрекать крестьян «на аграрной почве». «Во многих случаях они дошли уже до открытого вмешательства в расчеты между помещиками и крестьянами и всюду сеют яд озлобления, недоверия и недовольства». Все эти случаи известны администрации. «Но стоило местной власти реагировать на это и делать попытки поступить с виновными по закону», как заправила подотделов и дружин тут же посылали телеграммы с жалобами на имя Главного совета или Главной палаты «Союза» Михаила Архангела с копиями министрам, и, «смешно сказать, были случаи, когда по телеграмме союзников непосредственно в Петербург оттуда посылались даже для расследования должностные лица. Естест-

венно, что все это окончательно вскружило голову не только заправилам подотделов и дружин, но и рядовым их членам, ставшим под сенью своей организации считать себя безнаказанными». Более того, «крестьяне стали взирать на союзные подотделы и дружины как на учреждения высшего порядка, которым чуть ли не дано право менять не только порядки, но и законы». И получилось то, что «следовало ожидать»: полный произвол «союзников», с одной стороны, «бессилие местных властей» — с другой. «Все это слишком серьезно», чтобы обо всем этом можно было молчать. Поэтому «священный долг» настоящего собрания обратить на изложенное «внимание высшего правительства» и просить его принять неотложные меры³².

Доклад Крупенского не только был принят губернским земским собранием, но и опубликован во всех местных газетах. Казалось бы, на этот раз, учитывая к тому же, что Бессарабское земство было одним из самых правых в стране, власти должны были встать на сторону помещиков. Однако бессарабский губернатор приостановил постановление губернского земского собрания, а начальник Бессарабского губернского жандармского управления в своем донесении в Департамент полиции 23 января 1914 г. выразил полное сочувствие акции губернатора³³. На этот раз губернатору и жандармскому полковнику нюх изменил. Высшая власть, как нам уже известно, забеспокоилась, и машина завертелась.

23 мая 1914 г. Трепову было послано новое доверительное письмо министра внутренних дел, где уже более подробно и основательно освещалась и обсуждалась деятельность почаяевского союза. Вначале всё было очень хорошо: «Образовавшийся в 1906 году ... Почаяевский отдел бывшего Дубровинского Союза русского народа первое время преследовал цели противодействия засилью евреев и других инородцев и сыграл немалую роль в борьбе с революционным элементом». Но потом все испортилось. «К сожалению, — констатировал министр, — такая благотворная роль членов „Союза русского народа“ с течением времени стала изменяться к худшему». Начиная с 1908 г. «союзники» стали предлагать сельским сходам выносить приговоры «по вопросам общегосударственного порядка, внушая крестьянам несбыточные надежды на участие в делах управления и подчеркивая их значение в государстве. В то же самое время орган почаяевских союзников «Почаяевские известия» стал открыто призывать народ не только к борьбе с интеллигенцией, но и с самим правительством, якобы изменившим царю». Хотя этот орган был закрыт Синодом, говорилось далее, деятельность „Союза“ «продолжалась в указанном извращенном виде». По всему Юго-Западному краю рассылались представители отделов, которые «внушали населению мысль о возможности освободиться от подчинения властям и о праве получить помещичью землю путем записи в члены «Союза». В результате этой пропаганды крестьяне составили себе неправильное представление о «Союзе русского народа» как о движении исключительно крестьянском, враждебном помещикам и местным органам власти».

Далее приводился целый перечень крестьянских выступлений, явившихся, как подчеркивалось в письме, прямым следствием «союзнической» агитации, и делался окончательный вывод: «Не подлежит никакому сомнению», что действия крестьян были вызваны такими изданиями Почаевской лавры, как «Союзная наука», «Катехизис „Союза русского народа“», «Почаевский листок», «а также слухами о том, что члены „Союза русского народа“ будут иметь непосредственный доступ к государю императору и не будут подчиняться властям ...». В силу изложенного Трепов предписывалось «принять самые решительные меры» к недопущению подобной деятельности почаевских «союзников», вплоть до закрытия провинившихся отделов и с уведомлением об этом министра внутренних дел³⁴.

В ответном письме от 31 мая Трепов довел до сведения министра, что «незаконмерная деятельность» Почаевского отдела «служила и служит предметом неослабного наблюдения со стороны местных губернских начальств» и что он по получении последнего указания министра от 23 мая вновь потребовал от трех подчиненных ему губернаторов, и особенно волынского, «принятия самых решительных мер к прекращению угрожающей общему спокойствию деятельности местных отделов „Союза русского народа“ ...»³⁵, что и было исполнено. На этом попытки аграрной агитации со стороны архимандрита Виталия были прекращены.

Все изложенное позволяет дать ответ на поставленный выше вопрос о причинах крушения черносотенного движения в России. Оно, как уже указывалось, было нацелено на завоевание широких народных масс, в первую очередь крестьянских. Опыт истории показывает, что правый экстремизм может рассчитывать на завоевание этих масс только в том случае, если он сумеет выдать себя за защитника их самых глубоких *социальных* интересов. В противном случае ему не на что надеяться. Таким коренным социальным вопросом для российского крестьянства был, как известно, вопрос о земле, и в первую очередь вопрос о *помещичьей* земле. «Союзы» же были орудием царя и помещиков, твердо решивших защитить эту землю от крестьян любой ценой. Таким образом, главное средство социальной демагогии — земля не просто исключалась из политического арсенала черносотенных главарей, но являлась для них строжайшим табу. В результате «Союзы» попадали в порочный круг, из которого нельзя было выбраться: без «демократической» демагогии, обращенной к мужику, нечего было и думать о превращении «Союзов» в массовое правое движение; всякая же попытка такой демагогии сразу же приводила к результатам, чреватых весьма опасными и для царизма, и для русских помещиков последствиями. Примером этого и служит деятельность архимандрита Виталия. Он рассчитывал удержаться на острие ножа, направляя ненависть волынских крестьян только против *польских* помещиков. Но, как показали

факты, это была такая же утопия, как и полицейская утопия С. В. Зубатова.

В статье «О черносотенстве», написанной в сентябре 1913 г., В. И. Ленин писал: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это — темный мужицкий демократизм. самый грубый, но и самый глубокий». Отметив, что жизнь берет свое и той или иной связи с народом приходится искать даже крайним правым, В. И. Ленин далее указывал: «Крайние правые — партия помещиков. Но ограничиться связями с одними помещиками они не могут. Им приходится прикрывать эту связь и делать вид, что они защищают общенародные интересы, отстаивают „добрые старые“ порядки „устойчивого“ земледельческого быта. Приходится взывать к самым закоренелым предрассудкам самого захолустного мужика, играть на его темноте.

Безопасно такая игра не проходит. Нет-нет, и прорвется голос подлинной мужицкой жизни, мужицкий демократизм через всю черносотенную затхлость и натасканность. Тогда правые вынуждены выгонять вон „неудобного“ мужицкого демократа»³⁶.

Почаевский архимандрит был не единственным черносотенным вожаком, который пытался повести за собой крестьян, спекулируя на их темноте и демократизме, но результат был всегда один: крестьяне путали все расчеты, и неудачники-демагоги призывались к порядку и наказывались.

В качестве конкретного примера В. И. Ленин привел епископа Никона, члена фракции крайних правых в IV Думе, вынужденного отказаться по приказу своего начальства от звания депутата именно за то, что он занял в Думе ту самую «крестьянскую» позицию в земельном вопросе, которая абсолютно не допускалась этим самым начальством.

Показателен и конфликт монаха Илиодора и покровительствовавшего ему саратовского епископа Гермогена, такого же неистового черносотенца, как и его подопечный. Они не только полностью утратили симпатии царя, которые были очень сильны, но и подверглись заточению в монастыре. После бегства из Флорищевой пустыни в свою главную крепость Царицын, откуда его безуспешно, по заданию Столыпина, пытался достать губернатор П. П. Стремоухов, Илиодор в конечном итоге очутился за границей, где целиком посвятил себя разоблачению своего бывшего друга Распутина. Ссора с последним, разумеется, сыграла большую роль в судьбе Илиодора. Но вряд ли бы он сохранил свои позиции, даже если бы этой ссоры не было. В отличие от Виталия Илиодор принадлежал к разновидности демагогов-честолюбцев, жаждавших славы и власти. В любую минуту интересы режима он мог принести в жертву своим собственным замыслам и планам, связанным с карьерой «народного» вождя. Тот же Стремоухов свидетельствует, что «в народ проник слух, вскоре ставший в темных массах уверенностью, что Илиодор — незаконный брат государя от отца чисто русской крови». Этот слух был пущен самим Илиодором.

Таким образом, «на родине Емельки Пугачева зародился новый самозванец ...»³⁷.

В свою очередь М. В. Родзянко, характеризуя Илиодора эпитетами «карьерист и провокатор», писал, что он имел огромное влияние на народные массы в Саратове и Царицыне, был «идол толпы, народный трибун»³⁸. Что касается расчетов «Союзов» на рабочие массы, то после неудачи попыток внедриться в рабочую среду при помощи пресловутых «чайных» и тому подобных мероприятий в начальный период их деятельности, в дальнейшем они были практически оставлены. Время от времени черносотенные деятели разных калибров возвращались к мысли о необходимости воссоздать черносотенные ячейки на фабриках и заводах, но дальше общих пожеланий дело, как правило, не шло.

Продолжая свой путь упадка и разложения, черносотенные «Союзы» дожили тем не менее до 1917 г. Они как бы стабилизировались в своей стагнации. Во время войны царизмом была предпринята попытка оживить их деятельность, но она полностью провалилась. После того как обнаружился провал в главном — в завоевании русского народа, определилось их главное назначение. С одной стороны, «Союзы» стали орудием личной политики и карьеры своих вождей — Дубровина, Маркова 2-го, Пуришкевича. С другой стороны, они превратились в своего рода «коммандос» камарильи, в ее передовые отряды, при помощи которых она воздействовала на царя. Воздействие это выражалось главным образом в симуляции мнения «народа». В нужный момент по общей команде в адрес царя посылались десятки и сотни телеграмм всегда одного и того же содержания и смысла: никоим образом не поддаваться давлению либералов, ибо это кучка людей, оторванных от народа, а народ продолжает быть преданным обожаемому монарху. Народ к этим верноподданнически-телеграфным кампаниям не имел, разумеется, ни малейшего отношения.

На этой базе сложились определенные и весьма тесные взаимоотношения руководителей «Союзов» с наиболее черносотенными министрами, такими, как И. Г. Щегловитов, Н. В. Маклаков, В. К. Саблер и др., Советом объединенного дворянства, отдельными влиятельными лицами при дворе. Не следует думать, что взаимоотношения между последними и «союзниками» были только отношениями хозяина и наймита, господина и слуги. Это верно лишь отчасти. Черносотенные главари сплошь и рядом были не только послушны, но и строптивы. Верно, что они исполняли даваемые им команды и поручения, но в то же время командовали и сами. Они боялись министров, но и министры трепетали перед марковыми и пуришкевичами, которые в любую минуту могли развязать кампанию против любого из них, а в выборе средств они, как известно, не стеснялись. В качестве примера можно сослаться на травлю ими В. Н. Коковцова, которая в конечном итоге завершилась его отставкой. Чем дальше, тем больше власть оказывалась в плену и подчинении у своей же собственной наемной политической черни, и этот результат был абсолютно закономерным и неизбежным.

Националисты и умеренно правые в III Думе первые два года существовали отдельно, под своими собственными названиями. С апреля 1909 г между ними началась серия переговоров о слиянии, которые окончательно завершились в конце января 1910 г. В результате были образованы объединенные партия и фракция националистов, провозгласившие лозунг «Россия для русских», т. е. курс крайнего воинствующего национализма. Толчком к слиянию послужил «министерский кризис» в апреле 1909 г., обнаруживший провал политики Столыпина и октябристского «центра». Новая фракция должна была вытеснить октябристов с их позиции главной партии в Думе, заменить «центр» во главе с А. И. Гучковым «центром», руководимым крупным подольским помещиком П. Н. Балашовым. Большую роль в создании нового политического образования сыграл М. О. Меньшиков, которого можно считать крестным отцом «Все-русского национального союза».

Спустя месяц с небольшим после второго «министерского кризиса» в марте 1911 г., стоявшего П. А. Столыпину политической карьеры, из фракции националистов выделилась группа примерно в 20 человек и образовала собственную фракцию. В числе отколовшихся были П. Н. Крупенский, В. Н. Львов, И. Д. Сазонов и др. «Вместо торжественно обещанного нового взрыва национального чувства, — писала по этому поводу „Речь“, — пока перед нами обнаружился раскол даже среди националистов. Вместо привлечения новых подкреплений дрогнули старые ряды». Происшедший раскол газета ставила в прямую связь с «министерским кризисом»³⁹.

Меньшикова и «Новое время» ужасно смущало название новой группы — «независимые националисты», поскольку из этого автоматически следовало, что главной чертой фракции-метрополии была именно зависимость. Смущение усугублялось тем, что удар был нанесен нечаянно, без всякого желания обидеть своих собратьев, а единственно с целью подчеркнуть, что новая фракция собирается решать вопросы самостоятельно. Да и странно было бы подозревать в настоящей независимости фракцию, возглавленную П. Н. Крупенским, человеком, которого А. А. Бобринский в своем дневнике с полным знанием дела характеризовал, как «верного и покорного слугу Столыпина»⁴⁰.

Основная причина раскола националистов на две фракции была той же, что привела к крушению черносотенное движение: отсутствие, еще более полное, чем у «Союзов», массовой базы. Националисты фактически не стали даже партией. Партия исчерпывалась фракцией, а костяком последней были помещики, чиновники и священники юго-западных и западных губерний. Вся же деятельность фракции, вынужден был констатировать некий Михаил Баласный в националистическом сборнике «Ладо», «ограничивалась почти исключительно стенами законодательной палаты...»⁴¹. В определенном смысле «Речь» была права, когда утверждала, что «нынешние господа положения, националисты, представляют собой самую искусственную из всех организаций...»⁴².

Отражением этой искусственности, осознанием полной изолированности от страны было появление упомянутого сборника «Лад». Признав отсутствие влияния национализма на массы и поставив этот факт в связь с происшедшим у националистов расколом, тот же Балясный свидетельствовал, что у русских националистов, к сожалению, нет широкой программы, которая могла бы привлечь к ним не только интеллигенцию, но и «простонародье». Правда, московский национал-демократический кружок, возникший наряду с такими же кружками в Киеве и Петербурге, разработал проект, в котором пытался объединить националистические лозунги с либеральными реформами («снятие черты еврейской оседлости»; в Польше русский язык обязателен, но «наряду с польским языком»; установление «конституционной монархии»; «введение всеобщего равного и тайного избирательного права для выборов в Г. Думу...»; демократизация выборов в Государственный совет; снятие исключительных положений; уничтожение административной ссылки; «свобода слова, печати, союзов, собраний—с установлением ответственности только по суду»; «учреждение Министерства труда»; государственное страхование рабочих; создание выборных арбитражных судов и даже «скорейшее осуществление 8 часового рабочего дня»— правда, только «в тех отраслях труда, где это возможно и допускает иностранная конкуренция») ⁴³. Однако сам Балясный фактически признал, что программа «московского кружка»— блеф, о котором серьезно и говорить нельзя.

Националисты продолжали оставаться, и иначе не могло быть, крайне малочисленной, ничего общего не имеющей с демократизмом партией реакционных помещиков. Об этом свидетельствует их первый съезд, состоявшийся в феврале 1912 г. На съезд прибыло, по сообщению националистического органа «Окраины России», свыше 150 делегатов от 83 провинциальных отделов «Всероссийского национального союза» ⁴⁴, которые, однако, существовали только на бумаге. По данным «Речи», делегатов было всего 60 — 70 человек. Денег в партийной кассе оказалось 59 руб. Партию в основном субсидировал П. Н. Балашов, за что съезд вынес ему специальное благодарственное постановление ⁴⁵. По меткому выражению правого крестьянского депутата III Думы Д. П. Гулькина, националисты избрали Балашова своим главой только потому, что он «кормил свою партию компотом», т. е. содержал ее за свой счет.

Националист Б. А. Энгельгардт (позже перешел к октябристам) характеризовал председателя своей фракции следующим образом: «Лидером националистов был Балашов, личность совершенно бесцветная, замечательная лишь тем, что он являлся обладателем одного из крупнейших состояний в России. Голоса его Дума, кажется, не слыхала ни разу, и от лица фракции неизменно выступал киевский депутат Шульгин, человек умный и не без ораторского таланта». Будучи избран голосами правых и националистов председателем Военно-морской комиссии, Балашов

«за время своего председательствования не выразил не только толковой, а попросту никакой мысли. Он даже вести заседание не умел...»⁴⁶.

Съезд, посвященный главным образом предстоявшим выборам в IV Думу, показал, что националисты не питают никаких иллюзий относительно своего влияния в массах. Было решено блокироваться с партиями не левее октябристов. Принятая избирательная платформа и в намеке не имела каких-либо «демократических» пунктов.

В IV Думе структура правых фракций осталась в основном той же, что и в III Думе. Остались на том же месте и националисты. Произошли лишь изменения в названиях и лицах. Так, «независимые» националисты стали именовать себя «фракцией центра». Умеренно правые, которых слева прозвали «упокойниками», а справа окрестили «неуверенными правыми», пожертвовав в период III Думы своим названием при слиянии с националистами, теперь потребовали восстановить это славное имя, и фракция стала называться «фракцией русских националистов и умеренно правых». В IV Думе националисты обогатились двумя новыми лидерами — представителями «новой волны» национализма А. И. Савенко и В. Я. Демченко. Первый был сотрудником «Киевлянина» и, следовательно, прошел школу Д. И. Пихно и В. В. Шульгина, второй — крупным киевским домовладельцем, дельцом американского склада.

С приходом этих людей, особенно Савенко, борьба внутри фракции националистов резко обострилась. Ее вели в основном две группы — подольская (Балашов) и киевская (Савенко), из которых последняя считала себя более левой⁴⁷. Уже 2 декабря 1912 г. Савенко писал своей жене в Киев: «Мои противники правее меня. Я иду на левом фланге нашей фракции и борюсь за дружбу с октябристами, но без разрыва с правыми»⁴⁸. Однако в значительной мере борьба между «левыми» и правыми националистами носила беспринципный, личный характер, что всегда надо иметь в виду. Недаром Меньшиков неоднократно высказывал свое негодование по поводу распрей в своей родной партии. «Неужели нужно, — писал он в статье „Побольше единодушия“, — чтобы грянул гром божий или гул неприятельских пушек, чтобы понять, к чему ведут страну „разделение на ся“, отвратительная грызня личных самолюбий?»⁴⁹.

Но уговоры не помогали и «грызня самолюбий» продолжалась. Так, в письме жене от 19 мая 1913 г. Савенко сообщал: «Мои друзья рассказали мне о целом ряде интриг, которые ведутся против меня во фракции и в Думе вообще. Мои успехи не дают некоторым господам покоя. Но на это — наплевать. Затем узнал, что на меня и Д. С. Чихачева Рухлов получил донос (министр путей сообщения Рухлов был главным покровителем националистов. — А. А.)». Спустя 10 дней, 30 мая, Савенко вновь писал: «Наша фракция... в полном развале. Это все понимают. Все недовольны, и осенью мы реформируем дело. Народ во фракции есть очень

хороший»⁵⁰. Незадолго до конца первой сессии, 19 июня, все тот же охочий до писем Савенко нарисовал своей супруге еще одну картинку состояния дел в своей фракции, а заодно и во всем лагере правых: «Недовольство лидерами в нашей фракции большое. Во что это выльется, не знаю. Впрочем, брожение идет во всех фракциях. У правых полный распад. Уже трое правых перешли к нам. А сегодня вдруг прошел вздорный слух, будто Скоропадский (правый октябрист.—А. А.) и я образуем новую какую-то партию из левых националистов и правых октябристов. Пресловутый «центр» с отъездом Крупенского стал очень тянуть к нам»⁵¹.

С началом второй сессии распри внутри фракции националистов еще более усилились. Особенно они обострились в связи с расколом у октябристов. Для Савенко и его сторонников это было основанием для того, чтобы еще более энергично настаивать на «деловом» союзе с октябристами, поскольку большинство последних ясно и недвусмысленно заявили о своей правой позиции. «Одновременно с совещаниями думских октябристов совещались и националисты,—писала по этому поводу газета П. П. Рябушинского.—Вынесенная последними резолюция, несомненно, находится в связи с происшедшим у октябристов расколом, открыто отбросившим вправо около двух третей фракции во главе с графом Беннигсенем. В резолюции своей националисты признали необходимым деловое соглашение с фракциями „не левее октябристов“». Цель подобного соглашения — образование «работоспособного» большинства от Пуришкевича до гр. Э. П. Беннигсена «для проведения важнейших законов»⁵².

Сам Савенко принятие этой резолюции расценивал как свою величайшую победу. В письме от 1 декабря 1913 г. к некоей Лебедевой он, захлебываясь от восторга, писал: «Пишу Вам в день величайшей моей победы: вчера вечером совет нашей фракции, а сегодня вся фракция единогласно приняли мою резолюцию относительно дальнейшей политики нашей партии. Она будет опубликована завтра в газетах всей России. После месяца отчаянной борьбы я сдвинул нашу партию влево, в сторону союза с октябристами и отстаивания закономерности. Это колоссальная победа, которая будет иметь большие политические последствия. Вожди правого крыла нашей фракции, видя, что дело их проиграно, сегодня совсем не явились в заседание фракции—бежали с поля сражения...»⁵³.

Торжество Савенко было явно преждевременным. Балашов не думал складывать оружие. В письме к жене 28 апреля 1914 г. Савенко уже в ином, весьма унылом тоне сообщал: «Во фракции у нас—полный раскол. Окончательно определилась группа крайних правых. Их человек двадцать, т. е. примерно четвертая часть. Раскол вынесен на кафедру Думы, так как Мотовилов от имени меньшинства фракции с кафедры протестовал против речи Демченко, произнесенной от фракции»⁵⁴.

Тем не менее раскола все же не произошло. И не потому, что у вождей правого и левого флангов не хватало темперамента и

решимости, а потому, что раскол никуда не вел. Савенко и Демченко, правильно подметила «Речь», готовы служить любому правительству, но некому служить, потому что в самом правительстве полный развал и неразбериха⁵⁵. В основе раскола не лежали социальные различия. И правые и «левые» вожди национализма выражали интересы одной социальной группы—помещиков⁵⁶. Борьба между ними была обусловлена совсем другими причинами.

Одной из причин было прогрессирующее падение роли и значения националистов в целом, что делало раскол совершенно бесперспективным. Уменьшение удельного веса националистов было результатом усиления реакционного курса царя и камарильи. В условиях крайнего обострения классовых противоречий «уверенные» правые, с точки зрения последних, были гораздо уместнее «неуверенных». Кроме того, у крайних правых было хоть какое-то подобие политической активности: организация, периферия, пресса, симуляция общественного мнения. У националистов не было даже собственной газеты. Их в основном обслуживали по «добrote душевной» синодский «Колокол», «Свет», «Голос Руси»⁵⁷.

Малочисленность всех этих умеренно правых, националистов, «кокотов» была вопиющей. В феврале 1914 г. националисты собрались на свой второй съезд. «Со всей России,—писал по этому поводу «Голос Москвы»,—собралось националистов десятка два... Скучный и бесцветный сам по себе съезд прошел в атмосфере совершенно исключительного общественного равнодушия». Национализм, говорилось далее, продемонстрировал свое «внутреннее бессилие... Практические результаты и политическое значение съезда националистов абсолютно ничтожны»⁵⁸. Эта оценка соответствовала действительности. «Ничтожен и фиктивен (призрачен) весь этот „всероссийский национальный союз“, представленный всего 21 делегатом со всех концов России»,—писал по этому поводу В. И. Ленин⁵⁹.

Ничтожеству националистов соответствовало и ничтожество их вождей. Политические таланты Балашова вытекали только из его богатства, его влияние было прямо пропорционально емкости его винного погреба и качеству кухни. Нового лидера Савенко близко знавшие характеризовали весьма нелестно. Так, например, профессор Ю. Кулаковский (киевлянин) писал А. И. Соболевскому 19 февраля 1914 г.: Савенко—«хам, бывший только репортером и вылезший своим талантом бойкой и спокойной речью в Гос. Думу... Он совершенный невежда, никогда ничего не читал... не годящийся ни на какую роль, кроме репортера...»⁶⁰. Такой же отзыв об уме и политических качествах Савенко мы находим в гневном письме его «крестного отца» Пихно к некоей Л. В. Могилевской от 30 марта 1913 г. Поводом к гневу Пихно послужила одна из «славянских» речей Савенко, в которой его так занесло, что конкуренты обвинили его в проповеди антидинастических взглядов, что было, конечно, совершенной чепухой. Пихно рвал и метал: «Болван Савенко договорился до того, что Крупенский и К° обвиняют его в антидинастическом характере его последней речи на славянском

обеде». Конечно, обвинение нелепое, «но воображаю, в каком тоне говорил славянские глупости Анатолий. Как бы то ни было, хорошее дело для сотрудника «Киевлянина» — попасть в такое положение. Избирается суд чести, который, вероятно, отвергнет злостное обвинение Крупенского, но я желал бы, чтобы этот суд так высек Савенку и графа Бобринского, чтобы они долго помнили, как следует учить наших нахалов»⁶¹.

Однако самую верную и точную оценку Савенко дал... сам Савенко. В письме от 2 декабря 1912 г. к жене он писал: «Вообще мои фонды в партии стоят очень высоко, со мной очень считаются»⁶². Балашов и К°, читаем мы в письме к жене от 19 июня 1913 г., «ужасно боятся моих успехов... А тут еще газетчики гусей дразнят. Обо мне каждый день говорят, каждый день пишут, а о Балашове, Чихачеве и К° все забыли, словно их нет совсем»⁶³. Спустя полгода (25 января 1914 г.) уже не жене, а некоей «Ленуничке» Савенко небрежно-устало сообщал: «Сегодня в бюджетной комиссии я много спорил с министром иностранных дел Сазоновым (о нашей внешней политике) и посадил его в калошу»⁶⁴.

Подобные самовосхваления встречаются почти в каждом письме. Перед нами типичный Хлестаков, позер и хвастун самого мелкого пошиба. В этом же письме он писал: «З [амысловский] принял мой вызов (на дуэль.— А. А.) и избрал своими секундантами Маркова 2-го и Шетохина. Теперь секунданты ведут переговоры... Я теперь буду тянуть к барьеру всякого, кто мне наступит на ногу... Ты не волнуйся, как и я не волнуюсь: я совершенно спокоен». На самом деле храбрый Савенко волновался весьма сильно и сделал все, чтобы избежать дуэли. «Вызов Замысловского за ложь, — читаем мы в цитированном письме Кулаковского, написанном почти месяц спустя после письма Савенко к „Ленуничке“, — Пришлось поджать хвост — не по рангу дуэль для такого хама, который сам себя изобличил». Таков был этот новый герой националистов, бесстрашно бросившийся в пучину борьбы за славу и величие своей партии.

Определенное падение акций националистов в «сферах» было обусловлено еще двумя дополнительными обстоятельствами. Первое состояло в том, что создателем этой партии (что было верно лишь отчасти) считался Столыпин, т. е. человек, к которому царь под конец его карьеры стал относиться резко отрицательно. Вторым моментом была яростная и систематическая кампания, которую вел против националистов (как, впрочем, и против всех других правых течений) в порядке чистой конкуренции архиправый кн. Мещерский в своем «Гражданине». Поскольку влияние кн. Мещерского на царя в описываемый период резко возросло, его агитация и брань в адрес националистов достигали цели. Воз несколько типичных образчиков княжеских обличений. «Я заговорил о «младотурках», — читаем мы в одном из номеров. — Кого я под ними разумею? После внимательного наблюдения за истекшими пятью последними годами нового режима, введенного Столыпиным, никакого нет сомнения, что созданные им для своей

политики партии октябристов и националистов были по духу, по умственному уровню, по политической нравственности — турецкие младотурки на русской почве, то есть партии, для которых все сводилось к личным интересам власти и кармана и ничего не оставалось как забота для России». Поэтому «первое, что нужно сделать,—это упразднить наших младотурок, как политические партии...»⁶⁵.

В другом номере кн. Мещерский писал: «Но разница между кадетами и националистами немалая: у кадетов есть убеждения и они не продажные, а у националистов нет убеждений и они продажны»⁶⁶. Заодно доставалось Меньшикову и его газете: «Мне говорили люди, знакомые с обиходом этого Меньшикова, что у него целый штаб обоего пола, снабжающий его не только историческими сведениями из энциклопедического словаря, но и здравым смыслом для его статей»⁶⁷ «Стыдитесь ссылаться на „Новое время“, — зывал князь, — это орган хулиганов и аферистов...»⁶⁸.

Вместе с тем, подчеркивал В. И. Ленин, «было бы большой ошибкой думать», будто значение националистической агитации ничтожно, поскольку ничтожна сама партия националистов,— эта агитация поддерживается всеми правыми партиями и официальными учреждениями⁶⁹.

Националисты наряду с умеренно правыми выражали интересы реакционного поместного дворянства, прежде всего помещиков юго-западных губерний, одного из самых воинственных отрядов этого класса.

СОВЕТ ОБЪЕДИНЕННОГО ДВОРЯНСТВА

Общероссийская дворянская организация оформилась в мае 1906 г., когда был создан ее постоянно действующий исполнительный орган, так называемый Постоянный совет объединенных дворянских обществ, в просторечии Совет объединенного дворянства. Вначале в нее вошли 32 губернских дворянских общества из 41; в рассматриваемый период их уже было 39. Раз в год, обычно весной, собирался съезд, где уполномоченные объединенных дворянских обществ высказывали свою точку зрения и принимали решения по всем актуальным вопросам политической и экономической жизни страны, а также обсуждали свои собственные дворянские проблемы. С 1906 по 1914 г. состоялось 10 таких съездов (в 1906 г. было два съезда). Выработался и определенный ритуал этих сборищ. Сразу после открытия, избрания президиума и почтения памяти скончавшихся уполномоченных принимался текст телеграммы царю с изъявлением соответствующих чувств. На другой день, под трехкратное или многократное «ура!», оглашалась ответная телеграмма царя, в которой он объявлял «сердечную благодарность» за выраженные чувства и высказывал уверенность, что «верное заветам старины русское дворянство и впредь всегда будет служить опорой престола».

Съезд продолжался пять-шесть дней. Заседания были закрытыми, представители печати на съезд не допускались. Но это не значит, что «объединенные дворяне» держали в секрете свои речи и суждения. Наоборот, каждый год публиковались «Труды» очередного съезда, которые представляли собой полную стенограмму всех имевших место выступлений, к ним добавлялся еще ряд других материалов. Очередной выпуск «Трудов» обязательно подносился особой делегацией царю.

Самое парадоксальное при этом заключалось в том, что организация, так высоко ценимая самодержавием, была формально незаконной. Согласно букве закона, дворяне имели право объединяться только в пределах губернии, общероссийская дворянская организация не допускалась. Однако она возникла, поскольку революция потребовала срочной мобилизации и объединения всех сил защитников реакции, и тут уже было не до закона.

Совет объединенного дворянства, если исходить из той задачи, которую он преследовал,—защита самодержавия и господствующего положения дворянства в стране, был, несомненно, политической партией, но партией своеобразной—в оболочке и с параметрами сословно-корпоративной организации. Это своеобразие наложило определенный отпечаток на характер и методы деятельности «объединенных дворян», обусловило сильные и слабые стороны организации, в значительной мере сказалось на ее конечной судьбе.

Ключевым моментом здесь был, безусловно, Постоянный совет. Устав предоставил ему право кооптации, которое явилось чрезвычайно эффективным и важным орудием в деятельности Совета: в зависимости от обстановки и очередной задачи в состав Совета путем кооптации вводились именно те люди, которые могли благодаря своим связям, положению, влиянию и т. д. принести дворянству наибольшую пользу. Говоря иначе, при помощи такого гибкого инструмента, как кооптация в члены Совета и на очередной дворянский съезд (на что Совет также имел право), Постоянный совет наилучшим образом взаимодействовал с камарильей, по существу являясь младшим партнером последней. Одновременно активными деятелями «объединенной организации» являлись главы черносотенных «Союзов», особенно: Пуришкевич и Марков 2-й. Таким образом, Постоянный совет представлял собой как бы связующее звено всей реакционной цепи: «Союзы» — Совет — камарилья—царь.

Бессменным председателем Постоянного совета до 1912 г. был гр. А. А. Бобринский, депутат III Думы, лидер фракции крайних правых, а с 1912 г. член Государственного совета по назначению, крупнейший землевладелец, сахарозаводчик и домовладелец. Товарищами председателя были члены Государственного совета А. А. Нарышкин и кн. Н. Ф. Касаткин-Ростовский, а после смерти последнего А. П. Струков (также член Государственного совета). В Постоянный совет входили член Государственного совета А. Б. Нейдгардт, В. Н. Ознобишин, С. С. Бехтеев, А. С. Стишин-

ский, В. И. Гурко, Г. Ф. Розен, Д. А. Олсуфьев. Из других членов Постоянного совета отметим генерала Н. Н. Янушкевича, И. Н. Лодыженского, С. А. Панчулидзева. Нет необходимости объяснять, что все перечисленные лица пользовались огромным влиянием в «сферах» и правительстве. Естественно, что Совет всегда был в курсе всей политической кухни, что давало ему возможность вовремя нажимать на нужные пружины и оказывать воздействие на ход дел.

Кульминационным моментом в жизни дворянской организации были 1906—1907 гг., т. е. начальный период ее существования. Без преувеличения можно сказать, что Совет объединенного дворянства сыграл решающую роль в переходе правительства к новой аграрной политике, выраженной в знаменитом указе 9 ноября 1906 г., и в третьейиюньском государственном перевороте. Власть вместе с царем чувствовала себя растерянной и остро нуждалась в ясной и твердой поддержке своего класса. Эту-то поддержку и оказали Столыпину «объединенные дворяне». В секретном циркуляре от 12 января 1908 г. Постоянный совет прямо признавал, что «за двухлетнее почти существование съезда уполномоченных и Постоянного совета объединенных дворянских обществ труды их оказали несомненную услугу делу восстановления хоть какого-либо правопорядка (!) в России и не остались без влияния на всю правительственную политику». Далее перечислялись главные результаты этого влияния: указ 9 ноября и новый избирательный закон в Думу. В отношении последнего говорилось следующее: «Проектированный на II съезде новый избирательный закон в своих основаниях весьма близко подошел к тому, который объявлен 3 июля 1907 года и дал нам третью Государственную думу». Под конец циркуляр определял две главные задачи на будущее. Несмотря на то что самое тяжелое осталось позади и можно перевести дух, «значение объединенной дворянской организации и ее необходимость остаются в силе, во-первых, как постоянного стража в будущем, в случае возможного под влиянием разных случайностей поворота государственной политики в сторону, противоположную интересам государства (т. е. дворянства.—А. А.), во-вторых, как теоретического (!) выразителя взглядов дворян перед Государственной думой по тем или другим государственным вопросам»⁷⁰.

Именно реализации этих двух задач и была посвящена деятельность Постоянного совета в последующие годы. Не допустить, чтобы бюрократия, паче чаяния, пошла по пути каких-либо «реформ», и обеспечить максимум возможного в удовлетворении собственно дворянских требований—таковы были альфа и омега политики «объединенных дворян».

Внешне все обстояло так, как раньше: регулярно созывались съезды, по-прежнему подносились их «Труды» царю, столь же успешным было закулисное воздействие на высшую политику, и тем не менее «объединенные дворяне» стали чувствовать, и с каждым годом сильнее, что машина все больше и больше крутится

вхолостую. Как-то само собой стало обнаруживаться, что съездам уполномоченных собственно нечего делать. Все возможные «реформы» были обсуждены, отвергнуты и прокляты десятки раз. Жалобы по поводу дворянского «оскудения» и обид, чинимых благородному дворянству правительством и бюрократией, от бесконечного повторения превратились в монотонное утомительное пустословие. Из съезда в съезд произносились одни и те же речи, сыпались те же угрозы, выставлялись те же домогательства. Дворянская организация зашла в тупик.

Причина заключалась в том, что «объединенное дворянство» не имело никакой позитивной программы в том смысле, что оно было противником малейшего движения вперед. Его главной целью, как оно само ее формулировало, было «бдеть», стоять на страже на случай нового критического поворота событий. Но для этого не требовались ежегодные съезды, тем более что практическую политику, как уже отмечалось, делал Постоянный совет. Инстинктивно чувствуя, что подобный образ жизни приведет рано или поздно дворянскую организацию если не к смерти, то к вырождению, отдельные губернские дворянские общества стали выражать недовольство некоторыми сторонами деятельности Постоянного совета.

Наиболее ярким примером такого недовольства явилось постановление, принятое черниговским губернским дворянским собранием в мае 1911 г., которое предводитель дворянства в специальном письме от 10 ноября 1911 г. довел до сведения Постоянного совета⁷¹. Постановление содержало следующие основные требования: 1) членами Постоянного совета и делегатами съезда могут быть лишь дворяне, избранные своими дворянскими собраниями; 2) кооптация не допускается ни в Совет, ни на съезд; 3) Постоянный совет должен быть исполнительным органом съезда в прямом смысле этого слова: исполнять постановления съезда и подготавливать доклады к очередному съезду и только в этих пределах иметь право сношения с учреждениями и лицами. Постановление обязывало избранных собранием уполномоченных на очередной съезд «настоять на исполнении этих условий; при безуспешности же — внести об этом доклад ближайшему губернскому дворянскому собранию». Кроме того, черниговские дворяне решили «признать желательным», чтобы голосование на съезде производилось не по губерниям, а «поголовно» (число избираемых на съезде уполномоченных не было нормировано).

Как видим, пафос предложений черниговского дворянства был направлен против чрезмерных, на его взгляд, полномочий Постоянного совета, которые ставили его фактически над дворянским съездом. Мотивы этого постановления не совсем ясны. Если судить по реакции противников, и особенно по речи Маркова 2-го, можно думать, что она в какой-то мере явилась откликом на вновь начавшее проявляться либеральное течение в дворянских обществах, которое консервативная, большая часть поместного дворянства подавила в 1906—1907 гг., результатом чего и было создание обще-

дворянской организации. Но, как бы то ни было, удар черниговцев наносился по самому чувствительному месту, ибо как раз в оспариваемых пунктах устава заключалась главная сила Совета, давая ему право в случаях, когда он сочтет это необходимым, обращаться самостоятельно к главе правительства и царю без санкции съезда, т. е. возможность вести преимущественно закулисную тайную политику в «верхах».

Что вопрос был поставлен черниговцами именно в такую плоскость и был воспринят «объединенными дворянами» именно таким образом, доказывают прения на VIII дворянском съезде, которому было доложено постановление черниговских дворян. Первым ринулся в бой Марков 2-й. Напомнив собравшимся 1905—1906 гг., когда «часть дворянских обществ» пошла «по ложному, опасному и для дворян вредному пути», он подчеркнул далее, что «объединение дворянских обществ» было не чем иным, как реакцией на эти дворянские шатания. Объединение далось в трудной борьбе. Черниговцы же стремятся «нарушить единство, которое с таким трудом было достигнуто, испортить ту пользу, которую объединенное дворянство приносит... Совет наш выбран для того, чтобы в нужный момент, в опасную минуту выступить во всеоружии своих моральных и формальных прав на защиту дворянских интересов». В противном случае, ставил оратор вопрос ребром, «не нужно нам объединения дворянских обществ, не нужно нам Совета... Только тогда наш Совет будет ценен, когда он будет вправе во всякую минуту обратиться к государю императору и делать такой доклад, который Совет найдет нужным сделать ради интересов дворянства...»⁷².

Маркова 2-го решительно поддержал московский губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин, один из самых влиятельных и авторитетных дворянских деятелей. «Я считаю, — заявил он, — что обстоятельства, при которых мы теперь живем, в некоторых отношениях гораздо серьезнее, чем те, при которых возникло объединение дворянства. Теперь нужно еще с большей осторожностью смотреть на события, которые происходят, и поэтому нужно быть еще более бдительными и каждую минуту быть наготове, чтобы сказать свое слово в ту минуту, когда это потребует. Поэтому я считаю, что то право, которое давалось Совету и о котором говорили здесь, — право, нужное при исключительных обстоятельствах, должно быть сохранено и в настоящее время»⁷³.

Предложение черниговского дворянства, указывал тамбовский уполномоченный, «грозит самыми серьезными последствиями для нашего союза...»⁷⁴.

С этой же позиции защищался и пункт устава о праве Постоянного совета на кооптацию. В качестве главного аргумента фигурировали заслуги таких кооптированных членов Совета, как А. А. Бобринский, В. И. Гурко, С. С. Бехтеев, А. А. Нарышкин, А. С. Стишинский, С. П. Фролов и др. в грозные для дворянства 1905—1906 гг.⁷⁵

Казалось, при таком дружном отпоре притязаниям черниговских дворян, Постоянному совету незачем было идти на какие-либо

уступки. Однако он не только на них пошел, но и уговорил бескомпромиссно настроенное большинство проголосовать за предложенные им поправки к уставу, являвшиеся некоторой уступкой требованиям черниговцев⁷⁶. Это объяснялось тем, что пригрозили уходом, в случае сохранения status quo не только черниговцы, но еще несколько дворянских обществ. При определенном повороте событий это могло привести к самым нежелательным последствиям, и поэтому Постоянный совет решил, что надо проявить гибкость.

В рассматриваемое время покушений, подобных черниговскому, на права Постоянного совета не было. Но это не означает, что вопрос о чрезмерных правах и независимости Постоянного совета по отношению к общедворянской организации как таковой был снят с повестки дня. Он продолжал существовать, так сказать, в скрытом виде, о чем свидетельствует казус, происшедший на IX съезде «объединенных дворян» в марте 1913 г. Некий Ю. М. Зубов, уполномоченный от дворян Вологодской губернии, по простоте душевной, а может быть и не без задней мысли, выразил на первый взгляд совершенно невинное и, главное, абсолютно законное с точки зрения любой организации, пожелание о том, чтобы, помимо отчетов по денежной части, Совет доложил бы съезду о практических результатах тех ходатайств, с которыми он на протяжении ряда лет обращался к правительству. Такой отчет, указывал Зубов, был бы «несравненно важнее» отчетов о расходовании средств, особенно если бы он охватывал весь период функционирования съездов — восемь или девять лет. Если бы из этого отчета, пояснил свое предложение вологодский дворянин, выяснилось, что большая часть «проектов и предложений» съездов не осуществилась, то тогда необходимо было бы сделать вывод о том, чтобы впредь «относиться ко всем возбуждаемым у нас вопросам гораздо серьезнее и с большим разбором...». И наоборот, если окажется, что «большинство ходатайств удовлетворено», то это послужит ободряющим стимулом, докажет «несомненную пользу наших занятий... разовьет наши силы и придаст нам массу энергии к дальнейшему продолжению нашей, стало быть, вполне целесообразной и плодотворной деятельности»⁷⁷.

Казалось бы, против такого пожелания не могло быть никакого возражения. Однако реакция большинства была столь же болезненной, как и в случае с черниговским земством. Вменить в обязанность Совету то, что предлагает Зубов, решительно заявил Д. Н. Кованько (Харьков), значит «разоблачать, так сказать, все его действия...», в результате чего «объединенное дворянство» будет поставлено «в тягчайшее положение» и даст «нашим противникам сильные средства для умаления нашего достоинства, что ни при каких условиях допустить невозможно»⁷⁸. Таким образом, Кованько признал, что политика Постоянного совета — это тайная политика в «верхах» (камарилья и правительство), которой прежде всего и больше всего противопоказана гласность.

В. Л. Кушелев (Псков) в этом плане высказался еще более

решительно: принятием сделанного предложения «мы совершенно дискредитируем наше положение». Оно не только должно быть отвергнуто, но впредь Совет должен действовать еще более скрытно, чем раньше. А для этого надо заполнить пробел в уставе, в нем не указано, кому поручается — коллегии или отдельному лицу — проведение в жизнь того или иного постановления съезда. Поэтому надо внести пункт, который обязывал бы решения съездов проводить единолично, а не коллегиально. «Проведение наших желаний, — пояснил он свою мысль, — зависит от такта, от силы убедительности и, конечно, много и от того положения, которое занимает данное лицо». Следовательно, «нельзя поручать их коллегии и проведение этих наших пожеланий должно быть поручено одному лицу»⁷⁹.

Курский дворянин М. Я. Говорухо-Отрок проиллюстрировал свое отрицательное отношение к предложению Зубова очень наглядным примером: «Вчера мы высказались совершенно отрицательно по вопросу о введении волостного земства. Теперь этот вопрос разбирается в Государственном совете. Предположим (!), что этот проект в Государственном совете будет отклонен. Что же поместит Постоянный совет в своем отчете: „Благодаря тому что съезд дворянства высказался против волостного земства, он был провален Государственным советом“? Где же пределы той бестактности, которая могла бы допустить такого рода отметку в отчете Совета?»⁸⁰. Чтобы крепче было, «объединенные дворяне» тут же преподали своему незадачливому собрату предметный урок дворянского «такта», приняв решение, гласившее: «Выслушав заявление дворянина Зубова, съезд переходит к очередным делам. (Голоса: „Прекрасно, прекрасно!“)»⁸¹.

Столь болезненная чувствительность к малейшему покушению на ограничение роли Постоянного совета, вольно или невольно, хотели «объединенные дворяне» того или не хотели, лишней раз подчеркивала ненужность их съездов. Но эта все более убывающая роль последних, а следовательно, и самой общедворянской организации в целом, за вычетом Постоянного совета, прямо бросалась в глаза при очередном обсуждении очередного вопроса политики царизма и Думы. Неизменно оказывалось, что эти обсуждения и решения в большинстве случаев носят не столько практический, сколько академический характер — по той простой причине, что аналогичные суждения и постановления проделаны в правых фракциях Думы и Государственного совета, в самом правительстве и его органах. Если в начале своей деятельности Совет объединенного дворянства оказался в авангарде всех реакционных сил, то теперь он все больше и дальше отодвигался от переднего края борьбы. Объяснялось это, разумеется, не падением влияния главного реакционного класса на политику царизма (наоборот, это влияние усиливалось с каждым годом), а отсутствием у сословной организации нужной политической мобильности и оперативности. Центр тяжести реальной правой политики неизбежно перемещался в такие организации, партии и учреждения, которые ею

каждодневно занимались. Постоянный совет в общем и целом успевал шагать в ногу с ними, но, как уже указывалось, ценой почти полного обособления от своей *alma mater*.

Вот две типичные выдержки, свидетельствующие о потере темпа дворянской организацией. «Я должен сказать, что сейчас мы обсуждаем вопрос уже вслед за правительством. Правительство уже обратило внимание на этот вопрос, причем обратилось даже к разработке тех конкретных мер, которые предполагаются и здесь»,—заявил в своей речи Гурко при обсуждении вопроса о мерах борьбы с так называемым хулиганством⁸². «Мы не будем от себя скрывать тот печальный факт,—говорил Пуришкевич при обсуждении вопроса о печати,— что мы вызываем негодование не только в левых кругах, но и в среднем сословии и в других классах общества. Является течение, которое хочет осмеять «объединенное дворянство» и те задачи, которые оно приняло на себя. Я неоднократно слышал рассуждения о том, что у нас существуют законодательные учреждения в виде Государственного совета и Государственной думы и что это за третий орган, который дает советы, который выносит законопроекты и требует их осуществления. Нам хотят сказать, что наши съезды объединенного дворянства рассматривают те вопросы, которые уже возникли... что в конечном результате наши съезды преследуют кастовые интересы русского дворянства... и кончаются ничем»⁸³. Из контекста видно, что Пуришкевич полемизировал здесь отнюдь не с «левыми кругами» и не со «средними сословиями», до мнения которых «объединенным дворянам» не было никакого дела, а со своим братом дворянином, с тем «течением» в дворянско-помещичьем классе, которое все больше склонялось к мысли о ненужности особой политической дворянской организации при наличии Думы, Государственного совета и прочего.

Доказательством падения значения дворянских съездов служит председательский кризис, который возник на VIII съезде. Несмотря на настойчивые уговоры и просьбы, гр. А. А. Бобринский категорически отказался снова баллотироваться в председатели Совета, причем выдвинул явно несерьезную причину — «утомился»⁸⁴. На самом деле он и не думал отходить от активной политической деятельности — наоборот, 1 января 1912 г. гр. Бобринский был назначен членом Государственного совета, где он намеревался играть весьма активную роль⁸⁵. Дело было не в утомлении, а в желании избрать для себя более значительное поле политической деятельности, что косвенно еще раз подтверждало факт падения роли «объединенного дворянства».

Показательно, что на этом съезде «объединенные дворяне» так и не смогли выбрать нового председателя. Сперва они попытались выйти из положения, выбрав А. Д. Самарина. Но странным образом выбрали его заочно, уже после того, как Самарин уехал. Узнав о своем избрании, Самарин решительно отказался от оказанной ему чести по «семейным обстоятельствам», и граф Бобринский был вынужден заявить, что «наш последний опыт (?), надо соз-

наться, не удался»⁸⁶. Отказались занять председательский пост и товарищи председателя А. А. Нарышкин и А. П. Струков. Выборы пришлось отложить до следующего съезда, и в течение года председательский пост оставался вакантным. На IX съезде новый председатель был наконец избран. Им оказался Струков. Ему в товарищи съезд избрал Нарышкина и А. И. Мосолова⁸⁷.

Еще одним доказательством прогрессирующего падения авторитета общероссийской дворянской организации в дворянской среде служит малолюдность. Абсентеизм уполномоченных стал весьма характерной чертой для дворянских съездов в предвоенные годы.

Либеральная пресса очень быстро подметила признаки упадка общедворянской организации и сделала из своих наблюдений далеко идущие выводы. Прогнозы и предсказания начались очень рано. Так, уже в начале 1908 г., оценивая итоги III съезда «объединенных дворян», «Речь» весьма самоуверенно утверждала: «И не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что этот съезд был последним»⁸⁸.

По поводу V съезда, отметив дворянский индифферентизм, газета подчеркивала, что многие «объединенные дворяне» открыто заявляют, что Совет объединенного дворянства сделал свое дело и дальнейшее его существование потеряло всякий смысл⁸⁹. Председательский кризис на VIII съезде вдохновил «Речь» на специальную передовую, в которой «объединенным дворянам» еще раз была пропета отходная. Пригласив читателя внимательно присмотреться к настроению «этого, быть может последнего, съезда», газета далее писала: «Что дело идет на разрушение и распад, это сознается, по-видимому, всеми участниками съезда независимо от направления... Таков итог погробального съезда»⁹⁰.

Верно схватив тенденцию, либералы тем не менее сильно преувеличили темпы и масштабы процесса. В описываемое время позиции Совета объединенного дворянства были еще достаточно крепки. Более того, с приходом Н. А. Маклакова они даже усилились. Маклаковский законопроект о печати был действительно проектом «объединенных дворян». Правда, само назначение Маклакова на пост министра внутренних дел произошло помимо Совета, но факт тот, что он и Постоянный совет сотрудничали в духе полного взаимопонимания:

В результате октябристско-кадетские провинцы были вынуждены признать, что они слишком поторопились хоронить дворянскую организацию. «Конечно, мы не придавали бы никакого значения постановлениям и пожеланиям съезда объединенных (имеется в виду IX съезд «объединенного дворянства». — А. А.), — вынуждена была признать газета октябристов в статье «„Объединенные“ и сильная власть», — если бы не чувствовалась какая-то неуловимая, но тем не менее реальная связь между ними и заявлениями Н. А. Маклакова. От этой связи получается такое впечатление, что наряду с законодательными учреждениями... существует еще, так сказать, приватный парламент, обладающий большим влиянием на ход нашей государственной жизни. „Передовые вожди“

этого парламента тянут Россию назад, борются с „кисло-сладким“ либерализмом, и их реакционная политика, как видно, находит живое отражение в настроениях сфер, направляющих внутреннюю политику нашего отечества»⁹¹.

Ровно через год «Речь» констатировала «неуловимую, но реальную связь» между Постоянным советом и «сферами» по другому поводу: два активных деятеля Совета — Н. Н. Янушкевич и И. Н. Лодыженский — получили весьма высокие посты: первый был назначен начальником генерального штаба, второй — управляющим делами Совета министров⁹².

В свою очередь В. Н. Коковцов свидетельствовал: «Большей же частью назначения шли под разными негласными влияниями вроде Совета объединенного дворянства, который провел в последние 3—5 лет в Государственный совет целый ряд назначений из своей среды: графа Бобринского, Струкова, Арсеньева, Куракина, Охотникова и немало других»⁹³.

У общероссийской дворянской организации был еще порох в пороховницах, но золотая нора ее жизни была уже позади.

ПРАВИТЕЛЬСТВО

НАЗНАЧЕНИЕ Н. А. МАКЛАКОВА

Отставка А. А. Макарова и назначение Н. А. Маклакова министром внутренних дел выходят за рамки очередной смены лиц на правительственном Олимпе. Перед нами начало нового этапа в политике царизма, конечным результатом которого были знаменитая «министерская чехарда» и распутинщина.

Смысл этого назначения состоял в том, что для царизма оказываются уже неприемлемыми министры, так сказать, традиционного типа, которые сохраняли еще представление о том уровне государственной ответственности и респектабельности, ниже которого власть, во избежание собственного разложения, опускаться не может. Теперь последний барьер, отделяющий правительство от простой шайки, стал помехой для режима, и его начали разрушать. Ключевой пост в управлении страной был отдан человеку, который находился на уровне клики как в смысле государственного опыта и ответственности, так и по методам действий.

Первая такая попытка назначить на пост министра внутренних дел человека, свободного от всяких «предрассудков», была сделана еще в 1911 г. В Нижний Новгород лично царем был командирован Распутин, с тем чтобы познакомиться с тамошним губернатором А. Н. Хвостовым и решить, годится ли он на то, чтобы заменить Столыпина. Назначение не состоялось только потому, как рассказывал потом сам Хвостов, что он плохо принял Распутина, не поверив в серьезность его миссии. Спустя несколько лет ошибка была исправлена, и Хвостов стал министром при активном содействии Распутина, причем в самый критический момент в жизни царизма,

что служит лучшим подтверждением закономерности указанного процесса. Неверно было бы думать, что царь в своем новом подходе к кандидатам на министерские посты руководствовался в первую очередь их крайне правыми взглядами. Министров с иными взглядами в составе правительства не было вообще ни до ни после Маклакова и Хвостова. Крайние правые взгляды любого кандидата в министры разумелись сами собой. В подавляющем большинстве случаев министры — члены Государственного совета, бывшие и настоящие, входили в состав его крайней правой группы, в том числе и Макаров. Дело было не во взглядах, а в определенных личных качествах министров типа Маклакова. Квинтэссенцию этих качеств можно выразить словами: крайний авантюризм, безответственность, некомпетентность, примитивность политического мышления, полное слияние с камарильей. В конечном итоге процесс вытеснения макаровых маклаковыми означал подчинение правительства камарилье, официального правительства — неофициальному, ответственного — безответственному, организованной системы — бесформенной клике.

Проблема камарилья — официальное правительство достигла своего апогея в военные годы, поэтому целесообразнее исследовать ее в полном объеме именно в связи с этим временем. Здесь же я затрону ее лишь в той мере, в какой это необходимо для целей настоящего исследования. Слово «камарилья» происходит от испанского *camarilla* и означает группу придворных, клику, оказывающую влияние на государственные дела в интересах личной выгоды. Но этого общего определения применительно к царизму недостаточно, потому что царская камарилья, помимо личных выгод, преследовала и политические цели, стремилась навязать свой политический курс и подчинить своему влиянию официальное правительство.

«Дело в том, — отмечал В. И. Ленин, — что у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья». Камарилья, «пользуясь своим придворным всемогуществом», стремится «захватить в свое полное и безраздельное владение и официальное правительство — кабинет министров». Обыкновенно в значительной своей части кабинет и состоит из ее ставленников. «Однако сплошь и рядом большинство кабинета по своему составу не вполне соответствует требованиям камарильи»⁹⁴. Назначение Маклакова и означало интенсификацию процесса по приведению в соответствие кабинета министров с требованиями и интересами камарильи.

Камарилья — трудный объект для установления закономерностей ее существования и деятельности. По самой своей природе она не имеет четко выраженных границ, группы и лица, ее составляющие, находятся в состоянии постоянной текучести и изменчивости, закулисный и тайный характер деятельности оставляет сравни-

тельно мало документальных следов и т. д. Одно, однако, на мой взгляд, является бесспорным: характер камарильи в огромной степени определяется личностью абсолютного или полуабсолютного носителя власти, поскольку свое воздействие на политику самодержца она осуществляет именно с учетом взглядов и личных качеств последнего. Иначе говоря, камарилья осуществляет свое влияние, как правило, не прямо, а косвенно, подыгрывая царю, спекулируя на представлениях, предрассудках, симпатиях и антипатиях монарха. Отсюда следует, что царь был не просто объектом и орудием камарильи, но и ее субъектом, главой и центром. Учет последнего обстоятельства очень важен для правильного понимания характера и способов деятельности камарильи вообще и в изучаемый период в частности.

В предвоенные годы наибольшее влияние на царя, несомненно, оказывал редактор пресловутого «Гражданина» кн. В. П. Мещерский. Престарелый князь в конце своей богатой взлетами и падениями жизни в последний раз взлетел на гребень мутной волны закулисного воздействия на политику последнего самодержца.

В своих мемуарах В. Ф. Джунковский подробно описывает, как министры и другие сановники ездили к кн. Мещерскому за советами и указаниями, какие методы применял князь, чтобы вновь назначенного сановника подчинить своему влиянию. В частности, Джунковский рассказывает о той энергичной атаке, которой подвергся он сам, как только был назначен товарищем министра внутренних дел. «У кн. Мещерского.— писал Джунковский,— было что-то вроде политического, вернее, административного салона; в известные дни, кажется по четвергам, у него собирались для обмена мнений, по поводу разных злободневных вопросов, обсуждения новых законопроектов, разных назначений и т. д. Ходили слухи (!), что Мещерский будто бы (!) имеет влияние на государя, который прислушивается к его мнению, и потому многие из министров, членов Государственного совета и других высших лиц, не исключая и придворных, а также и провинциальных губернаторов и деятелей, считали своим долгом посещать кн. Мещерского и прислушиваться к нему. Сам Мещерский, желая играть роль, старался всегда заполучить к себе каждое новое лицо, и так как у него было много светлых (!) взглядов на положение вещей, то он ими сразу подкупал, и невольно (!) все, кто у него бывал, подпадали под его влияние. К сожалению, и Маклаков не избег этого»⁹⁵.

В этой записи все верно, кроме смешных слов «ходили слухи» и «будто бы», которые обязаны своим появлением исключительно верноподданнической деликатности генерала. Министры и придворные тонко и безошибочно отличали эфемерное «будто бы» от вполне реального «на самом деле». Посетители салона кн. Мещерского имели совершенно точное представление не только о силе влияния «светлых» идей его хозяина на самодержца, но и о мере его одиозности, уступавшей разве только одиозности Распутина. «Меня всегда страшно поражало,— писал тот же автор,— почему многие министры и другие лица, бывавшие у Мещерского и считав-

шисся с ним, в то же время как-то скрывали это, не хотели в этом сознаться. И даже Маклаков, который был всегда со мной совсем откровенен, и тот никогда не говорил мне, что едет к Мещерскому»⁹⁶.

Скрывал это и А. В. Кривошеин, который, как позже узнал Джунковский, не только бывал у Мещерского, но и находился «в дружеской с ним переписке». И в данном случае Джунковский хитрит: будучи товарищем министра внутренних дел, курировавшим Департамент полиции, он просто не мог не знать таких фактов. Совершенно очевидно, что его удивление по поводу конспирации посетителей салона Мещерского деланое.

Все знали, свидетельствовал позже М. В. Родзянко, что «Гражданин» был единственной газетой, которую читал царь⁹⁷. Это не совсем точно: известно, что царь читал и «Новое время». Но не подлежит сомнению, что «Гражданин» действительно являлся главным источником политической мудрости последнего самодержца. Одним из, так сказать, документальных доказательств влияния кн. Мещерского на царя служат подчеркивания и пометы последнего на «дневниках» князя, которые тот регулярно посылал своему августейшему читателю.

Вот несколько «мыслей» и сентенций, которые обратили на себя особое внимание царя (рукой Николая II листки, отпечатанные на машинке, озаглавлены: «Из дневников 1914 года. Мысли князя В. П. Мещерского»): «Сенат должен быть Сенатом...»; «Как в себе ни зажигай конституционализма, ему в России мешает сама Россия, ибо с первых дней конституции начнется конец единодержавия»; «Доколе царская власть — не декоративная и не зависящая от партийных страстей... дотоле царь есть защита народа...»; «Если допущена будет у нас, в подражание Европе, полная безответственность за каждое слово с трибуны Думы, то 1905 год в этой мутной среде, с прибавкой сотен тысяч рабочих, повторится в исполинских размерах...»; «Чем сильнее власть при всяком режиме, тем бессильнее революционные элементы»; «Только тогда правительство будет прочно и сильно... когда в его политике будет отсутствовать какой бы то ни было признак ухаживания его за политической партией...»⁹⁸.

«Почти оккультная сила» — так характеризовал влияние, оказываемое кн. Мещерским на царя А. А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства императорского двора, в течение 16 лет своей службы при дворе близко наблюдавший царя. Князь получал у царя за год не меньше двух-трех личных аудиенций (милость, которой не удаивались даже крупные сановники). «За время своей службы при дворе, — свидетельствовал Мосолов, — я не помню ни одного случая, когда бы Мещерский не добился от государя испрашиваемой им для кого-нибудь милости. Он писал непосредственно его величеству, и у меня перебивало в руках немало писем... князя с неизменной резолюцией императора: „Исполнить“»⁹⁹. На издание «Гражданина» Мещерский получал ежегодную субсидию из секретного 10-миллионного фонда.

Одним из главных результатов влияния кн. Мещерского на царя было, несомненно, назначение Маклакова, хотя последний свидетельствует, что его, помимо князя, выдвинули и другие силы. Сам царь считал его своим кандидатом.

«Безак открыто говорил, — писал Маклаков жене 27 февраля 1912 г., — что Балашов и целая уйма националистов выставляют меня как кандидата в министры внутренних дел и что, если уйдет Макаров, Балашов предпримет все, чтобы выбор государя остановился на мне. Еще приятнее то, что князь Кочубей (который теперь за министра двора) на днях за обедом в одном доме сказал, что при дворе сейчас любимый губернатор — Маклаков и что государь об этом постоянно говорит во всеуслышание. Кочубей сказал так: „Вы увидите, он очень высоко скоро поднимется, и, поскольку я его знаю, заслуженно“».

Маклаков сгорал от нетерпения и не мог дождаться дня, когда наконец уйдет Макаров. «На днях Макаров приехал в Царское Село с докладом, — писал он далее. — Государь говорит: „Вы говорят, заработались, Вам надо отдохнуть“ Тот понял, что ему предлагают уйти, и говорит: „Я сам прошу меня уволить от должности министра...“ Государь сконфузился и говорит: „Вы меня не поняли. Я хочу, чтобы Вы поехали в Ялту и там отдохнули месяц или полтора...“ Говорят, что на государя тем не менее готовность Макарова уйти и радость, с которой он заявил об этом, произвели сильное впечатление и тоже обрадовали его. Был у Олсуфьева, этот мне говорит, что в Гос. совете правые составили список своих кандидатов на министров, ибо их все упрекают тем, что они осуждают министров, а не указывают, кем их заменить, и что я числюсь одним из излюбленных кандидатов в этом списке»¹⁰⁰.

Таким образом, Маклаков, помимо кн. Мещерского, был еще ставленником националистов, правой группы Государственного совета и самого царя. Распутин к его выдвижению не имел, по-видимому, отношения, что косвенно подтверждается этим же письмом.

Непричастны к выдвижению Маклакова были и «союзники» Более того, новый министр на первых порах внушал им даже известную тревогу. «Какое-то странное явление это восхождение на высшую ступень Маклакова, — писал Хомяков Пасхалову 13 января 1913 г. — До сего времени никто не может сказать, кто его выдвинул, и приходится думать, что он избранник самого царя, подобно митрополиту Макарию, о котором он сам говорит, что это его выбор. Если это так, то можно думать, что царю наконец пожелалось иметь вокруг себя людей *дела*, а у Маклакова и Макария репутация людей деловых... Но при этом иногда забывается, что одно — быть исполнителем, а совсем другое — быть руководителем, и мне почему-то кажется, что к Маклакову применимо изречение: „Иной блещит на втором месте и меркнет, став на первый план“». В письме указывался и повод для сомнения: «Назначение (почти наверное) Джунковского (тов. министра внутренних дел. —

А. А.) невольно заставляет почесать затылок: очень уж ненадежный это господин, хотя и „любимец публики“»¹⁰¹.

Пасхалов был встревожен еще больше. «То, что Маклаков... усмирил губернию в разбойном отношении,—объяснял он Хомякову в ответном письме от 15 января,—несколько не предопределяет его ценности как министра. А выбор Джунковского в начальники всероссийской полиции действительно побуждает не только руку устремиться к затылку, но и душу направиться в пятку. Скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу кто ты таков». Что Маклаков — личный выбор царя, «весьма и даже более чем вероятно. Но в этом утешительного мало, если даже Маклаков оказался нашим с Вами государственным символом веры», потому что он слишком мелкотравчат для того, «чтобы вытащить Россию из трясины» — совершить новый «здоровеннейший *coup d'état*» с целью «вернуть власти подобающее значение», т. е. прежнюю, додумскую, силу¹⁰².

Впоследствии, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии, Маклаков пытался уверить членов комиссии, что назначение на пост министра внутренних дел было для него совершенно неожиданным и что «никаких связей с теми, кто пользовался известным авторитетом в Петербурге», у него тогда не было. Но потом он все же вынужден был назвать кн. Мещерского и фактически признать главным «виновником» своего назначения царя¹⁰³. Что Маклаков был личной кандидатурой царя, в этом нет никакого сомнения. Лишь исключительным расположением монарха (или исключительными обстоятельствами, как это было со Столыпиным) можно объяснить, что на один из самых ответственных постов в государстве был назначен человек, который только три года назад выдвинулся в губернаторы¹⁰⁴. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Коковцов показал, что он всеми силами противился назначению Маклакова, сказав царю «в форме очень почтительной»; что выбор Маклакова в министры «очень неудачный»; и в доказательство привел ряд соображений, главным из которых была некомпетентность Маклакова. Но никакие доводы на царя не действовали. Он упрямо твердил, что Коковцов пессимист и все преувеличивает¹⁰⁵. Маклаков покорила русского самодержца тем, что был ему близок по духу. Царь увидел в Маклакове своего единомышленника, человека одинакового с ним политического кредо и уровня политического мышления. Это была родная, близкая душа; и недаром Николай II, как свидетельствуют современники из его окружения, всегда очень сухо и отчужденно относившийся к своим министрам, к министру-тезке относился очень доверительно и дружески¹⁰⁶. Сам Н. А. Маклаков признал на допросе, что он получил свой пост «ввиду исключительного, большого доверия к себе» со стороны царя¹⁰⁷.

Что же конкретно роднило двух Николаев? Прежде всего исходная политическая концепция, необычайно убогая и полностью опровергнутая жизнью, смысл которой состоял в том, что народ, крестьянство, несмотря ни на что, продолжают оставаться

верными царю и самодержавию. Мосолов свидетельствует, что краеугольным камнем, исходным тезисом этой концепции была идея о народной преданности самодержцу. «Царь был убежден, — писал он, — что народ его искренне любит, а что вся крамола — наносное явление, явившееся следствием пропаганды властолюбивой интеллигенции». Поскольку этот народ еще недостаточно зрел (царь сравнивал его с подрастающим юношей), ему еще нельзя представлять право на полную самостоятельность, потому что он не сумеет ею правильно распорядиться и попадет под пагубные увлечения ¹⁰⁸.

Отсюда, естественно, следовала другая, столь же «глубокая» мысль о принципиальной чужеродности Думы народу». «Государь не мог себе представить, — отмечал тот же автор, — чтобы эти несколько сот фрондирующих людей отражали действительно голос народа, до сих пор восторженно его встречавшего» ¹⁰⁹. В представлении царя Дума являлась вредным «средостением» между ним и «народом», которое надо так или иначе устранить. «Вопрос о том, как обойти средостение, постоянно занимал мысль царя» ¹¹⁰. Наилучшим способом он считал непосредственное общение с «народом» путем выхода к нему во время всенародных торжеств, собиравших многотысячные толпы людей. Соответственно этому при дворе усиленно насаждался «русский» стиль ¹¹¹.

Идею царя разделял и Маклаков. «В сферах есть два течения, которые борются между собой, — сообщал Савенко жене 1 июня 1913 г. — Маклаков, находящийся под сильным влиянием князя Мещерского, решительно настаивает на роспуске Думы, доказывая, что 5-я Дума будет гораздо лучше. Ясно, что это роковая ошибка, и мне страшно жаль Н. А. Маклакова, который по натуре очень симпатичен и благороден, но совершенно ослеплен. Восторг, с каким встречала страна государя во время его поездки, привел их к тому лояльному выводу, что страна — правее Думы. О, горькое заблуждение. В действительности ведь страна много левее Думы» ¹¹².

Насчет «восторга» более непосредственные и компетентные наблюдатели, чем киевский депутат, были несколько иного мнения. «Был на „торжественном спектакле“ в Большом театре, — общал в глубокой меланхолии автор письма своему отцу А. И. Мосолову 22 февраля 1913 г. — Я поставил торжественный в кавычках, ибо спектакль был совершенно не торжественным, а артисты были препакостные и играли без всякого подъема. Вообще подъема духа нигде не замечалось; видно уже мы живем в то время, когда погасла вера, погасла любовь к царю и отечеству, а если и теплются они еще где-нибудь, то подобно лампаде в ярко освещенном зале... Мигает, мигает лампада, а потом и потухнет. Дай бог, чтобы майские торжества прошли благополучно...» ¹¹³.

Другой, не менее авторитетный свидетель, Коковцов, позже писал: «Записывая теперь, спустя много лет, то, что было на моих глазах, я не могу теперь не отметить того, что романовские торжества прошли как-то бледно, несмотря на торжественность внешней обстановки».

Проезжая вместе по улицам Нижнего Новгорода во время этих торжеств, он и Рухлов «думали одну и ту же думу и выразили ее одним общим впечатлением — очень тусклого и слабого проявления скорее любопытства, нежели истинного подъема в настроении народной толпы»¹¹⁴.

Только один Джунковский, сопровождавший царя в его торжественных разъездах, отмечал скороговоркой, что «подъем, несомненно, был»¹¹⁵, но, судя по всему, сам в это плохо верил.

Столь же скептически с точки зрения «воодушевления» и «единения» были восприняты в правом лагере и «торжества» 1912 г. «То, что делается в Москве, — доверительно делился своими мыслями Меньшиков с А. С. Суворинным в письме от 29 мая 1912 г., — мне — между нами будь сказано — не нравится. „Торжества“, „торжества“, а что, собственно, празднуют, понять трудно... Искусственное взбадривание общества путем „торжеств“ сдается на комедию, которая едва ли кого обманет. Нужны действительные торжества, действительные успехи власти... Мне это очень грустно. Боюсь, что война и революция впрок нам не пошли, и, отдохнув от колотушки, мы снова заведем то же расхищение времени и средств до нового погрома. Отвратительно то, что вокруг милого и доброго государя... сложился круг ничтожных придворных, которые своим сервизмом хотят извращать действительность и „успокоить“ единственного человека, который должен быть воплощенной тревогой»¹¹⁶.

Со своей стороны наблюдатели из либерального лагеря также свидетельствовали о равнодушии народа к «торжествам». «Насчет московских радостей вышло слабо... — писал Астров Челнокову 7 июня 1912 г. — Общее впечатление и заключение таково: энтузиазма, подъема, оживления, даже интереса — никакого. В этом равнодушии приходится видеть логические следствия всего многообразного предстоящего»¹¹⁷.

Тем не менее именно эта абсолютно несостоятельная идея о «народной любви» к царю была отправной точкой проектов царя и Маклакова в отношении Думы, печати и т. д., о которых шла речь выше. Естественным следствием такой точки зрения был также тезис о ненужности и даже вредности объединенного правительства, кабинета министров как такового. Царь и министры — слуги царя, беспрекословно выполняющие его волю, — вот концепция власти, которую проповедовал кн. Мещерский¹¹⁸.

В порядке осуществления первой идеи Маклаков, в частности, закрыл правительственный официоз — газету «Россия», причем не нашел даже нужным сообщить о предпринимаемой акции председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, к крайнему неудовольствию последнего¹¹⁹. Оценивая это событие, «Речь» писала в передовой: «Правительственный официоз... „Россия“ 30 апреля (1914 г. — А. А.) кончает свое существование». Газета родилась вместе с «объединенным» кабинетом и, по идее, должна была представлять его. Таким образом, демонстрировалась

публичность правительственной политики, а с другой стороны, существование официоза признавало, что другие политические течения равноценны правительственному течению, что оно одно из общественных течений». Прекращение же издания «символизирует собой прежнюю византийскую завесу непроницаемой государственной тайны»¹²⁰.

Либеральный лагерь, включая его самые умеренные элементы, отнеслся к Маклакову резко отрицательно, и дело здесь было не в его взглядах, а в политической и деловой несостоятельности преемника Макарова. Доказательством служит прямо противоположное отношение к Джунковскому, который был таким же крайним правым, как и Маклаков, да к тому же он был другом Маклакова и своим назначением на пост товарища министра внутренних дел был обязан последнему. Джунковский пользовался большим уважением и авторитетом в либерально-буржуазных кругах обеих столиц именно за то, что демонстрировал необходимый для власти с точки зрения этих кругов уровень респектабельности и компетентности¹²¹.

Самую уничтожающую характеристику дал новому министру его родной брат, назвав его «государственным младенцем». Меткость и точность этой оценки министр самолично подтвердил с первого же шага: свою деятельность в Петербурге он начал с того, что промчался ночью по нескольким полицейским участкам, чтобы самолично изловить взяточников, навести страх и трепет. Пресса над этим долго потешалась, и кличка «государственный младенец» стала для бравого министра-полицмейстера пожизненной.

В письме к Г. Е. Львову, написанном, по-видимому, в начале января 1913 г., Челноков, приведя несколько выдержек из рассуждений Маклакова во время своего визита к нему, заключал: «По этим выдержкам Вы видите, что это за господин. Впечатление прямо жалкое. Он хорохорится ужасно». Далее следовал пример: «Позвонил телефон: „А, это мин. иностранных дел, здравствуйте. Вы относительно просьбы; исполнить не могу. Я поставил ультиматум на 3 дня и точка! Ультиматум отклонен, я распорядился. Отменить мое распоряжение не могу. Это мой принципиальный взгляд — извините“ О чем разговор, не знаю, — писал далее Челноков, — но тон был неприличный по невероятной самоуверенности. По-видимому, очень уверен в Ц[арском] Селе»¹²².

Своеобразие личных и «государственных» качеств нового министра внутренних дел оказалось настолько велико, что привело его к конфликту даже с националистами. В связи с обсуждением в Думе в начале марта 1913 г. запроса о незакономерных действиях петербургского градоначальника Джунковский из речей ряда ораторов пришел к заключению, что в Думе «образовалось сильное течение против министра Маклакова», причем не только со стороны левых, «но и центра и части правых» включая националистов. В одном из полученных им донесений говорилось: «Русская национальная фракция в закрытом заседании обсуждала отноше-

ние свое к министру внутренних дел Н. А. Маклакову». Речи ораторов были «весьма резкие и ожесточенные».

«После страстного обмена мнений, — отмечалось в конце, — национальная фракция подавляющим большинством, почти единогласно, постановила изменить свое первоначальное решение, считать министра внутренних дел в составе отсутствующего правительства». «Такие резкие суждения национальной фракции, — добавлял от себя Джунковский, — послужили, к сожалению, началом разногласия министра с Думой, и это, конечно, не могло не отзываться на делах, так как всякое начинание министра, как бы хорошо оно ни было, трактовалось не в его пользу»¹²³. Позже сам Маклаков признал, что симпатиями Думы он явно не пользовался.

Мелкое фанфаронство и самоуверенность царского любимчика в сочетании с политической ограниченностью и профессиональным дилетантизмом раздражало не только праволиберальное «общество», но и коллег Маклакова по кабинету, которым претили его вульгарный стиль, служебная некомпетентность. В письме к царю в марте 1915 г. с просьбой об отставке Маклаков жаловался на то, как «тяжко» приходилось ему на его «страдном служебном пути», где окружало его «столько недоброжелательства». «Не было ни одного заседания Совета министров, — пояснил он Чрезвычайной следственной комиссии это место письма, — где бы я с этим не встречался. Мне в десять раз было легче в Думе (!) ... чем в Совете министров»¹²⁴.

Но у царя была иная мерка, чем у его министров: чем ничтожнее — тем милее. Именно на цитированное выше письмо он ответил Маклакову, что тот ему нужен и люб.

ОТСТАВКА В. Н. КОКОВЦОВА

Отставка Коковцова с поста председателя Совета министров и министра финансов 30 января 1914 г. явилась следующим шагом царя, направленным на дальнейшее умаление роли официального правительства, подчинение его камарилье.

Как это ни странно, падение Коковцова началось с первого же дня его назначения, в момент, казалось, его наибольшего триумфа. 6 октября 1911 г. в Киеве царь сообщил ему, что назначает его председателем Совета министров с оставлением в должности министра финансов. Коковцов ответил, что его согласие будет зависеть от того, кого царь назначит министром внутренних дел. «Я уже думал об этом, — услышал он в ответ, — и остановил мой выбор на нижегородском губернаторе Хвостове». «Меня это известие просто ошеломило», — вспоминал позже Коковцов. Он вынужден был заявить царю, что не сможет принять назначения, если министром внутренних дел станет человек, «которого никто в России не уважает» и назначение которого для царя в данный момент «в особенности вредно». Видя, что царь торопится и теряет терпение, Коковцов попросил разрешения напи-

сать по приезде в Петербург письмо, где он «самым откровенным образом» изложит свой взгляд на назначение А. Н. Хвостова ¹²⁵. Согласие было дано, и письмо было написано (10 сентября).

В этом весьма подробном послании Коковцов решительно отвергал кандидатуру Хвостова и столь же настойчиво рекомендовал на пост министра внутренних дел Макарова. О Хвостове он, в частности, писал следующее: «Нижегородский губернатор Хвостов не отвечает ни одному из тех требований, которые должны быть предъявлены к министру внутренних дел, не только теперь, в переживаемую Вашей страной тяжелую и сложную минуту, но и при самых обыденных и нормальных условиях». В качестве аргументов Коковцов указал на полное отсутствие у Хвостова административного опыта и на его крайние взгляды, «находящиеся в полном противоречии» с существующим «строем государственной жизни (т. е. с Думой. — А. А.)». Он утверждал, что в самом ведомстве внутренних дел Хвостов как министр «не может внушить к себе ни малейшего авторитета», а «законодательные учреждения» и общественное мнение восприняли бы назначение Хвостова «с полным недоумением и даже недоверием, побороть которое у него не хватило бы ни умения, ни таланта, ни знаний, ни подготовленности» ¹²⁶. На этот раз царь уступил, и кандидатура Макарова была принята ¹²⁷.

Дальше у Коковцова как будто бы пошло все хорошо. «Мой медовый месяц начинался очень благоприятно», — вспоминал он. Первый приезд в Ялту в качестве председателя Совета министров «был сплошным триумфом». «Государь демонстративно пил за мое здоровье», императрица около часа «вела со мной непринужденную беседу» и т. д. и т. п. Но, увы, счастье было недолгим, «медовый месяц» скоро сменился долгими месяцами травли и интриг, прекратившихся только после увольнения незадачливого премьера в отставку.

Первым камнем преткновения на служебном поприще Коковцова (а также Макарова) стал Распутин. В конце 1911 г. столичная печать стала уделять большое внимание «старцу», описывая его похождения и роль при дворе. Широко пошли по рукам пущенные в ход А. И. Гучковым письма императрицы и ее дочерей к Распутину. Произошла драка между Распутиным и его недавними друзьями Илиодором и Гермогеном. Заволновались думские «кулуары». Совокупное помещичье-буржуазное общественное мнение требовало незамедлительной высылки Распутина на родину.

В ответ царь прислал Макарову «очень резкую по тону» записку, в которой потребовал от министра принятия «решительных мер к обузданию печати» и запрещения газетам печатать что-либо о Распутине. 29 января он снова, уже лично, потребовал от министра внутренних дел «обуздать» печать, прибавив при этом: «Я просто не понимаю, неужели нет никакой возможности исполнить мою волю». Разговор закончился тем, что царь поручил А. А. Макарову обсудить с Коковцовым и В. К. Саблером, что следует предпринять в сложившейся ситуации. «Тут впервые, —

меланхолично заключал по этому поводу Коковцов, — я оказался уже открыто пристегнутым к этой печальной истории»¹²⁸. Но, свидетельствовал он, несмотря на это, «мой медовый месяц, видимо, еще не прошел». «Неожиданный и резкий конец» его наступил через две недели¹²⁹, а именно 15 февраля 1913 г., когда к Коковцову с визитом пожаловал Распутин.

Визит этот был явно инспирирован царской четой и имел целью расположить премьера в пользу царского «друга». Однако на Коковцова Распутин произвел самое отталкивающее впечатление («сибирский варнак», «бродяга», которому не хватает только арестантского армяка и бубнового туза на спине), о чем он, не скрывая, и доложил царю два дня спустя. Охарактеризовав Распутина самым отрицательным образом, Коковцов заявил, что толки о Распутине «наносит величайший вред государю и всей его семье» и поэтому необходимо, чтобы «старец» уехал к себе в деревню. В тот же день этот разговор во всех подробностях был уже известен Распутину. Царь же со свойственной ему «правдивостью» ответил Коковцову, что «очень дорожит такой откровенностью, но должен сказать... что лично почти не знает „этого мужичка“ и видел его мельком, кажется, не более двух-трех раз, и притом на очень больших расстояниях времени»¹³⁰. Когда в начале апреля 1912 г. Коковцов снова прибыл в Ливадию, императрица совершенно открыто продемонстрировала ему «свое невнимание»¹³¹.

Спустя некоторое время царь заявил Коковцову, что решил расстаться с Макаровым: «Он окончательно распустил печать, и сколько я ни твержу ему о необходимости обуздать ее и составить такой закон, который дал бы правительству в руки действительное оружие против ее эксцессов, он все тянет и отделяется разными предлогами, ссылаясь то на Думу, то на невозможность ввести цензуру, то на общественное мнение. Вот теперь Думы нет, и можно бы ввести хороший закон по 87 статье, но и тут он все возражает, ссылаясь, между прочим, что ни Вы, ни Совет (министров. — А. А.) этому не сочувствуете. Мне такое отношение Макарова к моим желаниям надоело, и я решил сместить его и назначить другое, более энергичное лицо». Дальше уже пошла речь о самом Коковцове. Поскольку отставка Макарова будет для него, Коковцова, неприятна, ибо Макаров — его кандидат, он, царь, предлагает своему премьеру пост посла в Берлине¹³².

Отставка Коковцова не состоялась только потому, что он полностью капитулировал, сказав, что «важно не сохранение Макарова... а замещение его другим, более подходящим лицом». Что же касается сделанного предложения ему лично, то он, Коковцов, «усердно» просит не назначать его на пост посла, «а дозволить... продолжать свою деятельность здесь», на посту премьера: «Я убежден, что я принесу в этом случае больше пользы, нежели в звании берлинского посла»¹³³. Царь милостиво «дозволил», но тут же, отвечая на вопрос о преемнике Макарова, заявил: «Ваш кандидат оказался очень неудачным, авось мой собственный ока-

жется лучше». Им оказался Маклаков, и «мне, пишет Коковцов, пришлось сразу же опять возражать»¹³⁴ К чему привели эти возражения, нам уже известно. (Понятно также, почему пресловутый законопроект о печати стал одной из первых акций нового министра внутренних дел.) Единственное, чего добился Коковцов, — это отсрочки назначения Маклакова на осень на том основании, что в разгар выборной кампании в IV Думу новый министр окажется в трудном положении. Нет сомнения, что, если бы Коковцов занял такую же позицию в отношении Маклакова, какую он занял в отношении кандидатуры Хвостова, его участь была бы решена тогда же, летом 1912 г. Сдав позиции, Коковцов продлил свою жизнь в качестве премьера (и министра финансов) еще на полтора года. Но это была уже жизнь без власти и влияния. Более того, никогда еще ни одного царского министра так не третируют и не унижали в Государственном совете и в самом правительстве, как Коковцова.

Из сказанного может создаться впечатление, что главной — если не единственной — причиной падения Коковцова был Распутин, но это не так. Силы, поднявшиеся против председателя Совета министров, далеко не исчерпывались императрицей и ее «другом».

В середине сентября 1913 г., перед отъездом за границу, Коковцов, будучи в Ливадии, получил из Петербурга очередной номер «Гражданина», в котором кн. Мещерский поносил председателя Совета министров за «парламентаризм» и стремление умалить престиж власти государя и требовал покончить с «западноевропейским новшеством» — Советом министров, упразднить его и заменить прежним Комитетом министров, поставив во главе его либо Горемыкина, либо А. С. Танеева — людей, по-настоящему преданных своему монарху. Далее говорилось, что премьер мешает «молодому и талантливому министру внутренних дел» исполнить волю царя, а именно осуществить прекрасно разработанный им план упорядочения «разнуздавшейся» печати, и делает это потому, что ему нужны «думские аплодисменты», и пора, наконец, государю знать, кто его слуга и кто слуга «родзянок и гучковых»¹³⁵.

На вопрос «глубоко возмущенного» Фредерикса, неужели Коковцов не покажет этот номер царю, тот отвечал, что не видит в этом смысла, так как царь, несомненно, читал его, «как он читает все произведения Мещерского», а все его, Коковцова, предыдущие разговоры на эту тему «не имели никакого результата». Ясно одно, заключал Коковцов, — «против меня ведется решительная кампания, при самом деятельном участии того же Маклакова, о чем я не раз доводил до сведения государя, прося его положить ей предел, уволив меня»¹³⁶.

Считая бесполезным жаловаться царю, Коковцов, однако, нашел нужным написать Маклакову. В этом письме он указывал министру «на неприличие поведения его покровителя» и обращал его внимание на то, что «министр внутренних дел, находя-

щийся в самых интимных отношениях с автором таких статей, берет на себя всю моральную ответственность за те последствия, которые неизбежно произойдут из подобных проявлений личного неудовольствия его покровителя на меня». Единственным результатом этого письма было то, что оно попало в руки кн. Мещерского, а отношения Коковцова и Маклакова «еще более обострились»¹³⁷. Вернувшись из семинедельной заграничной поездки, Коковцов сразу же обнаружил, что кампания против него еще более усилилась.

Во время его отсутствия царь и Маклаков решили назначить московским городским головой Б. В. Штюрмера. Почти в течение года между первопрестольной и министром внутренних дел Маклаковым шел острый спор о городском голове. Москва вместо Н. И. Гучкова (брата лидера октябристов) избрала кн. Г. Е. Львова. На том якобы основании, что Львов принадлежит к нелегализованной (и, следовательно, антиправительственной) кадетской партии, Маклаков самым категорическим образом заявил, что он не будет утвержден царем в своей должности, и требовал переизбрания Гучкова — избранного правительственного кандидата. (На самом деле кн. Львов в это время уже не был кадетом, он вышел из партии и сильно продвинулся вправо.) Все попытки москвичей договориться и ликвидировать конфликт остались безуспешными. Тогда Московская городская дума избрала другого голову, но результат оказался тот же. Более того, Маклаков решил подарить ей Штюрмера.

На заседании кабинета Коковцов выяснил, что Маклаков даже не считал нужным обсудить вопрос о Штюрмере в Совете министров. Он ответил, что «получил прямые указания от государя» и поэтому «не считал себя вправе задерживать исполнение высочайшей воли внесением дела в Совет министров, до которого оно даже не касается». «Мне пришлось поэтому, — замечает Коковцов, — сразу открыть столкновение». Назначение Штюрмера, заявил он, неизбежно приведет к прямому конфликту между Москвой и верховной властью, во-первых, из-за беззакония самой этой меры, а, во-вторых, из-за личности назначаемого.

Фигура Штюрмера была настолько одиозна, что большинство министров поддержало на этот раз Коковцова. Молчали только Л. А. Кассо и В. А. Сухомлинов. Но те, кто выступал, высказались против Маклакова «самым резким образом», в том числе и И. Г. Щегловитов, а С. Д. Сазонов, С. И. Тимашев, П. А. Харитонов, И. К. Григорович и С. В. Рухлов «не скрывали своего возмущения», выразили свою солидарность с премьером и просили Коковцова довести об этой солидарности до сведения царя. В ответ Коковцов объявил, что в случае, если его миссия у царя не увенчается успехом, он будет просить об отставке¹³⁸. Царь «был крайне недоволен всем происшедшим и моим отношением к вопросу», свидетельствует Коковцов. На замечание последнего, что назначение Штюрмера произведет на Москву «самое тягостное впечатление и усугубит только и без того слишком большое количест-

во горячего материала в нашей внутренней жизни», царь заявил: «Этого я совсем не боюсь, поворчат, побудируют, а потом прыгнут к правительственному городскому голове и будут даже довольны иметь такого осторожного и деликатного (!) человека, как Штюмер...». Тем не менее царь решил уступить. Наутро он объявил Коковцову, что, «взвесив все», он пришел к выводу, «что тот прав» и что «нам действительно не следует вносить раздражение в настроение такого города, как Москва, и тем играть в руку тем, кто воспользуется моим решением, чтобы опять вести агитацию против правительства и, конечно, против меня»¹³⁹.

Одержав победу, которой, видимо, не ожидал, Коковцов решил ковать железо пока горячо. «Поблагодаривши государя за доверие», оказанное ему, Коковцов попросил разрешения «высказать с полной откровенностью» свой взгляд на то, какими печальными последствиями грозит отсутствие единства в Совете министров, и передать кабинету и Маклакову, что закон о единстве управления одинаково обязателен для всех министров. Царь был вынужден дать согласие, но в форме, оправдывавшей Маклакова: у него, безусловно, «были лучшие намерения, но у него нет еще достаточного опыта, и потому он может впадать в невольные ошибки». В ответ на эти слова Коковцов показал два номера «Гражданина», в которых в свойственной для кн. Мещерского манере разбирался вопрос о «крамольной» кампании, ведомой Москвой с целью осады правительства, и предлагался простой способ покончить с ней: назначить городского голову властью царя. «Не обинуясь», Коковцов сказал царю, что все зло идет от того, что Маклаков находится в полной зависимости от кн. Мещерского, а вред от систематической кампании, которую «Гражданин» ведет против главы правительства, состоит в том, что «статьям „Гражданина“ публика придает значение как бы отголобка взглядов самого государя», в результате чего престиж председателя Совета министров падает, «министры интригуют против него» и вовлекают в свою интригу также законодательные учреждения, особенно Государственную думу.

Ответ царя явно указывал на то, что отставка Коковцова — дело недалекого времени. Он показанных ему Коковцовым статей не читал, и вообще тот придает им большее значение, чем следует: «Мало что пишут газеты, и их влияние, и в частности „Гражданина“, вовсе не таково, как Вы думаете, и на меня его совсем (!) нет». Коковцов был достаточно умен, чтобы понять истинное существо ответа, и поставил вопрос о целесообразности замещения его другим лицом, который сумеет «лучше объединить отдельных министров, нежели сделал это я, коль скоро мне не дана возможность составить более однородную группу начальников ведомств и устранить из своей собственной среды дух разложения и интриг». Ответ гласил: «Я сам скажу Вам, когда мне покажется, что нужно заменить Вас другим лицом, но не вижу к этому никаких оснований»¹⁴⁰. Это была вторая ложь царя на протяжении одной беседы.

На первом же заседании Совета министров Коковцов «дословно» передал свою беседу с царем относительно Штюмерера. «Все министры промолчали». Тогда Коковцов обратился к своим коллегам с речью, в которой предостерегал об опасности расшатывания престижа власти, призывал сохранять достоинство правительства и т. д. «В нашей среде, — прямо заявил он, — давно уже нет ни единства, ни дружной работы, ни даже взаимного уважения... Наша рознь и, я сказал не обинуясь, интриги в нашей среде никогда не проявлялись так ярко, как за самое последнее время. Отдельные члены Совета ведут на глазах у всех открытую борьбу против председателя Совета министров, и это не составляет более тайны ни для кого». Он, Коковцов, не раз просил царя о своей отставке — к сожалению, безуспешно, но теперь, поскольку «наша рознь зашла слишком далеко и глубоко», надеется достигнуть своего «давнего желания» в скором времени. Реакция со стороны министров была та же: молчание. «На этом мы разошлись, — заключал Коковцов, — так как никто не нашел нужным открыто реагировать на мои слова» ¹⁴¹

События, оказавшиеся непосредственной причиной и поводом отставки Коковцова, явились для него полнейшей неожиданностью. В начале декабря Государственный совет начал обсуждение думского законопроекта о мерах борьбы с пьянством. В первом же заседании выступил С. Ю. Витте и обвинил министра финансов в том, что тот строит финансовое благополучие России на поощрении народного пьянства. Все выступления Витте по данному законопроекту, свидетельствует Коковцов, были «невероятные по резкости тона». На первом же докладе Коковцова после возвращения царя из Ливадии (15 декабря) последний сам задал вопрос о том, что произошло в Государственном совете. Выслушав подробный ответ, царь просил своего первого министра не придавать инциденту серьезного значения, лишний раз продемонстрировав свою антипатию к Витте, которого он, как известно, не просто не любил, а боялся и ненавидел ¹⁴².

Однако в середине января 1914 г к Коковцову приехал председатель Государственного совета М. Г. Акимов, с тем чтобы «поговорить, что делать с создавшимся невыносимым положением», которое возникло благодаря слухам, что царь поддерживает Витте. Было решено просить царя о том, чтобы он принял Коковцова и Акимова вместе. 21 января они получили возможность излить царю свои жалобы на Витте. «Государь все время молчал и был почти безучастен к тому, что я ему говорил», — писал Коковцов.

Спустя несколько дней наступили события, которые показали Коковцову, что «безучастность» царя к его и Акимова докладам была «только кажущейся». «Он просто не хотел спорить со мной, — пишет Коковцов, — решивши расстаться со мной, а когда в день моего увольнения последовал раскрипт на имя моего преемника Барка с ясным осуждением моих действий и прямым повелением принять меры к сокращению потребления водки, мне стало ясно, что Витте был осведомлен о настроении государя, знал о

влиянии с разных сторон на него в этом вопросе и играл без проигрыша на то, чтобы способствовать моему падению». Но ему не удалось извлечь выгоду для себя, «так как отношение государя к нему осталось неизменным»¹⁴³.

Вечером 24 января состоялся очередной доклад премьера царю. На этом докладе, вспоминал Коковцов, «ни малейшего намека, который дал бы мне заключить о близкой отставке, я не заметил». Более того, «государь был в высшей степени милостив, затронул целый ряд вопросов общего управления, давая по ним совершенно определенные указания на будущее время». А в это время уже весь сановный и чиновный Петербург говорил об отставке Коковцова. 26 января ему позвонил всегда очень хорошо осведомленный член Совета министра внутренних дел И. Я. Гурлянд и сообщил со слов Штюрмера, что вопрос об отставке окончательно решен и на днях последует указ. Верный своей натуре, царь не осмелился сказать о своем решении лично, а предпочел это сделать заглазно, письмом, как он почти всегда поступал¹⁴⁴. В письме, датированном 29 января, царь необходимость отставки своего верного слуги мотивировал тремя причинами: 1) неудобством совмещения в одном лице должности председателя Совета министров и министра финансов; 2) необходимостью принятия «ряда решительных и серьезнейших мер» в связи с происходящим «поразительным» подъемом экономических сил страны, «с чем может справиться только свежий человек»; 3) не совсем удовлетворявшей его, царя, деятельностью Министерства финансов за последние два года¹⁴⁵.

Много лет спустя, приступив к своим воспоминаниям, заново пережив и проанализировав свою отставку, Коковцов пришел, в общем, к правильному выводу, что его увольнение было делом рук не одного какого-либо человека или результатом случая, а следствием усилий «целой коалиции». И далее он перечислил эту «коалицию» в убывающем по сыгранной роли порядке.

На первое место он поставил императрицу. Она «была, бесспорно, главным лицом, — утверждает автор воспоминаний, — отношение которого ко мне определило и решило мое удаление»¹⁴⁶. После нее «наиболее влиятельным» своим противником Коковцов называет кн. Мещерского. В числе мотивов, обусловивших ненависть к нему редактора «Гражданина», Коковцов указывает на неутверждение им избрания на должность биржевого маклера Мануса, темного дельца, имевшего огромное влияние на кн. Мещерского, для которого он спекулировал на бирже, и т. д.

Следующее место в своей «ликвидации» Коковцов отводил А. В. Кривошеину, которого он характеризует как умного, крайне самолюбивого человека, с вкрадчивыми манерами. Его основной чертой был «большой карьеризм и погоня за популярностью». Почувствовав летом 1913 г., что скоро начнется «ликвидация» премьера, он стал к ней готовиться. Если бы он захотел, то в конце 1912 г. без большого труда получил бы пост председателя Совета министров. Но Кривошеин предпочитал пользоваться властью закулисно. Поэтому он сделал ставку на П. Л. Барка и Горемыкина, рассчитывая, что будет диктовать им свою политику.

Последние три участника «коалиции» перечислялись Коковцовым в таком порядке: Витте, Сухомлинов, Маклаков. Первый повел свою кампанию против министра финансов в надежде самому занять его место. Со вторым у Коковцова испортились отношения уже в 1909—1910 гг. Мотивы третьего нам уже известны. Одним из способов, который Маклаков избрал для подрыва авторитета премьера в глазах царя, было лицедейство, имевшее у царя большой успех. Маклаков заставлял царя «громко смеяться», изображая в лицах заседания Совета министров. В его изображении он сам, И. Г. Щегловитов, Л. А. Кассо, С. В. Рухлов и В. К. Саблер «всегда, конечно, торжествовали, а я с так называемым левым крылом, Сазоновым, Тимашевым, Григоровичем, Харитоновым всегда был изображен в самом жалком виде», — вспоминал Коковцов. Особенно нравилось царю, как Маклаков передразнивал Коковцова по части защиты им «законности», попираемой «правыми членами Совета».

«Этот перечень главных участников моей ликвидации, — заключал Коковцов, — должен был бы быть еще значительно продолжен и дополнен. Имена Воейкова, Щегловитова и других закулисных деятелей должны были бы занять соответствующие места, но мне не хочется продолжать моего изложения в этом смысле. Оно и без того очень затянулось, да и прибавка еще тех или других имен ни в чем не изменит сущности дела»¹⁴⁷.

В чем же, однако, эта «сущность дела» заключалась? Сам Коковцов, как следует из его изложения, склонен свести ее в конечном итоге к простой интриге влиятельных лиц, преследовавших в ней личные карьерные и групповые цели. Но он вступает в противоречие с этой версией на других страницах своих воспоминаний, где пытается «объективно и добросовестно» выяснить причины своей отставки. «В моем увольнении их (причины. — А. А.), — писал он, — следует скорее искать в отношении ко мне правых организаций и партий. Ими по преимуществу пользовались люди, руководившие кампанией против меня, и справедливость заставляет меня сказать, что никакие страстные нападки на меня Шингарева и К^о в Думе не имели ни малейшего влияния на мою карьеру, тогда как редкие выступления П. Н. Дурново, закулисные доклады председателя Совета объединенного дворянства вели верной рукой к моей ликвидации».

Почему, ставил Коковцов коренной вопрос, правые повели против него кампанию? Ответ он дает следующий. Главный минус в деятельности премьера они усматривали «в недостатке *твердости* в руководстве общей политикой». Его обвиняли в том, что он «позволил» Думе слишком много говорить, вмешиваться во все дела управления, критиковать всех и вся; Дума «не щадит и самого трона всевозможными намеками», благодаря которым расшатывается сама верховная власть. Ему также ставили в вину, что он не принимает никаких мер к «обузданию» печати, не умеет и не хочет влиять на нее. Одним словом, председателю Совета минист-

ров ультраправые в Думе (и правительстве) инкриминировали «слабость власти». «Такие речи, — заключал Коковцов, — производили впечатление, а когда к ним присоединяются еще и личные влияния докладчиков, домашних советчиков и т. д., то результат может быть только один — увольнение рано или поздно с бóльшим или меньшим почетом»¹⁴⁸.

Такое объяснение уже ближе к истине, и оно находит подтверждение в других источниках. «Интрига велась с двух концов, — сообщал своему тестю гр. И. И. Воронцову-Дашкову его зять В. В. Мусин-Пушкин в письме от 18 февраля 1914 г., т. е. спустя немногим более двух недель после назначения Барка и Горемыкина, — официально министрами, и, к сожалению, говорят, больше всего Кривошеиным и Маклаковым, и неофициально — Мещерским, Богдановичем, Распутиным плюс Витте». От «некоторых темных лиц», которых автор письма не называет, он сам слышал фразу: «Наконец нам удалось свалить Коковцова»¹⁴⁹.

М. О. Меншиков писал: «Будем говорить откровенно и не будем разыскивать слишком уж сложных причин. Правые чувствуют, что В. Н. Коковцов *не их партии*, и этого простить ему не могут. Он *не свой* для них человек — вот и все. Своему они извинили бы многое, и может быть все»¹⁵⁰.

Перечисленные выше лица все представляли круги камарильи и крайних правых. Даже «Россия» вынуждена была признать, что крайние правые в своей кампании против Коковцова действуют с помощью сил, стоящих над кабинетом, стремящихся подчинить официальное правительство своему полному контролю. «Игра» всех этих сил, указывала газета в одной из своих передовых, «как совершенно ясно, основана на ложной (!) уверенности, что наряду с явным, так сказать штатным, правительством, постоянно колеблющимся, неуверенным даже в продолжительности данных ему полномочий, существует иное правительство, сверхштатное, но особо влиятельное и, безусловно, такое, которое ближе к (крайне правым. — А. А.) партийным деятелям, чем правительство штатное...». «Эта ложная уверенность» побуждает правых «ставить правительство в его целом как бы в положение, при котором по каждому вопросу, кроме официального решения, имеется еще и решение неофициальное». И, чем грубее они нападают на решение официальное, тем больше они уверены в том, что защищают решение неофициальное, «то единственное, которое будет приветствоваться в среде наговоров, шепотов и интриг». «Эта уверенность ложная», — с пафосом восклицала газета к немалому, вероятно, удовольствию марковых и мещерских¹⁵¹.

По сути, так же как и Меншиков, но на свой манер, объясняла «чужеродность» Коковцова крайние правым и камарилье и либерально-буржуазная пресса. Не признавая Коковцова своим, она в то же время подчеркнула отличие политики премьера от курса правого экстремизма. «Уж кто-кто, — писала „Утро России“, — а мы меньше всего были склонны идеализировать главу кабинета В. Н. Коковцова... Однако безавторитетность и бессилие В. Н. Ко-

ковцова никогда не застилали перед нашим взором его несомненных достоинств: его робкой, озирающейся, но неоспоримой и искренней преданности правовым началам, его лояльности и терпимости к противнику и, наконец, его широкой просвещенности». Среди «свистопляски безудержной реакции» он «трезвое, разумное начало»¹⁵². Если отбросить свойственные либералам преувеличения роли официального правительства как «тормоза», следует признать, что суть конфликта изображена здесь достаточно верно.

В свою очередь «Голос Москвы» по тому же поводу указывал: «Если В. Н. Коковцову суждено перестать быть главой правительства, то это не должно осуществиться теперь: страна должна быть избавлена от позора видеть, что указания о смене главы правительства могут исходить из того угла, где сидят Марковы и Хвостовы»¹⁵³.

Почему же для правых и царя стал чужим человек, весьма правый по своим убеждениям и политике, государственный деятель, осуществлявший на протяжении многих лет политику, во всем согласную со взглядами монарха, к которому Коковцов испытывал — и царь это знал — чувство глубочайшей верноподданнической преданности? Потому что он не хотел отказываться от той «законности», за которую его с таким успехом у самодержца высмеивал Маклаков, считая способ «вотчинного» управления, избранный царем, кн. Мещерским, Распутиным, камарильей, губительным для страны, и прежде всего для самой верховной власти, которой он служил верой и правдой. Суть конфликта была гораздо шире личных столкновений и отношения тех или иных сил к фигуре Коковцова. Она состояла в противопоставлении двух концепций: «вотчинного» управления и управления через Совет министров. Первая означала курс крайней реакции, засилье камарильи, застой, вторая — какую-то попытку учитывать настроение Думы и потребности развития страны.

Коковцов подметил «вотчинную» концепцию царя и двора уже вскоре после своего назначения на пост председателя Совета министров. В конце марта 1913 г. обер-гофмаршал П. Л. Бенкендорф сообщил Коковцову, что царь желает, чтобы его сопровождали на романовские торжества только председатель Совета министров и министры внутренних дел и путей сообщения, причем Министерство двора не может им предоставить ни квартир на остановках, ни средств передвижения, ни продовольствия, «кроме случаев приглашения к высочайшему столу». «В этом, как и во многих других случаях, — философствует по этому поводу Коковцов, — в ближайшем кругу государя понятие правительства, его значение, как-то стушевывалось и все резче и рельефнее выступал личный характер управления государем и незаметно все более и более сквозил взгляд, что правительство составляет какое-то „средостение“ между этими двумя факторами, как бы мешающее их взаимному сближению. Недавний ореол „главы правительства“ в лице Столыпина в минуту революционной опасности совер-

шенно поблек, и упрощенные взгляды чисто военной среды, всего ближе стоявшей к государю, окружавшей его и развивавшей в нем культ „самодержавности“, понимаемой ею в смысле чистого абсолютизма, забирали все большую и большую силу». Министры и Дума докучают своими претензиями, поэтому чем «дальше держать этот неприятный аппарат от государя», тем лучше: не будет с его стороны неприятных напоминаний о необходимости приспособляться к новым условиям, «уменьшающим былой престиж и затемняющим ореол „царя московского“, управляющего Россией, как своей вотчиной»¹⁵⁴. Картина была схвачена верно.

Во время беседы с Челноковым в начале 1913 г., которую последний подробно описал в цитированном выше письме к Львову, Коковцов развивал дальше эту мысль, указывая на то, что правительство *не может* вести иную, более подходящую к обстановке политику, даже понимая, насколько это необходимо. Он, конечно, не говорил о классовой обусловленности позиции царизма, но, по сути дела, свидетельствовал в пользу этой оценки, тем самым объективно признавая полную историческую изжитость самодержавия. На замечание М. В. Челнокова: «Удивительно, как правительство не понимает, что, сделав хотя бы и небольшие, но определенные шаги навстречу обществу (речь шла об утверждении кн. Львова на должность московского городского головы. — А. А.), оно получило бы колоссальную поддержку в возбужденном этими шагами доверии общества к правительству», — Коковцов ответил: «Маленькая поправка. Вы сказали „правительство не понимает“. Оно или, лучше, большинство его членов отлично все понимают и знают, но вопрос в том, *могут ли они*. Между *знать* и *мочь* громадная разница. А Вы с этим не хотите считаться». Когда затем Челноков указал как «на образец нелепой политики правительства» на отказ в легализации кадетской партии хотя бы потому, что легализация была бы ему «выгодна», так как повела бы к резкому повороту кадетов вправо и уходу из нее «левых» элементов, Коковцов снова повторил: «Вполне Вас понимаю. Но попомните, что я говорил о *понимать, знать и мочь*»¹⁵⁵.

Это весьма доверительное признание произвело на Челнокова большое впечатление, и он поспешил поделиться им со своим другом Шиповым. Видимо, тот тоже был настолько поражен словами Коковцова, что усомнился в них. Челноков не замедлил подтвердить, что именно все так и было, снова передавая слова Коковцова в письме Шипову 23 января 1913 г.¹⁵⁶ В письме от 5 февраля 1913 г. тому же адресату Челноков в подтверждение привел новый факт: «То, что мне говорил Ко-ко, он повторял много раз в разговорах с Шингаревым и другими, т. е. о „*мочь*“ и „*понимать*“»¹⁵⁷.

Смысл отставки Коковцова еще более подчеркивается фигурами его преемников — И. Л. Горемыкина и П. Л. Барка. На вопрос председателя Чрезвычайной следственной комиссии, какие влияния сделали председателем Совета министров Горемыкина,

предшественник последнего заявил: «Я думаю, что это было назначение Мещерского». В доказательство он сослался на его «Дневники» за 1913 г., в которых доказывалось, что на должность председателя Совета министров надо назначить «неприменно престарелого (хотя я был достаточно престарелый) сановника, который бы был исполнителем воли монарха и не заслонял бы его». Позже, о чем уже говорилось выше, кн. Мещерский прямо назвал Горемыкина и Танеева ¹⁵⁸.

П. Н. Милюков в своих воспоминаниях также утверждает, что Горемыкина выдвинул кн. Мещерский. «Очередным „мавром“, — писал он, — был указанный Мещерским же и „вынутый из нафталина“ И. Л. Горемыкин» ¹⁵⁹.

Показательно, что сам Горемыкин, умудренный годами и опытом бюрократ, отлично понимал, чего от него ждут царь и «сферы». На пожелание успеха со стороны Коковцова он ответил: «Какой же может быть успех, ведь я напоминаю старую енотовую шубу, которая уложена в сундук и засыпана камфарою, и совершенно недоумеваю, зачем я понадобился; впрочем, эту шубу так же неожиданно уложат снова в сундук, как вынули из него» ¹⁶⁰.

В сердца крайних правых назначение Горемыкина вселило радостные надежды. «Перемена нашего политического курса случилась очень кстати... — писал Хомяков Пасхалову 18 марта 1914 г. — Новый премьер, несмотря на немолодые годы, успел внести какое-то обновление в нашу политическую атмосферу. Благодаря ему мы как будто встрепенулись... Я чувствую наступление некоей политической весны, но, конечно, остается еще вопросом, последует ли за весной лето» ¹⁶¹.

Либералы представляли себе эту «весну» достаточно отчетливо. Об уходе Коковцова «никто не сожалеет», писала «Речь». А что же сулит Горемыкин? «Непотизм еще сильнее разовьется, а разложение власти... пойдет еще более быстрыми шагами вперед. А вместе с тем это состояние разложения является неодолимым препятствием для объединения, ведомственность будет принимать все более грозные размеры» ¹⁶². Как показали дальнейшие события, прогноз оказался весьма точным. Впрочем, ситуация была настолько ясна, что особой проницательности для такого предсказания не требовалось.

Наибольший восторг и приятные ожидания всех правых были связаны с назначением Барка, который тоже был кандидатом кн. Мещерского. Несмотря на резкую вражду с редактором «Гражданина», суворинская газета разразилась восторженным панегириком в адрес нового министра финансов. Назначение Барка, говорилось в редакционной статье «Накануне преобразований», «представляет событие огромной важности. С чувством глубокого удовлетворения и горячей радости прочтутся высочайшие слова (рескрипта на имя П. Л. Барка. — А. А.)...» ¹⁶³.

Поспешил воспеть нового министра финансов и новременский бард Меньшиков. «По государственному мирозерцанию своему... — с удовлетворением констатировал он в статье «Новая

эра», — Петр Львович близок к патриотической русской партии...»¹⁶⁴. Правый лагерь связывал с назначением Барка осуществление своей экономической программы, которая была общей для всех его группировок, начиная от Дубровина и кончая Савенко, и выражала интересы самых реакционных и паразитарных слоев господствующего класса.

Первоочередной задачей, которая была поставлена Барку царем в упомянутом рескрипте, была борьба с пьянством. Спрашивается, чем объяснить это указание, если учесть, что треть доходов царизму давала именно винная монополия? Коковцов решал эту проблему просто: идея была подсказана царю Распутиным. Но это слишком простой ответ, чтобы быть достаточным.

Другой возможный ответ сводится к слову «демагогия»¹⁶⁵. И это будет правильный ответ — при условии, если будет правильно определен сам этот термин. Дело в том, что под словом «демагогия» часто понимают простой обман, имеющий целью одурачить неискушенные в политике массы. Если бы демагогия сводилась только к этому, ей не на что было бы рассчитывать. В действительности она спекулирует на какой-то реальной потребности общества. Именно этим объясняются иногда сопутствующие тому или иному демагогическому лозунгу временные успехи.

В описываемом случае дело было не только и не столько в Распутине и подхватившем его идею кн. Мещерском. Это видно из того, что проблема пьянства стала занимать правый лагерь задолго до назначения Барка и совершенно независимо от «старца». В частности, «Новое время» на протяжении ряда лет вело кампанию за народную трезвость, которая начиная с осени 1912 г. стала особенно интенсивной. В статье «Борьба за трезвость» Меньшиков призвал начать «крестовый поход» против пьянства. Он перечислил пять петербургских обществ трезвости, созданных для этой цели под покровительством вел. кн. Константина Константиновича и призывал поддержать их¹⁶⁶. Спустя два дня со статьей, заканчивавшейся словами: «Не бойтесь трезвости!», выступил некий Б. Юрьевский¹⁶⁷. На другой день появилась новая статья Меньшикова, озаглавленная «Пьяная погибель»¹⁶⁸.

В 1913 г. кампания продолжалась. В апреле Меньшиков разразился статьей «Казна и пьянство», в которой призвал к решению проблемы Думу, Государственный совет, церковь, общество и, наконец, само правительство. Он требовал запретить продажу спирта и водки, а «единственный серьезный довод за (винную. — А. А.) монополию» — финансы — предлагал парировать другими монополиями казны. «Выгодно ли, — патетически восклицал автор, — продавать народу свою душу черту в обмен на кое-какие обманчивые золотые избытки?!»¹⁶⁹ На другой день в редакционной статье, посвященной 50-летию юбилею Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, газета писала: помпезный юбилей был встречен несочувственно, зато он

«дал лишний повод с горечью помянуть, что бюджетное благополучие и пьяное народное бедствие оказываются у нас как бы неразлучными спутниками»¹⁷⁰.

В цитированной статье Меньшиков выступил с весьма решительным заявлением-прогнозом. «Сколько бы чиновничьего красноречия ни потратили питейные публицисты, участь винной монополии уже решена. Если не дни, то годы этого неудачного детища графа Витте и г. Коковцова сочтены»¹⁷¹.

Не кто иной, как именно Меньшиков, пустил в ход ставшие крылатыми слова «пьяный бюджет», причем сделал это он еще в 1907 г., выступив с серией статей именно под этим общим названием (опубликованы в июне, ноябре и декабре 1907 г.)¹⁷².

В сентябре Меньшиков выступил с новой статьей — «Пьяное одурение», поводом к которой послужила резолюция царя на всеподданнейшем адресе общества трезвости, гласившая: «Желаю всемерного распространения по всей земле русской трезвеннического движения»¹⁷³. На протяжении всего января 1914 г. «Новое время» снова вело интенсивную кампанию против пьянства и Коковцова.

Борьба с народным пьянством была одной из излюбленных тем и других газет «большой прессы», а также Думы и Государственного совета. Еще III Дума мечтала стать «Думой народной трезвости». Правда, тогда это в основном была затея октябристов, но она горячо поддерживалась Столыпиным и сочувственно принималась правыми. Либералы, разумеется, также были горячими поборниками «отрезвления народа».

Спрашивается, чем объяснить, что новый нажим царя и камарильи на официальное правительство был воплощен в рескрипте царя на имя Барка от 30 января 1914 г., в котором указывалось, что «нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения (водкой. — А. А.) множества моих верноподданных»?

Ответ, на мой взгляд, надо искать в общественной психологии господствующего класса, порожденной полной исторической изжитостью строя. Реальное отсутствие народной поддержки вызвало иллюзию любимого народом царя, нелепая утопия стала источником «неовотчинных» политических претензий царя и камарильи, ирреальность исходной политической посылки неизбежно должна была выдвинуть на первый план иллюзорно-демагогическую концепцию царской заботы о народной трезвости как главного рычага к подъему народного благосостояния. Эта жалкая концепция противопоставлялась революционной точке зрения, заключавшейся в идее, что первопричиной всех бед страны и народа является царизм.

Ход мысли здесь был весьма прост: источник народной бедности не строй, как утверждают революционеры, а пьянство. Бедность влечет за собой недовольство, массовое хулиганство и прочее, а именно эти факторы служат питательной средой для революционных подстрекателей и агитаторов. В частности, рост «хулиганства» в деревне, который так беспокоил помещиков, объяснял-

ся ими в первую очередь ростом потребления водки, а не следствием столыпинской аграрной политики, как это было на самом деле. Иначе говоря, в своей бедности виноват сам народ — идея, которая царю и помещикам, конечно, особенно импонировала. «*Ни русский народ, ни общество собственными усилиями уже не способны отрезветь*», — писал по этому поводу Меньшиков. Поэтому единственный выход — вмешательство власти, «как при спасении утопающих»¹⁷⁴.

Отсюда уже один шаг до «народного» царя, спасающего свой утопающий в водке народ. Он объявляет войну главному народному злу — пьянству, не останавливаясь во имя этой благородной цели ни перед какими жертвами. В итоге царь и народ связываются воедино на вечные времена, а коварные революционеры посрамляются. Избранный курс был тем более соблазнительным, что не влек за собой в действительности никаких серьезных конкретных обязательств: само собой разумелось, что борьба с пьянством — дело постепенное и длительное.

К сказанному следует добавить, что кадеты с полным удовлетворением и доверием восприняли царский рескрипт новому министру финансов. «С непререкаемой ясностью, — торжественно заявляла передовая «Речи», — предъявлено требование коренных преобразований в заведовании государственными финансами и разрешение экономических задач страны; решительно осуждены доходы, источник которых лежит в нетрезвой жизни населения, а спутниками являются народная немощь, нищета и заброшенность хозяйства»¹⁷⁵.

Взяв курс на «вотчинное правление» и умаление власти официального правительства, царь, по-видимому, отдавал себе в какой-то мере отчет в возможности катастрофических последствий этого шага. Во всяком случае, убирая Коковцова, он испытывал определенную тревогу. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Коковцов свидетельствовал, что царь был крайне взволнован при их последней встрече. «Доклад происходил в обстановке, — вспоминал Коковцов, — которая сейчас, почти 4 года спустя, для меня представляет предмет душевного волнения. Я никогда не видел человека в том состоянии расстройств, и расстройств не прикрытого, а совершенно открытого, какое было в этот момент. Меня государь встретил с обычной своей ласковостью и с глазами полными слез»¹⁷⁶.

Нет никаких оснований сомневаться в правдивости этого свидетельства. Царь предложил Коковцову из своих средств вознаграждение в 200 или 300 тыс. руб. Коковцов отказался. В связи с отставкой он был пожалован графским титулом, что считалось по тогдашним временам одной из самых редких и ценных наград.

Все эти слезы, волнения и милости Коковцов объяснял личным расположением царя к нему, но, зная холодную и крайне черствую натуру последнего русского самодержца, вряд ли этому можно поверить¹⁷⁷. Маклакову и Сухомлинову царь, надо полагать, симпатизировал не меньше, чем Коковцову, однако расстался с ними

Не столь горестно и трогательно, как с последним. Следовательно, дело было не столько в симпатиях, сколько в понимании, инстинктивном или сознательном, смутном или ясном, частичном или полном — особого значения это не имеет, рискованности и авантюристичности перехода от «государственной» политики к политике «вотчинной», личной, — политике полного пренебрежения официальным правительством. Двадцатилетнее воспитание властью не могло не оставить следов даже на таком ограниченном и примитивно мыслящем монархе, каким был Николай II.

В связи с изложенным возникает вопрос: не пошел бы ход русской истории иначе, будь на престоле другой царь, правивший бы более гибко и реалистично? Как известно, кадетская концепция русской революции, ставшая затем концепцией западнобуржуазной историографии, отвечает на этот вопрос положительно. Будь царь иным, не поддайся он влиянию царицы и Распутина, не произошло бы все то, что имело место во время войны.

Не требуется никаких других аргументов (которых более чем достаточно), чтобы доказать несостоятельность этого тезиса, „роме простой ссылки на одно имя — имя Павла I. Русский господствующий класс во времена, когда он еще не потерял своей исторической дееспособности, легко и быстро находил средства против неподходящих для него царей. В данном случае паленов не нашлось. Даже накануне катастрофы, когда имя и судьбу Павла I открыто поминали в помещичье-буржуазных кругах от кадета Маклакова до великих князей включительно, не нашлось никого, кто бы взял в руки «табакерку», отправившую в лучший мир одного из предков последнего русского самодержца. И дело было не в трусости, не в отсутствии решимости, а в том, что помещичий класс был столь же неконструктивен, как и его глава. Приведенные факты говорят о торжестве камарильи, победе самой безответственной и оголтелой части господствующего класса. Режим все быстрее и быстрее катился вниз, в небытие.

¹ Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г./Составил А. Черновский; Ред. и вступит. статья В. П. Викторова. М.; Л., 1929, с. 84—85, 88 (далее: Союз русского народа).

² Там же, с. 36.

³ ЦГАОР СССР, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 266.

⁴ Там же, л. 181 об.

⁵ Там же, л. 266 об. — 268.

⁶ Союз русского народа, с. 106.

⁷ Там же, с. 137.

⁸ Там же, с. 198—199, 201.

⁹ Там же, с. 308.

¹⁰ Там же, с. 33.

¹¹ Там же, с. 39.

¹² О казенных субсидиях на черносоленные издания подробно говорят в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Н. Е. Марков 2-й, С. П. Белецкий и др. «Он много получал», — показал, в частности, последний в отношении Г. Г. Замысловского (Падение царского режима. М.; Л., 1925, т. 3, с. 380; т. 4, с. 180—188).

¹³ Союз русского народа, с. 31.

¹⁴ Падение царского режима, т. 4, с. 177.

¹⁵ Речь, 1913, 10 нояб.

¹⁶ Новое время, 1910, 3 апр.

¹⁷ Там же,

¹⁸ Речь, 1911, 19 нояб.

¹⁹ Союз русского народа, с. 227.

²⁰ Новое время, 1912, 30 окт.

- 21 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 556, л. 30.
- 22 Там же, д. 560, л. 452.
- 23 Там же, д. 564, л. 875.
- 24 Там же, д. 565, л. 962.
- 25 Падение царского режима, т. 4, с. 194.
- 26 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 989, л. 857.
- 27 Союз русского народа, с. 275.
- 28 Там же, с. 231, см. также с. 278.
- 29 Там же, с. 241.
- 30 ЦГАОР СССР, ф. 102, 4-е д-во, 1913 г., д. 122, л. 78—79.
- 31 Там же, л. 81—82.
- 32 Там же, л. 95—96.
- 33 Там же, л. 101—101 об.
- 34 Там же, 1914, д. 136, л. 11—12 об.
- 35 Там же, л. 13—13 об.
- 36 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 18.
- Стремоухов П. П.* Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором. — Архив русской революции, Берлин, 1925, т. XVI, с. 39.
- 38 *Родзянко М. В.* Крушение империи. — Архив русской революции, Берлин, 1926, т. XVII, с. 23—24.
- 39 Речь, 1911, 1 мая.
- 40 Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 135.
- 41 Лад: Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. СПб., 1911, с. 173 (далее: Лад).
- 42 Речь, 1911, 10 сент.
- 43 Лад, с. 175—179.
- 44 Окраины России, 1912, № 8, с. 114.
- 45 Речь, 1912, 20 февр.
- 46 РО ГБЛ, ф. 218, оп. 1, папка 305, д. 3, л. 321, 329.
- 47 Новое время, 1913, 10 дек. С. И. Шидловский делил националистов на балашовцев и шульгинцев. «Шульгин умнее Балашова», — писал он в связи с этим (*Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923, ч. 1, с. 208, 211).
- 48 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 585, л. 2924.
- 49 Новое время, 1912, 1 дек.
- 50 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 924, л. 879, д. 925, л. 936.
- 51 Там же, д. 926, л. 1021.
- 52 Утро России, 1913, 4 дек.
- 53 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 928, л. 1213.
- 54 Там же, д. 987, л. 608.
- 55 Речь, 1913, 16 дек.
- 56 Любопытно, что специальный чиновник председателя Совета министров при Думе (заведующий министерским павильоном), некий Куманин, в свод-

- ке от 3 февраля 1914 г. пытался подвести под распри националистов социальную базу. «Среди националистов, — сообщал он, — та же рознь (как и у крайних правых. — А. А.) между крестьянами и дворянами осложняется наличием политического расхождения во взглядах между правым и левым крылом этой фракции, в которой правое крыло представляет по преимуществу интересы крупного землевладения, а левое крыло является выразителем интересов средних городских классов» (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 1217, л. 7 об.). Но с этим утверждением вряд ли можно согласиться: более чем сомнительно, что В. В. Шульгина, В. Я. Демченко, А. И. Савенко и им подобных можно зачислить в представители и защитники интересов «средних городских классов». Из 88 членов фракции дворян было 50 человек, священников — 18, крестьян — 16, мешан — 1. 51 депутат был из западных и юго-западных губерний. Столь же мало могла претендовать на представительство интересов «средних городских слоев» и «фракция центра»: 25 депутатов из 33 были дворянами, крестьян насчитывалось 5 человек, почетных граждан — 1.
- 57 «Ночью был в редакции „Голоса Руси“, — писал Савенко 16 января 1914 г., — знакомился со всем. Ерунда и бестолочь отчаянная. Десять хозяев, и все ерундят» (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 981, л. 45).
- 58 Голос Москвы, 1914, 7 февр.
- 59 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 324.
- 60 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 983, л. 225.
- 61 Там же, д. 922, л. 646.
- 62 Там же, д. 585, л. 2924.
- 63 Там же, д. 926, л. 1021.
- 64 Там же, д. 981, л. 97.
- 65 Гражданин, 1912, № 32, с. 12.
- 66 Там же, № 36, с. 15.
- 67 Там же, № 43, с. 15.
- 68 Там же, № 48, с. 14.
- 69 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 324.
- 70 ЦГАОР СССР, ф. 584, оп. 1, д. 78, л. 6—8.
- 71 Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ... СПб., 1912, с. 340, прил. III (Далее: Труды VIII съезда...).
- 72 Там же, с. 85—86.

- 73 Там же, с. 105.
 74 Там же, с. 119.
 75 Там же, с. 102, 119.
 76 Там же, с. 142—143.
 77 Труды IX съезда уполномоченных дворянских обществ... СПб., 1913, с. 244. (Далее: Труды IX съезда...).
- 78 Там же, с. 244—245.
 79 Там же, с. 245.
 80 Там же, с. 246.
 81 Там же, с. 247.
 82 Там же, с. 71.
 83 Там же, с. 134—135.
 84 Труды VIII съезда..., с. 205.
 85 Речь, 1912, 1 янв.
 86 Труды VIII съезда..., с. 279.
 87 Труды IX съезда..., с. 250—252.
 88 Речь, 1908, 18 марта.
 89 Там же, 1910, 8 фев.
 90 Там же, 1912, 11 марта.
 91 Голос Москвы, 1913, 7 марта.
 92 Речь, 1914, 8 марта.
 93 *Кокцов В. Н.* Из моего прошлого. Париж, 1933, т. 2, с. 6.
 94 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 140—141.
 95 ЦГАОР СССР, ф. 826, оп. 1, д. 53, л. 3.
 96 Там же, л. 6—7.
 97 *Родзянко М. В.* Указ. соч., с. 66.
 98 ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 987, с. 1—2.
 99 *Мосолов А.* При дворе императора. Рига, б/г, с. 109—110.
 100 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 562, л. 671—671 об.
 101 Там же, д. 916, л. 79.
 102 Там же, л. 94.
 103 Падение царского режима, т. 3, с. 85—86.
 104 В очередном секретном донесении Куманин 13 декабря 1912 г. сообщал: как только думские кулуары облетела весть, что министром внутренних дел будет назначен Н. А. Маклаков, представители печати окружили с расспросами его брата депутата. Тот поведал им, что брат свою карьеру «сделал очень быстро». По окончании филологического факультета Московского университета он поступил на службу по ведомству Министерства финансов. Сперва служил податным инспектором в г. Суздале. Затем был переведен на такую же должность в губернский город Владимир. Отсюда его назначили начальником отделения Казенной палаты в Тамбов. Далее он занял должность управляющего Казенной

палатой в Полаво. В бытность свою в Полтаве пожалован в камергеры. Только три года назад Н. Маклаков был назначен черниговским губернатором. Недавно ему исполнилось 40 лет. См. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 9, л. 192.

105. Вопросы истории, 1964, № 4, с. 106.
 106. «Друг мой Николай Алексеевич, — с неподдельной теплотой обращался самодержец к своему министру в письме от 21 марта 1915 г. — Четыре дня я раздумывал о Вашей просьбе (об отставке. — А. А.). Вы поступили честно и благородно, как всегда, но поступили поспешно. Оставайтесь на занимаемом Вами месте, на котором Вы мне нужны и любы. Дай Вам бог здоровья, сил, энергии на дальнейшую службу. Христос воскрес. Ваш доброжелатель — Николай» (Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. 5, с. 203).
- 107 Там же, с. 206.
 108 *Мосолов А.* Указ. соч., с. 102.
 109 Там же, с. 107.
 110 Там же, с. 100.
 111 Царь, свидетельствует все тот же А. А. Мосолов, надевал дома красные крестьянские рубахи и даже дал их под мундир стрелкам императорской фамилии. «Носились также с грандиозной мыслью об уничтожении современных придворных мундиров, с заменой их боярскими костюмами московской эпохи... В конце концов пришлось отступить перед чрезмерными затратами, которые были бы вызваны подобным планом». Самодержец воевал также против употребления иностранных слов: «Я подчеркиваю карандашом все иностранные слова в докладах, — говорил он Мосолову. — Только Министерство иностранных дел совершенно не поддается воздействию и продолжает быть неисправимым» (Там же, с. 17—18).
- 112 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 925, л. 950. «С самого начала моего вступления (на должность министра внутренних дел... — А. А.), — показывал Н. А. Маклаков на допросе, — я все думал, что страна совсем не выражается в настроениях, которые всегда набегали в Петроград. Я думал, что все то, что волнует верхи, не касается большинства России; не городов, а массы, 90% населения» (Падение царского режима, т. 3, с. 95).

¹¹³ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 919, л. 398.

¹¹⁴ *Коковцов В. Н.* Указ. соч., т. 2, с. 169.

¹¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 826, оп. 1, д. 53, л. 41.

¹¹⁶ Там же, ф. 102, оп. 265, д. 569, л. 1362—1362 об.

¹¹⁷ Там же, д. 570, л. 1424.

¹¹⁸ В. Н. Коковцов на вопрос председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, надо ли его слова понимать так, что «Маклаков в своих этих выступлениях, собственно говоря, стремился уловить мысль повелителя», подтвердил: «То есть, несомненно, это так» (Вопросы истории, 1964, № 4, с. 101).

¹¹⁹ «„Россия“... — показывал Маклаков, — при мне была закрыта. Я сделал доклад Совету министров, здесь была маленькая неприятность, потому что я вторгся в чужую область... совсем забыв (!), что дело касается председателя Совета министров. Я доложил государю, что надо закрыть газету... Горемыкин, узнав об этом, был очень недоволен» (Падение царского режима, т. 3, с. 110). Рука кн. В. П. Мещерского в этой акции Н. А. Маклакова видна совершенно отчетливо. «Когда в статье слышится симуляция убеждения, взятого напрокат, когда наемник слышнее правительства, — писал князь в одной из своих статей, направленных против официоза, — тогда лучше не быть такому органу, чем быть, ибо единственное последствие такого ежедневного отпуска по лотам и фунтам правительственной полемики есть то, что, возбуждая насмешки в печати над собой, гг. гурлянды делают смешным правительство, а это вряд ли желательное явление» (Гражданин, 1912, № 47, с. 16).

¹²⁰ Речь, 1914, 17 апр.

¹²¹ В статье «Губернатор и общество» газета П. П. Рябушинского писала: «Совсем необычное явление наблюдается сейчас в Москве. Москвичи вот уже две недели прощаются с Джунковским, провожают его в Петербург. И проводы эти объединяют всю Москву, всю Московскую губернию, общественных деятелей и чиновников, представителей духовенства и армии, дворян, мещан и крестьян». Какими же путями, спрашивала газе-

та, московский губернатор приобрел столь «широкие общественные симпатии», которым не помешало даже сознание, что он едет в Петербург заниматься весьма непопулярной в народе жандармской деятельностью? «Ответ весьма прост и несложен»: «Злейший враг В. Ф. Джунковского не назовет его ни либералом, ни даже политическим постепеновцем. Он такой же убежденный, правоверный консерватор, как и любой из его непопулярных в московской памяти предшественников». Весь секрет в том, что «истинно порядочный человек в частной жизни, В. Ф. Джунковский всецело перенес эту порядочность в область служебных отношений». «Как мало требуется от представителя власти, — делался меланхолический вывод, — для того, чтобы обеспечить за ним известную долю общественных симпатий! Личной корректности, отсутствия „импульсов“ и уважительного отношения к закону» (Утро России, 1913, 1 февр.). Как мало надо было российскому администратору, добавим мы от себя, чтобы завоевать сердце российского либерала.

¹²² ЦГАОР СССР, ф. 810, оп. 1, д. 53, л. 12 об. Характеризуя сенатора Н. А. Добровольского (впоследствии министра юстиции), В. В. Мусин-Пушкин в письме от 29 декабря 1914 г. гр. И. И. Воронцову-Дашкову сообщал: «Друг Горемыкина, большой гуляка и тип вообще опереточный à la Маклаков» (Красный архив, 1933, № 6(61), с. 135).

¹²³ ЦГАОР СССР, ф. 826, оп. 1, д. 53, л. 61—63.

¹²⁴ Падение царского режима, т. 5, с. 203.

¹²⁵ *Коковцов В. Н.* Указ. соч., с. 489.

¹²⁶ Там же, с. 493.

¹²⁷ Там же, с. 496.

¹²⁸ Там же, т. 2, с. 26, 31; См. также: Вопросы истории, 1964, № 4, с. 111—112.

¹²⁹ *Коковцов В. Н.* Указ. соч., т. 2, с. 31.

¹³⁰ Там же, с. 40, 41.

¹³¹ Вопросы истории, 1964, № 4, с. 112—113.

¹³² *Коковцов В. Н.* Указ. соч., т. 2, с. 84—85.

¹³³ Там же, с. 85—86.

¹³⁴ Там же, с. 87—88.

¹³⁵ Там же, с. 199.

¹³⁶ Там же, с. 199—200.

¹³⁷ Там же, с. 200—201.

- ¹³⁸ Там же, с. 237—238.
¹³⁹ Там же, с. 243—245.
¹⁴⁰ Там же, с. 246—249.
¹⁴¹ Там же, с. 250—252.
¹⁴² Там же, с. 261—263.
¹⁴³ Там же, с. 265—268, 269.
¹⁴⁴ Из-за недостатка гражданского мужества, как считал А. А. Мосолов. (*Мосолов А. Указ. соч.*, с. 11).
¹⁴⁵ *Коковцов В. Н. Указ. соч.*, т. 2, с. 271—272, 278.
¹⁴⁶ Там же, с. 340.
¹⁴⁷ Там же, с. 312, 320—321, 339.
¹⁴⁸ Там же, с. 358—359.
¹⁴⁹ Красный архив, 1933, № 6 (61), с. 132.
¹⁵⁰ Новое время, 1913, 30 мая.
¹⁵¹ Россия, 1913, 28 марта.
¹⁵² Утро России, 1913, 1 июня.
¹⁵³ Голос Москвы, 1913, 2 июня.
¹⁵⁴ *Коковцов В. Н. Указ. соч.*, т. 2, с. 154—156.
¹⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 810, оп. 1 д. 53, л. 7 об., 10—10 об.
¹⁵⁶ Там же, ф. 102, оп. 265, д. 917, л. 158. Письмо это стало жертвой перлюстрации и было доставлено В. Н. Коковцову. Понимая, что оно будет показано кому следует, он поспешил сбоку написать: «Сущее вранье! Ничего этого я не говорил.— В. Коковцов».
¹⁵⁷ Там же, ф. 810, оп. 1, д. 918, л. 277.
¹⁵⁸ Вопросы истории, 1964, № 4, с. 114.
¹⁵⁹ *Милюков П. Н. Воспоминания.* Нью-Йорк, 1955, т. 2, с. 163.
¹⁶⁰ *Коковцов В. Н. Указ. соч.*, т. 2, с. 323.
¹⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 985, л. 404.
¹⁶² Речь, 1914, 31 янв.
¹⁶³ Новое время, 1914, 31 янв.
¹⁶⁴ Там же, 1 февр.
¹⁶⁵ На замечание В. Н. Коковцова, как мог И. Л. Горемыкин согласиться пойти на явно неисполнимое дело, которое предписано в рескрипте на имя П. Л. Барка, новый премьер дал следующий ответ: «Все это чепуха, одни громкие слова, которые не получают никакого применения» (*Коковцов В. Н. Указ. соч.*, т. 2, с. 323).
¹⁶⁶ Новое время, 1912, 22 сент.
¹⁶⁷ Там же, 24 сент.
¹⁶⁸ Там же, 25 сент.
¹⁶⁹ Там же, 1913, 23 апр.
¹⁷⁰ Там же, 24 апр.
¹⁷¹ Там же, 23 апр.
¹⁷² Там же, 2 мая.
¹⁷³ Там же, 12 сент.
¹⁷⁴ Там же, 1914, 11 янв.
¹⁷⁵ Речь, 1914, 1 февр.
¹⁷⁶ Вопросы истории, 1964, № 4, с. 115. «Государь, всё держа мою руку, вынул левой рукой платок из кармана, и из его глаз просто полились слезы»; «не удерживая слез, которыми все еще были полны его глаза, он сказал мне...» и т. д. (*Коковцов В. Н. Указ. соч.*, т. 2, с. 285, 287).
¹⁷⁷ «Он увольнял лиц, даже долго при нем служивших, с необычайной легкостью... — свидетельствовал А. А. Мосолов. — Для царя министр был чиновником, подобно всякому другому». Схема отношений Николая II с очередным министром была такова: сначала был «медовый месяц», затем появлялись «облака», и «тем скорее, чем более министр настаивал на принципах, был человеком с определенной программой» (*Мосолов А. Указ. соч.*, с. 8, 10).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. История IV Думы в довоенный период развивалась на фоне нового революционного подъема и углублявшегося революционного кризиса в стране — в этом ключ к оценке всех событий, происходивших в правительстве и Думе. Рост рабочего движения, настроения деревни свидетельствовали, как отмечал В. И. Ленин, о необычайно быстром преодолении упадка, характеризующего периоды после поражения революций. Страх перед новой революцией определял все развитие третьеиюньской системы в предвоенные годы. В результате общий смысл этого развития сводился к кризису «верхов» и банкротству российского помещичье-буржуазного либерализма. Третьеиюньская система создала для ее партнеров ситуацию замкнутого круга. Порочность его состояла в том, что участники, понимая ее безнадежность вместе с тем не могли от нее отрешиться.

2. Уже итоги выборов показали неудачу попыток разорвать этот круг как со стороны царизма, так и со стороны либералов. Царизм думал решить проблему усилением «своего», правооктябристского (точнее, право-правооктябристского) большинства в Думе. Либералы (кадеты и прогрессисты) намеревались обойти преграды третьеиюньского закона, создав широкий оппозиционный фронт под лозунгом «двух лагерей» на базе расплывчатого прогрессизма, перетянув в первую очередь на свою сторону умеренно консервативного буржуазно-помещичьего избирателя, разочарованного в октябризме. Однако IV Дума, несмотря на ослабление октябристского «центра», в принципе оказалась такой же, как и III Дума с двумя большинствами, ибо избирательный закон не давал возможности создать одно большинство — правое или либеральное.

Вся последующая работа Думы характеризовалась атмосферой пессимизма и неверия в возможность изменить ход вещей — в этом состояло главное отличие IV Думы от первых лет работы III Думы, когда оба лагеря — царизм и фракции думского большинства, — объединенных на контрреволюционной основе, были преисполнены надежд на укрепление и одновременно модернизацию режима с помощью Думы, на преодоление революционного кризиса решением задач, стоявших перед страной, сверху, бисмарковским путем.

3. Общий характер деятельности Думы в 1912—1914 гг. может быть определен словами «левеңие в условиях правения». Совершив переход к контрреволюции еще в ходе революции 1905 —

1907 г., главная партия либерально-монархической буржуазии — кадеты — пыталась, не меняя этой основной позиции правления, создать «парламентскими» средствами «левоцентрированное» большинство в Думе с целью осуществления «реформ».

Начиная с первой сессии, кадеты и частью прогрессисты различными способами (запросы, внесение демонстративных законопроектов вроде законопроекта всеобщего избирательного права, выборы президиума, прямые и косвенные переговоры с октябристами в Думе и вне Думы, газетные кампании) пытались в качестве последнего средства давления на правительство и получения «реформ» создать указанное большинство или «прогрессивный блок». Особенно частыми и более планомерными стали эти попытки в период второй сессии Думы. Все они закончились полной неудачей. «Левение» второго большинства выразилось лишь в таких шагах, как избрание Родзянко председателем Думы под флагом «конституционализма», в громовых речах, противоречивших ничтожным делам. На фоне этих речей проводились несущественные конкретные акции вроде запроса о гимназии Витмер, отклонения мелких правительственных законопроектов и т. п. Единственное реальное оружие, которым располагало второе большинство в Думе, — право отвержения бюджета — оно так и не решилось пустить в ход. Предложение кадетов во время второй сессии отвергнуть бюджет не столько имело целью борьбу с правительством, сколько было тактическим шагом, направленным на то, чтобы подвинуть октябристов на нечто большее, чем отказ в кредитах лишь по части сметы Министерства внутренних дел. Механизм развития кризиса третьей Думы проявился здесь с большой яркостью. Причиной была контрреволюционность обоих флангов либерализма. Эта общая контрреволюционность не позволяла октябристам порвать с правыми, а кадетам — с октябристами. Конечным результатом были лишь жалкие «исторические» формулы перехода, означавшие на деле полную неспособность либерализма вести сколько-нибудь серьезную борьбу с царизмом. Понимая, что они, говоря словами Ф. И. Родичева, «остаются в дураках» перед лицом революционной социал-демократии, разоблачавшей кадетскую утопию о возможности реформистского пути в России, кадеты тем не менее ничего не могли поделать иного, как продолжать «оставаться в дураках».

1912—1914 годы были периодом, когда перед партнерами по контрреволюции оставалась последняя возможность перевести революционный кризис в русло «реформ» — до наступления экстремальных условий войны. Однако они оказались бессильными найти выход из тупика.

4. Внутреннее развитие как либерального лагеря, так и правого, свидетельствовало об ослаблении того и другого, что выражалось в сужении социальной базы, внутренних расколах и трениях, обострении конфликтов между фракциями и партиями думского большинства и в самих этих партиях.

История раскола октябристов на три группы, из которых две составили фракции, а третья вообще оказалась внефракционной,

«беспартийной», явилась доказательством неспособности октябристов пойти на создание «левого центра» (откалывались отдельные части, но партия не переходила влево).

Состояние кадетской партии характеризовалось ничтожностью членской массы, невозможностью даже созвать партийный съезд и переизбрать ЦК, обострением борьбы между открыто «веховской» частью руководства и центральной группировкой, возглавлявшейся П. Н. Милюковым. Внутренний разлад, топтание на месте, критическое состояние местных организаций были ведущими темами всех конференций и заседаний ЦК партии «Народной свободы».

Эволюция правого лагеря шла по аналогичным направлениям. Та часть этого лагеря, которую условно можно назвать «низшим эшелон», — черносотенцы, националисты и умеренно правые — шла вниз. Выявилось почти полное отсутствие членской массы «Союза русского народа» и подобных ему организаций. Черносотенные «вожди» враждовали между собой из-за казенных субсидий и лидерства, полностью дискредитировав себя в глазах всей страны. Черносотенцев боялись министры, их поддерживал царь. Несмотря на это зависимость от подачек, бесчисленные раздоры и расколы, невозможность подкрепить социальную демагогию действием (архимандрит Виталий) были признаком их полной недееспособности, бессилия привлечь массы, прежде всего крестьянство, на сторону царизма. Ослабление националистов и умеренно правых выразилось в дроблении на фракции, крайней малочисленности на местах и т. д. Обозначилась тенденция к падению влияния и уменьшению роли Совета объединенного дворянства в ключевых вопросах внутренней политики.

Другая часть правого лагеря, его «верхний эшелон» — официальное правительство и камарилья, эволюционировала в сторону усиления последней, ослабления значения Совета министров. Идеи разгона Думы, превращения ее в законосовещательную, «прямого» царского правления без бюрократического «средостения» воплотились в назначении на ключевые правительственные посты «своих людей» типа «государственного младенца» Н. А. Маклакова, дряхлого, равнодушного, «вынутого из нафталина» бюрократа И. Л. Горемыкина и им подобных, что означало дальнейшее нарастание кризиса «верхов» и разложение царизма.

5. В исследуемый период зародились важные новые тенденции, которые полностью раскрылись и резко убыстрились в годы войны. Отмеченная выше тенденция ослабления роли официального правительства и назначение министров по принципу «своих» означала не просто усиление реакционного курса, а некоторую переходную стадию к управлению с помощью личной группировки царя, к тому, что В. Н. Коковцов назвал «вотчинным правлением». Состав правительства и его методы все более стали исходить из узких и корыстных интересов двора, следствием чего было резкое понижение компетентности, минимума государственной респектабель-

ности и ответственности в управлении. В годы войны начавшийся в описываемое время процесс отрыва царизма от собственной бюрократии, самоизоляции от собственного класса приобрел лавинообразный характер, выразившись в знаменитой «министерской чехарде» и распутинщине. Тем самым был полностью подтвержден высказанный еще в 1912 г. тезис В. И. Ленина о том, что в большей относительной самостоятельности царизма (по сравнению с западным абсолютизмом), обусловленной давними традициями военщины и бюрократизма и осложняемой применением приемов бонапартизма, заложена «способность этого режима к быстрому... фиаско»¹.

В свою очередь, неудача «левения» либералов привела к закономерному сдвигу вправо. Попытки кадетов в довоенные годы сколотить «прогрессивный блок» привели к тому, что в 1915 г. они объединились в едином блоке не только с И. Н. Ефремовым и С. И. Шидловским, но и с В. В. Шульгиным и П. Н. Крупенским. Таким образом, были заложены основы превращения кадетов после Февральской революции, по существу, в единственную партию всей помещичье-буржуазной контрреволюции.

Еще одна тенденция, характерная для обоих лагерей, состояла в том, что безвыходность ситуации породила настроение безоглядности, отчаяния, прыжка в неизвестность. Милюков выразил его в украинской поговорке «Хай гирише, тай иньше», которую он вынес в заголовок одной из своих передовиц в «Речи». Либеральная оппозиция тяготилась своей оппозиционностью и была рада объединиться с правыми и царизмом в едином «патриотическом» порыве начавшейся войны.

6. Предвоенная история Думы подтвердила полную правоту ленинского анализа и вывода о невозможности для России реформистского пути, о том, что революции нет реальной альтернативы. Она является одновременно историей полного торжества ленинского курса на поражение ликвидаторства. «Ликвидаторы, — писал В. И. Ленин в середине 1912 г., — разбиты наголову... Ликвидаторы — труп» и ничего и никто не может оживить этот труп².

7. Таким образом, подробный анализ всего того, что происходило в Думе и в связи с Думой, вся сумма фактов неопровержимо доказывают, что дело было в объективном ходе вещей, что буржуазия не могла стать законным наследником царизма и вывести страну из тупика. Это полностью опровергает тезис западной буржуазной историографии о том, что в России существовала реальная возможность «модернизации» по западноевропейскому образцу и ее неудачу следует искать в плоскости субъективных ошибок и просчетов. Конструктивной, созидательной силой не были в России не только царизм, но и буржуазия. Такой силой был народ, руководимый рабочим классом и его партией. Единственный путь к обновлению и подлинному прогрессу великой страны шел через великую революцию.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 131.

² Там же, с. 8—9.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аврех А. Я. 18, 221, 222
 Аджемов М. С. 54, 142
 Акимов М. Г. 270
 Александров А. М. 71, 79, 156, 203, 207
 Александровы 227
 Алексеев А. С. 34
 Алексеев Г. 34, 94, 132
 Алексеенко М. М. 28, 67, 68, 122
 Анреп, фон В. К. 28
 Антонов Н. И. 45, 46, 137
 Ардов Т. 21, 31
 Арсеньев А. А. 255
 Астров Н. И. 170, 209, 211, 214, 262
 Афанасьев А. Г. 59
- Бадаев А. Е. 48, 49, 84, 98, 148, 149, 150, 151, 152
 Балашов П. Н. 29, 32, 240, 241 — 245, 259, 281
 Балясный М. 240, 241
 Барк П. Л. 130, 134, 135, 270, 271, 273, 275 — 278, 284
 Барышников А. А. 28, 63, 85
 Безак 259
 Белецкий С. П. 280
 Бельгард А. В. 112
 Бенкендорф П. Л. 274
 Беннигсен Э. П. 59, 66, 90, 243
 Бехтеев С. С. 247, 250
 Бобринский А. А. 240, 245, 247, 250, 253, 255
 Бобринский В. А. 113, 119
 Бобришев-Пушкин А. В. 21, 28, 33, 46, 81, 82, 93, 221
 Богданович Е. В. 273
 Бонапарты 12
 Бубликов А. А. 41
 Булацель П. Ф. 224
 Бурьянов А. Ф. 72, 132
- Варун-Секрет С. Т. 137, 138
 Вебер Г. Ф. 224
 Велихов Б. А. 93,
 Велихов Л. А. 28, 44, 93
 Веревкин А. Н. 128
 Вернадский В. И. 184
 Вершинин В. М. 70
- Викторов В. П. 280
 Вильгельм II. 20
 Винавер М. М. 221
 Виталий, архимандрит 234, 235, 237, 238, 287
 Витмер 61, 62, 77, 286
 Витте С. Ю. 270, 272, 273, 278
 Владимир Александрович, вел. кн. 224
 Воейков В. Н. 272
 Волконский В. М. 32, 33
 Володимиров С. А. 226
 Воронцов-Дашков И. И. 110, 151, 273, 283
 Восторгов И. И. 21, 67, 224, 227, 229
 Вторых В. М. 162
- Галкина П. 19
 Геловани В. Л. 50, 130, 131
 Герасимов А. В. 224
 Герасимов П. В. 213
 Гермоген, епископ 238, 265, 281
 Герценштейн М. Я. 224
 Глинка 34
 Глинка-Янчевский С. К. 136
 Гневушев М. см. Макарий, митрополит
 Говорухо-Отрок М. Я. 252
 Годнев И. В. 67
 Головин Ф. А. 211
 Горемыкин И. Л. 15, 111, 117, 118, 120, 130—133, 135, 139, 145, 151, 218, 262, 267, 271, 273, 275, 276, 283, 284, 287
 Гофштеттер И. А. 112
 Граве Б. Б. 19
 Гредескул Н. А. 161, 168, 170, 174, 175, 181—184, 187, 188, 190, 191, 192, 197, 206, 207, 209, 223
 Григорович И. К. 268, 272
 Григорович-Барский Д. Н. 172
 Григорьев 230
 Грингмут В. А. 227
 Громобой см. Бобришев-Пушкин А. В.
 Гулькин Д. П. 241
 Гурко В. И. 248, 250, 253
 Гурлянд И. Я. 270
 Гучков А. И. 11, 13, 21, 27—29, 46, 86—88, 90, 91, 93, 110, 123—125, 127, 128, 189, 209, 219, 221, 240, 265

- Гучков Н. И. 268
 Гучков Ф. И. 46
 Гушка А. О. 19
- Дедюлин В. А. 225
 Дезобри 227
 Демченко В. Я. 141, 242—244, 281
 Джунковский В. Ф. 235, 257, 258—260, 262—264, 283
 Дзюбинский В. И. 47, 69, 131
 Дмитрюков И. И. 84
 Добровольский Н. А. 283
 Долгоруков П. Д. 161, 163, 168—170, 186, 210
 Доррер В. Ф. 224
 Дубровин А. И. 82, 224—231, 239, 277
 Дуранте К. А. 230
 Дурново П. Н. 12, 36, 224, 272
 Дякин В. С. 10—19
- Еропкин А. В. 23
 Евсеев И. Т. 57—59
 Ефремов И. Н. 129, 137, 141, 142, 218, 288
- Замысловский Г. Г. 66, 84, 138, 228, 232, 245, 280
 Зарин А. Д. 32, 137
 Зверев Н. А. 112
 Зеленский М. Н. 227
 Золотарев И. М. 122
 Зубатов С. В. 238
 Зубов Ю. М. 251, 252
- Игрицкий Ю. И. 18, 19
 Изгоев А. С. 22, 59, 83, 104, 105, 108, 121, 133, 134, 150, 157, 161, 170, 175, 181, 183, 184, 194, 195, 199—201, 207, 221
 Илиодор, монах 238, 239, 265, 281
 Ильин М. С. 233
 Иоффе Г. З. 18, 19
- Калинычев Ф. И. 19
 Калугин М. Д. 28, 144
 Каменский П. В. 28
 Капнист Д. П. 119, 144, 145
 Караулов М. А. 70, 71
 Касаткин-Ростовский Н. Ф. 247
 Кассо Л. А. 50, 61—64, 81, 268, 272
 Катков М. Н. 144
 Каульбарс А. В. 233
 Кейнис Ф. О. 132
 Кельцев С. А. 227
 Керенский А. Ф. 47, 72, 130, 131, 136, 148, 152
 Кизеветтер А. А. 20, 162, 170, 211, 214, 217
 Кишкин Н. М. 161—163, 168—170, 176, 179, 211, 212, 214, 217, 218
- Кожалев И. С. 83
 Ковалевский Е. П. 46, 63, 118, 119
 Коваленко М. И. 129
 Коваль И. И. 59
 Кованько Д. Н. 251
 Коковцов В. Н. 15, 23, 29, 32, 35—39, 43—45, 51, 68, 69, 74, 78, 81, 83, 99, 108, 115, 182, 232, 239, 255, 260, 261, 264—279, 282—284, 287
 Кокошкин Ф. Ф. 162, 163, 203, 214, 217
 Колюбакин А. М. 156, 157, 159—161, 163—165, 167, 168, 170, 174, 175, 180, 184, 185, 194, 197, 199—201, 203, 204, 206, 214, 217
 Комиссаров М. Г. 162, 170, 211, 214
 Коновалов А. И. 42, 68, 136—138, 197, 207, 218
 Коновницын А. И. 230, 231, 233
 Коновницыны 229
 Константин Константинович, вел. кн. 277
 Корнилов А. А. 157, 166, 170, 184, 195, 197, 199
 Котляревский С. А. 210, 213
 Кочетов Ю. И. 19
 Кочубей 259
 Кривошеин А. В. 151, 258, 271, 273
 Кропоткин П. А. 231
 Крупенские 235
 Крупенский Н. Е. 235, 236
 Крупенский П. Н. 29, 39, 44, 54, 113, 150, 185, 240, 243—245, 288
 Кудрявцева-Кизеветтер Е. Я. 21, 83
 Кулаковский Ю. А. 244, 245
 Куманин 281, 282
 Куракин А. А. 255
 Курлов П. Г. 225, 227
 Кушелев В. Л. 251
- Лаверычев В. Я. 17, 19
 Лаптев И. 121
 Лауниц В. Ф. 224
 Левашев С. В. 66
 Ледницкий А. Р. 170
 Ленин В. И. 3—7, 12, 14, 16, 18, 19, 22, 24—26, 30, 49, 50, 52, 54, 70, 75—78, 83—85, 89, 97, 99—105, 108, 109, 116, 117, 121, 132, 133, 147—152, 205, 206, 222, 238, 244, 246, 256, 281, 282, 285, 288
 Лерхе Г. Г. 28
 Линдемман К. Э. 83
 Литовцев С. 32
 Логинов В. Т. 19
 Лодыженский И. Н. 248, 255
 Лопатин Н. 35
 Лыкошин А. И. 224
 Львов Г. Е. 210, 213, 220, 263, 268, 275
 Львов В. Н. 2-й 39, 67, 240

Львов Н. Н. 1-й 41, 42, 84, 144, 149
Люксембург Р. 19

Макагон П. М. 59

Макарий, митрополит 227, 259

Макаров А. А. 83, 232, 255, 256, 259, 263, 265, 266

Маклаков В. А. 37, 42, 43, 87, 91—93, 110, 121, 130, 156, 181, 200, 207, 208, 213, 214, 216—221, 280

Маклаков Н. А. 54, 71, 72, 76, 78, 79, 81, 106, 111—117, 138, 142—144, 147, 151, 160, 189, 234, 239, 254—264, 267—269, 272—274, 279, 282, 283, 287

Малиновский Р. В. 49, 70, 130, 131

Мансырев С. П. 44, 84, 207, 210, 223

Мануйлов А. А. 170, 214, 217

Манус И. П. 271

Маньков И. Н. 132

Марков Н. Е. 2-й 37, 40, 57, 58, 66, 69, 141, 145—147, 226, 228, 229, 232, 233, 239, 245, 247, 249, 250, 274, 280

Масленников А. М. 128

Мейендорф А. Ф. 40, 41, 44, 46

Меньшиков М. О. 24, 31, 35, 78, 82, 94, 109, 112, 119, 128, 229, 230, 240, 242, 246, 262, 273, 276—279

Мешерский В. П. 82, 117, 142, 145, 149, 245, 246, 257—262, 267—269, 271, 273, 274, 276, 277, 283

Милюков П. Н. 22, 23, 33, 42—44, 46, 54—57, 59, 77, 79, 80, 84, 89—92, 102, 117, 119, 120, 130, 133, 136, 139, 140, 143, 144, 150, 155—157, 159—167, 169, 170, 173—175, 180—192, 194—221, 223, 276, 284, 287, 288

Могилёвская Л. В. 244

Мосолов А. А. 258, 261, 282, 284

Мосолов А. И. 254, 261

Мотовилов А. А. 141, 243

Муранов М. К. 131

Мусин-Пушкин В. В. 110, 151, 273, 283

Набоков В. Д. 165, 174, 175, 183, 186, 221

Надсон С. Я. 62

Нарышкин А. А. 247, 250, 254

Нейдгардт А. Б. 247

Некрасов Н. В. 66, 139, 156, 157, 161, 163—168, 170, 180, 181, 190, 192—204, 206, 213, 214, 218, 219, 221—223

Неманов Л. 78

Никифоров 94

Николай II 12, 114, 115, 258, 260, 280, 282, 284

Николай Николаевич, вел. кн. 224

Никольский Б. В. 229, 230

Никон, епископ 238

Новиков М. М. 207—209, 214—216

Ознобишин В. Н. 247

Олсуфьев Д. А. 248, 259

Оскольский И. 127

Охотников В. Н. 255

Павел I 280

Пазухин А. Д. 144

Панчулидзе С. А. 248

Пасхалов К. Н. 231, 232, 259, 276

Пеликан Б. А. 230, 233

Пепеляев В. Н. 119

Петровский Г. И. 50, 51, 63, 72, 73, 131

Петрункевич И. И. 157, 167, 186, 194, 208, 213

Пихно Д. И. 242, 244

Победоносцев К. П. 144

Полубояринова Е. А. 228

Посников А. С. 69

Протопопов А. Д. 137, 138

Протопопов Д. Д. 170, 203, 206, 207, 220

Пуанкаре Р. 106

Пугачев Е. И. 239

Пуришкевич В. М. 36, 37, 42, 43, 76, 84, 112, 129, 133, 136, 139, 145, 146, 148, 225, 226, 228, 230—232, 239, 243, 247, 253

Распутин Г. Е. 238, 255, 257, 265—267, 273, 274, 277, 280

Рачковский П. И. 224

Рейнбот 21

Ржевский В. А. 84, 130, 131, 137

Ривз 111

Родзевич 233

Родзянко М. В. 21, 30—32, 34, 83, 87, 99, 114, 130—133, 136—138, 190, 191, 213, 223, 239, 258, 281, 282, 286

Родичев Ф. И. 53, 54, 133, 174, 183, 184, 186, 198, 203, 214, 217, 218, 286

Розен Г. Ф. 248

Романовы 19

Рухлов С. В. 36, 81, 242, 262, 268, 272

Рыслов М. С. 131

Рябушинский П. П. 21, 27, 88, 135, 243, 283

Саблер В. К. 23, 67, 83, 202, 234, 239, 265, 272

Савенко А. И. 33, 37, 38, 81, 82, 94, 121, 145, 151, 242—245, 277, 281

Савич Н. Г. 147

Сазонов И. Д. 240

Сазонов С. Д. 44, 245, 268, 272

Салазкин А. С. 108—109

Самарин А. Д. 250, 253

Селецкий В. И. 19

Семенников Б. 19

Скобелев М. И. 44, 131

Скоропадский Г. В. 90, 129, 243

Слонимский А. Г. 9, 18
Соболев Г. Л. 18, 19
Соболевский А. И. 229, 231, 244
Соколов В. П. 224, 228
Соловьев А. Т. 231
Спирин Л. М. 17, 19
Старлычанов Д. Д. 132
Старцев В. И. 9, 18
Стемпковский В. И. 139—141
Степанов В. А. 169
Стишинский А. С. 224, 247, 250
Столыпин А. А. 106, 109
Столыпин П. А. 5, 10—16, 18, 19, 21,
23, 27, 39, 81, 82, 86, 96, 108, 116,
123, 124, 133, 189, 219, 222, 225, 227,
233, 238, 240, 245, 248, 255, 260, 274,
278
Стремоухов П. П. 238, 281
Струве П. Б. 72, 121, 134, 181, 195,
205—207, 213, 220
Струков А. П. 247, 254, 255
Суворин А. С. 262
Суханов А. С. 63, 131
Сухомлинов В. А. 65, 268, 272, 279

Танеев А. С. 267, 276
Татищев С. С. 112
Таубе М. А. 118—120
Терещенко М. И. 220
Тесленко Н. В. 162, 211, 214
Тимашев С. И. 268, 272
Тиханович-Савицкий Н. Н. 227
Толмачев И. Н. 230, 235
Толстой Д. А. 144
Трепов В. Ф. 12
Трепов Ф. Ф. 235, 236, 237
Трещенков 36
Туляков И. Н. 131
Тыркова А. В. 161, 162, 168, 207, 220

Урусов Д. Д. 84

Фирсов Г. А. 1-й 147
Фредерикс В. Б. 213, 267
Фролов С. П. 250

Харитонов П. А. 268, 272
Харузин А. Н. 83
Хаустов В. И. 131
Хвостов А. Н. 74, 255, 256, *264, 265,
267, 274
Хмелев 213

Хомяков Д. А. 232, 259, 260, 276
Хомяков Н. А. 39

Челноков М. В. 79, 130, 143, 144, 156,
157, 181, 189, 202—204, 207—220, 262,
263, 275
Челнокова Е. 210, 220
Черменский Е. Д. 9, 10, 17—19, 115—
117, 150
Черновский А. 280
Чихачев Д. С. 242, 245
Чхеидзе Н. С. 44, 50, 51, 119, 120, 123,
128—130, 132, 142, 144, 151
Чхенкели А. И. 44, 50, 51, 131

Шагов Н. Р. 132
Шаховской Д. И. 162, 165, 168, 170,
186, 214
Шацилло К. Ф. 2
Шевченко Т. Г. 118
Шенин В. П. 137
Шетохин Н. И. 245
Шидловский С. И. 27, 29, 46, 59, 71,
83, 138, 140, 144, 145, 281, 288
Шингарев А. И. 33, 52, 62, 63, 68, 69,
92, 131, 134, 138, 155—157, 159—161,
164, 166, 167, 169, 170, 180, 181,
183—186, 191, 195, 197, 206, 213, 218,
272, 275
Шипов Д. Н. 202, 210, 212, 213,
217, 218, 220, 275
Шольп Е. Г. 162
Штюрмер Б. В. 144, 268—274.
Шуонинский Н. П. 59, 90, 136, 138
Шульгин В. В. 11, 38, 39, 86, 113, 241,
242, 281, 288

Щегловитов И. Г. 36, 77, 81, 151, 239,
268, 272
Щепкин Н. М. 208
Щепкин Н. Н. 33, 54, 64, 92, 156, 170,
185, 186, 196, 200, 208, 209, 211, 214,
217—219

Энгельгардт Б. А. 241

Юрьевский Б. 277

Ягелло Е. И. 132
Ягодынский П. Н. 57, 59
Янушкевич Н. Н. 248, 255
Янушкевич Н. О. 47, 63, 72, 132

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3.
Глава I	
ПАРАЛИЧ СИСТЕМЫ	20
Итоги выборов	20
Обсуждение правительственной декларации: расстановка сил	30
Первая сессия: «скука» и нарастание напряженности	52
Глава II	
«ЛЕВЕНИЕ» ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ	86
Второй круг	86
Страх перед революцией	96
Партия переворота	110
Правое «левение»	121
Глава III	
КАДЕТЫ	153
Организация	154
Тактика	180
Центр и правые: угроза раскола	206
Глава IV	
ПРАВЫЙ ЛАГЕРЬ	224
Нижний этаж	224
Черносотенцы	224
Националисты и умеренно правые	240
Совет объединенного дворянства	246
Правительство	255
Назначение Н. А. Маклакова	255
Отставка В. Н. Коковцова	264
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	285
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	289

АВРЕХ
АРОН ЯКОВЛЕВИЧ

ЦАРИЗМ
И
IV ДУМА
(1912—1914)

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
АН СССР

Редактор издательства М. М. Медведев
Художник А. А. Кищенко
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы Т. Н. Хилькевич, З. Б. Павлюк
Корректор Н. А. Несмеева

ИБ № 18311

Сдано в набор 18.07.80.

Подписано к печати 11.05.81

Формат 60×90¹/₁₆

T-10205 Бумага офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 18,5 Уч.-изд. л. 24,6

Тираж 3000 экз. Тип. зак. 3320

Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма в России (1825—1860 гг.) 20 л. В пер.: 2р. 50 к.

Автор прослеживает социально-экономические процессы в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях с 1825 г. до крестьянской реформы 1861 г. Отдельные главы посвящены составу населения, сельскому хозяйству, промышленности, внутренней и внешней торговле. Исследование основано главным образом на архивных материалах.

Книга предназначена для историков, экономистов, демографов.

Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. 30 л. В пер.: 3 р. 50 к.

Коллективная монография впервые в советской историографии подводит итоги изучения внешней политики России за период с IX века до 1917 г. Определив основные достижения отечественной историографии, авторы намечают пути дальнейшего изучения внешнеполитических проблем России.

Книга рассчитана на специалистов-историков внешней политики России, аспирантов и преподавателей вузов.

Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. 20 л. В пер.: 2 р. 50 к.

Сборник статей продолжает серию книг, посвященных вопросам применения математических методов ЭВМ в исторических исследованиях (М., 1972; М., 1975; М., 1977). Авторы рассматривают возможности применения различных методов количественного анализа (включая многомерный статистический анализ); в сборнике даны историографические обзоры литературы.

Книга рассчитана на историков, экономистов, статистиков, археологов.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига» в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы направлять по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга-почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга-почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга-почтой»); 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга-почтой»); 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга-почтой»); 335009 Ереван, ул. Туманяна, 31; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 252030 Киев, ул. Пирогова, 2; 252142 Киев, проспект Вернадского, 79; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»); 277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»); 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1; 660049 Красноярск, проспект Мира, 84; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»); 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2; 196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»); 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630076 Новосибирск, Красный проспект, 51; 630080 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»); 142292 Пушкино Московской обл., МР «В» 1; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»); 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»); 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»); 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

«Академкнига»